

МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ
ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА
НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ
ЦЕНТР ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Таврические чтения 2012

**Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность**

Международная научная конференция

Часть первая

Санкт-Петербург
2013

УДК 328
ББК 67.400.6
Т 13

Научное издание

Печатается по решению оргкомитета
международной научной конференции

Под редакцией доктора исторических наук,
профессора РГПУ им. А.И. Герцена,
члена научно-методического совета
Центра истории парламентаризма А.Б. Николаева

Рецензенты: д-р ист. наук, заместитель начальника центра документальных публикаций РГАСПИ, профессор Российского университета театрального искусства (ГИТИС) А.В. Репников; д-р ист. наук, профессор кафедры философии и истории Госуниверситета-УНПК (Орел) С.М. Санькова

Т 13

Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 19 октября 2012 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб.: Издательство «ЭлекСис», 2013. Ч. 1. 312 с.

ББК 67.400.6
ISBN 978-5-904247-76-8

© Центр истории парламентаризма
Межпарламентской Ассамблеи
государств — участников СНГ, 2013.

ISBN 978-5-904247-76-8

Содержание

Предисловие	5
Приветственное слово к участникам Международной конференции от Совета МПА СНГ	11
Приветственное слово советника Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации с 1993 по 2011 гг.	14

Государственная дума Российской империи: создание, выборы и деятельность

Куликов С.В. К истории создания законодательной Государственной думы. Николай II, У.Т. Стэд и Манифест 17 октября 1905 г.	19
Глушковецкий А.Л. Региональные особенности организа- ции выборов в I Государственную думу Российской империи в Подольской губернии	70
Циунчук Р.А. Немецкий, польский и еврейский вопросы в Государственной думе: «свои», «иные», «другие», «чужие»	82
Братолобова М.В. Парламентская деятельность россий- ского казачества в начале XX века	92
Некрасов Н.В. «Положить конец нагаечному содейст- вию»: к истории думского скандала 13 марта 1907 г.	109
Соловьев К.А. За «чашкой чая». Взаимодействие зако- нодательной и исполнительной власти в 1906— 1914 гг.: неформальные практики	131
Лукьянов М.Н. Консервативные проекты реформы законодательных учреждений и избирательной систе- мы в России, 1907—1914.	151

Дёмин В.А. Государственная дума и местное самоуправление	163
Дорская А.А. Деятельность комиссии по вероисповедным вопросам Государственной думы III созыва (1907–1912)	172
Пыжиков А.В. Старообрядческий вопрос в III Государственной думе	184
Костылев А.В. Выборы в IV Государственную думу Российской империи (сентябрь–октябрь 1912 г.)	193
Романенчук К.В. Вопрос о частном образовании в III и IV Государственной думе	207
Афанасьев Г.Ю. Государственная дума и организация экспедиции Г.Я. Седова к Северному полюсу в 1912–1914 гг. — пример парламентского политиканства в реализации общественной инициативы	212
Бокарева Л.С. Вопрос о реформе прихода в IV Государственной думе	221
Сидоренко Н.С. Эволюция думской тактики уральских депутатов в условиях Первой мировой войны	237
Николаев А.Б. Вопрос о судьбе Государственной думы в марте–апреле 1917 года	252
Кириянов И.К. Зарубежная историография парламентской истории позднеимперской России	294

Предисловие

19 октября 2012 года в Санкт-Петербурге прошла Международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения 2012»). Это уже шестая конференция, посвященная изучению различных вопросов истории и современности парламентаризма, которая ежегодно проходит в Таврическом дворце, начиная с 2007 года. По итогам каждой из них выходят сборники научных статей¹, которые получают высокую оценку у специалистов².

Организатором «Таврических чтений 2012», как и предыдущих, выступил Центр истории парламентаризма при МПА СНГ. В состав оргкомитета вошли директор Центра Л.А. Крохина, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПб ИИ РАН С.В. Куликов, доктор исторических наук, заведующий Научно-исследовательским архивом СПб ИИ РАН И.В. Лукьянов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена А.Б. Николаев, доктор исторических наук, профессор, председатель НМС при Центре истории парламентаризма К.А. Пшенко. Оргкомитет в ходе рабочих заседаний сначала выработал план подготовки конференции, а затем, на основе поступивших заявок, сформировал ее программу. Информация о пред-

¹ См.: Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8 декабря 2011 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2012.

² Дёмин В.А. Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция. Санкт-Петербург, Таврический дворец, 7 декабря 2010 года. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2011. 378 с. // Российская история. 2013. № 4. С. 196—200; Лукьянов М.Н. Российский парламентаризм: история и современность // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 4 (76). С. 138—140.

стоящей международной научной конференции «Таврические чтения 2012» была помещена на различных сайтах в Интернете³.

Конференция открылась пленарным заседанием, в ходе которого ее участники выслушали приветствия и три научных доклада. Затем работа «Таврических чтений» проходила по секциям: три из них были посвящены истории Государственной думы Российской империи⁴, одна — научно-информационному обеспечению изучения истории парламентаризма в России, в ходе пятой секции были заслушаны доклады, посвященные изучению парламентаризма в странах СНГ и других государствах⁵. Кроме этого, работала и Молодежная секция⁶, на которой с сообщениями выступили студентки 2-го курса юридического факультета РГПУ М.Б. Кошина, Н.А. Передня, магистрант факультета русского языка как иностранного РГПУ Цзян Чэнь и студенты 1-го курса СЗФ РАП С.Б. Куров, Г.Ф. Палагин и С.Н. Цхадая. Материалы этой секции в данном сборнике не публикуются.

В ходе конференции состоялась также презентация выставки, посвященная отражению деятельности Государственной думы на страницах российских журналов в 1906 году. Выставка была подготовлена Центром истории парламентаризма совместно с кафедрой русской истории РГПУ. Необходимый материал для выставки был отобран студентами 1-го курса магистратуры по кафедре русской истории в рамках научно-исследовательской практики, проходившей в Центре истории парламентаризма. Практиканты А.А. Букина, Е.С. Гавроева, И.П. Дорофеева, В.С. Сахаровский и В.А. Чикова получили соответствующие сертификаты. Кроме этого, на имя ректора РГПУ им. А.И. Герцена В.П. Соломина Центром истории парламентаризма была направлена благодарность, в которой отмечалось, что студенты во время практики «проявили себя как высоко-

³ Таврические чтения — 2012 // Ломоносов. Молодежный научный портал [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://lomonosov-msu.ru/rus/event/1184/>; Ежегодная международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения») // Конференции. ru [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.konferencii.ru/info/100439>

⁴ 1-я секция — руководитель А.Б. Николаев; 2-я секция — руководитель Р.А. Циунчук; 3-я секция — С.В. Куликов.

⁵ Работой 4-й секции руководили И.А. Андреева и И.К. Кирьянов, а 5-й — К.А. Пшенко и А.В. Власов.

⁶ Руководили работой Молодежной секции доценты РГПУ им. А.И. Герцена В.С. Семенова и Е.Е. Петрова.

квалифицированные, ответственные работники и талантливые молодые ученые»⁷.

Информация о прошедшей конференции была дана на сайте Центра истории парламентаризма⁸. Студенты ФСН РГПУ опубликовали в своей газете «Двадцатый корпус» статью, посвященную конференции. В ней подчеркивается, что «одна из секций оказалась “поглощена” ФСН: почти все докладчики являлись представителями нашего факультета»⁹. Действительно, в 1-й секции из 8 докладчиков 7 человек представляли ФСН РГПУ: студенты Е.С. Гавроева и В.С. Сахаровский, аспиранты Л.С. Бокарева и Н.В. Некрасов, доценты П.Н. Гордеев и А.А. Иванов, профессор А.Б. Николаев.

Доклады, прочитанные на конференции, были затем переработаны их авторами в научные статьи, которые и публикуются в шестом сборнике «Таврические чтения». Сборник открывается приветствиями Генерального секретаря Совета МПА СНГ А.И. Сергеева и советника Председателя Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации с 1993 по 2011 гг. Н.А. Сахарова.

В первом разделе — «Государственная дума Российской империи: создание, выборы и деятельность» — опубликовано 17 статей. Наибольшую ценность представляют работы С.В. Куликова, К.А. Соловьева, М.Н. Лукьянова и И.К. Кирьянова. Куликов в своей статье пишет о миссии У.Т. Стэда, напрямую связанной с появлением знаменитого Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка». Анализ миссии Стэда, и то содержание, которое вкладывал в нее император Николай II, несомненно, привлечет внимание читателей, будет способствовать утверждению в исторической науке того взгляда на Манифест 17 октября 1905 г., согласно которому он «явился следствием не столько оппозиционного или революционного движения, сколько проявления политических воззрений царя». Соловьев посвятил свою работу рас-

⁷ Эти материалы были представлены затем на 17-й университетской выставке научных достижений РГПУ им. А.И. Герцена (23–25 апреля 2013) и удостоены дипломом 2-й степени в номинации «Разработка студентов в области гуманитарных и общественных наук» (17-ая университетская выставка научных достижений РГПУ им. А.И. Герцена // Герценовский университет [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.herzen.spb.ru/img/files/unis/Meroprijatia_Perechen/prikaz_o_nagrajdenii_17_vaistavki.pdf).

⁸ 2012 / Конференции «Таврические чтения» // Центр истории парламентаризма [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://parlament-history.ru/?page_id=1350

⁹ Чикова В. Пленительный Таврический // Двадцатый корпус. 2012. Ноябрь. № 84. С. 5.

смотрению вопроса о взаимодействии законодательной и исполнительной власти через призму неформальных практик. Автор приводит интересный материал и приходит к ценным выводам. Нельзя не согласиться с утверждением Соловьева о том, что «за десятилетие совместной работы представительных учреждений и высшей бюрократии постепенно складывались личные отношения, симпатии и антипатии, возникали взаимные обязательства, а законодательные учреждения все более интегрировались в политическую систему Российской империи, вовлекая в нее и группы интересов, непосредственно связанные с депутатским корпусом». Можно предположить, что проблема, поставленная Соловьевым, приведет к появлению все новых и новых работ, посвященных изучению неформальных отношений, которые практиковали чиновники и российские парламентарии.

Лукьянов, изучив консервативные проекты реформы законодательных учреждений и избирательной системы в России в 1907—1914 гг., приходит к выводу о том, что «идеи народного суверенитета и представительного правления все еще оставались чуждыми российскому консерватизму, жившему дореформенными политическими реалиями». Кирьянов, развивая историографические поиски участников «Таврических чтений»¹⁰, пишет о зарубежной историографии парламентской истории позднеимперской России. Автор справедливо замечает, что «вплоть до современного этапа отечественная историография парламентской истории России развивалась практически вне связи с исследованиями зарубежных русистов». Он пишет, что «в настоящее время дело обстоит принципиально иным образом: российские историки публикуются в зарубежных изданиях, появляются и совместные работы». Кирьянов справедливо подчеркивает, что «совместными усилиями отечественных и зарубежных исследователей в исторической науке окончательно сформировалось новое направление — парламентская история России». Кстати, он обращает внимание на то, что среди авторов, работы которых анализируются в статье, есть и публикующиеся на страницах сборников «Таврические чтения» — А.Л. Глушковецкий, А.Д. Гронский, Р.Я. Юрковский. Иначе говоря, можно утверждать, что Центр истории парламентаризма, проводя международные конференции и выпуская по их итогам сборники научных статей, вносит свой вклад

¹⁰ Лукьянов И.В. Современная российская историография Государственной думы (наблюдения) // Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. Научно-практический семинар 11 декабря 2007 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2008. С. 181—194; Николаев А.Б. IV Государственная дума и Февральская революция в новейшей отечественной литературе // Там же. С. 195—210.

в развитие парламентской истории России. Две работы раздела посвящены выборам в Государственную думу (А.Л. Глушковецкий, А.В. Костылев). В остальных статьях изучаются различные аспекты деятельности Государственной думы, ее фракций и групп (Р.А. Цинчук, М.В. Братолобова, Н.В. Некрасов, В.А. Дёмин, А.А. Дорская, А.В. Пыжиков, К.В. Романенчук, Г.Ю. Афанасьев, Л.С. Бокарева, Н.С. Сидоренко), а также рассматривается вопрос о судьбе Государственной думы в марте-апреле 1917 года (А.Б. Николаев).

В следующем разделе — «Думская биографика» — публикуются 4 статьи, три из которых посвящены депутатам Государственной думы: Д.В. Аронов пишет о председателе I Государственной думы С.А. Муромцеве, В.С. Сахаровский — о депутате той же Думы Т.И. Седельникове, А.А. Иванов изучает личность известного правого деятеля — депутата III—IV Государственных дум Н.Е. Маркова. Четвертая статья — П.Н. Гордеева о Ф.П. Купчинском — на первый взгляд, выбивается за рамки данного раздела, но вместе с тем помещена в нем. Дело в том, что в 1917 году думский Комитет привлекал к своей деятельности в качестве уполномоченных и комиссаров лиц, которые депутатами Государственной думы не являлись. Ф.П. Купчинский был уполномоченным ВКГД, и поэтому его биография представляет некоторый интерес для ученых, изучающих историю Государственной думы в 1917 году.

Третий раздел — «Научно-информационное обеспечение деятельности Государственной думы и изучения истории парламентаризма в России» — включает пять статей, три из которых содержат обзор думских документов, отложившихся в различных архивах — ЦГИА СПб (Е.А. Деревнина), Научно-исторический архив СПб ИИ РАН (Т.А. Базарова, И.В. Лукоянов), ГАКО (Д.В. Сидоров), четвертая — библиотечно-информационному обеспечению деятельности Государственной думы (И.А. Андреева) и последняя — деятельности журналистов в Государственной думе Российской империи (О.А. Патрикеева). Наибольший интерес в данном разделе представляет статья О.А. Патрикеевой, в которой впервые так глубоко и полно изучается вопрос, который ранее не привлекал внимание исследователей.

В разделе «Становление и развитие парламентаризма в странах СНГ» публикуется работа А.В. Курьяновича, в которой рассматриваются особенности развития парламентаризма в Беларуси в 1990—1996 гг. Автор доказывает, что «период 1990—1996 гг. в новейшей политической истории Беларуси стал наивысшей точкой парламентаризма в виде Верховного Совета».

История Государственного совета Российской империи долгое время не привлекала внимания участников «Таврических чтений». Наконец, раздел, посвященный этой палате Российского парламен-

та, появился в нашем сборнике, и это произошло благодаря польскому историку Р.Я. Юрковскому. Автор изучает в своей статье борьбу польских депутатов Государственного совета против попыток введения П.А. Столыпиным в 1906 году земств в западных губерниях Российской империи. Юрковский приходит к выводу о том, что «вовсе не ходатайства польских землевладельцев привели к отсрочке осуществления законопроекта по введению земств», а «решение об этом принял сам П.А. Столыпин, который действовал с полным сознанием того, что отсрочка не означает окончания всего дела, а лишь перенесение его на более позднее время». Надеемся, что в дальнейшем раздел «Из истории Государственного совета Российской империи» не исчезнет из сборника «Таврические чтения», а будет только развиваться за счет привлечения все новых и новых авторов.

Другой новинкой сборника стало появление раздела, посвященного истории парламентаризма в странах Европы. Е.С. Гавроева пишет об отражении деятельности IV Государственной думы в английских парламентских дебатах. Она приходит к выводу о том, что английских парламентариев «интересовали различные вопросы деятельности Государственной думы — от процессуальных до анализа речей высших чиновников и думцев, произнесенных в ее заседаниях, а также принятых Думой законов и постановлений». А.О. Столяров изучает сформировавшиеся в среде депутатов польского Сейма в период с 1991 по 2001 гг. образы истории России (Советского Союза) и представления о роли последней в польской истории. Проанализировав стенограммы заседаний польского Сейма за 1991—2001 гг., автор делает весьма ценное наблюдение: «<...> в представлениях депутатов Сейма об истории образы российского (советского) государства и образы российского (советского) народа отделены. И если первые ассоциируются со сталинским террором, угнетением поляков, установлением режима ПНР, то образы народа чаще представляют людей, страдавших, например, от коммунистических властей в равной с поляками мере». А.А. Орлова посвятила свою статью Национальной ассамблее Уэльса, которую она характеризует как вариант нового европейского парламента.

В приложении к сборнику приведена статья А.М. Кулегина о заказе мебели для зала заседаний I Государственной думы (1905—1906 гг.). Кроме этого, в нем публикуется сообщение сотрудниц Центра истории парламентаризма В.А. Березиной и М.А. Дорофеевой об играх по истории парламентаризма для школьников, которые прошли в Таврическом дворце в 2013 году.

Надеемся, что и шестой сборник «Таврических чтений» найдет своего заинтересованного читателя.

А.Б. Николаев

9 сентября 2013 г.

Приветственное слово к участникам международной конференции от Совета МПА СНГ

Уважаемые участники международной научной конференции!

Позвольте приветствовать вас от имени Совета Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств и его Председателя Валентины Ивановны Матвиенко.

В шестой раз в думском зале Таврического дворца собираются ведущие ученые-историки России, стран СНГ, ряда зарубежных государств для обсуждения актуальных проблем истории и современности парламентаризма. Отрадно, что каждый год наряду с людьми, которые уже долгие годы своей научной деятельности посвятили вопросам становления и развития парламентаризма, в Таврических чтениях неизменно участвует большое количество молодых людей. В программе конференции нынешнего года есть доклады и выступления аспирантов, студентов различных университетов Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Самары. Я думаю, что мы с удовольствием выслушаем их точки зрения на обсуждаемые проблемы. Поэтому особо приветствую молодых людей, для которых Таврические чтения — начало их научной, я очень надеюсь, успешной научной карьеры.

Благодаря усилиям людей, которые находятся в этом зале, в президиуме этого зала, в последние годы интерес в обществе к теме парламентаризма значительно возрос, в том числе и благодаря научным трудам, которые ежегодно публикуются по итогам Таврических чтений. Сегодня уже многие четко понимают, что нынешнее состояние общества, уровень его демократизации были бы невозможны без тех событий, без тех дискуссий, которые проходили в этом зале Таврического дворца Санкт-Петербурга сто и более лет назад. И мне кажется, что в том числе и благодаря этому в 2012 году произошло очень знаменательное событие — председатели двух палат

Федерального Собрания Российской Федерации Валентина Ивановна Матвенко и Сергей Евгеньевич Нарышкин совместно внесли законопроект об учреждении в нашей стране новой памятной даты — Дня российского парламентаризма. Этот закон был принят Государственной Думой, одобрен Советом Федерации и летом подписан Президентом РФ В.В. Путиным. Отныне 27 апреля — день, когда на свое заседание собрались депутаты Первой Государственной думы, будет отмечаться в нашей стране как День российского парламентаризма. И мне кажется, что в этом есть заслуга людей, которые сидят в президиуме этого зала, в этом зале, и я хочу за это их искренне поблагодарить.

Конечно, день 27 апреля был выбран не случайно. Вы, историки, знаете о том, какой долгий и трудный путь прошла Россия к парламентаризму, прошла через зачаточные ступени различных форм народовластия. Вы помните и вече, и казачьи республики, и Земский собор, но реальное движение к демократии, к парламентаризму, конечно, началось с Первой Государственной думы. И учреждение Государственной думы изменило, я бы даже сказал, начало формировать в России в том обществе, которое тогда существовало, новую шкалу социально-политических ценностей, в которой на первое место стали выходить принципы широкого народного представительства, ответственности перед избирателями, верховенства закона, разделения властей. И, конечно, в настоящее время, многое из наследия этого института остается актуальным. Нынешние депутаты, в том числе, уважаемые коллеги, и с вашей помощью, используют этот опыт в процессе тех демократических преобразований, которые происходят в нашей стране, в странах Содружества Независимых Государств и сегодня.

2012 год ознаменован еще одним событием, о котором я хотел бы сказать. В этом году 27 марта исполнилось двадцать лет Межпарламентской Ассамблеи СНГ. Штаб-квартира Межпарламентской Ассамблеи все эти годы была и остается в Таврическом дворце Санкт-Петербурга. Мы, сотрудники Секретариата Межпарламентской Ассамблеи, очень гордимся, что нам приходится здесь работать, создавать рабочую атмосферу для парламентариев СНГ.

За эти годы опыт парламентской работы в думском зале приобрели свыше трех тысяч депутатов тринадцати палат девяти государств СНГ. И в этом зале за двадцать лет принято 368 модельных законодательных актов, которые сегодня служат основой национального законодательства государств СНГ. Эти акты позволили нам сблизить, гармонизировать национальные законодательства и, самое главное, сделать так, чтобы они отвечали самым высоким европейским и мировым образцам.

И еще одну миссию все эти годы выполнял Совет Межпарламентской Ассамблеи, его Секретариат, это миссия сохранения и восстановления исторического облика Таврического дворца. Мы очень гордимся тем, что многое сделано за эти годы. Те, кто бывают в Таврическом дворце, наверное, заметили, что и этим летом было проведено большое количество реставрационных работ. Но вот нынешние Таврические чтения, может быть, они и проходят в не очень привычные для вас сроки, это последнее мероприятие Межпарламентской Ассамблеи, которое будет проходить в этом думском зале перед большой, серьезной реконструкцией. Мы с очень большим волнением готовимся к этой работе, и после окончания Таврических чтений этот зал в течение многих месяцев будет серьезно реконструироваться. Мы постараемся вернуть ему некоторые черты того первозданного зала — зала Первой Государственной думы и очень надеемся, что следующие Таврические чтения 2013 года будут проходить уже в обновленном, во всех смыслах этого слова, думском зале Таврического дворца.

Я искренне, уважаемые участники конференции, желаю вам плодотворной работы, я желаю, чтобы вы полностью выполнили ту программу конференции, которая намечена. И мы с большим интересом будем ждать очередного сборника ваших научных трудов «Таврические чтения 2012».

Успехов вам! И благодарю за внимание.

Генеральный секретарь Совета МПА СНГ А.И. Сергеев

**Приветственное слово
советника Председателя Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации
с 1993 по 2011 гг.**

**Уважаемый Президиум!
Уважаемые участники конференции!**

Прежде всего я хотел бы выразить искреннюю признательность Центру истории парламентаризма за любезное приглашение принять участие в этой представительной научной конференции. Мне очень приятно осознавать, что я внес свою посильную лепту в создание этого Центра в структуре Межпарламентской Ассамблеи СНГ. Отрадно, что возникла такая славная петербургская традиция как ежегодное проведение Таврических чтений.

Я решил воспользоваться своим пребыванием в исторических стенах Таврического дворца для того, чтобы поделиться некоторыми соображениями, возникшими на основе имеющегося у меня опыта 18-летней работы в аппарате Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого, второго, третьего, четвертого и пятого созывов. При этом я имел честь занимать должность советника всех первых трех Председателей Государственной Думы — Ивана Петровича Рыбкина, Геннадия Николаевича Селезнева и Бориса Вячеславовича Грызлова. Каждый из них внес значительный вклад в развитие современного российского парламентаризма. Что касается четвертого Председателя Государственной Думы Сергея Евгеньевича Нарышкина, то его, несомненно, отличает высокий интеллектуальный и культурный уровень. В целом, все Председатели современной Государственной Думы — это незаурядные личности. Да и иначе и быть не должно, поскольку речь идет о высших руководителях такого особого по своему статусу органа государственной власти, как парламент.

Как вы отлично знаете, этот статус четко определен ныне действующей Конституцией Российской Федерации, согласно которой двухпалатное Федеральное Собрание является законодательным и представительным органом. Поэтому каждый из депутатов Государственной Думы, и уж тем более ее Председатель, практически ежедневно получают множество писем, обращений, заявлений как от своих избирателей, так и от различных общественно-политических организаций нашей страны. И советникам Председателя Государственной Думы, работающим в его Секретариате, приходится постоянно заниматься этим бесконечным потоком обращений и готовить Председателю проекты возможных ответов. Сплошь и рядом ответственные работники Секретариата сталкиваются со сложными ситуациями, имея в виду, что действия Председателя Государственной Думы должны быть взвешенными и учитывающими всю совокупность различных факторов.

Выступая с высокой трибуны думского зала Таврического дворца, я могу ответственно заявить, что в моей практике не было ни одного случая, когда кто-то из Председателей Государственной Думы заранее давал мне жесткую и однозначную установку — ответить на такое-то обращение только так и не иначе. Напротив, руководство всегда поручало сначала тщательно разобраться в полученном документе, а затем представить свои предложения. Эти предложения не всегда могут совпадать с линией руководства, но тут уже от конкретного чиновника зависит, будет ли он подлаживаться под линию руководства или отважится выдвинуть предложение, отличное от этой линии. Что касается меня, то я всегда исходил из того, что как советник Председателя Государственной Думы я обязан максимально полно и всесторонне информировать Председателя по порученному мне вопросу, а дальше он уже принимает то или иное решение.

Должен признать, что, находясь на протяжении многих лет на самом верху бюрократической лестницы, я так и не смог даже приблизиться к тому типу бюрократа, который так мастерски воплотил Лев Николаевич Толстой в образе Стивы Облонского в романе «Анна Каренина». Облонский был начальником одного из присутственных мест в Москве, и успех его карьеры был заложен не только в его личных качествах, но, прежде всего, как писал Толстой: «в совершенном равнодушии к тому делу, которым он занимался, вследствие чего он никогда не увлекался и не делал ошибок».

Я же, напротив, был явно неравнодушен к тому делу, которым занимался в Секретариате Председателя Государственной Думы, весьма этим делом увлекался и при этом умудрился тоже не сделать крупных ошибок и благополучно завершить свою карьеру государственного служащего.

Для эффективной работы в Секретариате Председателя Государственной Думы, да и вообще в аппарате Государственной Думы, требуется достаточно высокий уровень профессионализма. Я бы назвал это профессионализмом парламентского работника. Этой профессии нас, работавших в Думе со времени ее учреждения, специально никто не учил, хотя у каждого из нас был свой ценный профессиональный и человеческий опыт. Одни пришли в аппарат Думы из государственных учреждений или прошли школу работы в партийных органах, другие проявили себя в науке, на производстве, в силовых структурах. И все мы начали осваивать специфику парламентской деятельности, которая предполагает не только умение компетентно участвовать в законотворческом процессе на федеральном уровне, но и действовать в условиях становления в современной России многопартийной системы. Конечно, и в Государственной Думе имеется свой немалый административный ресурс, и это особенно ощущается, когда работаешь в Секретариате Председателя Государственной Думы. В то же самое время каждый работник аппарата Думы должен постоянно помнить, что депутатский корпус состоит из представителей разных партий, и каждая из фракций этих партий имеет свои законные, закрепленные в Регламенте палаты полномочия наравне с другими фракциями участвовать в законотворческом процессе в Государственной Думе. Нам, работникам Секретариата, с самого начала пришлось осваивать трудную науку согласования позиций и достижения политических компромиссов с тем, чтобы помогать руководству находить решения, приемлемые для большинства депутатского корпуса и отвечающие коренным интересам нашей страны.

У меня в памяти сохранилось немало ярких эпизодов, отразивших те или иные этапы очень непростой и часто драматической истории современного российского парламентаризма. Помню бурные пленарные заседания в Первой Думе, которые часто напоминали не регламентированные парламентские дебаты, а бессрочный политический митинг, доходивший не только до взаимных оскорблений, но и до рукоприкладства. Но даже в этих условиях Дума первого созыва смогла принять, в том числе, такой фундаментальный закон, как Первая часть Гражданского кодекса Российской Федерации.

Вспоминаются и яркие выступления в Государственной Думе писателя Александра Исаевича Солженицына, Президента Республики Беларусь Александра Григорьевича Лукашенко, командующего 14-й российской армией в Приднестровье Александра Ивановича Лебеда. Памятным стало посещение Государственной Думы Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. Настоящий фурор в Думе вызвал внезапный приезд на пленарное заседание 5 декабря

1997 года Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина, который решил лично пробивать через Думу Закон о федеральном бюджете на 1998 год. При всем своем стойком неприятии Думы и постоянно критиковавших его депутатов Ельцин прямо в ходе пленарного заседания продемонстрировал способность к политическому компромиссу, когда он в ответ на поддержку депутатами Закона о федеральном бюджете пообещал незамедлительно подписать Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации».

Хотелось бы особенно отметить ту исторически важную роль, которую играет в развитии современного отечественного парламентаризма Президент Российской Федерации Путин. В ходе своей целенаправленной работы по модернизации политической системы и укреплению российской государственности именно наш национальный лидер Владимир Владимирович Путин реализовал в 2009 году на практике новую конституционную норму, согласно которой отныне Председатель Правительства Российской Федерации должен ежегодно отчитываться перед Государственной Думой о работе Правительства. Как мы все понимаем, это — один из принципиально важных элементов парламентаризма, поднимающий на новый уровень весь процесс взаимодействия между парламентом и правительством.

Дума — это постоянно развивающийся и живой организм, и в ней не только происходят серьезные события, но и случаются смешные ситуации. Помню, как однажды один из до сих пор заседающих в Думе депутатов, собрав пресс-конференцию, начал ее словами: «Уважаемые средства массовой информации!». Был и такой случай, когда на одном из пленарных заседаний известный депутат, стараясь сбить накал страстей вокруг полемики по национальному вопросу в нашей стране, неожиданно заявил: «Прошу с сегодняшнего дня считать меня печенегом». Так что могу засвидетельствовать, что парламентская жизнь в Государственной Думе действительно отличается большой живостью и разнообразием.

В последние годы с легкой руки талантливой журналистской братии большое распространение получила фраза: «Дума — не место для дискуссий». Это — весьма вольная интерпретация имевшего в действительности место высказывания, но в любом случае эта фраза стала еще одним стимулом к рассуждениям о том, чем же является Дума в современной общественно-политической жизни России. Естественно, что и я, отдав многие годы своей жизни работе в Аппарате Государственной Думы и видя ее изнутри, стремился осмыслить роль и место Думы и парламента вообще во внутренней и внешней политике нашей страны.

Безусловно, наша ныне действующая политическая система сконструирована таким образом, что ведущими центрами государственной власти являются Президент и Правительство. В отличие от стран классического парламентаризма наш парламент лишь в определенной степени контролирует деятельность Правительства и непосредственно не может отправить Правительство в отставку. Таким образом, не сбывается мечта видного кадета, депутата Государственной Думы дореволюционной России Владимира Набокова — отца знаменитого писателя, воскликнувшего как-то: «Власть исполнительная да подчинится власти законодательной!». Но лично я глубоко убежден, что для России во все времена несомненным благом является то, что и глава государства, и правительство обладают большой самостоятельностью в своих действиях и не зависят жестко от парламента, в котором партийные интересы нередко преобладают над общегосударственными.

Это отнюдь не умаляет важной роли Государственной Думы и Федерального Собрания в целом в формировании государственной и, прежде всего, бюджетной политики. Кстати, именно сегодня, 19 октября 2012 года, в Государственной Думе рассматривается в первом чтении проект федерального закона о федеральном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов. Являясь полномочными представителями своих избирателей, депутаты постоянно стремятся учесть в рассматриваемом в Думе законодательстве интересы различных общественных групп. Знаменательно и то, что при всех разногласиях между теми или иными фракциями большинство депутатов на протяжении всех созывов неизменно выступают за повышение эффективности роли государства Российского в сферах экономики и социальной политики.

Значительна роль Государственной Думы и в озвучивании на всю страну с думской трибуны позиций представленных в Думе ведущих политических сил России по всему спектру актуальных вопросов современного этапа развития нашей страны.

В заключение позвольте мне предложить такую формулировку: Государственная Дума — это место для напряженной, интересной и ответственной законотворческой работы во имя дальнейшего продвижения вперед нашей великой Родины!

Благодарю за внимание.

Н.А. Сахаров

Государственная дума Российской империи: создание, выборы и деятельность

С.В. КУЛИКОВ

**К истории создания законодательной Государственной думы.
Николай II, У.Т. Стэд и Манифест 17 октября 1905 г.**

Один из самых загадочных и недооцененных эпизодов политической истории России 1905 г. — так называемая миссия У.Т. Стэда, относящаяся к августу — октябрю и напрямую связанная с появлением знаменитого Манифеста 17 октября 1905 г. об «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором император Николай II повелевал правительству графа С.Ю. Витте подготовить дарование россиянам гражданских прав и свобод (личности, совести, слова, собраний и союзов), расширение избирательного права и преобразование законосовещательной Государственной думы в законодательную¹. Собственно о миссии Стэда писали его американский биограф Ф. Уайт², канадский историк Д.О. Бэйлен³, российский историк А.Н. Зашихин⁴ и эмигрантский социолог А.С. Куста-

¹ См. об этом акте: *Островский А.В., Сафонов М.М.* Манифест 17 октября 1905 г. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. 1981. Т. 12; *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 192—222.

² *Whyt F.* The Life of W.T. Stead. Vol. 1—2. N—Y.; Boston; L., 1925. Vol. 2. P. 271—278.

³ *Baylen J.O.* W.T. Stead and the Russian Revolution of 1905 // *Canadian Journal of History*. 1967. Vol. 2. № 1.

⁴ *Зашихин А.Н.* 1) Уильям Стэд и провал его «миссии» в России осенью 1905 г. // *Научная биография — вид исторического исследования (По мат-м истории рабочего класса СССР, революционного и освободительного движения)*. Л., 1985; 2) «Глядя из Лондона»: Россия в общественной мысли Британии. Вг. пол. XIX — нач. XX в. Архангельск, 1994.

рев⁵. Недооценка миссии Стэда вызвана тем, что Манифест 17 октября поколениями современников и историков (отечественных и зарубежных) рассматривался и рассматривается сквозь марксистско-ленинскую парадигму о реформах как побочном продукте революций при игнорировании элитистской парадигмы, согласно которой революции — лишь издержки, причем не всегда неизбежные, реформаторского процесса. Прежде чем начать анализ миссии Стэда в контексте внутренней политики Николая II второй половины 1905 г., поскольку именно тогда царь являлся alter ego Стэда, почему их и важно рассматривать исключительно вместе, необходимо вкратце остановиться на личности главного героя миссии.

Уильям Томас Стэд (1849—1912) — выдающийся британский журналист, энергичный издатель и общественный деятель. В молодости — радикал, позднее — либерал, весьма близкий к лидеру Либеральной партии У.Ю. Гладстону, он получил известность еще и как апостол пацифизма. Со времени Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Стэд, подобно Гладстону, заявил себя активным русофилом, что привело его в политический салон публицистки О.А. Новиковой, жившей в Лондоне в качестве неофициальной представительницы русского правительства и печатавшейся в английских журналах под псевдонимом «О.К.». Она была урожденной Киреевой и приходилась родной сестрой идеологу позднего славянофильства генералу А.А. Кирееву, состоявшему при великих князьях Константине Николаевиче и сыне последнего — Константине Константиновиче (он же — «К.Р.»)⁶. Киреев даже полагал, что Стэда «выдумала сестра Ольга», которая и «вывела» его «в люди»⁷.

Во всяком случае в 1888 г. Новикова при помощи брата организовала для Стэда поездку в Россию и его встречу с императором Александром III⁸. Непосредственным организатором этой встречи был, судя по всему, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев — именно ему Новикова писала весной 1888 г.: «Визит Стэда мне удалось отворать прошлого года, но фанатики упрямые: он все-таки едет в нынешнем году попытать счастья»⁹. Получается, что инициа-

⁵ Кустарев А.С. Незванный примиритель: У.Т. Стэд в России — сентябрь 1905 г. // Славяно-германские исследования. Т. 3. От имен к фактам. СПб., 2008.

⁶ Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 341, 342.

⁷ Киреев А.А. Дневник. 1905—1910. М., 2010. С. 88.

⁸ [Новикова О.А.] Депутат от России. Воспоминания и переписка О.А. Новиковой. В 2-х т. / Сост. В.Т. Стэд. Пг., 1915. Т. 2. С. 89—98.

⁹ О.А. Новикова — К.П. Победоносцеву. Весна 1888 г. // К.П. Победоносцев и его корреспонденты. В 2-х т. Минск, 2003. Т. 2. С. 441.

тором встречи с монархом являлся еще в 1887 г. сам Стэд, выказавший при этом назойливую настойчивость, которой Новикова была вынуждена подчиниться в следующем году, хотя и не без пассивного сопротивления. Стэд оказался первым иностранным журналистом, получившим от Александра III личную аудиенцию¹⁰. Свои русские впечатления и вызванные ими размышления Стэд опубликовал в книге «Правда о России»¹¹. Пример английского журналиста А.Н. Зашихин резонно считает «наиболее поразительным» и «опрокидывающим привычные стереотипы», поскольку Стэд, имевший на родине репутацию «радикального журналиста», как автор книги прославился тем, что «стал апологетом русских царей»¹². Какую же правду о России открыл для себя Стэд? В 1889 г. Киреев опубликовал на книгу англичанина рецензию, которая важна не только как непосредственный отклик на нее, но и как источник, позволяющий понять — какие мысли Стэда вызвали одобрение генерала и, следовательно, в чем они были единомышленниками.

Киреев особо отметил, что Стэд делил русских политиков на две группы: первую образовывали либеральствующие европейцы (Liberal-Europeans), вторую — националисты (Nationalists), составлявшие Панславистскую партию (Panslavistic party). Киреева восхищало, что самого себя либерал Стэд идентифицировал не с первой, а со второй группой, поскольку, по мнению журналиста, «Партия националистов» — «единственная, к которой мог бы принадлежать англичанин, если бы он родился русским». Характеризуя лидеров панславистов, в том числе и Киреева, Стэд писал: «Они, прежде всего, русские и не стыдятся этого. Их политика, подробно изложенная мне их вожаками, ясна, последовательна и мужественна, она в гармонии с преданиями и законами исторического развития их родины, и со временем их мысли должны повлиять на ее судьбы». Большое внимание Киреева вызвало то, как Стэд написал о самодержце, которого он называл «всероссийским трибуном» («The tribune of all the Russians») в прямом, древнеримском смысле этого слова, т.е. представителем и защитником народа. «На Западе, — писал Стэд, — власть царя представляется мрачной и страшной деспотией, которая держится лишь с помощью насилия». Однако «если бы царь вздумал обратиться к настоящему всеобщему голосованию, он получил бы подавляющее большинство против всех возможных и невозможных своих конкурентов. К России, — подчеркивал Стэд, — нелепо применять выработанные Западом конституционные формулы как непогрешимое специфическое средство для решения всех об-

¹⁰ Зашихин А.Н. Глядя из Лондона. С. 113—114.

¹¹ Stead W.T. Truth About Russia. L., 1888.

¹² Зашихин А.Н. Указ. соч. С. 12.

ственных и политических задач»¹³. Итак, дискурсы английского либерализма и позднего славянофильства совпали, что, в общем-то, неудивительно.

Гладстон говорил в 1878 г., формулируя идеологию официального ритуала Соединенного королевства Великобритании и Ирландии: «Монарх в Англии есть символ единства нации и вершина социального здания; творец (по совещании с народом) законов; высший управитель церкви; источник правосудия; единственный источник почестей; лицо, которому несется всякая военная, морская или гражданская служба. Монарх есть носитель очень значительных прав собственности; он получает и владеет по закону всеми доходами государства; назначает и устраняет министров; заключает договора; прощает преступления или смягчает наказания за них; ведет войну и заключает мир; созывает парламент и распускает его; осуществляет эти обширные полномочия по большей части без какого-нибудь специального ограничения законом и пользуется в этой и во всякой другой функции абсолютной безнаказанностью по отношению к последствиям»¹⁴. Итак, де юре власть королевы Виктории (по большому счету — и ее преемников, поскольку выводы Гладстона, подчеркивал С. Лоу, сохраняли свою актуальность и в это время, а в известной степени — сохраняют и поныне!) мало чем отличалась от власти Александра III. Виктория являлась едва ли не автократом, а английский парламент — всего лишь законосовещательным учреждением! Яркая приверженность жителей островного королевства (даже сторонников Либеральной партии) к традициям и стала той почвой, на которой в 1888 г. сошлись английский либерал и идеолог славянофильства.

Несомненно, что во время первого посещения России Стэд познакомился и с 20-летним сыном Александра III, наследником-цесаревичем Николаем Александровичем, будущим Николаем II. Уже тогда журналист и наследник могли найти общий язык в прямом и переносном смысле слова, поскольку воспитателем Николая Александровича был английский педагог и акварелист К.О. Хис, до сих пор не удостоившийся внимания со стороны историков, хотя его роль в формировании личности последнего самодержца вполне сравнима с ролью, сыгранной при воспитании Александра I — Ф.Ц. Лагарпом и Александра II — В.А. Жуковским. Хис оказал на Николая Александровича поистине громадное и разноплановое влияние, поскольку являлся «действительным руководителем» занятий наследника¹⁵, который уже в начале их общения считал его «любимым

¹³ Киреев А.А. Учение славянофилов. М., 2012. С. 197, 198, 202.

¹⁴ Лоу С. Государственный строй Англии. М., 1910. С. 385.

¹⁵ Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989. С. 158.

преподавателем» и «любимым наставником», из-за чего в дневниковых записях Ники англичанин упоминается «довольно часто»¹⁶. По воспоминания зятя Хиса, флигель-адъютанта А.А. Мордвинова, царь неоднократно признавался воспитателю: «Если у него есть что-либо хорошее, то этим он обязан единственно ему»¹⁷. Признание Николая было нечто большим, чем обычной вежливостью, поскольку соотносится с мнением осведомленных современников. В 1889 г. министр иностранных дел Н.К. Гирс говорил своему соратнику графу В.Н. Ламздорфу, что «Россия будет многим обязана» Хису¹⁸, подтверждая факт определяющего влияния британца на формирование личности Николая II.

Карл Осипович Хис (Хит) (Charles Heath) (1826—1900)¹⁹ приехал из Англии в Петербург в 1850 г. и начал карьеру гувернером в частном пансионе В.Ф. Мечина, причем настолько сроднился с новой родиной, что во время Крымской войны 1853—1856 гг., когда одним из противников России была Англия, не покидал Петербурга. В 1856 г. лояльный англичанин получил место репетитора Александровского лицея, в 1857 — там же официально поступил на государственную службу, начав ее с должности преподавателя английского языка, наконец, в 1862 — стал воспитателем Лицея и принял русское подданство. Хиса, вспоминал один из его учеников, министр иностранных дел А.П. Извольский, «любили все лицеисты», поскольку это был «очень одаренный и обаятельный человек», который «обладал обширными познаниями»²⁰. Признанием педагогических заслуг Хиса явилось то, что в 1878 г. он получил чин действительного статского советника («статского генерала») и должность помощника генерала Г.Г. Даниловича, главного воспитателя детей Александра III.

Влияние Хиса на цесаревича проявило себя прежде всего в лингвистической сфере, поскольку Николай Александровича отличала несомненная способность к языкам, обеспечившая ему превосходную лингвистическую подготовку. Уже с юности Николай II хорошо знал английский, датский, немецкий и французский, что отражалось даже на русской речи монарха. «В речи императора Николая, — вспоминал генерал Ю.Н. Данилов, — слышался едва

¹⁶ Клей К. Король, кайзер, царь. Три монарших кузена, которые привели мир к войне. М., 2009. С. 67, 80.

¹⁷ Мордвинов А.А. Воспоминания // Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 61.

¹⁸ Ламздорф В.Н. Дневник 1886—1890. Минск, 2003. С. 272.

¹⁹ См. подробн. о нем: Чарыков Н.В. Карл Осипович Хис. Биограф. очерк. СПб., 1902.

²⁰ Извольский А.П. Указ. соч. С. 158.

уловимый иностранный акцент, становившийся более заметным при произношении им слов с русской буквой «ять»²¹. «Выговор» царя, подчеркивал лидер националистов В.В. Шульгин, был «чуть-чуть с налетом иностранных языков»²². Николай II отдавал явное предпочтение английскому языку благодаря Хису, влияние которого на воспитанника «сказалось, — указывал оппозиционный публицист В.П. Обнинский, — привитием, вместо родного, английского языка»²³. Извольский также свидетельствовал, что именно воспитателю царь был «обязан совершенным знанием английского языка»²⁴. Данилову и Шульгину резали ухо англицизмы, отличавшие русский язык Николая II.

В царской семье, вспоминал близкий к великому князю Кириллу Владимировичу Г.К. Граф, «излюбленным языком» являлся «именно английский» и только «в последнюю очередь шел немецкий язык»²⁵. Николай II не просто говорил, но и думал по-английски, а потому его речи, не приготовленные заранее, были, по ироничному наблюдению Обнинского, «подстрочными переводами английских фраз»²⁶. Языковые пристрастия Николая II в начале XX в. предопределили неписанные правила поведения в большом свете, обусловив замену традиционной франкофонии англофонией. «Средством общения в петроградском обществе, — вспоминала подруга императрицы Александры Федоровны Ю.А. Ден, — был английский язык: на нем неизменно говорили при Дворе»²⁷. Влияние Хиса на будущего Николая II не ограничивалось только лингвистикой, но наложило глубокую печать на индивидуальность наследника. В 1889 г. Гирс информировал Ламздорфа, что Хис «неустанно стремился внушить своему августейшему ученику чувства моральной независимости и благородства и выработать в нем твердость характера»²⁸. Педагогические усилия Хиса детерминировали стиль поведения Николая II.

²¹ Данилов Ю.Н. Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 420.

²² Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989. С. 239—240.

²³ Обнинский В.П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992. С. 12—13.

²⁴ Извольский А.П. Указ. соч. С. 158.

²⁵ Граф Г.К. На службе Императорскому дому России. 1917—1941. Воспоминания. СПб., 2004. С. 480.

²⁶ Обнинский В.П. Указ. соч. С. 12—13.

²⁷ Ден Л. Подлинная царица. Воррес Й. Последняя великая княгиня. М., 1998. С. 24.

²⁸ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С. 272.

Российский консул в Лондоне барон А.А. Гейкинг составил своего рода кодекс поведения истинных англичан. Они, писал барон, «соблюдают холодную сдержанность и ненавидят шумную экспансивность, кажущуюся им недостойною культурных людей... В английском обществе избегают разговоров о религии, политике и о личных обстоятельствах. Не принято ставить вопросы личного свойства или противоречить друг другу. Если противоречие неизбежно, то, по крайней мере, сперва извиняются. Но разговор в обществе никогда не должен принимать оборота диспута, как это часто бывает в немецком и русском обществах». Нравственность англичан покоится на самоуважении и «глубокой религиозности, выражающейся не только в богослужении, но и в нравах обыденной жизни». Не менее важно и другое: спорт — это «полюс, около которого вертится жизнь в Англии», поскольку для островитян очевидно: «Ничто не освежает ум больше, чем временная, возможно полная, перемена в направлении умственной деятельности». В отличие от Англии в странах континентальной Европы «все еще придают слишком мало значения педагогической пользе, извлекаемой из спортивных упражнений на свежем воздухе»²⁹. Буквально каждое положение приведенного кодекса в полной мере применимо не только к английскому джентльмену, но и... к воспитаннику Хиса!

Действительно, все мемуаристы, писавшие о Николае II, единодушны в том, что его отличали холодная сдержанность, избегание политических разговоров и принципиальных споров, не только официальная, но и бытовая религиозность и любовь к спорту и вообще к физическим нагрузкам. Исследователи всегда снисходительно оценивали слабость императора к спортивным экзерцициям, но здесь тоже не обошлось без влияния Хиса. По воспоминаниям Извольского, «особенную склонность» английский педагог «чувствовал к спорту и затратил много труда, чтобы воспитать в своих учениках любовь ко всем видам спорта», а потому именно он заразил Николая Александровича «увлечением спортом»³⁰, тем более, что в физическом развитии наследника, по наблюдениям генерала Н.А. Епанчина, Хис «достиг прекрасных результатов»³¹. Николай II, даже занимая российский престол, был, по своей ментальности, привитой Хисом и проявлявшейся в повседневности, не только российским самодержцем, но и, конечно — в некотором смысле, настоящим англичанином на русском троне.

²⁹ Гейкинг А.А. Англия, ее государственный, общественный и экономический строй. СПб., 1909. С. 18, 21, 37, 65, 67.

³⁰ Извольский А.П. Указ. соч. С. 158.

³¹ Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 199.

Несомненно, что в обществе англичан, в их языковой среде, Николай II чувствовал себя более комфортно, чем в обществе русских. Показательна ситуация, возникшая осенью 1915 г. в Могилеве, Ставке верховного главнокомандующего, во время обхода царем гостей. «Пропустив нескольких лиц, стоявших подле меня, — вспоминал князь Н.Д. Жевахов, — государь подошел к англичанину и вступил с ним в оживленную беседу на английском языке... Потому ли, что англичанин держался очень бойко, потому ли, что разговор велся на иностранном языке, но только государь чувствовал себя свободнее и очень непринужденно и весело беседовал с англичанином, который громко смеялся и заражал своим смехом и государя. Затем государь подошел к [могилевскому] архиепископу Константинову, и здесь произошла неловкость. Архиепископ не решился начать разговор, а государь не нашелся, что сказать смущенному владыке. Томительная минута молчания разрешилась тем, что государь принял благословение архиепископа и молча отошел от него, после чего удалился в свой кабинет»³².

Более важно другое — еще в детстве Хис заронил у наследника интерес к истории Англии и ее политическому устройству, пробуждая в нем желание следовать и тому, и другому. «Однажды, — рассказывал Хис Мордвинову, — мы читали вместе с маленьким Николаем Александровичем один из эпизодов английской истории, где описывался въезд короля, любившего простонародье; толпа восторженно кричала: “Да здравствует король народа”. Глаза у мальчика так заблестели, он весь покраснел от волнения и воскликнул: “Ах, вот я хотел бы быть таким”, но я сейчас же ему заметил: “Вы не должны быть государем одного лишь простого народа, для Вас все классы населения должны быть равны, одинаково дороги и любимы”»³³. Влияние Хиса предопределило особенности Николая II не только как человека, но и как правителя.

Ден отмечала, что последний царь «больше, чем кто-либо, соответствовал идеалу монарха, каким он представляется ученику английской частной школы»³⁴. По мнению британского посла в России Д.У. Бьюкенена, знавшего Николая II с 1896 г. более 20-ти лет, он обладал «многими способностями, которые прекрасно подошли бы для конституционного монарха — острый ум, обширный кругозор, методичность и трудолюбие в работе, необычайное природное обаяние, привлекавшее к нему всех, кто его знал»³⁵. Бесспорно, что

³² Жевахов Н.Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. В 2-х тт. М., 1993. Т. 1. С. 56.

³³ Мордвинов А.А. Указ. соч. С. 62.

³⁴ Ден Л. Указ. соч. С. 55.

³⁵ Бьюкенен Д.У. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910—1918. М., 2006. С. 256—257.

наличие у Николая II качеств, делавших из него идеального конституционного монарха, стало одним из главных итогов деятельности Хиса в качестве его воспитателя.

Наконец, необходимо поставить вопрос и о политическом влиянии английского педагога на наследника, поскольку Хис остался в памяти своих воспитанников-лицеистов как «сторонник английских либералов»³⁶, т.е. Гладстона, поклонником которого являлся и Стэд. Общение Николая Александровича с Хисом породило в его ученике, по меньшей мере, благосклонное внимание к английскому либерализму. То, что политическое влияние воспитателя на наследника не только было, но и имело либеральный характер — подтвердил друг Александра III, консерватор граф С.Д. Шереметев, который, размышляя о причинах российской смуты начала XX в., написал: «Английский воспитатель царский... Это явление роковое»³⁷. Не случайно, что в июне 1893 г., приехав в Лондон на свадьбу будущего Георга V, Николай Александрович посетил Палату общин и слушал выступление именно Гладстона³⁸. Вряд ли так поступил бы адепт консерватизма или аполитизма.

Политическое влияние Хиса на наследника привело к тому, что как человек он сочувствовал либерализму даже тогда, когда превратился в императора. Принц П.А. Ольденбургский, друг детства и юности Николая II и первый муж его сестры великой княгини Ольги Александровны, в порыве откровенности признавался фрейлине баронессе В.М. Мейендорф, что если бы Николай II «был частным лицом, то был бы самым большим либералом из всех либералов»³⁹. Однако, возглавляя в качестве царя народ, отличавшийся в подавляющем большинстве, с точки зрения официальной доктрины, приверженностью к консерватизму, Николай II, в силу этого, совершенно сознательно играл роль консерватора. Часто общавшийся с императором принц Генрих Прусский так характеризовал Николая II канцлеру князю Б. фон Бюлову в 1901 г.: «Он настроен гуманно, но желает сохранить самодержавный строй»⁴⁰. Сам Николай II во время аудиенции, данной им 6 ноября 1905 г. товарищу министра внутренних дел князю С.Д. Урусову, заявил буквально следующее, подразумевая самодержавную монархию: «Вам она не нужна; мне

³⁶ Чарыков Н.В. Указ. соч. С. 13.

³⁷ Шереметев С.Д. Мемуары. М., 2001. С. 288—289.

³⁸ Клей К. Указ. соч. С. 132.

³⁹ Мейендорф В.М. Мемуары фрейлины императрицы. М., 2012. С. 85.

⁴⁰ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 211.

она не нужна; но пока она нужна народу, мы обязаны ее поддерживать»⁴¹.

Примирая свое сочувствие либерализму с необходимостью позиционирования себя как адепта консерватизма, царь, являясь либералом, рядился в тогу консерватора, проводя либеральные реформы на практике, в области ритуала обеспечивал им консервативный аккомпанемент. Это и предопределило пресловутую двойственность внутренней политики Николая II, смущавшую современников, не имевших представления о сложности личности самодержца, хотя подобная двойственность была результатом не лицемерия, но использования им английской модели, которая была транслирована Хисом, интерпретирована применительно к русской реальности Стэдом и подразумевала, что формально неограниченный суверен подвергается ограничению, точнее — самоограничению, только фактически, без письменной конституции.

В ноябре 1894 г., при воцарении Николая II, Стэд откликнулся на это статьей о новом монархе, выдержанной в весьма доброжелательных тонах⁴². Очевидно, журналист был уверен, что семена, посеянные Хисом, дадут всходы, тем более, что поводы для такой уверенности давал Манифест 20 октября 1894 г. «О вступлении на престол», первый из манифестов Николая II. В нем император, позиционируя себя как царя-реформатора, объявлял, что, вставая у кормила правления, принял «священный обет перед лицом Всевышнего всегда иметь единою целью мирное преуспевание, могущество и славу дорогой России и устройство счастья всех наших верноподданных»⁴³. В это время, по свидетельству весьма осведомленного журналиста И.И. Колышко, Николай II мечтал «о славе эмансипатора (освободителя. — С.К.) России»⁴⁴, т.е. о той же славе, которую снискал его дед Александр II, Царь-Освободитель.

Николай II, однако, как всякий наследственный правитель, должен был являться — и являлся на самом деле — примерным сыном своего отца, а потому — демонстрировать непрерывную преемственность между старым и новым царствованием, независимо от того, сочувствовал ли он реально внутренней политике отца или нет. Именно эти обстоятельства, а не некий крайний консерватизм и стали причиной речи Николая II, произнесенной им 17 января 1895 г.,

⁴¹ Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 597.

⁴² The Review of Reviews. 1894. Vol. 10. November 15.

⁴³ История российской монархии (Коронационный сборник 14 мая 1896 г.). М., 2011. С. 254.

⁴⁴ Колышко И.И. Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. С. 39, 40.

во время приема представителей дворянского, земского и городского самоуправления. «Пусть все знают, — заявил тогда царь, — что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный, покойный родитель»⁴⁵. Историки, следуя за ангажированными современниками, трактовали эти слова как отказ от удовлетворения народных нужд, хотя в речи 17 января 1895 г., в развитие Манифеста 20 октября 1894 г., Николай II публично обещал посвящать «все свои силы благу народному».

Кроме того, историки, пребывая в плену собственных стереотипов, никогда не задавались вопросом — а что же, собственно, царь понимал под «самодержавием»? Ответ, казалось бы, очевиден — абсолютную (неограниченную) монархию, существовавшую в России до 1905—1906 гг. Но вот что писал в 1905 г. Г.А. Евреинов, друг известного государственного деятеля И.Л. Горемыкина, при Александре III — товарищ министра путей сообщения, затем — сенатор: «Самодержавие находит свое главное выражение в правлении... Самодержавию противопоставляется парламентаризм, когда правительство должно быть взято монархом обязательно в большинстве представительного собрания и обязано сложить власть помимо воли главы государства, когда лишится доверия этого большинства»⁴⁶. Следовательно, самодержавие, с точки зрения идеологов бюрократической элиты, не противоречило народному представительству, если оно функционировало (как в Германии или США) в режиме дуализма, когда правительство политически ответственно только перед главой государства — монархом или президентом.

Для понимания того, что же в январе 1895 г. Николай II понимал под «самодержавием», целесообразно обратиться и к реакции на выступление царя со стороны германского императора Вильгельма II, с которым Ники уже в 1889 г. был «на ты»⁴⁷. Близость монарших кузенов объяснялась, помимо прочего, тем, что они, напоминая кайзер самодержцу в 1898 г., являлись политическими единомышленниками, имея «одни и те же основные взгляды» на то, как «следует выполнять задачу», возложенную на них «Царем всех царей»⁴⁸. «С тех пор, как миновали печальные недели, выпавшие на твою долю, — имея в виду кончину Александра III, писал Виль-

⁴⁵ Николай II. Полн. собр. речей. 1894—1906. СПб., 1906. С. 7.

⁴⁶ Евреинов Г.А. Реформа высших государственных учреждений России и народное представительство. СПб., 1905. С. 58.

⁴⁷ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С. 107.

⁴⁸ Мемуары. События и люди. 1878—1918. [Вильгельм II] Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914. Бисмарк, фон О. Вильгельм II. Воспоминания и мысли. М., 2007. С. 285.

гельм Николаю 7 февраля 1895 г., — многое произошло в Европе... Франция внезапно переменяла и своего главу, и свое правительство... Мой Рейхстаг держит себя из рук вон скверно... В Англии министерство плетется к падению, сопутствуемое насмешками всех. Словом, всюду требуется, чтобы “*principe de la monarchie*” (монархический принцип (фр.). — С.К.) проявил свою силу. Вот почему я так обрадован превосходной речью, которую ты недавно произнес перед депутациями в ответ на просьбы о реформах. Это было очень кстати и повсюду произвело глубокое впечатление»⁴⁹.

Приведенная цитата доказывает, что Вильгельм II, а значит — и его кузен, ассоциировали с самодержавием не абсолютизм, а принцип монархического суверенитета (в просторечии — монархический принцип), который противопоставлялся принципу народного суверенитета, воплощенному в республиках, и подразумевал, что верховным, а значит — единственным, источником государственной власти в любой монархии, безразлично — абсолютной или конституционной, является монарх, а не народ⁵⁰. Это полностью соотносится с тем, что, по сведениям Епанчина, для Николая II слово «самодержавный» означало — «независимый от какой бы то ни было верховной власти»⁵¹. Монархический принцип не исключал сосуществования монарха и народного представительства в рамках дуалистической системы (как в Германии) и даже парламентарной (как в Англии) и прежде всего — ограничения самодержавия в законодательстве.

Имея в виду слово «самодержавие», употребленное Николаем II 17 января 1895 г., лидер оппозиции князь Д.И. Шаховской писал несколько позже: «Вопрос в том, разумеет ли под этим словом единоличную власть наследственного монарха, который санкционирует закон и направляет общую жизнь государства, или же с понятием о самодержавии неразрывно связано самовластие чиновничества, презирающего права лиц и общественных учреждений... Пока ясно не высказано, что только отлившееся в последнюю форму самодержавие достойно этого имени, пока ясно не высказано, что все доводы идеалистов русского самодержавия — глупые бредни, до тех пор в царской речи нельзя найти ни слова возражения против самых крайних из высказанных в земских адресах и в земских собраниях взглядов. Это до такой степени очевидно, что на другой же день после произнесения ошеломившей большинство публики речи в таком органе, как «Новое время», было весьма резонно выяснено, что слова

⁴⁹ Там же. С. 265—266.

⁵⁰ Палиенко Н.Н. 1) Суверенитет. Ярославль, 1903. С. 311; 2) Основные законы и форма правления в России. Юридическое исследование. Харьков, 1910. С. 28, 33.

⁵¹ Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 332.

царя, в сущности, не противоречат высказанным земствами пожеланиям»⁵². Между тем, по сведениям графа С.Ю. Витте, А.С. Суворин публиковал в «Новом времени» то, о чем заведомо знал, что «сие будет встречено свыше одобрительно»⁵³. Оно и неудивительно — о несовместимости самодержавия с «самовластием чиновничества» и административным произволом Николай II заявлял публично сразу после воцарения, да и впоследствии.

Принимая сенаторов 11 ноября 1894 г., царь говорил: «Я уверен, что и при мне Сенат в деятельности своей будет руководствоваться одною правдою и законом»⁵⁴. В указе Сенату 22 марта 1903 г. о введении в действие нового Уголовного уложения Николай II объявил, что стремится «к укреплению в народе чувства законности, которое должно быть постоянным руководителем каждого как отдельно в кругу личной его деятельности, так и в совокупном составе сословий и обществ»⁵⁵. В указе Сенату 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» главную цель внутренней политики царь видел в «охранении полной силы закона, важнейшей в самодержавном государстве опоры престола, дабы ненарушимое и одинаковое для всех исполнение его почиталось первейшею обязанностью всех ... властей и мест, неисполнение же ее неизбежно влекло законную за всякое произвольное действие ответственность»⁵⁶.

Очевидно, что в глазах Николая II самодержавие не просто не противоречило принципу законности, но и являлось его непосредственной предпосылкой, тем более, что это полностью соответствовало статье 47 прежних Основных государственных законов, которая гласила: «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих»⁵⁷.

Объясняя возможность «правомерного самодержавия», официальный правовед Н.М. Коркунов указывал в 1904 г., что законность «является в нашей государственной жизни не ограничением, извне

⁵² Шаховской Д.И. Избранные статьи и письма. 1881—1895. М., 2002. С. 100—101. Ср.: Новое время. 1895. 18 января.

⁵³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. В 2-х тт. СПб., 2003. Т. 2. С. 188.

⁵⁴ Николай II. Указ. соч. С. 6.

⁵⁵ Российское законодательство X—XX вв. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 272.

⁵⁶ Савич Г.Г. Новый государственный строй России. Справочная книга. СПб., 1907. С. 6—8.

⁵⁷ Свод Основных государственных законов. Изд. 1892 г. С. 11.

навязанным власти, а собственным ее созданием», а потому «русская государственная власть сама себя ограничивала, сама стремилась установить и упрочить законность»⁵⁸. Адвокат и правый кадет В.А. Маклаков, отмечая, уже в эмиграции, что понимание самодержавия как правового строя «отражалось и в “Основных законах” старой редакции», полагал, что именно в процитированной статье «и был зачаток правового порядка, отличного от деспотии», «эмбрион “правового порядка”, который облегчил безболезненный переход к “конституции”»⁵⁹. Соображения Маклакова соотносятся с классификацией Киреева.

В 1896 г. А.А. Киреев писал: «Самодержавие бывает трех типов: 1) самодержавие типа бюрократического (*der Polizeistaat* (полицейское государство (нем.). — С.К.)) с формулой “*L’Etat — c’est moi*” (“Государство — это я” (фр.). — С.К.); 2) самодержавие типа славянофильского с формулой “много умов и одна воля”; 3) самодержавие типа западнического с формулой “много умов и много волей” (современный парламентаризм разных видов и степеней)». Разница между самодержцем и среднеазиатским ханом, отмечал генерал, «принципиальная — именно та, что хан не связан ничем, что в основании его действий лежит лишь один полнейший произвол, а в государстве славянофильском царь связан нравственно своею совестью и как христианский государь, царствующий над христианским народом, ответствен перед Богом и Церковью»⁶⁰. Николай II сознательно отличал «истинное самодержавие» не только от восточного деспотизма, но и от западного абсолютизма.

Принимая 2 апреля 1905 г. лидера консерваторов Б.В. Никольского, царь полностью согласился с доводами собеседника, который раскритиковал интеллигентов и иностранцев за то, что они «обыкновенно сопоставляют самодержавие с абсолютизмом» либо (как «умные люди» типа Витте) с «просвещенным абсолютизмом». Озвучивая взгляды самого монарха, Никольский находил, что подобное сопоставление «совершенно невозможно», поскольку нет ничего общего между «западным абсолютизмом, выросшим на почве феодально-сословной», и «нашим самодержавием, порожденным высшим напряжением национального демократического и религиозного духа». Реагируя на слова Никольского о том, что «взгляд на царя как на выборного всей Земли русской и дает самодержавию высшее идейное содержание», Николай II сочувственно заметил: «Как

⁵⁸ Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1908. Т. 1. С. 219, 457.

⁵⁹ Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля — 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 30—31, 31—32.

⁶⁰ Киреев А.А. Указ. соч. С. 49, 50.

же, ведь и наш Дом (т.е. Дом Романовых в 1613 г. — С.К.) был выбран народом»⁶¹. Неверно понимаемому «самодержавию» царь противопоставлял понятие «истинного самодержавия». Так, в манифесте 18 февраля 1905 г. «О призыве властей и населения к содействию самодержавной власти в одолении врага внешнего, в искоренении крамолы и в противодействии смуте внутренней» он заявил о своем стремлении «к вящему укреплению истинного самодержавия на благо всем нашим верным подданным»⁶². Что же Николай II понимал под «истинным самодержавием»?

В марте 1895 г. (!), критикуя «парламентаристов», сторонников парламентарной системы, и характеризуя внутривластическую ситуацию в России, Киреев отмечал, что «полная гласность могла бы царствовать в Государственной думе, облеченной совещательным голосом»⁶³. «Истинно самодержавная власть, — писал в 1899 г. Д.А. Хомяков, другой истолкователь идей первых славянофилов, — непременно себя проявит всяческими видами общения с народом, из которых одним может быть и Земский собор. Но Земские соборы сами по себе вовсе не панацея: они только симптомы»⁶⁴. Иными словами, «истинное самодержавие» не только не являлось абсолютизмом, но и не знаменовало собой буквального возвращения к Московской Руси и подразумевало создание народного представительства, но не обязательно в виде Земского собора. Несомненно, что в данном случае поздние славянофилы выражали точку зрения Николая II.

При открытии в феврале 1896 г. в Петербурге совещания губернских предводителей дворянства киевский предводитель гофмейстер Высочайшего двора князь Н.В. Репнин высказался за возвращение к «истинному самодержавию» посредством ограничения самовласти бюрократии, расширения выборного начала, предоставления избранным от населения лицам участия в законодательстве и созыва съезда представителей земского самоуправления⁶⁵. Выступление Репнина никак не испортило его карьеры — он продолжал оставаться киевским предводителем и далее, а позднее — был возведен Николаем II в обер-гофмейстеры, т.е. в первые чины Высочайшего двора, и назначен членом Государственного совета!

⁶¹ Никольский Б.В. Дневник (1905—1907) // Красный архив. 1934. Т. 63. С. 74—75.

⁶² Савич Г.Г. Указ. соч. С. 12.

⁶³ Киреев А.А. Указ. соч. С. 344.

⁶⁴ Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность. Монреаль, 1983. С. 152.

⁶⁵ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в кон. XIX в. Л., 1973. С. 221—222.

В конце XIX — начале XX в. для Николая II и его ближайших сотрудников являлось весьма актуальным идеологическое обоснование выделения понятия «истинное самодержавие» из концептов не только «западного абсолютизма», но и «восточного деспотизма», в связи с развитием самоуправления в России вплоть до создания народного представительства. «Нам необходимо согласовать принцип самодержавия с самоуправлением, — писал 8 сентября 1899 г. В.К. Плеве, тогда — государственный секретарь, своему подчиненному Д.Н. Любимову. — Для этого надо поработать, прежде всего, над раскрытием духовной стороны русского самодержавия, намеченной в трудах первых славянофилов, ради очищения автократического принципа и от восточных понятий, и от ереси просвещенного абсолютизма, подставляющего под понятие государства понятие о личности самодержца и затемняющего служебную роль автократического режима на благо народа»⁶⁶. Необходимо напомнить — в январе 1895 г. Николай II говорил одновременно и о «благе народном», и о «начале самодержавия», видя в них не противоположные полюса, а взаимозависимые факторы и полагая, что как «благо народное» невозможно без утверждения «начала самодержавия», так и «начало самодержавия» должно служить «благу народному».

По окончании аудиенции, данной Николаем II Никольскому 2 апреля 1905 г., последний говорил министру Императорского двора барону В.Б. Фредериксу: «Самодержавие согласуемо с какими угодно реформами, не только либеральными, но прямо радикальными. Согласуемо оно, стало быть, и с выборным началом, ибо собрание выборных, по воле самодержавного государя созванное, самодержавию не противоречит, если у царя находятся честные исполнители его воли»⁶⁷. Положительная реакция министра на приведенное мнение свидетельствовала, что оно соответствовало и взглядам императора, тем более что он молчаливо согласился с министром юстиции С.С. Манухиным, заявившим 19 июля 1905 г. во время обсуждения проекта законосовещательной Государственной думы: под понятием «истинного самодержавия» «разумеется ясное представление о пользах и нуждах народных»⁶⁸, очевидно — возникающее из общения самодержца с представителями народа.

В 1913 г., пером генерала А.Г. Елчанинова, Николай II максимально конкретизировал свои взгляды на «истинное самодержавие», которое существовало в Древней Руси и «созывом народных представителей не умалялось и не ограничивалось» (это и есть монархический принцип), но, тем не менее, «было неразрывно связано с

⁶⁶ Любимов Д.Н. Памяти В.К. Плеве. СПб., 1904. С. 27—28.

⁶⁷ Никольский Б.В. Указ. соч. С. 74—75.

⁶⁸ Петергофские совещания. Пг., 1917. С. 22.

“голосом земли” — с народным представительством, в лице Земских соборов и веча». В 1905 г., «волею государя, этот “голос земли” принял новый, более современный вид, но духом он остался тем же чисто русским “единением царя с народом”, которое впервые зародилось у нас же на Руси и всегда в ней жило»⁶⁹. Следовательно, прежние Земские соборы и Государственную думу связывало, с точки зрения Николая II, лишь духовное преемство, что не оставляло самодержавие и после 1905 г. неограниченным.

Именно на фоне противоречивого дискурса о самодержавии и проходило общение царя со Стэдом, который получил поводы для более близкого знакомства с Николаем II 12 августа 1898 г. В этот день по повелению самодержца министр иностранных дел М.Н. Муравьев передал всем находившимся в Петербурге представителям иностранных держав циркулярное сообщение, предлагавшее начать подготовку международной конференции для ограничения роста вооружений и упрочения всеобщего мира. «Положить предел непрерывным вооружениям, — говорилось в сообщении, — и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья — таковы ныне высший долг для всех государств. Преисполненный этим чувством, Государь император повелеть мне соизволил обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитованы при Высочайшем дворе, с предложением о созвании конференции в видах обсуждения этой важной задачи»⁷⁰. Хорошо знавший Николая II в качестве его воспитателя Данилович писал 29 августа 1898 г. управляющему делами Комитета министров А.Н. Куломзину, подражая монарха, что пацифистская идея циркуляра «вполне соответствует всему складу его убеждений»⁷¹.

Естественно, что Стэд как один из лидеров не только британского, но и мирового пацифизма «горячо приветствовал мирные инициативы русского царя»⁷² и тут же решил поехать в Россию и добиться аудиенции у Николая II. К организации аудиенции был причастен, как и в 1888 г. (в случае с Александром III), не только Киреев, но и Победоносцев. Не случайно опубликованный в 1897 г. «Московский сборник», самый известный труд обер-прокурора Синода, уже в 1898 г. издается в Лондоне под названием «Размышле-

⁶⁹ Елчанинов А.Г. Царствование государя императора Николая Александровича. СПб., 1913. С. 119—120.

⁷⁰ См. подробн.: Рыбаченок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 г. в Гааге. М., 2005.

⁷¹ Г.Г. Данилович — А.Н. Куломзину. 29 августа 1898 г. // РГИА. Ф. 1642 (А.Н. Куломзин). Оп. 1. Д. 279. Л. 10.

⁷² Зашихин А.Н. Указ. соч. С. 116.

ния русского государственного деятеля»⁷³ в серии «Русская библиотека», под редакцией именно Стэда.

Встреча царя и журналиста произошла в Ливадии 13 октября 1898 г., когда Николай II записал: «Принял англичанина Стэда и говорил с ним целый час»⁷⁴. Вспоминая через семь лет эту и следующую встречи, Стэд отмечал, что Николай II беседовал с ним «не как государь с журналистом, а как человек с человеком». В ходе общения с венценосцем Стэд «почувствовал величайшее уважение к живому сочувствию, острому пониманию и широкой человечности» самодержца. «И ничто, — подчеркивал публицист, подразумевая Николая II, — не могло бы поколебать моего абсолютного убеждения в его прозрачной искренности и его патриотической преданности благосостоянию его подданных»⁷⁵. Англичанин искренно выделял императора из иерархии власти, поскольку, по мнению Стэда, бюрократия затемняла проходившие сквозь нее светлые проявления монаршей воли. Вскоре после встречи с монархом Стэд признался директору Императорских театров князю С.М. Волконскому, что «когда он говорит с Николаем II, он чувствует себя перед культурным человеком; когда же он читает в газетах правительственные распоряжения, — это исходит от некультурного правительства»⁷⁶. Тема чиновного средостения, отделяющего царя от народа, имела актуальность не только для поздних славянофилов, но и для английских либералов.

Как известно, результатом инициативы Николая II, вдохновляемого в том числе и Стэдом, явилась Первая конференция мира, открывшаяся в Гааге 6 (18) мая и работавшая до 17 (29) июля 1899 г. Участники Конференции подписали три конвенции (о мирном решении международных столкновений, о законах и обычаях сухопутной войны и о регулировании законов и обычаев морской войны) и три декларации (о воспреещении метать снаряды с воздуха, употреблении химического оружия и разрывных пуль). Ключевое значение имела Конвенция о мирном решении международных столкновений, во исполнение которой была учреждена Постоянная палата третейского суда, функционирующая до сих пор. Еще одним итогом пацифистской активности Николая II явилось то, что в конце 1890-х гг. благодаря Стэду и другим западным почитателям самодержца в ев-

⁷³ *Pobyedonostseff K.P. Reflections of a Russian Statesman. L., 1898.*

⁷⁴ *Николай II. Дневники (1894—1918). В 2-х т. М., 2011. Т. 1. С. 438.*

⁷⁵ Письмо В.Т. Стэда «*Apologia pro vita mea*» («В защиту моей жизни») // Русские ведомости. 1905. 16 сентября. Впервые это «Письмо» было опубликовано 14 сентября 1905 г. в газете «Слово».

⁷⁶ *Волконский С.М. Мои воспоминания. В 2-х тт. М., 1992. Т. 2. С. 129.*

ропейском общественном мнении стал формироваться образ «Николая-Мироносца»⁷⁷, при отсутствии и намек на существование образа «Николая Кровавого».

Заочное общение Стэда с императором произошло осенью 1903 г., когда журналист опубликовал в английских газетах открытое письмо В.К. Плеве, который в это время занимал пост не только министра внутренних дел, но и министра статс-секретаря по делам Великого княжества Финляндского. Европейское общественное мнение считало Плеве ответственным за финляндскую политику царизма, нацеленную, по мнению Запада, на ликвидацию автономии Финляндии, подтверждение чему видели в Манифесте 3 февраля 1899 г. о разграничении великокняжеского и общеимперского законодательства. В действительности Плеве стремился к соглашению с умеренными финскими деятелями, а потому пытался сблизиться со «старофинской партией» и найти «средний путь», обеспечивающий интересы России и Финляндии. В качестве посредника Плеве использовал графа К.А. Армфельта, начальника Канцелярии Финляндского статс-секретариата, послав несколько писем к лидерам «старофинской партии». В этих письмах Плеве выступал за то, чтобы установить «дружеские отношения» и определить политическую линию, на которой «можно было бы взаимно сойтись», однако попытки министра статс-секретаря «ни к чему конкретному не привели»⁷⁸. И Плеве по-прежнему пользовался незаслуженной репутацией гонителя финляндской конституции, как, впрочем, и русской.

Ответное письмо Плеве Стэду, опубликованное в газетах Германии и Франции, но замолчанное английской прессой, несомненно, выражало мнение самого Николая II и непосредственно касалось отношений не только между Россией и Финляндией, но и между властью и обществом в России. «Основная задача государственной власти — благо управляемых — может быть достигнута лишь совместным трудом власти и населения, — говорилось в письме. — От участников этой совместной работы требуется, с одной стороны — признание населением обязательности для него общегосударственных целей, а с другой — признание пользы для государства от самостоятельности его составных элементов. Вот почва, на которой должны сойтись в общей работе власть и общественная самостоятельность. Сочетание единой государственности и местной автономии,

⁷⁷ Зашихин А.Н. Указ. соч. С. 116.

⁷⁸ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 127—128, 160—161. См. подробн.: Полвинен Т. Держава и окраина. Н.И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии 1898—1904 гг. СПб., 1997. С. 196—207.

самодержавия и самоуправления, есть принцип, который следует принимать во внимание при оценке действий русского правительства в Великом княжестве Финляндском». По мнению министра, а значит — и царя, Манифест 3 февраля 1899 г. подтвердил этот принцип и если и вызвал негативное отношение со стороны финнов, то потому, что в Финляндии «понятие местной автономии выработалось гораздо шире», в действительности же Манифест «дал сочетание принципа самодержавия с принципом местного самоуправления без умаления прав последнего». Налицо, таким образом, артикуляция идеологии консервативного либерализма.

Сделав акцент на «совместимости самодержавия с широким местным самоуправлением и гражданской свободой», Плеве дал консервативно-либеральную трактовку и Манифесту 26 февраля 1903 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»: «Развитие духовных и материальных сил населения постепенным приобщением его к участию в сознательной общественной жизни, как здоровое консервативное начало управления, входило всегда в намерения верховных руководителей русской государственной жизни. Эти намерения недавно вновь возведены с высоты престола манифестом 26 февраля 1903 г. В нашем государстве этот процесс совершается в соответствии с историческими основами государства и национальными особенностями населения». Деятельностью на рубеже XIX—XX вв., полагал Плеве, «русское самодержавие дало непрерываемое доказательство своей зиждительной силы в области усовершенствования форм гражданственности», в очередной раз доказывая, что «величайшие социальные проблемы безмятежно и мирно разрешались в России благодаря условиям ее государственного строя»⁷⁹. Размышления Плеве важны не только потому, что он выражал точку зрения Николая II, но и по причине того, что Манифест 26 февраля 1903 г. являлся, хронологически и идейно, предшественником манифеста 17 октября 1915 г., к появлению которого был причастен Стэд.

Подготовка Манифеста 26 февраля 1903 г. началась еще в начале 1902 г., поскольку уже 16 апреля этого года Николай II вернул князю В.П. Мещерскому составленный им проект Манифеста и одобрил его «как мысль». В проекте самодержец, приоткрывая завесу тайны над своими либеральными взглядами, признавал свободу «нужную, как условие труда и жизни каждого из наших верноподданных», а потому предписывал «разработать условия, на которых могла бы быть расширена разумная свобода слова и совести, в согласовании оной с духом нашей Церкви и государственного строя», причем

⁷⁹ Любимов Д.Н. Указ. соч. С. 30, 31, 33.

в более поздней редакции упомянутым свободам посвящены особые пункты. Впрочем, 14 января 1903 г. царь информировал князя: «Статью о свободе слова я совсем вычеркнул. Она была бы несвоевременна»⁸⁰. Тем не менее в опубликованной редакции Манифеста Николай II объявлял, что «в неусыпных заботах о подданных Наших» обрел «пути к осуществлению народного блага в разуме при-снопамятных дел державных наших предшественников и, прежде всего, незабвенного родителя Нашего». Тем самым император установил преемственность не только между царствованиями отца и деда, но и между своей речью 17 января 1895 г. и Манифестом 26 февраля 1903 г., поскольку в речи также говорилось о служении монарха «благу народному».

Заявив, подразумевая Александра III, что Бог возложил на сына «священный долг довершить начатое Им дело укрепления порядка и правды в Русской земле в соответствии с возникающими потребностями народной жизни», Николай II нашел необходимым отметить особо, что обладает «непреклонной решимостью незамедлительно удовлетворить назревшим нуждам государственным». Делая зримый шаг по пути либерализации режима, император предписывал «укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в Основных законах Империи Российской, которые, благоговейно почитая Православную Церковь первенствующей и господствующей, предоставляют всем подданным нашим инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной». Николай II выражал уверенность, что только при утверждении в семье, школе и общественной жизни «нравственных начал», «под сенью самодержавной власти», «могут развиваться народное благосостояние и уверенность каждого в прочности его прав». Император намеревался исполнить «помышления об усовершенствовании государственного порядка» «установлением прочного строя местной жизни, как главного условия преуспевания державы Нашей, на твердых основах веры, закона и власти»⁸¹.

По сути дела, Манифест 26 февраля 1903 г. декларировал, хотя и менее определенно, чем Манифест 17 октября 1905 г., необходимость упрочения гражданских прав. Не случайно, что консерватор князь А.Г. Щербатов, обращаясь к Николаю II в декабре 1905 г., заявил, что Манифест 26 февраля провозгласил «великие начала сво-

⁸⁰ *Ананьич Б.В.* О тексте Манифеста 26 февраля 1903 г. (Из архива В.П. Мешерского) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. 1983. Т. 15. С. 157, 161, 163, 164.

⁸¹ *Савич Г.Г.* Указ. соч. С. 3–5.

боды народной», осуществляемые царем «ныне»⁸², т.е. после Манифеста 17 октября. «Если на Западе Европы несомненно успехи конституционализма ведут роковым образом к торжеству самого варварского деспотизма, — писал Мещерский, выражая мнение Николая II, в «Дневнике» за 24 июня 1903 г., — то для России настала минута увидеть, как укрепление самодержавия русского должно вести к уничтожению последних элементов деспотизма и к торжеству свободы местной всенародной самодеятельности». Мещерский не скрывал своего восхищения тем, что с изданием Манифеста 26 февраля развернулась «работа правительства для укрепления самодержавия как источника свободы»⁸³. Таким образом, вопреки нелепым историографическим стереотипам, самодержавие, точнее — «истинное самодержавие», по мнению Николая II, не только не противоречило законности, свободе и гражданским правам, но и являлось их естественной предпосылкой.

Манифест 26 февраля свидетельствовал также, хотя и менее явно, что, с точки зрения царя, самодержавие было полностью совместимо и с народным представительством. Уже весной 1902 г., когда началась подготовка проекта Манифеста, сразу после получения Плеве портфеля министра внутренних дел его «первой мыслью было ввести в состав Государственного совета представителей высших слоев общественности», в связи с чем он «извлек из архивов» соответствующие проекты предшественников по руководству МВД графов П.А. Валуева, М.Т. Лорис-Меликова и Н.П. Игнатьева и в тайне даже от своего окружения «знакомил» с ними Николая II, очевидно, встречая сочувствие с его стороны, а потому лелеял мысль «об установлении в России, хотя бы в зачаточной форме, конституционного правления»⁸⁴. Необходимо напомнить: валуевский и лорис-меликовский проекты подразумевали создание при Государственном совете аналогов нижней палаты — Съезда земских гласных и, соответственно, подготовительных и Общей комиссий, игнатьевский — созыв Земского собора.

Несмотря на завесу тайны проявлявшаяся Плеве и Николаем II реформаторская активность попала в поле зрения оппозиции: в номере «Освобождения» за 18 ноября 1902 г. печатаются сразу две статьи, посвященные этому! «В чиновничьих сферах Петербурга, — сообщалось в первой из них, — усердно распространяется слух, что г. Плеве повез к царю в Ливадию “конституцию Лорис-Мелико-

⁸² Щербатов А.Г. Обновленная Россия и др. работы. М., 2002. С. 289.

⁸³ Гражданин. 1903. 26 июня. См. также: Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981. С. 91.

⁸⁴ Гурко В.И. Указ. соч. С. 148.

ва”». «Говорят, — информировала вторая статья, — что г. Плеве, уезжая из Петербурга в Ливадию, вытребовал из архивов бумаги по конституции Лорис-Меликова»⁸⁵. Что касается Земского собора, то уже 19 мая 1902 г. Плеве сообщил Суворину, что «очень сочувствует» идее созыва Собора «человек в 200—300», но находит это «несвоевременным»⁸⁶. Однако 2 апреля 1904 г. Плеве писал Кирееву: «Если Вы, Алексей Александрович, со своими друзьями предложите какую-либо формулу для созыва Земского собора и самого Собора, будет прекрасно»⁸⁷. Несмотря на все это, в том же «Освобождении» министр внутренних дел критиковался за реакционность!

Уже с Плеве Николай II обсуждал идею создания особого высшего выборного органа под названием «Государственная дума». Характеризуя план реформ, разработанный главой МВД по повелению царя, он говорил генералу князю В.Н. Орлову в октябре 1905 г., что «Государственная дума была им предусмотрена»⁸⁸. Осенью 1902 г., сообщал в октябре 1905 г. бывший военный министр генерал А.Н. Куропаткин генералу Н.П. Линевицу, «вопрос о Думе» даже возбуждался в Комитете министров, который составил соответствующий проект. Согласно Куропаткину, на следующее заседание Комитета, посвященное обсуждению этого проекта, Николай II принес «свою записку со своим проектом»⁸⁹. В апреле 1904 г., подчеркивая, что «“верхние дела” должны вершиться сообща в Боярской думе (Государственном совете) в присутствии государя», Плеве писал Кирееву, что делился с монархом мыслями «об усиленной Думе (очевидно — нижней палате. — С.К.), долженствующей заняться, прежде всего, вопросом финансовым»⁹⁰. Таким образом, создание в России в 1905—1906 гг. двухпалатного народного представительства предопределялось не столько влиянием Первой буржуазной революции,

⁸⁵ Освобождение. 1902. № 11. С. 178, 184.

⁸⁶ Там же. № 12. С. 200. Ср.: *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 282—283; *Суворин А.С.* Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма 1904—1908 гг. М., 2005. С. 206, 218.

⁸⁷ *Соловьев Ю.Б.* Указ. соч. С. 106, 107.

⁸⁸ *Орлов В.Н.* Из дневника // Былое. 1918. № 14. С. 57.

⁸⁹ *Линевич Н.П.* Дневник // Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Л., 1925. С. 112.

⁹⁰ *Андреев Д.А.* В.К. Плеве: сценарий власти и его восприятие современниками // Проблемы истории государственного управления: государственный аппарат и реформы в России (к 200-летию министерской системы управления в России). Мат-лы межд. науч. конф. 24—25 октября 2002 г. С.-Петербург. В 2-х ч. СПб., 2004. Ч. 2. С. 51.

сколько предыдущей деятельностью лидеров правительственного либерализма.

На то, что он занимается подготовкой создания народного представительства, Николай II прямо намекнул в Манифесте 26 февраля 1903 г., выразив надежду, что ему удастся «исполнить Наши помышления об усовершенствовании государственного порядка» «при тесном единении всех верных сынов Отечества». В Манифесте 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы», напомнив, что в Манифесте 26 февраля он призвал «к тесному единению всех верных сынов Отечества для усовершенствования государственного порядка», Николай II признал: «И тогда озабочивала Нас мысль о согласовании выборных общественных учреждений с правительственными властями и об искоренении разлада между ними, столь пагубно отражающегося на правильном течении государственной жизни. О сем не переставали мыслить самодержавные цари, Наши предшественники. Ныне настало время, следуя благим начинаниям их, призвать выборных людей от всей земли Русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов»⁹¹. Таким образом, необходимость образования народного представительства Николай II напрямую связывал с решением проблемы отношений между властью и земством посредством увенчания последнего высшим выборным органом — Государственной думой.

Принципиальное значение имели и другие слова Николая II, обращенные им 6 июня 1905 г. к депутации оппозиционных съездов земских и городских деятелей непосредственно во время подготовки проекта законосовещательной «Булыгинской Думы»: «Пусть установится, как было встарь, единение между царем и всею Русью, общение между мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам». Что в данном случае подразумевались именно земские соборы, а не атрибуты абсолютизма, видно из проекта Манифеста 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы», составленного, как и речь императора 6 июня, одним из наиболее близких к Николаю II сановников, начальником Военно-походной канцелярии царя графом А.Ф. Гейденом. «На зов государей своих, — читаем в его проекте, — всегда, как один человек, вставала наша земля. И когда потребность была, держали государи русские совет с землею своею о государевых и земских делах и об устройении державы своей. Сей обычай заветный, с расширением пределов государства, с увеличением его населения и с осложнением потребностей государственных утратил постепенно свое бытие, и правдивому слову народа о нуждах его стал затруднен доступ к государю. Ныне же, внемя обращенному к

⁹¹ Савич Г.Г. Указ. соч. С. 5, 22.

Нам голосу земли и городов Державы Русской и памятуя заветы и примеры венценосных предков Наших, Мы признали за благо: дабы слышать Нам, как встарь, голос народа по делам законодательства и управления..., — доверив всему населению обширной державы Нашей выбирать достойнейших из своей среды людей, учредить из них особое в государстве установление для разработки и обсуждения законодательных предположений, а равно и рассмотрения государственной денежной росписи»⁹².

Следовательно, когда 16 февраля 1906 г. Николай II говорил депутации самодержавно-монархической партии, что его самодержавие «останется таким, каким оно было встарь»⁹³, то он, вопреки домыслам современников и позднейших исследователей, подразумевал не отождествление самодержавия с абсолютизмом (формальной неограниченностью), а возвращение самодержавию старомосковского, исконного смысла (связанного прежде всего с неформальной ограниченностью, свойственной, кстати, королевской власти в Англии). Прилагательное «самодержавный» Николай II, министр Императорского двора генерал граф В.Б. Фредерикс, состоявший при особе его величества генерал О.Б. Рихтер и «многие лица из служилого класса и высшего общества», не «красные» и не «крамольники», понимали как «независимый от какой бы то ни было верховной власти, как этот титул и понимали в Московской Руси»⁹⁴. Действительно, согласно В.И. Далю, слово «встарь» означает «в старину», «в прежнее время», «в древности»⁹⁵ и никак не могло ассоциироваться у царя, хорошо знавшего русский язык, с XIX или XVIII в., т.е. с эпохой абсолютной монархии.

Учреждение Манифестом 6 августа 1905 г. законосовещательной Государственной думы Стэд и его единомышленники оценили весьма высоко. Манифест 6 августа, признавался Стэд, казался ему «и многим другим либералам всего мира зарей более светлого и счастливого дня для России и человечества. Это казалось началом нового режима свободы и прогресса»⁹⁶. Столь высокая оценка даже законосовещательной Думы объяснялась прежде всего тем, что для английских либералов вопрос о формально-юридическом придании нижней палате законодательных полномочий (что подразумевал Манифест 17 октября 1905 г.), не отличался принципиальностью, поскольку

⁹² Таганцев Н.С. Пережитое. В 2-х вып. Пг., 1919. Вып. 1. С. 41.

⁹³ Николай II. Полн. собр. речей. 1894—1906. СПб., 1906. С. 73.

⁹⁴ Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 332.

⁹⁵ Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2000. С. 152.

⁹⁶ Письмо В.Т. Стэда «*Apologia pro vita mea*» («В защиту моей жизни») // Русские ведомости. 1905. 16 сентября.

парламент Англии де-юре также был законосовещательным и его реальная сила базировалась не на законах, а на обычаях. Николай II знал об этой особенности политического строя Великобритании и, судя по всему как истый англичанин на русском троне намеревался привить ее и России, тем более, что мнение о сходстве обеих стран являлось общим местом славянофильской доктрины, в частности — в интерпретации Киреева.

В историографии «Булыгинская дума», на основе узко-формального анализа ее законосовещательного характера, третируется как «ненастоящая» и совершенно игнорируется проблема того, что в данном случае гораздо важнее не юридические, а фактические полномочия представительного органа, а они стали бы таковыми, что дает основание для утверждения: созданием даже законосовещательной Думы самодержавие в законодательстве было ограничено фактически и, тем самым, уже 6 августа была положена грань между абсолютной и конституционной монархией. Оппозиционные правоведы признавали, что по Закону 6 августа «Россия получила народное представительство», а потому эта реформа «имеет громадное историческое значение: введя в область верховного управления наряду с единодержавием власть, опирающуюся на народное избрание, она тем самым, по справедливому указанию печати, пробила брешь в крепости, еще так недавно казавшейся неприступной»⁹⁷. «Россия после учреждения Государственной думы по Закону 6 августа 1905 г., — констатировал кадетский государствовед С.А. Котляревский, — уже коренным образом отличалась в смысле распределения сил между правительством и обществом от той, которая была раньше»⁹⁸.

Автор проекта «Булыгинской думы» С.Е. Крыжановский писал, что она заложила основы «нового законодательного строя, который, сколь ни прикрывался совещательным характером Думы, был решительным и почти бесповоротным шагом к насаждению конституционализма»⁹⁹. Закон 6 августа, подчеркивал Витте во всеподданнейшем докладе от 9 октября 1905 г., «вовсе не имеет в виду призвать к жизни учреждение, лишенное всяких прав; фактически решения Думы, например, по рассмотрению бюджета, могут стать прямо решающими»¹⁰⁰, а 15 октября откровенно говорил Николаю II, что на

⁹⁷ Конституционное государство. Сб. ст. СПб., 1905. С. V.

⁹⁸ Котляревский С.А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 2004. С. 11—12.

⁹⁹ Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 73.

¹⁰⁰ Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии. Сб. док. М., 2000. С. 580.

«путь конституции» он «уже вступил Манифестом 6 августа и сопровождавшими его законами»¹⁰¹. «В сущности, — характеризовал Витте «Булыгинскую думу» в мемуарах, — была установлена нижняя палата, и Россия вошла в конституционное устройство»¹⁰². С Витте оказался полностью солидарным не кто иной, как... лидер реакционеров В.А. Грингмут, упрекавший А.Г. Булыгина и его помощников (т.е., прежде всего, Крыжановского), что они выработали «самую банальную конституцию по западным шаблонам»¹⁰³. В данном случае склонный к утрированию ситуации консервативный идеолог отнюдь не перегибал палку.

«Реформу, дарованную государем, — сообщал Суворин в «Новом времени» 7 августа, — иностранные газеты называют конституцией»¹⁰⁴. Крупнейший специалист по конституционному праву, итальянский профессор Ф.-П. Контuzzi в пособии, опубликованном позднее, утверждал, что 19 августа 1905 г. (по н. ст.) в России был опубликован «Императорский указ, содержащий Закон, который устанавливает Конституцию»¹⁰⁵. Получив известия о Манифесте 6 августа 1905 г., черногорский король Николай I, остававшийся неограниченным монархом, поинтересовался в присутствии секретаря русской миссии Ю.Я. Соловьева у драгомана П.А. Ровинского: «Не думаешь ли ты, Павло, что и мне пора дать своей стране конституцию?»¹⁰⁶. В Турецкой империи цензура запретила печатать известия об учреждении «Булыгинской думы», опасаясь, что «они возбуждают в подданных султана свободолюбивые мечтания»¹⁰⁷. Не случайно консерваторы в явное нарушение царской воли сокрушались, будто «устанавливаемое Манифестом [6 августа] «единение царя с народом» не таково, каким оно было встарь, а потому едва ли может лечь в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам»¹⁰⁸. По компетентной оценке Крыжановского, правые «не без оснований» усматривали в «Булыгинской думе» «переходную ступень к конституционному, а затем и парламентскому строю»¹⁰⁹.

Высокая оценка Стэдом и другими иностранными либералами

¹⁰¹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. С. 217.

¹⁰² Там же. С. 136.

¹⁰³ Грингмут В.А. Объединяйтесь, люди русские! М., 2008. С. 388.

¹⁰⁴ Суворин А.С. Указ. соч. С. 357.

¹⁰⁵ Contuzzi F.-P. Diritto costituzionale. Roma, 1907. P. 63.

¹⁰⁶ Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893—1922. М., 1959. С. 159.

¹⁰⁷ Котляревский С.А. Указ. соч. С. 11—12.

¹⁰⁸ Вязигин А.С. Манифест созидательного национализма. М., 2008. С. 258.

¹⁰⁹ Крыжановский С.Е. Указ. соч. С. 72.

Манифеста 6 августа 1905 г. объяснялось еще и тем, что он напрямую подразумевал превращение законосовещательной Думы в законодательную, причем вопрос об этом Николай II поставил в ходе подготовки Манифеста 6 августа. Приглашая 27 июля от имени царя на Совещание, занимавшееся выработкой его текста, Фредерикс сообщил Н.С. Таганцеву: в проекте Манифеста необходимо поместить слова монарха, сказанные им 21 июня (при приеме депутации от Отечественного союза и Союза русских людей), что «государь оставляет за собою законодательный почин в дальнейшем усовершенствовании Государственной думы» и «укажет те изменения, которые необходимо будет сделать в Учреждении Думы, чтобы закон вполне отвечал потребностям времени, жизни государства и благу народному». В проекте Манифеста, составленном А.Ф. Гейденом, а потому наиболее адекватно отражавшем воззрения самодержца, его просьба оказалась учтенной следующим образом: «Мы сохраняем всецело за Собою заботу о дальнейшем усовершенствовании Государственной думы, когда жизнь сама укажет Нам необходимость тех изменений в ее Учреждении, кои удовлетворяли бы вполне потребностям времени и благу государственному и народному»¹¹⁰.

В окончательный текст Манифеста 6 августа фраза из проекта Гейдена вошла почти дословно, но получила весьма важную, по своим последствиям, концовку: «Мы сохраняем всецело за Собою заботу о дальнейшем усовершенствовании Учреждения Государственной думы, и когда жизнь сама укажет необходимость тех изменений в ее Учреждении, кои удовлетворяли бы вполне потребностям времени и благу государственному, не преминем дать по сему предмету соответственные в свое время указания»¹¹¹. «Соответственные указания» последовали через два месяца — их содержал Манифест 17 октября 1905 г.

То, что Манифест 6 августа напрямую подразумевал акт, впоследствии вошедший в историю как Манифест 17 октября, не вызывало сомнений у современников самых разных политических направлений. «Государь, — отмечал А.С. Суворин 7 августа 1905 г., — обещает «дальнейшее усовершенствование» своей прекрасной реформы, а царское слово — верное слово»¹¹². Подразумевая Думу, председатель Центрального бюро Союза союзов П.Н. Милюков в тот же день в «Сыне Отечества» указывал, что «возможность ее дальнейшего изменения в духе, более соответствующем «потребностям времени», не исключена законом и прямо признана Манифестом. Все это такие политические завоевания, принципиальное значение ко-

¹¹⁰ Таганцев Н.С. Указ. соч. Вып. 1. С. 36, 37, 42.

¹¹¹ Савич Г.Г. Указ. соч. С. 22.

¹¹² Суворин А.С. Указ. соч. С. 357.

торых огромно»¹¹³. Для оппозиционных правоведов было «чрезвычайно знаменательно, что в самом Манифесте об учреждении Государственной думы предвидится необходимость изменений согласно потребностям времени, в зависимости от указаний жизни»¹¹⁴. Манифест 17 октября, резонно полагали лидеры Союза 17 октября, являлся «дальнейшим развитием Закона 6 августа 1905 г. о Государственной думе»¹¹⁵. Трактовка Манифестов 6 августа и 17 октября как причины и следствия была характерна и для государственных деятелей.

В трех вариантах проекта Манифеста 17 октября, подготовленного главноуправляющим Канцелярией по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых бароном А.А. Будбергом и членом Государственного совета И.Л. Горемыкиным, имелась одна и та же фраза: «Признав своевременным установить в законе порядок участия выборных от населения в законодательных трудах, мы утвердили Учреждение Государственной думы, сохранив за собою почин в дальнейшем усовершенствовании этого закона сообразно потребностям времени и благу государства»¹¹⁶. «Правительство, — обращался к Николаю II Витте в докладе, сопровождавшем издание Манифеста 17 октября, — должно следовать мысли, высказанной Вашим императорским величеством в Манифесте [6 августа] об образовании Государственной думы, что Положение о Думе подлежит дальнейшему развитию в зависимости от выяснившихся несовершенств и запросов времени»¹¹⁷.

Один из авторов проекта новых Основных государственных законов директор Александровского лицея А.П. Саломон отмечал в декабре 1905 г. во вступлении к своему проекту: «Приняв решение расширить prerogatives народного представительства, монарх вносил изменения в им же созданное Учреждение Государственной думы. Возможность этих изменений была предвидена и предуказана монархом в Манифесте 6 августа, и осуществление этих изменений сохранено монархом за собою»¹¹⁸. В относящейся к январю 1906 г.

¹¹³ *Миллюков П.Н.* Годы борьбы. Публицистическая хроника. 1905—1906. СПб., 1907. С. 70—71.

¹¹⁴ Конституционное государство. С. VI.

¹¹⁵ Полн. сб. платформ всех русских политических партий. М., 2001. С. 91.

¹¹⁶ Манифест 17 октября // Красный архив. 1926. Т. 11—12. С. 92, 93, 94—95, 96.

¹¹⁷ *Савич Г.Г.* Указ. соч. С. 26—27.

¹¹⁸ Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. / Вводн. ст., подг. текста и коммент. С. В. Куликова / Русское прошлое. 1998. Кн. 8. С. 110.

Мемории Совета министров по проекту «Временных правил о собраниях» говорилось об установлении Манифестами 6 августа и 17 октября «нового порядка рассмотрения законопроектов»¹¹⁹. В какой степени Манифест 26 февраля 1903 г. и последовавшие за ним реформаторские акты (указ 12 декабря 1904 г. и высочайший рескрипт 18 февраля 1905 г.) детерминировали появление Манифеста 6 августа, в такой и он обусловил появление Манифеста 17 октября, а все перечисленные документы, равно как и им предшествовавшие, стали результатом внутренней логики бюрократического реформаторства, развивавшегося не столько под влиянием оппозиционного или революционного движения, сколько параллельно, а зачастую — и вопреки им.

Русские оппозиционеры официально восприняли «Булыгинскую думу» крайне отрицательно, и накал их борьбы с властью после Манифеста 6 августа повысился еще более. В результате — 7 августа Центральное бюро нелегального Союза союзов во главе с П.Н. Милюковым было арестовано в полном составе на конспиративной квартире под Петербургом, формально — под предлогом того, что его члены обсуждали уже утвержденный закон о Думе¹²⁰. Указ 18 февраля 1905 г., разрешивший подобные обсуждения, впрочем — только легальным учреждениям, оказался отмененным накануне, с изданием Манифеста 6 августа, дабы отныне «виды и предположения по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния», восходили до верховной власти «порядком, в Учреждении Государственной думы установленном»¹²¹, т.е. в законодательном порядке. Но и без формальных поводов материал, полученный при обыске, дал «вполне достаточные основания» для установления «явно революционной деятельности» Союза союзов¹²². Милюкова и других руководителей Союза союзов заключили в петербургскую тюрьму «Кресты», хотя, вспоминал Милюков, «в течение проведенного в тюрьме месяца нас ни разу не беспокоили допросами. И вообще, на тюремном режиме уже отразились новые веяния. Начальник тюрьмы (“Кресты”) проявлял все признаки либерализма»¹²³. Как увидим ниже, дело, конечно, было в начальнике, но не тюрьмы, а... государства.

¹¹⁹ Совет министров Российской империи 1905—1906 гг. Док. и матлы. Л., 1990. С. 165.

¹²⁰ Милюков П.Н. Воспоминания. В 2-х т. М., 1990. Т. 1. С. 306.

¹²¹ Указ 6 августа 1905 г. // Законодательные акты переходного времени (1904—1908 гг.). СПб., 1909. С. 184—185.

¹²² Гурко В.И. Указ. соч. С. 460.

¹²³ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 307.

Манифест 6 августа и арест вожаков Союза союзов 7 августа побудили Стэда отправиться в Россию: его удивил «очень недружелюбный прием», оказанный Манифесту русскими оппозиционерами, «боязливыми и подозрительными после столь многих разочарований», но «еще с большей тревогой и горем» он узнал об аресте Милюкова и его соратников — и в том, и в другом английский журналист увидел «жестокое недоразумение»¹²⁴. Стэд был знаком не только с Милюковым, но и с М.М. Ковалевским, который писал: «Когда Стэд услышал, что в России начался поворот в сторону представительных учреждений, он поддался вполне понятному, особенно для англичанина, чувству доброжелательной любознательности»¹²⁵. Однако дело заключалось не столько в «чувстве доброжелательной любознательности», сколько в обеспокоенности Стэда по поводу экстремистского поведения либералов в России, обеспокоенности, разделявшейся всеми английскими руссиеведами.

Англичанам казались, отмечает А.Н. Зашихин, «не просто “экстравагантными”, а откровенно опасными» такие «действия либеральной оппозиции», как, например, двусмысленная позиция в отношении Булыгинской думы и «продолжавшееся заигрывание с революционными партиями». «Британские журналисты, симпатизировавшие либералам, — заключает исследователь, — пытались предостеречь их от поспешных и ошибочных, по их мнению, шагов»¹²⁶. Но если коллеги Стэда по ремеслу делали это опосредованно, в английских газетах и журналах, то Стэд как патриарх руссиеведения решил не просто лично образумить оппозиционеров, но и навести мост примирения между ними и монархом. «Мне казалось трагическим положением, — мотивировал Стэд поездку в Россию, — что такой государь в самом акте самоограничения своего самодержавия увидел бы свои добрые намерения — неверно истолкованными и свою искренность — оспариваемой благодаря произвольным действиям, совершенно противоречащим всему духу Указа 6 августа». Стэд приехал в Петербург 12 августа с «глубоким убеждением в либеральных намерениях государя», желая раскрыть «секрет» об этих намерениях его подданным¹²⁷. Итак, с одной стороны, журналист запланировал общение с Николаем II, а с другой — с лидерами оппозиции.

¹²⁴ Зашихин А.Н. Уильям Стэд и провал его «миссии» в России осенью 1905 г. С. 70.

¹²⁵ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 342.

¹²⁶ Зашихин А.Н. Глядя из Лондона. С. 127.

¹²⁷ Письмо В.Т. Стэда «*Apologia pro vita mea*» («В защиту моей жизни») // Русские ведомости. 1905. 16 сентября.

Как и в первый приезд в Россию, для организации встречи с императором Стэд обратился к Кирееву и Победоносцеву. «На днях, — записал 14 августа генерал, подразумевая обер-прокурора Синода, — он писал мне по поводу Стэда, которому я хотел доставить аудиенцию у царя»¹²⁸. Предваряя аудиенцию, в статье, опубликованной 19 августа в газете князя Э.Э. Ухтомского, друга юности царя, «Рассвет» и одновременно в журнале самого Стэда «Review of Reviews», он объявил, что создание Думы покроет царствование Николая II «вечной и неувыдаемой славой»¹²⁹. Встреча монарха и журналиста произошла 1 сентября, когда Николай II отметил: «После чая принял старого знакомого W. Stead»¹³⁰. По свидетельству Стэда, аудиенция длилась полтора часа¹³¹, что подтверждает, со слов того же Стэда, Киреев, записавший: англичанин «был у царя целых 1 1/2 часа»¹³². Самая большая загадка, связанная с этим событием, — о чем же «старые знакомые» столь долго говорили?

В англоязычном рассказе о встрече с императором Стэд остановился только на человеческих качествах самодержца, подчеркнув, что снова был очарован его «простотой и искренностью»¹³³. Это соотносится с тем, что Стэд сообщил о Николае II Кирееву, который отметил: журналист нашел императора «самым очаровательным человеком, кристально честным, с лучшими намерениями», хотя «он не схватывает суть событий» (дневниковая запись от 7 сентября)¹³⁴. Последний упрек нельзя не воспринять иронически: можно по-разному относиться к Николаю II, но он, постоянно живя в России, понимал «суть событий» все же лучше, чем приезжий иностранец. Не исключено, однако, что здесь проявился скептицизм не Стэда, а Киреева, которым уже с началом царствования Николая II начал овладевать «пессимизм», поскольку ему казалась очевидной «политическая неспособность нового императора», а потому от него генерал «с самого начала не ждал ничего доброго», так что относительно царя у Киреева даже «вырывались очень резкие выражения»¹³⁵.

¹²⁸ Киреев А.А. Указ. соч. С. 80.

¹²⁹ Stead W.T. The Letters from Russia // Review of Reviews. 1905. № 190. P. 378—379.

¹³⁰ Николай II. Дневники. М., 1991. С. 277.

¹³¹ Stead W.T. The Letters from Russia // Review of Reviews. 1905. № 190. P. 381.

¹³² Киреев А.А. Указ. соч. С. 86.

¹³³ Stead W.T. The Letters from Russia // Review of Reviews. 1905. № 190. P. 381.

¹³⁴ Киреев А.А. Указ. соч. С. 86.

¹³⁵ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 659, 663.

Ни в одной из русских газет об аудиенции Стэд ничего не сообщил, только туманно упомянув о лицах, которые «милостиво пожелали» принять его¹³⁶. Естественно, что столь витиеватое выражение намекало на Николая II — о содержании беседы с монархом журналист вообще умолчал.

Согласно действовавшей вплоть до 1917 г. законодательной норме, регулировавшей придворную цензуру, «сочинения и статьи», в которых «излагаются изустные выражения Государя императора», могли печататься «не иначе, как с разрешения министра Императорского двора»¹³⁷. Норма эта относилась прежде всего к официальным мероприятиям с участием самодержца, но аудиенция, данная Николаем II Стэду, имела совершенно частный характер, а потому при всем своем желании донести до публики слова, сказанные во время нее царем, журналист не мог. Характерно, что даже сообщая о состоявшейся также 1 сентября, перед аудиенцией, встрече с министром иностранных дел графом В.Н. Ламздорфом, Стэд написал, да и то только для английского читателя: «У нас была долгая и приятная беседа — не для публикации, но я не злоупотреблю доверием, если скажу, что граф Ламздорф тепло говорил в пользу более тесных и дружественных отношений с Англией»¹³⁸. Поскольку Стэд не имел возможности передать содержание своей беседы с царским министром даже соотечественникам, не считая одной дежурной фразы, то информирование о мнениях царя русской публики было для иностранца вне всякого вероятия.

Впрочем, об общении с Николаем II Стэд рассказал вскоре после аудиенции Кирееву, дневниковые записи которого позволяют отчасти реконструировать содержание беседы царя и журналиста. Николай II заявил Стэду, что «рассчитывает на Думу» и «желает познакомиться с выдающимися членами Думы» (запись от 7 сентября)¹³⁹. Более того, монарх «прямо» сказал журналисту, что «Витте будет премьер-министром» (запись от 14 сентября)¹⁴⁰. Таким образом, назначение Витте председателем Совета министров Николай II предрешил по меньшей мере за полтора месяца до того, как 17 октября повелел новоиспеченному графу «принять меры к объедине-

¹³⁶ Письмо В.Т. Стэда «*Apologia pro vita mea*» («В защиту моей жизни») // Русские ведомости. 1905. 16 сентября.

¹³⁷ Григорьев С.И. Придворная цензура и образ верховной власти (1831—1917). СПб., 2007. С. 73.

¹³⁸ *Stead W.T. The Letters from Russia // Review of Reviews. 1905. № 190. P. 381.*

¹³⁹ Киреев А.А. Указ. соч. С. 86.

¹⁴⁰ Там же. С. 87.

нию деятельности министров, впредь до утверждения законопроекта о Совете министров»¹⁴¹.

В свою очередь, Стэд «давал царю хорошие советы» (9 сентября)¹⁴², в частности — «объяснил необходимость дать свободу прессы, собраний, Habeas Corpus act (т.е. неприкосновенность личности. — С.К.), [свободу] совести», но, как в Англии, «под ответственность перед судом» за злоупотребление свободами (7 сентября)¹⁴³. Стэд, записал Киреев в другом месте, «объяснил царю: Дума должна во что бы то ни стало иметь четыре «ноги», разумея свободу совести, свободу слова, свободу собраний и свободу союзов», но, «конечно, с ответственностью перед законом» (16 сентября)¹⁴⁴. Очевидно, что политические рекомендации англичанина вызвали сочувствие у самодержца, тем более что он, по просьбе Стэда, согласился освободить Милюкова.

Подразумевая Стэда, Киреев записал, что генерал Д.Ф. Трепов, товарищ министра внутренних дел и петербургский генерал-губернатор, «по приказанию царя «дарит» ему арестованного Милюкова» (15 сентября)¹⁴⁵. Кстати, Николай II освободил из Крестов Милюкова второй раз: первый раз это произошло по ходатайству В.О. Ключевского в декабре 1902 г. после полумесячного заключения будущего кадетского лидера¹⁴⁶. Менее осведомленный, чем Киреев, М.М. Ковалевский ошибочно полагал, будто Стэд «добился» освобождения Милюкова от Трепова¹⁴⁷, но понятно, что самовольно подобные вопросы генерал решать не мог. Наконец, как сообщил Кирееву Стэд, он получил от императора «разрешение «держат конференцию», произносить речи где, когда и о чем желает!» (запись от 15 сентября)¹⁴⁸. Ковалевский снова ошибочно считал, что разрешение на это Стэд получил также от Трепова, однако был прав, когда, конкретизируя темы «конференций», вспоминал, что журналист получил право «разъезжать по России с лекциями о современном положении и защитой, в частности, Булыгинской Думы»¹⁴⁹. Николай II возложил на Стэда миссию донести до русского общества политические планы царя, решившись на использование столь экстремальных

¹⁴¹ Савич Г.Г. Указ. соч. С. 25.

¹⁴² Киреев А.А. Указ. соч. С. 87.

¹⁴³ Там же. С. 86.

¹⁴⁴ Там же. С. 88.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Макушин А.В., Трибунский П.А. П.Н. Милюков: труды и дни. Рязань, 2001. С. 274.

¹⁴⁷ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 342.

¹⁴⁸ Киреев А.А. Указ. соч. С. 88.

¹⁴⁹ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 342.

равагантного живого рупора, судя по всему в силу заведомой нейтральности статуса английского журналиста и безупречности его либеральных убеждений.

И все же — имеется уникальная возможность узнать исчерпывающим образом о том, что говорил Николай II Стэду во время их встречи. В середине сентября 1905 г., будучи в Москве, журналист два раза посетил редакцию «Русских ведомостей», где рассказал о своей беседе с Треповым. «В Петербурге, — сообщала редколлегия, — Стэд имел возможность говорить с лицами, руководящими ныне внутренней политикой России и составить себе известное представление о том курсе, которому эта политика предполагает следовать. Наиболее полные указания были получены им от генерала Д.Ф. Трепова, взгляды которого в настоящее время представляют немалое значение для русского общества»¹⁵⁰. Стэд встречался с Треповым дважды — 6 и 7 сентября¹⁵¹, и, несомненно, беседовал с ним на самые серьезные темы. Позволительно, однако, предположить, что в действительности Стэд рассказал в редакции о том, что ему говорил не Трепов, а... Николай II. Это предположение подтверждается сопоставлением дневниковых записей Киреева и московского рассказа Стэда, опубликованного в «Русских ведомостях» 15 сентября. Не менее важно и то, что журналист предоставил себя императору в качестве живого рупора, ходячего послания, адресованного либеральной оппозиции.

Даже если Стэд действительно воспроизвел содержание беседы именно с Треповым, то характер генеральских откровений таков, что они могли быть сделаны только с «высочайшего соизволения». Когда в сентябре 1904 г. князь П.Д. Святополк-Мирский, вступая в должность министра внутренних дел, дал без санкции монарха несколько интервью в том числе и иностранным корреспондентам, управляющий Кабинетом его величества Министерства двора князь Н.Д. Оболенский предупредил Мирского: «государю не нравится, что он говорил с корреспондентами»¹⁵². Следовательно, и в этом случае в «Русских ведомостях» воспроизводятся мысли самого царя, только тогда в роли рупора его идей оказывается Трепов. Впрочем, между 1 и 6—7 сентября генерал докладов у императора не имел¹⁵³, а потому последнее предположение маловероятно. Это подтверждается и тем, что в сохранившихся докладах и записках Трепова Нико-

¹⁵⁰ Беседа с В.Т. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 15 сентября.

¹⁵¹ *Stead W.T.* The Letters from Russia // Review of Reviews. 1905. № 190. P. 382.

¹⁵² *Святополк-Мирская Е.А.* Дневник // Исторические записки. 1966. Т. 77. С. 243.

¹⁵³ *Николай II.* Указ. соч. С. 277—279.

лаю II за август-сентябрь 1905 г. не имеется даже косвенных упоминаний о Стэде.

Примечательно и другое: 24 сентября 1905 г. Трепов представил Николаю II доклад, в котором рекомендовал «совершенно ясно и определенно выработать программу правительственных предначертаний в области разного рода реформ и предать таковую самой широкой гласности и распространению в народе». «В оповещении об означенных реформах, — полагал генерал, — желательно было бы подчеркнуть, что таковые исходят от правительства и затрагивают все стороны государственной жизни, так что оппозиционные партии в своих «платформах» ничего нового не вносят, кроме отвлеченных теорий государственного переустройства»¹⁵⁴. Но именно программу правительственных реформ Стэд развил перед редколлегией «Русских ведомостей» еще в середине сентября.

«В правительственных сферах, — начинается этот единственный в своем роде императорский мэсидж, адресованный оппозиционерам, — сознают, что Россия переживает в настоящее время великий кризис и что положение опасно тем, что приходится одновременно считаться со многими крупными вопросами». Далее материал группируется по тематическим блокам — составным частям программы либеральных реформ Николая II, первое место в которой занимают социально-экономические преобразования.

В области крестьянского вопроса на повестку дня поставлены «4—5 главнейших вопросов», такие аграрные реформы, как: «1) уничтожение чересполосицы; 2) расширение деятельности Крестьянского банка и создание мелиоративного кредита для крестьян в целях облегчения им возможности приобретения сельскохозяйственных машин и введения других улучшений в обработке земли; 3) лучшая организация переселений; 4) меры к увеличению крестьянских наделов, причем до известной степени, — считал собеседник Стэда, — может быть применен и способ, рекомендуемый сторонниками национализации земли, поскольку это будет вызываться необходимостью».

Следующая важная проблема — народное образование, которое необходимо реформировать «так, чтобы все дети, рожденные в России, могли получить бесплатное начальное образование», поскольку Россия «достаточно богата, чтобы осуществить этот идеал в недалеком будущем». Развитие системы средних школ «должно быть предоставлено обществу — земствам, городам, частным лицам, и пра-

¹⁵⁴ «Вы единственный из моих слуг, на которого я могу совершенно положиться». Из переписки Николая II и Д.Ф. Трепова. 1905—1906 гг. // Исторический архив. 2003. № 4. С. 180.

вительство могло бы отстраниться от ближайшего их регулирования». Другое дело — университеты и вообще вузы, требующие «больших средств, которые может дать только правительство, обязанное иметь и необходимый контроль», но вместе с тем университетам «должна быть предоставлена свобода в организации их преподавания». Собеседник Стэда находил необходимым отменить служебные права, присвоенные университетским дипломам, дабы занятие должностей зависело «от выдержания соответственного государственного экзамена».

В качестве образца для решения рабочего вопроса представлен «опыт Москвы», т.е. так называемая «зубатовщина» (или «полицейский социализм») — развитие сети профсоюзов, подконтрольных властям. «В будущем, — подчеркивается далее, — желательно принять меры к организации во всех фабричных районах обществ для удовлетворения духовных потребностей рабочих». Не менее актуально, по мнению собеседника Стэда, и «усовершенствование и пополнение фабричных законов» и «создание для разрешения недопониманий между фабрикантами и рабочими посреднических инстанций или третейских судов».

После социально-экономического раздела реформаторской программы Николая II в центре внимания оказывается «ближайшая политическая программа правительства», сводящаяся «к созыву Государственной думы, на которую вообще возлагаются большие надежды». «Смотря по ходу дел, — и здесь налицо явная перекличка с обещанием Манифеста 6 августа об учреждении Думы, — возможно, что в организации ее состава и функций потребуются, с течением времени, изменения и улучшения». Следовательно, на повестку дня ставятся вопросы о необходимости нового избирательного закона и о придании Думе законодательных полномочий, что подтверждается следующим пассажем. «Деятельность Думы, — откровенно признается фактически законодательный характер даже законотворческой Думы, — будет иметь следствием перенесение на нее тяжести законодательной работы, подобно тому, как на судебные учреждения возлагается обязанность творить правосудие»¹⁵⁵.

Сравнение статуса Думы со статусом независимых судов, созданных в 1864 г., имело принципиальное значение. «В абсолютных государствах новейшего времени, — подчеркивал Г. Еллинек, — в более или менее широких пределах санкционирована ... самостоятельность суда по отношению к управлению»¹⁵⁶. Ограничение самодержавия реформой 1864 г. в области гражданского и уголовного

¹⁵⁵ Беседа с В.Т. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 15 сентября.

¹⁵⁶ Еллинек Г. Право современного государства. СПб., 1908. Т. 1. С. 514.

судопроизводства признавали государствоведы (В.М. Гессен¹⁵⁷, П.Е. Казанский¹⁵⁸, Б.А. Кистяковский¹⁵⁹, Н.М. Коркунов¹⁶⁰, С.А. Котляревский¹⁶¹, Б.Н. Чичерин¹⁶²), государственные (К.И. Пален¹⁶³, И.Г. Щегловитов¹⁶⁴ и даже... К.П. Победоносцев¹⁶⁵) и общественные (М.Н. Катков¹⁶⁶, Ф.И. Родичев¹⁶⁷) деятели. Признавал это и Николай II. На состоявшемся 21 июля 1905 г. заседании Особого совещания, обсуждавшего, под его председательством, проект «Буллыгинской думы», Н.С. Таганцев, намекая на судебные уставы 1864 г., прямо сказал, что «самодержавная власть уже ограничила себя давно. Так, несменяемость судей, воспрещение приносить жалобы на решения Сената — все это ограничения, установленные верховной властью для того, чтобы облегчить правосудие»¹⁶⁸. В ответ на приведенные слова царь ответил молчанием, которое, очевидно, было знаком согласия.

Более всего с беседой Николая II и Стэда в передаче Киреева напрямую соотносится последний раздел императорского мэсиджа, начинающийся с утверждения, что Учреждение Думы «предполагает дополнение его рядом законов, обеспечивающих политическую свободу». «Что касается свободы собраний и союзов, необходимых в ближайшем будущем для выборной агитации, — говорится далее, — то по этому поводу уже работает Комиссия и соответственный законопроект будет на днях готов». Под «Комиссией» здесь подразуме-

¹⁵⁷ Гессен В.М. 1) Теория правового государства // Политический строй современных государств. Сб. ст. В 2-х тт. СПб., 1905. Т. 1. С. 124; 2) Основы конституционного права. Пг., 1918. С. 59.

¹⁵⁸ Казанский П.Е. Власть всероссийского императора. М., 1999. С. 83.

¹⁵⁹ Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 374, 525.

¹⁶⁰ Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1908. Т. 1. С. 219, 600.

¹⁶¹ Котляревский С.А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 2004. С. 194, 293, 330.

¹⁶² Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М., 2006. С. 148.

¹⁶³ Завадский С.В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916—1917 гг.) // Архив русской революции. 1923. Т. 8. С. 10, 40.

¹⁶⁴ Щегловитов И.Г. Курс русского судоустройства, читанный в Имп. Училище правоведения. СПб., б.д. С. 76, 78, 132.

¹⁶⁵ Завадский С.В. Указ. соч. С. 10, 40.

¹⁶⁶ Катков М.Н. Империя и крамола. М., 2007. С. 176.

¹⁶⁷ Государственная дума. 1906—1917. Стенографические отчеты. В 4-х т. М., 1995. Т. 3. С. 311.

¹⁶⁸ Петергофские совещания. С. 63.

меваются Особое совещание графа Д.М. Сольского для рассмотрения дополнительных к узаконениям о Государственной думе правил.

«По вопросу о свободе печати, — сообщил собеседник Стэда, — много работала Комиссия Кобеко, которою и будет представлен ответственный доклад». Здесь имеется в виду Особое совещание под председательством Д.Ф. Кобеко по делам печати.

«Остается, — читаем в мэсидже, — еще один важнейший вид свободы — свобода личности, то, что в Англии гарантируется Актом Habeas Corpus. В правительственных сферах этот вид свободы признается идеалом, к осуществлению которого надо стремиться, но который пока еще не может быть осуществлен... Тем не менее и в этом отношении предполагается кое-что сделать. Так, например, в продолжение предвыборной агитации мера лишения свободы должна применяться лишь в особенно важных случаях»¹⁶⁹. Это были не пустые слова. Подразумевая отношение министра внутренних дел к выборам в Думу в период до Манифеста 17 октября, Крыжановский вспоминал: «Булыгин ни во что не входил, ограничиваясь подписанием подносимых ему бумаг и распоряжением о полном невмешательстве губернских и уездных властей в ход выборов. И действительно, никакого вмешательства ни центральной власти, ни местных властей, никаких попыток использовать влияние правительства для достижения благоприятных для него результатов выборов в Думу за этот период времени ни принимаемо, ни делаво не было. Все было предоставлено собственному течению, и поле оставалось открытым для деятельности враждебных правительству партий»¹⁷⁰. Между тем, «враждебные правительству партии» обвиняли его в давлении на выборы.

«По всей вероятности, — сообщал Стэду его собеседник, — в непродолжительном времени последует амнистия по большей части политических дел»¹⁷¹. Действительно, указ «Об облегчении участи лиц, впавших до воспоследования высочайшего Манифеста 17 октября 1905 г. в преступные деяния государственные»¹⁷² царь подписал 21 октября 1905 г. «Впрочем, — подчеркивалось в мэсидже, — и в настоящее время лишение свободы по политическим поводам производится не по произволу полицейских властей, а на основании определенных улик и по распоряжению начальствующих лиц»¹⁷³. Правдивость собеседника Стэда удостоверяет адвокат и левый кадет

¹⁶⁹ Беседа с В.Т. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 15 сентября.

¹⁷⁰ Крыжановский С.Е. Указ. соч. С. 74.

¹⁷¹ Беседа с В.Т. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 15 сентября.

¹⁷² Савич Г.Г. Указ. соч. С. 576—579.

¹⁷³ Беседа с В.Т. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 15 сентября.

М.Л. Мандельштам, который вспоминал, что до Московского декабрьского вооруженного восстания 1905 г. правительство, «говоря вообще, воздерживалось от произвольных арестов»¹⁷⁴.

Таков переданный Стэдом императорский мэсидж, содержащий тщательно продуманную программу широких социально-экономических и политических реформ и дающий право характеризовать реформаторскую политику Николая II как имеющую не случайный, а системный характер. Это верно, тем более что практически все преобразования, запланированные в мэсидже, были проведены, в законодательном или административном порядке, буквально в течение ближайших месяцев и лет¹⁷⁵, за исключением лишения университетских дипломов служебных прав, поскольку обсуждение нового Университетского устава IV Дума и Государственный совет затянули до Февральской революции 1917 г.

На следующий день после беседы с Николаем II, 2 сентября, «Русские ведомости» опубликовали статью Стэда «Английские либералы и монархия», содержание которой, как представляется, также было согласовано с Николаем II. Непосредственным поводом для статьи стало недовольство либеральных оппозиционеров тем, что царь пошел на заключение Портсмутского мирного договора с Японией, не получив одобрения специально созданных по такому случаю Земского собора или Государственной думы. Обосновывая «право короны на заключение договоров», Стэд ссылаясь на то, что «в конституционной Англии право короля на заключение договоров абсолютно и парламент отнюдь не может вмешиваться в подобных случаях». В этой области, подчеркивал Стэд, британский монарх пользуется «абсолютной властью, не спрашивая разрешения парламента». Доказывая, что английские министры, вопреки распространенному заблуждению, зависят не столько от парламента, сколько от общественного мнения, выявляемого посредством использования королем права на досрочный роспуск парламента, Стэд писал: «В Англии парламента избираются на семь лет, но до сих пор, в силу установившейся практики, в случае появления солидных признаков, что большинство нации желает перемены, министры всегда обращались к стране за возобновлением к ним доверия задолго до истечения семилетнего срока». Либералы «других стран», сокрушался Стэд, подразумевая прежде всего русских либералов, «не открыли еще великой истины, что королевская власть может являться действительнейшей гарантией прав демократии».

¹⁷⁴ Мандельштам М.Л. 1905 г. в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 271.

¹⁷⁵ См.: Куликов С.В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. С. 45—60.

Указав на обладание английским королем не только правом досрочного роспуска Палаты общин, но и правом «создавать новых пэров», пополнять Палату лордов, в случае, если обе палаты не выражают истинного настроения страны, Стэд заключал: «Монарх — это острый меч английской нации для защиты ее свободы против реакционной олигархии». «Во второй половине 1860-х гг., — признавал Стэд, — монархия в Англии была непопулярна и среди англичан наблюдалось сильное антимонархическое движение». Более того: «Положение в Англии в 1865 г. имело некоторое сходство с современным положением России». Кризис английской монархии Стэд объяснял тем, что в 1860-е гг. «большинство нации оставалось вне конституции», т.е. не обладало избирательным правом, однако выходом из кризиса оказалась реформа избирательного права 1867 г., приблизившая его к всеобщему: «Признание прав и свободы демократии повело непосредственно к реабилитации и возвышению английской короны». «В ограничении своей власти, — характеризовал Стэд дядю Николая II, Эдуарда VII, — он нашел свою силу»¹⁷⁶. Несомненно, что аргументы рассмотренной статьи звучали во время общения царя и журналиста и были приемлемы как для первого, так и для второго.

В день публикации статьи, 2 сентября, Стэд направился в Кресты, где встретился с Милюковым, с которым общался 45 минут¹⁷⁷. «Я, — вспоминал Милюков, — опаздывал к намеченному земскими конституционалистами Съезду, долженствовавшему «немедленно» отозваться на обнародование Булыгинского закона о Думе. Но добрые друзья решили отложить Съезд до моего освобождения»¹⁷⁸. Милюков умолчал, что его «добрым другом», более всего сделавшим для досрочного освобождения руководителя Союза союзов к открытию оппозиционного Съезда земских и городских деятелей, был Стэд, который встречался с Треповым 6 и 7 сентября¹⁷⁹ и ходатайствовал за Милюкова¹⁸⁰. Трепов обещал Стэду освободить его протеже «через два-три дня» и действительно — уже 10 сентября уведомил англичанина, через своего адъютанта, о выходе Милюкова на волю. На следующий день Милюков появился в гостинице «Европейской» на ланче у Стэда, который, наряду с публикацией

¹⁷⁶ Стэд У.Т. Английские либералы и монархия // Русские ведомости. 1905. 2 сентября.

¹⁷⁷ Stead W.T. The Letters from Russia // Review of Reviews. 1905. № 190. P. 381—382.

¹⁷⁸ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 308.

¹⁷⁹ Stead W.T. The Letters from Russia. P. 382.

¹⁸⁰ Беседа с В.Т. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 15 сентября.

статей в русской прессе, устраивал в «Европейской» и подобного рода мероприятия, выступая на них не только перед российскими общественными деятелями, но и иностранными парламентариями и бизнесменами. Один из таких ланчей и посетил 11 сентября Милюков¹⁸¹. Не вызывает сомнения, что Стэд посвятил Милюкова в содержание своей беседы с Николаем II.

Для того, чтобы по поручению царя передать лидерам оппозиции оливковую ветвь мира, Стэд поехал в Москву для участия в Общероссийском съезде земских и городских деятелей, который заседал 12—15 сентября и имел целью выработку консолидированного мнения относительно «Булыгинской думы». В отличие от предыдущих съездов, сентябрьский съезд происходил явно по инициативе свыше, с разрешения московского генерал-губернатора генерала П.П. Дурново¹⁸², который, не желая запрещать съезд, остановился на компромиссном решении, командировав на него правителя своей Канцелярии А.А. Воронина. «Это был, — по воспоминаниям В.А. Маклакова, — человек порядочный и разумный; он ничему не мешал, а своим присутствием за особым столиком придавал съезду полуофициальный характер»¹⁸³. «Воронин, — вспоминал другой участник съезда, Н.И. Астров, — сидел в углу, под образами, слушал, записывал что-то, не вмешивался в работу съезда. Все попросту забыли про него»¹⁸⁴.

Успеху миссии Стэда, казалось бы, должно было способствовать то, что членами Организационного бюро съезда оказались избраны его друзья — Ковалевский и Милюков¹⁸⁵, от которых он имел право ожидать по отношению к своей миссии если не полного сочувствия, то, по крайней мере, благожелательного нейтралитета. Первые успехи окрылили англичанина, и когда 13 сентября он узнал, что в московских газетах опубликованы цензурированные отчеты о заседаниях съезда, то телеграфировал об этом Трепову, и генерал приказал отменить цензуру¹⁸⁶.

Звездный час Стэда наступил 15 сентября, когда в московском особняке князя Павла Д. Долгорукова он выступил перед частным собранием в 150 человек, созванном специально по случаю приезда

¹⁸¹ Зашихин А.Н. Уильям Стэд и провал его «миссии» в России осенью 1905 г. С. 72, 73.

¹⁸² Либеральное движение в России. 1902—1905 гг. М., 2001. С. 390.

¹⁸³ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). В 3-х т. Париж, 1936. Т. 2. С. 391.

¹⁸⁴ Астров Н.И. Воспоминания. М., 2000. С. 113.

¹⁸⁵ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 309.

¹⁸⁶ Зашихин А.Н. Указ. соч. С. 74.

журналиста¹⁸⁷, с рефератом «Дума с точки зрения англичанина», русский перевод которого зачитал председатель собрания Милюков¹⁸⁸. Обращаясь к лидерам оппозиции, У.Т. Стэд заявил совершенно недвусмысленно — 6 августа власть «пригласила вас к миру»¹⁸⁹. «Помню, — писал уже на склоне лет Маклаков, — эту спокойную речь старого англичанина, знавшего по опыту своей великой страны, что не все сразу дается, что практика вкладывает в старые формы новое содержание, что жизнь и работа научат всех и всему»¹⁹⁰. Устами Стэда как бы вещала сама многовековая английская конституционная традиция, к числу ревностных почитателей которой опрометчиво и... безосновательно причисляли себя большинство его слушателей.

Отвечая на вопрос о том, считается ли Учреждение Думы 6 августа 1905 г. «окончательным», Стэд, уполномоченный Николаем II, заявил: «К счастью, Манифест [6 августа] дает на этот вопрос определенный ответ. Нынешнее устройство Думы признается не окончательным; дальнейшее улучшение организации Думы прямо имеется в виду, и мы имеем, следовательно, полную возможность смотреть на Думу как на весьма интересный и многообещающий предварительный опыт в области экспериментальной политики... Это только начало, первый шаг и, на мой взгляд, очень смелый шаг вперед, к созданию выборного представительного учреждения, могущего, со временем, вполне соответствовать и удовлетворять всем нуждам и стремлениям русского народа»¹⁹¹. «Мы, — вспоминал Ковалевский, — никак не могли понять, чего ради он взял на себя миссию объяснять русским высокие качества придуманных для них государственных порядков, — он, англичанин, которому, по тому самому, было яснее все несовершенство Булыгинской конституции»¹⁹².

Стэд соглашался с лидерами оппозиции в том, что «Булыгинская дума» отнюдь не является верхом совершенства. «Нельзя не признать, — говорил он, — что проект [Думы] полон анахронизмов, непоследовательностей и часто нелогичен. Но не следует забывать, что англичанам в 600 лет не удалось избавить учреждение своего парламента от тех же недостатков. Ничто в мире не совершенно, почему же предполагать, что русские составят в этом смысле исклю-

¹⁸⁷ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 341.

¹⁸⁸ Беседа с В. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 17 сентября.

¹⁸⁹ Беседа с В.Т. Стэдом (окончание) // Русские ведомости. 1905. 18 сентября.

¹⁹⁰ Маклаков В.А. Указ. соч. С. 392.

¹⁹¹ Беседа с В. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 17 сентября.

¹⁹² Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 342.

чение». В отличие от русских оппозиционеров, доктринеров до мозга костей, Стэд как истый англосакс, прагматик и эмпирик, оценивал «Булыгинскую думу», используя в качестве критерия ее оценки не отвлеченные идеи конституционализма, нигде и никогда не нашедшие своего полного и одновременного воплощения, а сравнение с современными ему политическими реалиями конституционных монархий и демократических республик. Исходя из этого, Стэд утверждал, что «популярная в России идея о замене самодержавной власти во всей полноте ее палатой непосредственных представителей не находит оправдания в истории Англии и Америки». Речь, таким образом, шла о нецелесообразности для России замены лежавшего в основе ее государственного порядка принципа монархического суверенитета принципом народного суверенитета. Ведь в Англии, напоминал Стэд общеизвестные факты, нет всеобщего избирательного права, а в США женщины, составляющие половину населения, вообще лишены права голоса!

Если в России Учреждение «Булыгинской думы» разрешает публичность ее заседаний, то в Англии «до сих пор посторонняя публика не имеет права присутствовать» на заседаниях Палаты общин. В «Булыгинскую думу» могли быть избраны представители всех народов, населяющих Россию, англичане же «не допускают до сих пор в свой парламент своих азиатских подданных, даже с совещательным голосом». И снова, как и в опубликованной 2 сентября статье «Английские либералы и монархия», Стэд возвращался к сути политического кредо, разделявшегося не только им, но и Николаем II: «Власть монарха есть запасное оружие в руках демократии». Как и во время беседы с императором 1 сентября, Стэд сравнил Думу с конем, которому царь должен даровать четыре ноги и голову. Четыре ноги — это четыре свободы: печати, собраний, союзов и «свобода от произвольных арестов», а голова — облеченный доверием царя министр, являющийся выразителем монаршей воли и ответственным за своих коллег перед Думой¹⁹³. Выступая 15 сентября «защитником Булыгинской конституции», Стэд, отмечал Маклаков, доказывал, что, «несмотря на ее недостатки, из нее может вырасти настоящая конституция, что не только бойкот, но даже попытка взрыва Булыгинской думы изнутри плохая политика»¹⁹⁴. Как отреагировали на выступление Стэда русские оппозиционеры, мнившие себя лучшими учениками школы английской политической мудрости?

Прения по реферату открыл Ковалевский, который заявил, что отрицательная оценка его единомышленниками «Булыгинской думы» обуславливается «не одним недоверием к власти, а самой постанов-

¹⁹³ Беседа с В. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 17 сентября.

¹⁹⁴ Маклаков В.А. Указ. соч. С. 392.

кой этого учреждения»¹⁹⁵. Между тем в своих воспоминаниях Ковалевский признавал, что «Булыгинская дума» являлась «шагом вперед сравнительно с тем проектом собрания сведущих людей, которое задумано было графом Лорис-Меликовым». «В проекте Булыгина, — по наблюдениям Ковалевского, — все же можно было прочесть обещание необходимых вольностей и публичных прав граждан... Мне казалось, что уж этим одним Булыгинская дума могла привлечь к себе некоторые симпатии. Ею разрывалась цепь, связующая нас с бюрократическим самовластием и «временными правилами»... Наступал конец произволу министров... Булыгинская дума наносила ему некоторый удар. Да и сановники, заседавшие в Государственном совете, должны были подозрительно относиться к новому органу, заставлявшему их считаться впредь со своей деятельностью, если не с голосом «всей земли», то с некоторыми определенными и влиятельными общественными кругами»¹⁹⁶. Тем не менее 15 сентября в явном противоречии с разделявшимися им взглядами Ковалевский отказался от поддержки Стэда, не удостоив Булыгинскую думу положительной оценки.

Случай Ковалевского показывает, насколько был силен массовый психоз, охвативший лидеров оппозиционного движения под влиянием развития революционного движения, если даже такой незаурядный общественный деятель поддался стадному инстинкту. Характеризуя реакцию слушателей Стэда, Маклаков отмечал: «Его доводы не доходили до разума общества. Стэда обдали потоками искреннего и красноречивого негодования»¹⁹⁷. «И действительно, — признавал Ковалевский, — то, что ему пришлось выслушать от нас, было настоящей отповедью»¹⁹⁸. Описывая обсуждение реферата Стэда, Маклаков меланхолически заключал: «Было красноречие, подъем, остроумие, которые признал и сам Стэд; они тонули в аплодисментах, которые общество само себе раздавало, не думая, как невелика та среда, которая себе рукоплещет, так мало в России людей, которые понимают серьезно, что такое Дума и конституция... Общество радовалось словесной победе над Стэдом, как будто этим оно победило самодержавие»¹⁹⁹. Таким образом, на собрании 15 сентября снова проявилась разница между отвлеченным доктринерством русских оппозиционеров и трезвым прагматизмом английских либералов, действительным учеником которых, по иронии истории, оказывался... Николай II, а не Милюков.

¹⁹⁵ Беседа с В.Т. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 17 сентября.

¹⁹⁶ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 340.

¹⁹⁷ Маклаков В.А. Указ. соч. С. 392.

¹⁹⁸ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 342.

¹⁹⁹ Маклаков В.А. Указ. соч. С. 392—393.

Закрывая прения, председатель собрания, тот же Милюков, заявил, что «едва ли удобно принимать какую-либо резолюцию на настоящем собрании, специально разрешенном английскому журналисту», который, якобы, пытается «сочетать абсолютизм с либерализмом»²⁰⁰. Однако в статье, опубликованной в газете «Сын Отечества», не далее, как 7 августа, Милюков, разбирая «основные недостатки» Закона о Булыгинской думе, указывал и на «его преимущества перед прежними не осуществившимися предположениями». Выступая против бойкота законосовещательной Думы, Милюков находил должным «признать провозглашенный законом принцип как приобретение, — наше приобретение» и «проводить в жизнь его последствия, как мы их понимаем». «Говорить же, — отмечал Милюков, — что мы ничего не приобрели с изданием закона, значило бы помогать его противникам справа»²⁰¹. Между тем 15 сентября он оказался в числе противников Булыгинской думы слева!

Собрание отклонило предложенный Стэдом проект резолюции, который содержал одобрение Учреждения законосовещательной Думы и пожелание о даровании властью четырех свобод и полной амнистии²⁰². Вместо этого в принятом 15 сентября официальном обращении съезда земских и городских деятелей к избирателям им предлагалось «объединиться около следующей краткой и определенной избирательной программы»: «1) Обеспечение прав личности, свобода слова и печати, свобода сходов, собраний, союзов. 2) Установление выборов на основе всеобщего избирательного права. 3) Решающий голос Думы в законодательстве и право действительного контроля над бюджетом и администрацией»²⁰³. Нетрудно заметить, что все три пункта обращения генетически связаны с политической частью реформаторского проекта Николая II, изложенного Стэдом в редакции «Русских ведомостей» как раз накануне выработки и принятия обращения²⁰⁴. Следовательно, триада, содержащаяся в Манифесте 17 октября 1905 г., воспроизводила не требования сентябрьского съезда, а ключевые пункты программы реформ императора, представленной лидерам оппозиции Стэдом, и это — вполне объяснимо.

В 1905 г., впрочем — как ранее, так и позднее, «бескомпромиссные противники» самодержавия в целях увеличения своего полити-

²⁰⁰ Беседа с В.Т. Стэдом (окончание) // Русские ведомости. 1905. 18 сентября.

²⁰¹ Милюков П.Н. Годы борьбы. Публицистическая хроника. 1905—1906. СПб., 1907. С. 72.

²⁰² Беседа с В.Т. Стэдом (окончание) // Русские ведомости. 1905. 18 сентября.

²⁰³ Либеральное движение в России. С. 403.

²⁰⁴ Беседа с В.Т. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 15 сентября.

ческого капитала публично выставляли себя инициаторами реформ, осуществлявшихся властью, якобы, не по собственному почину, но лишь под их давлением. Однако история с миссией Стэда показывает, что в действительности оппозиционеры, ведя беспроязвительную игру, ставили перед властью только такие требования, относительно которых они знали точно, что сама власть готова пойти на их удовлетворение если не сейчас, то в обозримом будущем.

Впрочем, обусловленность реформаторской программы оппозиции реформаторской программой власти оппозиционеры признавали открыто. Так, В.Е. Якушкин, выступая на заседании съезда 12 сентября, прямо сослался на слова Манифеста 6 августа «О дальнейшем усовершенствовании Учреждения Государственной думы, когда сама жизнь укажет необходимость тех изменений в ее Учреждении, которые удовлетворяли бы вполне потребностям времени и благу государственному», в обоснование того, что «мысль о возможно скорейшей постановке народного представительства в уровень с потребностями времени и государственным благом должна быть выдвинута вперед как основная задача текущего момента»²⁰⁵. Характерно, что в официальных документах сентябрьского съезда оппозиционеры фигурировали как «герои-одиночки».

«Российские либералы, — отмечает А.Н. Зашихин, — не только отказывались внимать наставлениям умудренных историческим опытом британцев, но отвергали все их советы, как казалось западным наблюдателям, с поразительным и безрассудным единодушием»²⁰⁶. Конечно, поведение «российских либералов» объяснялось их политической незрелостью, выражавшейся, однако не столько в том, что они напрочь игнорировали реформаторские планы правительства (в частности, благодаря Стэду либералы в сентябре 1905 г. постоянно держали руку на пульсе власти), сколько в том, что они, строго следуя в действительности этим планам, официально декларировали свою независимость от правительства, не желая делить с ним лавры за те или иные реформы и, тем самым загоняя себя, вопреки собственной ментальности, в угол внесистемной оппозиции.

Стэд, привыкший к старой доброй английской традиции отношений правительства и оппозиции, подразумевавшей конфронтацию, зачастую весьма острую по частным вопросам, и компромисс, иногда довольно труднодостижимый относительно главных, не пришел ко двору на сентябрьском Съезде и, махнув рукой на оппонентов, уехал в Саратов, где выступал с лекциями в защиту законодательной Думы. Однако там его деятельность, не без иронии

²⁰⁵ Либеральное движение в России. С. 404, 415.

²⁰⁶ Зашихин А.Н. Глядя из Лондона. С. 133.

вспоминал Ковалевский, «разумеется, не имела ни малейшего успеха»²⁰⁷. Причина неудачи англичанина заключалась не в содержании его лекций, а в том, что в это время Стэд подвергся настоящей травле в оппозиционной прессе — в ней он высмеивался как «парламентер русских официальных сфер» (выражение «благодарного» Милюкова), «непрощенный примиритель» и даже... «современный Хлестаков»²⁰⁸. Хотя истинными Хлестаковыми стали лидеры оппозиции, объявившие Манифест 17 октября 1905 г. результатом своей титанической деятельности, поскольку, де, внешне он воспроизводил основные положения, принятые сентябрьским съездом, хотя как-то сразу забылось то деликатное обстоятельство, что сами эти положения копировали пункты реформаторской программы Николая II, сообщенной им Стэду.

Но и независимо от изучения миссии английского журналиста мнение о том, что Манифест 17 октября вырвала у власти Всероссийская политическая стачка, чем дальше, тем больше выглядит каким-то примитивным мифом. Еще Витте, беседуя 13 ноября 1907 г. с французским филологом П. Буайе, «категорически отвергал» тезис о том, что Манифест 17 октября «был вырван у правительства страхом»²⁰⁹. В своих воспоминаниях Витте писал совершенно недвусмысленно: утверждение, что Манифест 17 октября «вырван», — «ложно»²¹⁰. Тому же Буайе Витте говорил, что «Манифест был дан царем потому, что он этого вполне хотел, в виду бедствий, обрушившихся на Россию — Русско-японская война, внутренние смуты, стремление преодолеть их без кровопролития»²¹¹. А в воспоминаниях Витте снова выказывал еще большую категоричность: «...я думаю, что, в сущности, нет и не может быть ни одного человека добросовестного, который акт 17-го октября мог понимать иначе, как добровольную конституционную хартию»²¹². С Витте солидаризировался Маклаков, отмечавший, что «в 1905 г. обещание, а потом и дарование конституции были актами самой исторической самодержавной власти, от нее исходящими и на нее опиравшимися, словом, по форме были совершенно нормальным преобразованием государства»²¹³. Вообще Маклакову принадлежит наиболее тонкий анализ проблемы «Николай II и Манифест 17 октября».

²⁰⁷ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 342.

²⁰⁸ Зашихин А.Н. Уильям Стэд и провал его «миссии» в России осенью 1905 г. С. 76—79.

²⁰⁹ Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. С. 407.

²¹⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. С. 98.

²¹¹ Медушевский А.Н. Указ. соч. С. 407.

²¹² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания... Т. 1. С. 737.

Подразумевая статью 47 прежних Основных законов о правомерном самодержавии, Маклаков так объяснял позицию царя накануне и во время дарования Манифеста: «В самом прежнем самодержавии, по его убеждению, был зародыш того, что называлось в общезжитии “конституцией”; для перехода к ней, поэтому, было достаточно простой “эволюции”. Именно поэтому государь и мог так неожиданно легко с ней помириться... Общественность считала, что в 1905 г. произошла “революция”, что новый строй явился полным отрицанием старого, ибо он покоился на других основаниях. Со своей точки зрения она могла быть права. Но государь, его окружение и громадная масса народа понимали иначе. Разрыва с прошлым они не усматривали; во главе государства осталась стоять та же привычная власть, тот же государь с освященными и историей, и церковью титулами. Государь дорожил этим народным воззрением и не хотел его «разрушать». Для спокойствия России оно было только полезно, если даже по существу в строении государства и совершилась глубокая перемена. И, кроме того, со стороны государя это не было “благочестивым обманом”; он сам действительно так понимал перемену. Она, в его представлении, не разрывала с историческим прошлым... С этой точки зрения что было сделано в 1905 г.? Государь установил новое самоограничение. Он постановил, что впредь “ни один закон не будет им издаваем без согласия Думы”. Это очень важное самоограничение, но оно само по себе идеологии самодержавия не нарушало... При таком понимании Манифест 17 октября мог быть изображен не как разрыв с историческим прошлым, а как простое его развитие... Никакой конституционной идеологии для его объяснения не было нужно... Эта конституция, конечно, помогла Николаю II искренно принять “конституцию”»²¹⁴.

Пером авторитетного, осведомленного и, главное, политически нейтрального современника подтверждается высказанное нами ранее²¹⁵ мнение о том, что Манифест 17 октября 1905 г. явился следствием не столько оппозиционного или революционного движения, сколько проявления политических воззрений царя, который совершенно сознательно стремился внедрить в России английскую модель конститу-

²¹³ *Маклаков В.А.* Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1890—1917. М., 2006. С. 321.

²¹⁴ *Маклаков В.А.* Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля — 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 30, 32.

²¹⁵ *Куликов С.В.* Император Николай II и Государственная дума: неизвестные планы и упущенные возможности // Таврические чтения 2007. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX в. Научно-практический семинар, С.-Петербург, Таврический дворец, 11 декабря 2007 г. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2008. С. 37—38.

ционализма, подразумевавшую фактическое, без письменного закрепления, а не формальное ограничение, точнее — самоограничение, самодержавия, действующего совместно с законосовещательной Государственной думой. Впрочем, Николай II, будучи прагматиком, а не доктринером, допускал возможность и формального ограничения самодержавия путем превращения законосовещательной Думы в законодательную (что имел в виду уже Манифест 6 августа), однако в качестве предварительного варианта предложил оппозиции, используя миссию Стэда, английскую модель и только после отвержения оппозиционерами этой модели согласился, ради достижения компромисса с ними, на введение германской модели, подразумевавшей формальное ограничение самодержавия в законодательстве.

Ну а что же Стэд? Разочарованный в «русских друзьях» из числа лидеров оппозиции, он уехал из России пароходом, на котором прибыл в Копенгаген 23 октября (5 ноября)²¹⁶. В июле 1906 г., после роспуска революционной I Думы и подписания ее депутатами Выборгского воззвания, он в своем «Обзрении» «дал отповедь» мятежному парламенту²¹⁷, еще раз доказав, что кадетский либерализм напрашивался в родственники к английскому либерализму явно по недоразумению. Впоследствии Стэд приезжал в Россию в июле 1908 г. и встречался с П.А. Столыпиным, его товарищем по должности министра внутренних дел А.А. Макаровым и министром иностранных дел А.П. Извольским, подготовив, на основании беседы со Столыпиным, статью о его внутренней политике. Стэд надеялся встретиться с народным социалистом Н.В. Чайковским и кадетом В.Д. Набоковым, однако Столыпин отказал ему в этом, поскольку, писал он Извольскому, «по нашим законам, отбывающим наказание в тюрьмах и заключенным, о которых производится предварительное следствие или дознание, разрешаются свидания лишь с ближайшими родственниками»²¹⁸. Интервью Стэда со Столыпиным и Макаровым было опубликовано в петербургских газетах 26 июля 1908 г. и вызвало неоднозначную реакцию.

«Сплошное какое-то недоразумение, а вернее, даже чепуха, — характеризовал интервью гофмейстер Высочайшего двора граф И.И. Толстой, отличавшийся радикальными взглядами. — Столыпин заявил, что наступило полное “успокоение”, но если, мол, прекратить смертные казни, то все, занимающие выдающиеся посты, рискуют быть убитыми. Числа казненных ни Столыпин, ни Мака-

²¹⁶ *Зашихин А.Н.* Указ. соч. С. 80.

²¹⁷ *Ковалевский М.М.* Указ. соч. С. 343.

²¹⁸ П.А. Столыпин — А.П. Извольскому. 26 июля 1908 г. // П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 260—261. Данное письмо ошибочно датировано публикаторами «июнем», и не «июлем».

ров не знают, так же как и числа административно сосланных (!), но оба “думают”, что публика сильно преувеличивает их количество!... И т.д. Вообще, если Стэд не наврал, то интервью напоминает скорее таковые с персидскими или турецкими сановниками, чем с западноевропейскими. *Qui veut-on tromper ici?* (Кого они хотят обмануть? — фр.)»²¹⁹. Очевидно, негативная реакция Толстого была адресована не Стэду, а сановникам, которых он интервьюировал, хотя черносотенные публицисты, в свою очередь, отрицательно оценивали самого высокопоставленного из всех лиц, интервьюированных Стэдом, а именно — Николая II. П.Ф. Булацель ставил в заслугу Александру III то, что при нем «никакие международные знаменитости, никакие английские писатели ... не могли ... влиять на ход внутренней и внешней политики России»²²⁰. Возможность участия Стэда в новой миссии по наведению мостов между самодержавием и его оппонентами перечеркнула его трагическая гибель на печально знаменитом «Титанике». Откликаясь на это событие, Толстой записал 5 апреля 1912 г., что «погибли 1500 человек, в том числе известный английский журналист Стэд»²²¹.

Милюков однажды вспомнил «недоуменный вопрос культурного англичанина Вильяма Стэда после одной из ... политических бесед». «Неужели вы, — спросил Стэд Милюкова, подразумевая Николая II, — с ним никогда не говорили, не пробовали убедить?» «Англичанину, — удивлялся Милюков, — это казалось так естественно и просто, так неизбежно вытекало из простого здравого смысла. А здесь встречались два мира, без всякой способности и возможности понимания, обреченные на конфликты, на борьбу, не знающие других средств, кроме истребления друг друга»²²². Думается, что Милюков сознательно извращал историческую действительность, делая это тем более беззастенчиво, что уж ему-то вся подноготная с историей миссии Стэда была известна с исчерпывающей полнотой. Трагедия России XX в. состояла в том, что в ней действительно сосуществовали два мира, олицетворяемые Николаем II и Милюковым, только первый мир, исполненный духа компромисса, стремился к нему даже тогда, когда противная сторона использовала компромисс против его инициатора, а второй мир, одержимый духом борьбы, вел ее с противником тем ожесточеннее, чем явственнее чувствовалось ослабление сопротивления — вплоть до политического самоубийства победителя.

²¹⁹ Толстой И.И. Дневник. В 2-х тт. СПб., 2010. Т. 1. С. 487.

²²⁰ Булацель П.Ф. Борьба за правду. М., 2010. С. 529.

²²¹ Толстой И.И. Указ. соч. Т. 2. С. 279.

²²² Милюков П.Н. Из статьи «Как пришла революция» // Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 107.

А.Л. ГЛУШКОВЕЦКИЙ

Региональные особенности организации выборов в I Государственную думу Российской империи в Подольской губернии

Несмотря на значительный интерес исследователей к институту Государственной думы, региональные особенности деятельности центральных и местных органов власти по организации избирательного процесса в губерниях империи и, в том числе Подольской, нуждаются в тщательном анализе. Подольская губерния на выборах в I Государственную думу имела ярко выраженную региональную специфику, в частности, продемонстрировала самую высокую электоральную явку в Российской империи и послала в Думу исключительно депутатов-крестьян.

После утверждения 6 августа 1905 г. Манифеста и положения о выборах в Государственную думу, которая по проекту министра внутренних дел А.Г. Булыгина должна была иметь только совещательные права, в Империи началась подготовка к выборам. Их проведение на местах возлагалось на губернские государственные администрации. Не осталась в стороне от этих важных процессов и Подольская губерния. Находясь в русле общеимперской политики, местные власти приступили к абсолютно новому виду работы — организации выборов. Сложность этой деятельности заключалась не только в ее новизне, но и в отсутствии подробных инструкций, регламентирующих полномочия губернских и уездных администраций. Центральная власть явно запаздывала с их разработкой. В такой ситуации Подольская губернская администрация проявила инициативу и уже 6 сентября 1906 г. провела заседание губернского в крестьянских делах присутствия. Предметом его рассмотрения были вопросы о применении «Положения о выборах в Государственную думу», поскольку последнее ставило больше вопросов, чем давало ответов, и вызвало плюрализм мнений среди представителей местной власти. Особенно волновало губернских чиновников, что такое разнообразие взглядов может передаться самой многочисленной страте населения края — крестьянству. Было решено: пока не поступит детальная инструкция МВД, главам мировых съездов провести заседание мировых посредников и выработать однотипный порядок и способ объявления и разъяснения крестьянам высочайшего Манифеста 6 августа 1905 г. Исполнение положений данного манифеста возложили на тех же мировых посредников¹.

¹ Дело о выборах в I и II Государственные думы // ЦГИАУК. Ф. 442. Оп. 658. Д. 95. Ч. 1. Л. 56.

Перед ними были поставлены следующие задачи:

1. Объехать все волости своего участка и на волостных сходах ознакомить их участников с актами 6 августа 1905 г.; подробно разъяснить им содержание этих актов, указать крестьянам на значение избрания своими представителями достойных лиц; объяснить механизм избрания уполномоченных от волостных сходов и порядок обжалования постановлений сходов по этому вопросу.

2. Разъяснить должностным лицам волостного и сельского правлений, входящим в состав волостного схода по должности, что они, участвуя на сходе при избрании уполномоченных, никоим образом не должны оказывать давление на сход в этом вопросе, поскольку крайне важно, чтобы выборы уполномоченных происходили спокойно, беспристрастно и чтобы выбранные соответствовали единогласному желанию членов схода.

3. Объяснить волостным правлениям, что срок и порядок созыва волостных сходов для избрания уполномоченных будет указан дополнительно после получения инструкции МВД и что волостные правления после выборов уполномоченных должны будут немедленно предоставить их списки уездным предводителям дворянства².

Таким образом, губернская администрация довольно быстро сориентировалась в новой политической ситуации и смогла разработать достаточно детальную инструкцию. Этим отчасти был заполнен вакуум информационной связи между властью и населением по поводу выборов. Такая позиция властей, безусловно, способствовала уменьшению количества слухов в крае вокруг новых инициатив самодержавия, укрепляла в среде крестьянства надежды на Думу и уменьшала влияние революционной агитации.

Однако несостоятельность избирательного закона и будущей Булыгинской думы была очевидна для представителей местной власти. Так, предводитель дворянства Гайсинского уезда В.С. Завойко в письме к киевскому, подольскому и волынскому генерал-губернатору Н.В. Клейгельсу от 28 сентября 1905 г. указывал, что «...избрание представителей крестьянства на ныне существующих волостных сходах не даст селу покоя, крестьянам уверенности в соблюдении и отстаивании их интересов»³. Поэтому Завойко предлагал переизбрать в Гайсинском уезде волостные сходы и просил доверить разъяснение избирательного законодательства крестьянам ему и его единомышленникам, среди которых были: председатель съезда мировых посредников О.Д. Козловский, член уездной управы по делам земского хозяйства В.М. Шпакович, мировой судья 1-го участка Гай-

² Дело о выборах в I и II Государственные думы // ЦГИАУК. Ф. 442. Оп. 658. Д. 95. Ч. 1. ЛЛ. 57—57 об.

³ Там же. Л. 81.

синского округа В.К. Савлуков и еще ряд землевладельцев и управляющих имений. Предводитель дворянства брал на себя ответственность за их деятельность, указывая, что она будет значительным противовесом антиправительственной пропаганды⁴. Но инициатива Завойко не была поддержана генерал-губернатором⁵.

Получив соответствующие распоряжения МВД, подольская губернская администрация в ускоренном темпе начала подготовку выборов в Булыгинскую думу. 24 сентября 1905 г. губернатор А.А. Эйлер экстренным циркуляром обязал уездных предводителей дворянства немедленно начать составление списков лиц, имевших право участия в выборах. Работу требовалось закончить до 10 октября, поскольку опубликование списков было назначено на 15 октября. Выборы на волостных сходах, предварительных и избирательных съездах уездных землевладельцев и городских избирателей планировалось завершить к 5 декабря, а избрание депутатов в губернском избирательном собрании не позднее 15 декабря⁶.

Колебания, происходившие в МВД и администрации Юго-Западного края в связи с организацией избирательного процесса, не могли не повлиять на распоряжения губернской власти. Яркий пример тому — диаметрально противоположность взглядов на вопрос об участии в предвыборных собраниях избирателей и выборщиков представителей полиции. Так, киевский, подольский и волынский генерал-губернатор 28 сентября 1905 г. указал на обязательность присутствия на предвыборных собраниях чинов полиции⁷. В отсутствие губернатора А.А. Эйлера вице-губернатор И.М. Неклюдов 30 сентября 1905 г. издал циркуляр начальникам полиции, которым указывалось на обязательность назначения для присутствия на собраниях избирателей чинов полиции. Последним предписывалось быть вежливыми и тактичными, а главное — знать законы и распоряжения правительства, а также местных властей, касающиеся организации выборов. С одной стороны, в циркуляре подчеркивалась

⁴ Дело о выборах в I и II Государственные думы // ЦГИАУК. Ф. 442. Оп. 658. Д. 95. Ч. 1. Л. 81 об.

⁵ Указ Правительственного Сената, циркуляры подольского губернатора, переписка с Подольским губернским правлением, городскими старостами, председателями съездов и др. о проведении выборов в Государственную думу // ГАХмО. Ф. 117. Оп. 2. Д. 13. Л. 105.

⁶ Дело с циркуляром по выборам в Государственную думу // ГАВО. ФД. 255. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁷ Указ Правительственного Сената, циркуляры подольского губернатора, переписка с Подольским губернским правлением, городскими старостами, председателями съездов и др. о проведении выборов в Государственную думу // ГАХмО. Ф. 117. Оп. 2. Д. 13. Л. 80 об.

чисто наблюдательная роль полицейских, а с другой — им предоставлялось право в случае нарушения закона закрывать собрания. Такие подготовительные собрания было разрешено проводить только в городских поселениях⁸. Это позволяло власти эффективно контролировать их работу, не выезжая в отдаленные населенные пункты. Такие требования были призваны обеспечить покой на собраниях и одновременно выяснить предвыборные настроения населения.

Однако уже 4 октября 1905 г. поступил циркуляр МВД с противоположными требованиями. В нем указывалось, что присутствие чинов полиции на предвыборных собраниях не является обязательным, а правом присутствия на собраниях выборщиков следует пользоваться с особой осторожностью и только в крайних случаях⁹. Указывая на такое расхождение, подольский губернатор просил генерал-губернатора предоставить ему дополнительные указания по этому вопросу. Но вскоре, в связи с изданием Манифеста 17 октября, политическая ситуация резко изменилась. Очевидно, что это событие стало полной неожиданностью для губернской власти.

После провозглашения Манифеста 17 октября, в котором прозвучало обещание царя созвать Думу с законодательными функциями, перед начальниками полиции и уездными исправниками возникла дилемма: действует или отменено распоряжение губернатора от 30 сентября 1905 г., поэтому они просили губернатора разъяснить данный вопрос. Так, Ольгопольский уездный исправник в своем рапорте губернатору от 25 октября просил объяснений по этому поводу¹⁰. В результате губернатор вынужден был отменить циркуляр от 30 сентября, а все другие распоряжения обязал согласовывать с положениями Манифеста 17 октября¹¹.

Избирательный закон 11 декабря 1905 г., значительно расширивший круг лиц, которым предоставлялось избирательное право, еще больше усилил растерянность представителей уездной власти. Новые избирательные порядки были чрезвычайно неожиданными. К примеру, уездные исправники долго не могли привыкнуть к тому, что для проведения съездов избирателей и предвыборных собраний не требуется ничего разрешения. Поэтому они наводнили губернскую канцелярию заявлениями избирателей с просьбами разрешить то или иное собрание. Это приобрело такие масштабы, что губерна-

⁸ Сообщения Главного управления МВД о привлечении к судебной ответственности 180 бывших членов Государственной думы // КППГА. Ф. 228. Оп. 2. Д. 27. Л. 12.

⁹ Дело о выборах в I и II Государственные думы // ЦГИАУК. Ф. 442. Оп. 658. Д. 95. Ч. 1. Л. 87 об.

¹⁰ КППГА. Ф. 228. Оп. 2. Д. 27. Л. 15.

¹¹ Там же. Л. 15 об.

тор вынужден был дать дополнительные пояснения по этому вопросу. В секретном циркуляре уездным исправникам и каменец-подольскому полицмейстеру от 4 февраля 1906 г. он указывал: «Еще раз объясняю: подготовительные собрания избирателей и выборщиков в Государственную думу не требуют ничего разрешения. Выборщики и избиратели, которые хотят провести собрание, лишь сообщают начальнику полиции не позже чем за 24 часа о времени и месте собрания, а также предоставляют именные списки участников для принятия полицейских мер, чтобы посторонние лица не имели доступа в помещение, где проходит собрание»¹². Такая позиция губернатора опровергает утверждение советского историка С.М. Сидельникова о том, что местная власть очень редко разрешала предвыборные собрания, из-за чего агитация в уездных городах Подольской губернии была сведена к нулю¹³.

Что касается вопроса о присутствии на собрании представителей полиции, то он был решен положительно, поскольку центральная власть, опасаясь срыва выборов представителями радикальных политических организаций, обязала губернаторов с помощью полиции организовать тщательную охрану всех избирательных собраний. В циркуляре городским управам, уездным управам по делам земского хозяйства, уездным исправникам от 19 февраля 1906 г. губернатор указал на необходимость принятия всех мер для охраны учреждений, в которых оглашались списки избирателей, потому что в стране были случаи их похищения и уничтожения¹⁴. Циркуляром губернатора от 28 февраля 1906 г. уездным исправникам и каменец-подольскому полицмейстеру была поставлена задача обеспечить охрану и полную безопасность всех избирательных собраний, а именно: предвыборных съездов мелких землевладельцев, уездных избирательных съездов и городских губернских собраний по выборам в Государственную думу¹⁵.

В то же время центральная и местная власти делали все возможное, чтобы успокоить подстрекаемое революционной пропагандой население и побудить его к участию в выборах. С этой целью своеобразный метод «кнута и пряника» применялся в отношении крестьянства губернии. С одной стороны, в каждое волостное правление направлялись обращения губернатора к крестьянам Подольской губернии, где сообщалось о том, что 18 января 1906 г. в Петербурге состоялась встреча императора Николая II с представителями крес-

¹² КПГГА. Ф. 228. Оп. 2. Д. 27. ЛЛ. 37—37 об.

¹³ Сидельников С.М. Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962. С. 128.

¹⁴ КПГГА. Ф. 228. Оп. 2. Д. 27. Л. 41.

¹⁵ Там же. Л. 49.

тьянства Курской губернии. В ходе встречи император заверил последних, что вскоре будет созвана Государственная дума, которая совместно с ним решит как улучшить жизнь крестьян. Одновременно крестьянам было указано, что с ликвидацией выкупных платежей они стали настоящими владельцами земли, поэтому если право частной собственности будет нарушено, то это коснется и их имущества. Чтобы этого не произошло, нужно жить спокойно, не поддаваться на подстрекательства недобрых людей и ждать, что скажет Государственная дума, выбрав в нее достойных представителей¹⁶. С другой стороны, должностных лиц волостных правлений, которые запаздывали с избранием уполномоченных от крестьян в уездные комиссии, занимавшиеся подготовкой крестьянства к предстоящим выборам, под угрозой строгой ответственности немедленно обязывали это сделать¹⁷.

Для организации избирательного процесса в губернии была создана сеть специальных избирательных комиссий. Они были образованы в каждом уезде, а координировала их деятельность Подольская губернская комиссия по делам о выборах в Государственную думу. В состав комиссий входили члены Каменец-Подольского окружного суда, предводители дворянства, мировые посредники, налоговые инспекторы, городские головы. Функциональными обязанностями комиссий были: назначение и организация избирательных съездов, рассмотрение жалоб избирателей, проверка права на участие в выборах, а также решения других вопросов, возникавших в процессе подготовки и проведения выборов. Материалы деятельности Подольской губернской комиссии дают возможность проанализировать типичные проблемы, которые были предметом ее рассмотрения, а также уездных комиссий во время выборов в I Государственную думу.

14 февраля 1906 г. Могилевская уездная комиссия обратилась в губернскую с просьбой дать разъяснения закона: можно ли на предварительных съездах проводить выборы путем подачи записок, если на съезд прибудет более 500 человек или выборы на таких съездах проводятся независимо от количества выборщиков, баллотировани-

¹⁶ Циркуляры подольского губернатора о переселении крестьян в пределы Сибири, о продовольственных ссудах крестьянам казенного леса, постановления о переводе крестьян на отрубное землепользование, проект правил против возникновения стачек среди крестьян // ГАВО. ФД. 24. Оп. 1. Д. 4. Л. 48.

¹⁷ Циркуляры Брацлавско-Гайсинского съезда мировых посредников, подольского губернатора по губернскому по крестьянским делам присутствию и др.; списки убитых, раненых и пропавших без вести нижних чинов во время войны с Японией // ГАВО. ФД. 25. Оп. 1. Д. 9. ЛЛ. 3—3 об.

ем шарами¹⁸. Губернская комиссия объяснила, что ст. 2 § X закона 11 декабря 1905 г. касается съездов мелких землевладельцев и духовенства, и если число избирателей превышает 500 человек, выборы проводятся подачей записок¹⁹.

Были и другие неясности закона, вносившие путаницу в организацию избирательного процесса. Об этом, в частности, свидетельствует обращение в губернскую комиссию новоушицкого городского головы А.Т. Яворского. В нем он просил отменить решение Новоушицкой уездной комиссии о назначении его одновременно председателем съездов городских избирателей в м-ке Дунаевцы и г. Новая Ушица, логично объясняя, что один человек не может быть одновременно в двух разных местах. Поэтому он предлагал возложить исполнение этих обязанностей в м-ке Дунаевцы на староушицкого городского старосту. Губернская комиссия признала постановление уездной комиссии правильным, соответствующим ст. II Положения о выборах в Государственную думу²⁰. Позднее компромисс был найден: уездная комиссия назначила председателем на съезде в м-ке Дунаевцы заместителя новоушицкого городского головы А.Н. Грудзинского²¹.

Члены Балтской уездной комиссии 7 марта 1906 г. обращали внимание губернской комиссии на неясность закона 11 декабря. Их интересовало: подлежат ли включению в списки избирателей сельские старосты и сборщики налогов, которым выплачивают содержание по службе. Губернская комиссия отметила, что поскольку указанные лица не подавали просьб о желании принять участие в выборах, то этот вопрос нельзя решить в связи с отделом VIII указа 11 декабря²². Данный отдел указа обязывал избирателей, которые

¹⁸ По представлению Могилевской уездной по делам о выборах комиссии о разъяснении ей может ли применяться примечание 2 ст. X закона 11 декабря 1905 г. при проведении выборов на предварительных съездах мелких землевладельцев и духовенства // ГАХМО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 2.

²⁰ Прошение Новоушицкого городского головы об увольнении его от председательствования на Дунаевецком съезде городских избирателей // ГАХМО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 6. ЛЛ. 3, 8.

²¹ Настольный реестр Ушицкой уездной по делам о выборах в Государственную думу комиссии. Реестр входящих документов, требующих распоряжений комиссии за 1905—1906 гг. // ГАХМО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 84. Л. 74 об.

²² По представлению Балтской уездной комиссии о разрешении вопроса подлежат ли включению в списки избирателей сельские старосты и сборщики податей как лица, получающие содержание по сословной службе // ГАХМО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 49. ЛЛ. 1, 3—3 об.

не вносились в списки на основе Положения о выборах или как налогоплательщики, при желании воспользоваться своим избирательным правом, письменно заявить об этом в учреждение, составляющее избирательные списки в течение трех недель с момента опубликования этого указа²³. Таким образом, в тонкостях избирательного законодательства не могли полностью сориентироваться даже образованные члены уездных комиссий, не говоря уже об обычных избирателях.

Существенные недостатки в организации выборов наблюдались в Винницком уезде. Там уездной комиссией 12 февраля 1906 г. был образован лишь один съезд городских избирателей в г. Виннице, что обусловило значительные неудобства для жителей г. Жмеринка. Просьбу о создании отдельного съезда городских избирателей в Жмеринке выразил в своем письме к губернатору от 23 февраля 1906 г. и жмеринский городской староста. К письму прилагалась копия протокола собрания жмеринских городских уполномоченных, а также заявление железнодорожных служащих. Губернатор передал обращение в губернскую комиссию, которая опять-таки возложила решение этого вопроса на Винницкую уездную комиссию²⁴. Последняя не спешила менять собственное решение. Поэтому в письме от 2 марта 1906 г. к губернатору указанную просьбу повторил начальник Юго-Западной железной дороги. Он объяснял необходимость создания отдельного съезда тем, что большинство железнодорожных служащих, вследствие специфики работы, не смогут одновременно покинуть свои рабочие места для поездки на съезд в Винницу, т.е. не воспользуются своим избирательным правом. Даже член Винницкой уездной комиссии, уездный предводитель дворянства граф Д.Ф. Гейден поддержал указанные требования. В телеграмме на имя губернатора он писал: «Прошу губернскую по выборам комиссию разрешить выборы городских выборщиков Винницкого уезда на двух съездах: в Виннице и Жмеринке. С 8500 избирателей Жмеринка с Браиловом дают 3000 избирателей, треть городских уполномоченных — железнодорожники. Физически невозможно перевезти такое количество избирателей за один день из Жмеринки в Винницу»²⁵. Губернская комиссия в целом поддержала заявленные просьбы, но,

²³ ПСЗ-3. СПб., 1908. Т. XXV. Отд. I. № 27029. С. 880.

²⁴ По прошению Жмеринского городского правления и служащих станции «Жмеринка» Юго-Западных железных дорог об образовании в г. Жмеринке отдельного съезда городских избирателей // ГАХМО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 8. ЛЛ. 1, 2 об.

²⁵ По прошению начальника Юго-Западных железных дорог и винницкого уездного предводителя дворянства об образовании в г. Жмеринке отдельного съезда городских избирателей // ГАХМО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 29. Л. 6 об.

ссылаясь на то, что за такой короткий срок невозможно организовать выборы в Жмеринке согласно требованиям закона, а также тот факт, что списки городских избирателей уезда не разделены по месту жительства, решила отказать²⁶.

С аргументами губернской избирательной комиссии нельзя согласиться. Действительно, организовать полноценные выборы за 7 дней (они были назначены на 13 марта, а заседание комиссии проходило 6 марта) было довольно сложно. Однако впервые о необходимости отдельного съезда в Жмеринке было заявлено еще 23 февраля. Нет никакого оправдания и позиции Винницкой уездной комиссии. Ведь именно в ее обязанности входила четкая организация избирательного процесса, в том числе и создание необходимых условий для того чтобы своим избирательным правом смогли воспользоваться все избиратели. Такие действия комиссий, очевидно, привели к тому, что большинство из 3000 жмеринских избирателей так и не смогли принять участие в голосовании.

Все же трудно поверить, что причиной этого была лишь халатность уездной комиссии и бюрократическая волокита вокруг решения этой проблемы. Думается, комиссия намеренно затягивала решение вопроса, чтобы не допустить к участию в голосовании служащих станции Жмеринка. Ведь они принадлежали к революционно настроенным слоям общества и активно участвовали во Всероссийской октябрьской стачке²⁷, а потому не могли избрать умеренных выборщиков. Умышленность таких действий подтверждается и тем фактом, что еще 12 февраля в Винницкую уездную комиссию было подано три списка городских избирателей с распределением по месту жительства. Комиссия же обязала городскую управу свести все списки в один и не сочла необходимым образование отдельных съездов в городах уезда²⁸. Двойные стандарты комиссии в отношении избирателей городской курии Жмеринки особенно показательны в сравнении с мелкими землевладельцами и священниками. В аналогичной ситуации комиссия разрешила три отдельных предварительных съезда мелких землевладельцев и священников в Виннице, Жмеринке и м-ке Пиков²⁹.

²⁶ По прошению начальника Юго-Западных железных дорог и винницкого уездного предводителя дворянства об образовании в г. Жмеринке отдельного съезда городских избирателей // ГАХмО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 29. Л. 7.

²⁷ Зеленюк І.С. Революційний рух на Поділлі в період народної революції 1905-1907 рр. у Росії // Наукові записки Кам'янець-Подільського державного педагогічного інституту. Хмельницький, 1956. Т. 3. С. 23.

²⁸ Журнал заседаний Винницкой комиссии по выборам в Государственную думу // ГАВО. ФД. 504. Оп. 1. Д. 13. ЛЛ. 47 об., 48.

²⁹ Там же. ЛЛ. 50 об., 51.

Иногда в процессе организации выборов наблюдалось отсутствие взаимопонимания между избирательными комиссиями и местными чиновниками, из-за которых возникали курьезные ситуации. Такой случай имел место в Виннице. Глава местной уездной комиссии И.С. Белинский в обращении к губернатору 17 февраля 1906 г. жаловался на действия уездного исправника, который запретил типографии печатать 500 экземпляров объявлений об образовании предварительных избирательных съездов. Повод для этого исправник избрал крайне смехотворный — отсутствие на объявлении места для его подписи о разрешении печати³⁰. В ответ на это лишь 20 февраля из губернской канцелярии поступило разъяснение, что на печать такого типа документов особого разрешения не требуется³¹. Таким образом, личные амбиции чиновника и вялая реакция на его действия губернской администрации тормозили избирательный процесс в уезде.

В ходе организации выборов в Подольской губернии возникали разногласия относительно сроков объявления избирательных списков и самих сроков проведения выборов, которые постоянно переносились. Например, дополнительные списки лиц, имевших право на участие в выборах, обнародовались в уездных управах неодновременно. В частности, в Ольгопольской и Каменецкой — 1 февраля, Могилевской — 3 февраля, Ушицкой — 6 февраля, Гайсинской — 10 февраля, Литинской — 11 февраля, причем в последней управе срок оглашения списков был изменен с 4 февраля. Таким же было состояние дел в городских управах. Списки городских избирателей были объявлены в Ушицкой городской управе — 13 января, Винницкой — 30 января, Проскуровской и Балтской городских управах — 10 февраля³². В течение 7 дней со дня оглашения списков можно было обжаловать их неправильность и неполноту. Разновременность обнародования имен избирателей, конечно, не способствовала четкой организации выборов, а также затрудняла своевременное представление жалоб в губернскую комиссию.

Съезды избирателей отдельных курий также проходили в разное время. Выборы уполномоченных от волостей и рабочих заводской,

³⁰ Журнал заседаний Винницкой комиссии по выборам в Государственную думу // ГАВО. ФД. 504. Оп. 1. Д. 13. Л. 52.

³¹ Там же. Л. 54.

³² По выборам в Государственную думу // Подольские губернские ведомости. 1906. 25 января; По выборам в Государственную думу // Там же. 1906. 4 февраля; По выборам в Государственную думу // Там же. 1906. 28 января; По выборам в Государственную думу // Там же. 1906. 1 февраля; По выборам в Государственную думу // Там же. 1906. 11 февраля; Часть официальная // Там же. 1906. 15 февраля.

горной промышленности, а также железнодорожных мастерских были назначены на 27 февраля. Выборы уполномоченных от предварительных съездов уездных землевладельцев и священнослужителей — на 6 марта³³. Избрание выборщиков на съездах избирателей в разных уездах тоже было разведено во времени. В 8 уездах (Каменецком, Ушицком, Ямпольском, Винницком, Гайсинском, Летичевском, Проскуровском, Литинском) выборы были назначены на 13 марта. В Могилевском, Брацлавском, Ольгопольском и Балтском уездах выборы проводились в два срока — 13 и 16 марта. В Балтском уезде было проведено три съезда городских избирателей: в Балте, под председательством городского головы В.А. Преображенского; м-ке Юзефполь, под председательством члена городской управы Ф.М. Одольского; с. Воронков, где функции председателя выполнял член Балтской городской управы К.Ф. Козловский. Выборы были назначены на 13 марта в Юзефполе и Воронкове и на 16 марта — в Балте³⁴. Выборы на съездах уездных землевладельцев проходили 20 марта³⁵. Выборы депутатов Государственной думы в губернском собрании были назначены на 26 марта³⁶.

Подольская губерния избирала 199 выборщиков: из них 82 избирались на съезде уполномоченных от волостей, 76 — землевладельцев, 37 — мещан, еще 4 выборщиков избирали рабочие. Для участия в съезде землевладельцев для всех уездов губернии устанавливался земельный ценз в размере 150 десятин³⁷.

Несмотря на определенные недостатки и злоупотребления, Подольская губернская администрация выполнила возложенные на нее обязанности и смогла обеспечить активное участие населения в вы-

³³ Часть официальная // Там же. 1906. 15 февраля.

³⁴ По выборам в Государственную думу // Там же. 1906. 8 марта.

³⁵ Циркуляры Особого делопроизводства МВД по выборам в Государственную думу, рапорты уездных исправников о предоставлении отчета о ходе выборов, сведения о лицах избранных выборщиками по уездам губернии, анкеты о них; Отчет о ходе выборов в Летичевском уезде и др. // ГАХМО. Ф. 117. Оп. 2. Д. 16. Л. 22; По выборам в Государственную думу // Подольские губернские ведомости. 1906. 22 марта.

³⁶ По выборам в Государственную Думу // Подольские губернские ведомости. 1906. 25 февраля.

³⁷ ПСЗ-3. СПб., 1908. Т. XXV. Отд. I. № 27029. С. 879; Порядок выборов в Государственную Думу. Систематический свод относящихся к сему предмету узаконений и правительственных распоряжений / Сост. Н. Хлебников. СПб., 1905. С. 68, 76; Государственная дума. Узаконения 6 августа 1905 г. С предисловием проф. И. Малиновского и с приложением статьи М.Б. «Государственная Дума ее права и порядок избрания ее членов». Киев, 1905. С. 80—81.

борах. Это отмечал один из первых исследователей этого вопроса М.А. Кроль и даже советские историки, указывая, что Подольская губерния имела наибольший процент явки на предварительные съезды мелких землевладельцев в Империи — 45,8 %³⁸. Аналогичные данные приводятся и в работах современных российских историков³⁹. Эти цифры несколько занижены: по нашим подсчетам, в указанных съездах приняли участие 54,8 % избирателей, внесенных в списки. Для сравнения, в Екатеринославской и Таврической губерниях этот процент составлял — 9,5 % и 9,2 %, а Харьковской — 6,8 %⁴⁰. Объяснять такие различия лишь большей верой подольских крестьян в том, что Дума «даст землю» вряд ли стоит. Можно согласиться с мнением В.И. Михайловой о том, что большое значение для активного участия населения в выборах было его доверие к местной власти и отсутствие административного давления во время выборов⁴¹. Достаточно высоким был также процент явки городских избирателей — 54,6 % и особенно крупных землевладельцев — 74,7 %. Активно участвовали в выборах и рабочие губернии. Выборы не состоялись лишь на одном предприятии из 62⁴².

Таким образом, организация выборов в I Государственную думу проходила в сжатые сроки и в условиях острого социального и политического кризиса в государстве. Подольская губернская администрация не осуществляла значительного давления на ход и проведение выборов, хотя имело место отстранение отдельных, не желательных для власти избирателей. В связи с новизной выборов, как для населения Подолья, так и для органов власти, возникали недоразумения, касающиеся технологии избирательного процесса и голосования. Вместе с тем относительная свобода выборов в губернии способствовала активной явке избирателей, которая была самой высокой в Российской империи.

³⁸ Кроль М. Как прошли выборы в Государственную думу. СПб., 1906. С. 21; Михайлова В.И. К вопросу о факторах формирования политической сознательности крестьянства в период выборов в I Государственную Думу (на материалах украинских губерний) // Некоторые вопросы социально-экономической и политической истории Украинской ССР. Сб. научн. ст. Днепропетровск, 1973. Вып. 4. С. 103; Сидельников С.М. Указ. соч. С. 137.

³⁹ Дмитриенко А.А. Крестьяне Вятской губернии и I Государственная дума // Отечественная история. 2006. № 5. С. 88.

⁴⁰ Кроль М. Указ. соч. С. 21.

⁴¹ Михайлова В.И. Указ. соч. С. 103.

⁴² ГАХМО. Ф. 117. Оп. 2. Д. 16. Л. 312.

Р.А. ЦИУНЧУК

Немецкий, польский и еврейский вопросы в Государственной думе: «свои», «иные», «другие», «чужие»

В статье остановимся на трех вопросах, важных для понимания позднеимперской национальной политики (немецком, польском и еврейском вопросах), обратив внимание на новые методологические подходы, в том числе из постмодернистского дискурса. Так, через методологическую призму категорий «свои-другие-чужие» можно, во-первых, проследить и понять содержание и динамику различных национальных вопросов, во-вторых, шире увидеть каждый из этих национальных вопросов, в-третьих, выявить их место в национально-конфессиональном вопросе и системе национальных отношений всей Империи в контексте не только внутренней, но и внешней политики России

Очевидно, что место и роль Государственной думы в политических и национальных процессах позднеимперской России долгое время была недооценена, эту ситуацию стремится преодолеть современная отечественная и зарубежная историография.

Остановимся на *6 ключевых вопросах* заявленной темы.

1. Польский, немецкий и еврейский вопросы в России.

Первым общеимперским проектом, способствовавшим: а) осмыслению страны как многонациональной и б) определению идентичности различных этнических, конфессиональных и региональных сообществ стала Всеобщая перепись 1897 г. Напомню, что по этой Переписи почти 8-миллионная польская община была на третьем месте среди народов Империи, более чем 5-миллионная, еврейская — на четвертом месте, а доходящая до 2 миллионов немецкая — на восьмом. Католики занимали третье место среди конфессий Империи, иудеи — четвертое, а протестанты — пятое.

В связи с формированием властью в поздней Российской империи (1860—1917 гг.) этноконфессионального общероссийского дискурса возникают конструкты «мы», «не мы», «свои», «иные», «другие», «чужие», применяемые к русскому православному, польскому католическому, немецкому протестантскому и еврейскому иудейскому населению. Понятием «мы» и «свои» в первую очередь охватывались представители «большой русской нации» — великороссы, малороссы и белорусы, и даже исповедывавшие православие неславянские народы Европейской России. Абсолютное большинство «нерусских» проживало в западной части Российской империи и имело за ее границами сородичей. Немцы, поляки и евреи в Российской империи имели различную историю и существенно разли-

чались к рубежу XIX—XX вв. по своему политико-правовому положению.

Традиционными регионами проживания немцев были вошедшие в XVIII — начале XIX вв. в состав Российской империи балтийские губернии (1/10 часть, или 9, 2 %) всех немцев империи в 1897 г.) и губернии Царства Польского (почти четвертая часть, или 22,7 %). В основе управления Остзейскими губерниями долго сохранялись привилегии немецкой аристократии и бюргерства, лишь в последние десятилетия XIX века была предпринята малоуспешная политика заменить немецкое влияние в крае на русское. Местами компактного проживания немецких поселенцев, массово прибывавших в страну с середины XVIII века до 70-х гг. XIX века, были губернии Европейской России (это две трети, или 66,3 % немцев Империи): Поволжье и Южный Урал (22,5 % всего немецкого населения), Новороссия (21,1 %), Волынь (11,7 %) и др.. Общее отношение к остзейским немцам, как и ко многим сотням тысяч переселенцев, было вполне доброжелательным, они рассматривались скорее как «свои-иные».

Поляки, оказавшиеся в составе Империи после трех разделов Речи Посполитой и несколько раз восставшие против имперской власти, испытывали на себе серьезные национально-религиозные ограничения как в 10 губерниях лишенной автономии после восстания 1831 г. Царства Польского (где проживало около 85 % всех поляков империи), так и в белорусских, литовских и украинских губерниях (где жило около 12 %). В системе отношений «свои-иные-другие-чужие» поляки оставались в политической плоскости «другие».

В то же время польские и, особенно, остзейские аристократические элиты активно инкорпорировались в общеимперскую; польский и немецкий компоненты были заметны среди военных и гражданских служащих, интеллигенции, предпринимателей и ремесленников.

Евреи, также оказавшиеся в составе Российской империи после присоединения Прибалтики и трех разделов Польши, жили в черте оседлости: в 10 губерниях Царства Польского (четвертая часть, или 25% всего еврейского населения) и в 15 западных губерниях (почти три четверти, или около 70 % всех евреев). Официальным правом евреи признавались инородцами (как и этносы Средней Азии и Сибири) и были существенно ограничены в правах, например, в перемещениях за черту оседлости, в получении образования и выборе профессии. Фактически евреи находились в плоскости «чужие» и были самым крупным из «чужих» народов.

2. Роль Думы в динамике развития национального вопроса в Империи.

Для власти и социума Дума стала вторым после Переписи фактором формирования национальной и региональной идентичностей в Империи. В этот период категории «свои», «другие», «чужие» конструируются и функционируют в дискурсах избирательной системы и думской политической практики.

Отметим, что накануне созыва Думы власть раздваивается между двумя установками: а) правительственным намерением наднациональной интеграции общеимперского социума, сближения «других» со «своими» и преодоления отторжения с «чужими», поясняя, что «мера эта (цитата комиссии Сольского о выборах) должна получить важное государственное значение в деле сближения многочисленных народностей, объединенных под сенью русской державы с коренным русским населением»¹ и б) требованиями, поддерживаемыми недоминирующими сообществами по выравниванию политико-правового статуса «своих», «других» и даже «чужих» этносов, конфессий и регионов, которые, в то же время, как полагал министр внутренних дел П.Н. Дурново, вызывают у бюрократии страх «окраинного сепаратизма»².

Главный составитель думских законов и будущий заместитель министра внутренних дел С.Е. Крыжановский еще в 1905 году писал: «В России господствующая национальность, на которой стоит государство, составляет всего лишь около 66 % общего количества населения (если точнее, то 66,5 % он имел в виду «большую русскую нацию» великороссов, малороссов и белорусов), а чуждые народности достигают 34 %, то есть такого процента, какого не знает ни одна западно-европейская держава, кроме Австрии, не имеющей вовсе господствующей нации. Национальная борьба... в будущем должна составить вопрос первенствующий, с которым едва ли уже будет связана территориальная целостность Империи. Интересы величайшей государственной важности... требуют..., чтобы голос русского народа, на котором одном держатся и сила государственной власти и... престол Российских государей, безусловно, господствовал в законосовещательных учреждениях...»³.

Поэтому власть, опасаясь «сильного и неудобного для правительства» окраинного представительства, решила выстроить избирательную систему по «двойному стандарту» — нормативному и усеченному, создавая новую этнополитическую географию регионов Империи. Нормативные нормы представительства, по основному По-

¹ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

² ОР РНБ. Ф. 781. Д. 232. Л. 102.

³ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 76.

ложению о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 г., применялись для 51 губернии и области Европейской России (куда вошли не только русские губернии, но и многонациональные регионы — среди них Балтийские, Северо-Западные и Юго-Западные губернии, где проживало почти 1 миллион 400 тысяч «своих» немцев, один миллион «других» поляков, и 3 миллиона 700 тысяч «чужих» евреев). Усеченные нормы представительства закреплялись на основе дополнительных Положений о выборах для окраин девяти регионов, в том числе для Польши (всего свыше 9 миллионов жителей, среди них около 7 миллионов «других» — поляков, почти 1 миллион 300 тысяч «чужих» — евреев и 400 тысяч «своих» немцев). В контексте «свои-иные-чужие» в окраинных национальных регионах создаются «казацкие» округа, отдельные округа «русские» и «иногородские» округа (для азиатских территорий), «православные» в Люблинской и Седлецкой губерниях Царства Польского, разделенные «христианские и мусульманские» избирательные собрания на Кавказе.

3. Поляки, немцы и евреи в думской избирательной арифметике.

Нормы представительства поляков, немцев и евреев зависели от их принадлежности к одной из избирательных курий и региона их проживания. Первоначально планировались нормы представительства центральных губерний в 1 депутат от 250 тысяч избирателей губернии и 1 депутат от городов численностью около 100 тысяч жителей, а для окраин — 1 депутат от 350 тыс. жителей.

Однако в перводумской системе нормы представительства в западных губерниях оказались приближены к центральным. По нашим подсчетам, средняя норма по губерниям Европейской России оказалась 228 тыс. человек на 1 депутата, по балтийским губерниям была еще меньше и составила 207 тысяч, а по губерниям Царства Польского — 254 тысячи. Избирательные нормы для восточных окраин превышали средние в 2—2,5 раза. Перводумская избирательная система показала стремление власти проявить большую терпимость к нерусским народам и обозначить новые черты их интеграции в систему «свои-другие-чужие». Немецкий барон, остзейский бюргер или крестьянин-поселенец и даже шляхетский «поляк-сепаратист» у царского правительства после 1905 г. вызывали меньше опасений в лояльности, чем революционизированный рабочий или взбунтовавшийся крестьянин. Немцы все более сдвигались из категории «другие» в категорию «своих».

Дискуссию в Особом совещании и Совете министров вызвал вопрос об участии в выборах в Думе еврейского населения, где проявились три точки зрения, Первая — принципиальное недопущение участия евреев в Думе (бывший Подольский губернатор, член «русского собрания» и «Союза русских людей» А.А. Нарышкин). Вторую

позицию — «отложенное решение» — отстаивал министр внутренних дел А.Г. Булыгин, поскольку евреи не допускаются к избранию в земское и городское самоуправление, то было бы непоследовательно открывать им доступ в Думу до изменения правил о выборах в местное самоуправление⁴. Третья точка зрения — допустить евреев к выборам и участию в Думе, которая была озвучена С.Ю. Витте, получила поддержку Совета министров, полагавшего, что в условиях цензового голосования и устранения от выборов «всей главной массы еврейского населения — его пролетариата» политическое участие евреев в выборах вряд ли будет опасным и «в Думу пройдут, может быть, несколько евреев, которые едва ли могут повлиять на мнения 400—500 ее членов»⁵. Таким образом, евреи западных губерний России и Царства Польского получили те же нормы представительства, как и другие жители этих регионов, что означало возможность их движения из статуса «чужих» в «другие».

Выборы активировали процесс создания национальных политических партий и объединений. Так, в ходе выборов активно проявила себя в Польше действовавшая еще с конца XIX в. Национально-демократическая партия, получившая почти 90 % депутатских мандатов, положенных для Царства Польского. Вполне успешными оказались выборы для поляков западной окраины (крессов).

Задачу презентации интересов немецкого населения остзейских губерний попыталась выполнить близкая к октябристам Балтийская конституционная партия, противостоявшая латышским и эстонским партиям, однако проиграла выборы. Прошедшие в Думу несколько немцев представляли поселенческие общины.

Неожиданно успешно выступил в западном крае созданный накануне выборов Союз для достижения равноправия евреев,

4. Поляки и немцы в Думе: презентация национальных интересов.

Дума оказалась тем местом, где легально встретились и активно прозвучали такие актуальные вопросы как русский, польский, немецкий, балтийский, еврейский, мусульманский, католический и даже такие как молоканский, менонитский, мариавитский и др. Первая дума неожиданно для власти оказалась оппозиционной, многонациональной и самой удачной для представительства польских интересов. В ней оказался 51 депутат-поляк (10 % состава Думы) при общем проценте поляков в составе империи 6,3 %. Членами Думы были избраны 13 евреев (2,7 %) при общем проценте евреев в России 4 %. В эту Думу прошло лишь 4 немца. Во II Думу прошли 46 поляков (9 % Думы), 6 евреев и также 4 немца.

⁴ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 1. Л. 39.

⁵ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. СПб., 1991. С. 149.

Первой из национальных фракций в Думе конституировалось Польское коло, которое опиралось на опыт одноименных польских фракций в Австрийском Рейхсрате и Германском Рейхстаге. Польское коло существовало в Думе всех четырех созывов, причем отличалось политической культурой, организованностью и стабильностью состава. Ближайшим союзником Польского коло была группа западных окраин, состоявшая из поляков, литовцев и белорусов-католиков.

Первым из национальных вопросов в Думе был поставлен польский вопрос. Польское коло в I и II Думах было достаточно многочисленным, чтобы законодательно вносить вопрос о восстановлении польской автономии и уравнивании поляков в правах. Польские депутаты и поляки западных окраин активно участвовали в обсуждении аграрного вопроса, отстаивая необходимость его решения на основе автономии.

По большинству общеполитических вопросов коло поддерживало кадетов, в то же время после роспуска Думы Польское коло дистанцировалось от Выборгского воззвания.

Во II Думе Польское коло даже резче чем кадеты критиковало правительство П.А. Столыпина. Власть захотела продемонстрировать по отношению к полякам возможность движения из категории «других» в «чужие». Эта тенденция усилилась в III Думе.

Еврейский вопрос в I и II Думах ставился в контексте выдвинутого кадетами и их национальными союзниками законопроекта о гражданском равенстве и законопроекта об отмене ограничений, связанных с национальной и религиозной принадлежностью, а также и при обсуждении погромов 1906 года в Белостоке. Отказ в решении еврейского вопроса оставлял их в категории «чужие».

Собственно немецкий вопрос в I и II Думах ставился лишь в контексте безрезультатных выступлений латышей и эстонцев против привилегий немецких помещиков. Немцы оставались для власти «своими». Разгон II Думы не дал шанса реализоваться даже части имевшихся в Думе законопроектов, касавшихся национального вопроса.

5. Кризис национальной политики Российской империи кануна I мировой войны: из «своих» и «иных» в «чужие».

Возможность польских депутатов влиять на голосование послужила одной из причин изменения избирательного закона и сокращения представительства от Польши на 23 мандата (с 37 до 14, причем два места были закреплены за православным населением). Этим законом поляки перемещались из категории «других» в категорию «чужих». Число поляков в III—IV Думах сократилось до 22 и 17, соответственно — 4,6 и 4 %, т.е. ниже общего процента польского

населения Империи в 6,3 %. По три еврея избиралось в III—IV Думы. Наоборот, число немцев в III—IV Думах увеличилось в два-три раза — с 4 до 10—13 депутатов, главным образом за счет остзейского дворянства, соответственно, 2,7 и 2,2 % при общем проценте в Империи 1,7 %.

Лидеры польского движения попытались поставить новые акценты в российской системе «свои-иные-чужие». Еще в 1906 году Р. Дмовски объявил о поддержке неославизма, который стремился увеличить славянское влияние в Вене и сблизить Австро-Венгрию со вставшей на конституционный путь Россией. В книге Р. Дмовского «Германия, Россия и польский вопрос» главным врагом поляков представляется Германия как более мощная ассимиляторская сила. В вероятной мировой войне поляки должны встать на сторону России и добиваться объединения поляков в единой автономии под властью Петербурга. При этом он также рассчитывал помочь франко-британско-российскому сближению, полагая, что это будет способствовать демократизации и реформам национальной политики России.

В III Думе Дмовски вновь поднял, как он выразился, «окраинный вопрос», который вписал в контекст внешней и внутренней политики империи. Надеясь на диалог с кабинетом Столыпина, он заявил, что «увеличение пространства государства и разнородность его состава тем более делает невозможным бюрократическое и централистское управление государством», особенно когда усиливается внешнеполитическая конкуренция России с Японией, Англией, Германией и требуется «здоровая основа внутри страны»⁶. Польское коло предлагало бы «перенести тяжесть многих дел, которые решаются здесь, в центре — в Петербурге, на места»⁷.

Правительство не пошло навстречу лидерам Польского коло, которые были готовы наладить диалог на основе более умеренных требований по польскому вопросу. По мнению П.А. Столыпина, основным условием реформ должна быть приверженность «русским национальным началам». Он утверждал, что децентрализация может идти только от избытка сил, а ее требуют в «минуту слабости»<...>, тогда конечно правительство ответит: «нет»<...>. Вот сплотитесь общенациональным цементом и тогда, господа, требуйте от нас децентрализации»⁸.

Правительство проявило жесткость: в Думу был внесен и благодаря поддержке проправительственных фракций проведен комплекс

⁶ Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. 1. Стб. 341.

⁷ Там же. Стб. 342—343.

⁸ Там же. Стб. 353—354, 352.

антипольских законопроектов. В их числе были проекты изменения порядка пополнения состава Государственного совета выборными от западных губерний и введения земства в шести западных губерниях (с делением на польскую и русскую избирательные курии с преимуществами для последней). Крупнейшим антипольским проектом был и законопроект о выделении из состава Люблинской и Седлецкой губернии новой Холмской губернии, которая изымалась из состава Царства Польского и становилась внутренней губернией Империи. Единственным внесенным в III Думу законопроектом, содержащим некоторые уступки полякам, был проект преобразования управления городов в Польше, не утвержденный Государственным советом. Все эти проекты в канун мировой войны фактически перемещали поляков в категорию «чужие», отталкивали их от России.

В 1910 и 1912 гг. правительство попыталось придать проблеме малоземелья в Юго-Западных областях не только антипольский, как было раньше, но и антинемецкий характер, т.е. ограничить приобретение и использование недвижимости колонистами «нерусского происхождения», однако благодаря октябристам и влиятельным русско-немецким политикам, это предложение было отвергнуто. Немецкая карта пока осталась неразыгранной, немцы продолжали трактоваться как «свои» — «другие».

Безрезультатной оказалась попытка внесения законопроекта об отмене черты оседлости, внесенная в 1910 г. и подписанная 160 депутатами. Евреи оставались «чужими».

Под жестким давлением властей IV Дума стала еще более однородной и в политическом, и в национальном отношении. В IV Думе было 10 немцев, и 3 еврея. В IV Думу прошло лишь 17 поляков, но в ней не нашли реализации самые умеренные предложения Польского коло.

6. Немецкий и польский вопросы в 1914—1917 г. в отражении Государственной думы.

Своеобразным водоразделом думской и всей российской истории явилась Первая мировая война. После объявления войны представители всех национальных фракций декларировали свою поддержку российской армии и верховной власти, но уже в первых выступлениях национальных депутатов выражалась надежда на решение национальных вопросов.

Особое место заняла проблема разделенной между воюющими странами Польши. Келецкий депутат В. Яронски выражал надежду, что «пролитая наша кровь и ужасы убийственной для нас войны приведут к соединению разделенного на три части польского наро-

да»⁹. Власть, намекая на решение польского вопроса, с одной стороны, пыталась продемонстрировать славянскую солидарность и возможность перемещения поляков в категорию «своих» — «других», с другой ничего не делала даже для отмены существовавших еще с середины XIX в. ограничений для поляков.

Однако прежние этноконфессиональные проблемы дополнились новыми национальными фобиями и конфликтами.

Одним из новых острых вопросов стал немецкий. Курляндский барон Г.Е. Фелькерзам выступил от имени «верноподданнического немецкого населения Прибалтийского края, всегда готового встать на защиту престола и отечества... и жертвовать жизнью и имуществом за единство и величие России»¹⁰. В ответ С.В. Левашов (Одесса) заявил, что «полуторавековое сожительство» с немцами продемонстрировало «отталкивающие национальные особенности их». Н.Е. Марков (Курская губерния) изобразил немецких колонистов как внутренних врагов и предложил немцев «изгнать, лишить их землевладения..., имуществ товаровпромышленных, какие они захватили...», а также запретить секты штундистов, меннонитов и других. С.В. Левашов повторил также утверждение о том, что на деньги немецкого Генерального штаба организовывалось «в искони русских землях мазепинство»¹¹.

Пиком антинемецкой политики стали погромы, высылки из прифронтовых зон и образование по инициативе правых 11 августа 1915 года в IV Думе специальной думской комиссии по борьбе с немецким засильем в составе 4 подкомиссий: по немецкому землевладению, торгово-промышленную и банковскую, по прибалтийским делам, по запросам. Так, в ходе войны российские немцы превращались в «чужих».

Еще больше обострился еврейский вопрос. Евреи прифронтовой полосы были обвинены в массовом предательстве, подвергнуты репрессиям и высылке во внутренние районы. В результате свыше полумиллиона евреев оказались вне черты оседлости. Евреи продолжали восприниматься как «чужие».

Обещанное правительством в ходе войны разрешение вопроса польской автономии не было реализовано. Польские депутаты представляли в Думе оккупированные губернии. Когда осенью 1916 года стало известно о объявлении Германией «независимости» Царства Польского, депутат Я. Гарусевич (Ломжинская губерния) во вне-

⁹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет заседания 26 июля 1914 г. СПб., 1914. Стб. 21.

¹⁰ Там же. Стб. 20.

¹¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия третья. Заседание 1. Стенографический отчет. Пг., 1915. Стб. 67, 128, 67.

очередном заявлении Польского коло в Думе признал, что «роковое молчание правительства в польском вопросе было использовано нашим общим врагом...»¹².

Можно утверждать, что в канун и во время Первой мировой войны нерешенность национальных вопросов для трех крупнейших неправославных народов западной окраины — поляков, евреев и немцев и восприятие их не только как «других», но и как «чужих» послужило одной из весомых причин углубления общенационального конфликта и распада Российской империи.

¹² Государственная дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия пятая. Пг., 1916. Стб. 8.

М.В. БРАТОЛЮБОВА

Парламентская деятельность российского казачества в начале XX века

Развитие казачьего движения в современной России усиливает интерес к истории казачества, в частности, к его роли в строительстве российской государственности в начале XX в. Исследования последних лет¹ позволили приоткрыть малоизученную страницу истории, связанную с активным участием казаков в становлении российского парламентаризма, когда самодержавие вынуждено было пойти на созыв Государственной думы, обозначив начало движения России к гражданскому обществу.

Целью данной работы является рассмотрение вопроса о месте и роли депутатов-казаков в работе Государственной думы России четырех созывов, определение организационных форм их депутатской деятельности, участия в законодательной работе парламента.

Всего в российские Думы в 1906—1912 гг. было избрано 85 депутатов-казаков: 25 человек — в I, 27 — во II, 18 — в III и, наконец, 15 — в IV. Так как некоторые из депутатов избирались несколько раз, то это количество уменьшается до 69 человек. Видные казачьи общественные деятели демократической ориентации — дончанин В.А. Харламов и кубанский казак К.Л. Бардиж — являлись депутатами Думы всех четырех созывов.

По отношению к казачеству, разделенному на 11 войск, весьма негативно проявилась вся сложность и запутанность смешанной системы выборов в Думу. Донское, астраханское и оренбургское казачества трактовались основным избирательным законом как обычные губернии Российской империи и таким образом депутаты от этих областей избирались по общему Положению о выборах в Государственную думу от территорий (то есть по избирательным куриям). Депутаты от остальных восьми казачьих регионов избирались по особым правилам и представляли непосредственно казачьи войска.

¹ Казачество в истории России. Тезисы докладов международной научной конференции. Краснодар, 1993; Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений и выступлений на международной научной конференции. Ростов н/Д, 1995; Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар, 1996 и др.; *Футуриянский Л.* Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1998; *Дулимов Е.И.* Казачество в системе политико-правовых отношений России // Ученые записки Донского юридического института. Ростов н/Д, 1997. Т. 6.

Из 85 депутатов-казаков 71 человека делегировали казачьи регионы (в I Думу — 21 человека, во II — 20, в III — 16, в IV — 14)². Наибольшее количество своих представителей в Думе имело донское казачество — 34 депутата, кубанцев представляли 9 депутатов, оренбуржцев — 7, терское казачество делегировало 5 депутатов, астраханское и уральское — по 4 депутата, забайкальское — 3, сибирское — 2, амурское и уссурийское — 2, семиреченское — одного депутата-казака.

14 казаков были избраны депутатами от неказачьих губерний России. Хотя в Думе они идентифицировали себя как казаки, но в казачьи фракции и группы (за редким исключением) не входили, были далеки от отстаивания интересов казачества, предпочитая объединения по партийному признаку.

По возрастным группам больше всего в Российском парламенте было казаков, которым на момент избрания в Думу исполнилось от 30 до 40 лет (в среднем по Думам разных созывов около 40 %). Самому молодому казаку, ставшему депутатом, исполнилось 26 лет, самому старшему — 58 лет. Это в среднем сопоставимо с данными по Думам в целом.

Довольно высоким был образовательный уровень депутатов-казаков. Из 69 человек высшее и среднее образование имели 39 казаков (соответственно 21 и 18 человек), то есть больше половины (56,5%) от общего числа депутатов-казаков. Среди имевших высшее образование больше всего было выпускников университетов (85,7%), прежде всего Московского. При сравнении по отдельным Думам образовательный уровень депутатов-казаков сходен с данными по Думе в целом.

По роду занятий юристов было 15, 14 депутатов являлись казачьими атаманами разных уровней, 11 депутатов были заняты в сельском хозяйстве. Среди депутатов-казаков было также 3 врачей, 5 учителей, 5 служащих, 4 журналиста, 3 городских гласных, членов городских управ, 2 статиста, по одному инженеру, агроному, бухгалтеру, рыбопромышленнику и священнику.

Значительное число казачьих депутатов было по своему профессиональному уровню вполне подготовлено к законотворческой деятельности, где востребованными были юридическая подготовленность и компетентность, ораторские способности, четкая позиция и умение ее отстаивать. Многие депутаты-казаки занимали активную гражданскую позицию, помимо думской работы участвовали в различных научно-просветительских обществах, были видными общественными деятелями.

² *Боювич М.М.* Члены I Государственной думы. Портреты и биографии. Созыв I—IV. М., 1906—1912; и др.

По своим политическим убеждениям большинство депутатов-казаков вопреки надеждам властей (официальные власти, правительство, особенно в перводумский период, считали казачество монархически настроенной, консервативной частью русского народа) тяготело к левому центру. Показателен тот факт, что, выбирая желательное место в зале заседания Думы, большинство казаков в анкетах указывали — между партией народной свободы и национальными группами (Польским колом, мусульманской фракцией)³. Из 85 думцев-казаков 73 человека (85,8 %) входили в оппозиционные правительству фракции и объединения. Среди депутатов были: по одному социал-демократ, эсеру и энесу, 11 трудовиков, 35 кадетов, 2 члена партии демократических реформ, 8 прогрессистов, 7 мирно-обновленцев, 7 октябристов. Остальные 12 депутатов распределились так: 4 беспартийных, 3 умеренно-правых, 5 монархистов⁴.

Весьма показательным является тот факт, что кадеты от общего числа составляли 41,4 %. Популярность либералов среди казачества на выборах в Думу интерпретировалась по-разному. Сами либералы считали успех кадетов возможным благодаря пробуждению у казаков «старинного духа свободы»⁵. Консерваторы, казачья администрация утверждали, что кадетские думцы-казаки не выражают интересы всего казачьего населения, называли их «ложными казаками», казачьей интеллигенцией, зараженной оппозиционностью правительству⁶.

На наш взгляд, успех кадетов на выборах в Думу среди казачества можно объяснить рядом факторов. Хотя большая часть казачества в думский период воспринимала кадетов как выразителей казачьих интересов, это не означало, что казаки разбирались в тонкостях кадетской программы. Они были больше заинтересованы в решении своих собственных проблем и в конечном итоге отдавали предпочтение представителям тех политических сил, которые обещали отстаивать в первую очередь интересы казачества. По существу, местные кадеты были той политической силой, которая выражала и

³ Государственная дума. III созыв. 2 сессия. Справочник. 1909. СПб., 1909. Вып. 1.; Государственная дума. IV созыв. 1 сессия. Справочник. 1913. СПб., 1913. Вып. 6.

⁴ Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. 1906. Сессия I. СПб., 1907; Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. СПб., 1907; Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессия I. 1912—1913. СПб., 1913.

⁵ Крюков Ф.Д. О казаках // Русское богатство. 1907. № 4. С. 27; Цитрон А. 72 дня первого русского парламента. СПб., 1906. С. 97.

⁶ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 682. ЛЛ. 1, 9.

отстаивала казачьи чаяния. Именно региональные кадеты (в отличие от общероссийских) смогли сформулировать не только общедемократические, но и сословные требования, дополнили общепартийные документы специальными требованиями, нацеленными на удовлетворение потребностей казачества, сохранение их самобытности. Следует выделить еще одну причину успеха кадетов на выборах в парламент — среди либералов были представители казачьей интеллигенции, которые пользовались большим авторитетом и популярностью среди казаков, были великолепными ораторами. Кадетское влияние было распространено в среде средних предпринимательских кругов казачества и в среде интеллигенции.

Выявляя политическую окраску казаков в парламенте, мы за основу брали их политическую принадлежность в момент начала работы Дум без учета дальнейшей эволюции политических взглядов части казаков. Характерной чертой поведения депутатов-казаков в Государственной думе была высокая мобильность части казаков, передвижение вправо и влево, вплоть до изменения партийной принадлежности. Следует отметить, что процессы партийного расслоения, внутренние миграции были присущи для Российского парламента в целом и шли непрерывно, так как это время было началом конституционного периода, когда политически не искушенные депутаты не имели достаточного практического опыта парламентаризма.

Таким образом, представить себе политические ориентации отдельных депутатов-казаков, как и политическое настроение всего казачества чем-то статичным или имеющим заранее заданную доминанту, невозможно. Эластичность политического сознания казачьих депутатов также была требованием времени. Когда самодержавие показывало неспособность к адекватной оценке происходящих событий, политическое сознание всех, а тем более парламентариев не могло быть неизменным.

Во внутридумской деятельности значительную роль играли фракции и группы депутатов, создаваемые по партийному, территориальному или конфессиональному признакам. Нередко депутаты входили одновременно в разные фракции. Значительной среди них была и казачья фракция, в которой было собрано большинство депутатов-казаков, избранных и работавших в Думе.

Казачья фракция российского парламента отличалась от других фракций и групп как по своим целям и задачам, так и по составу. В основу ее создания был положен сословно-территориальный принцип. Именно сословно-региональные проблемы стали тем стержнем, вокруг которого происходило объединение казачества в единое общественно-политическое движение в стенах российского парламента и в стране в целом. История создания и функционирования

казачьей фракции интересна тем, что позволяет проследить процесс зарождения и формирования политической культуры казачества в русле общероссийской парламентской традиции.

Идея создания казачьей фракции возникла почти сразу в I Думе, но для этого потребовалось некоторое время. В I Государственной думе большинство казаков были представителями оппозиционных фракций: 9 депутатов-казаков записались во фракцию Партии народной свободы, 8 вошли в образовавшуюся в ходе работы Думы фракцию мирного обновления, 5 казаков стали членами трудовой группы, 3 казака остались беспартийными⁷. В ходе работы Думы произошел сдвиг политических настроений казачьих депутатов. Два казака-кадета, один беспартийный и даже один мирнообновленец параллельно работали в составе трудовой группы⁸. Кроме того, восемь казаков (4 донца, 3 оренбуржца и астраханец) посещали заседания союза автономистов⁹.

С началом работы I Думы оренбургский казак С.С. Выдрин фактически первым попытался собрать всех депутатов-казаков вместе. Он составил вариант проекта казачьей программы и предложил обсудить его не только внутри Думы, но и разослать по казачьим областям¹⁰. К обсуждению проекта программы присоединились донские казаки-мирнообновленцы. Совместно с Выдриным они составили проект казачьей программы весьма умеренного характера. Показателен тот факт, что военный министр неоднократно встречался с его составителями и одобрил этот проект¹¹. Левые казаки-депутаты, либералы, которые имели численный перевес среди казаков-парламентариев, не одобрили этот вариант программы, обвиняли донских мирнообновленцев в измене интересам казачества.

Представители донского казачества с началом работы I Думы объединились в областную внепартийную группировку¹². Но просуществовав всего месяц, это объединение распалось, так как проявились существенные различия в политических взглядах ее членов.

Таким образом, из-за отсутствия единой программы у депутатов-казаков, несогласованности действий, разногласий по политическим вопросам, кратковременности работы Думы организацион-

⁷ Государственная дума. Первый созыв. Указатель к стенографическим отчетам. 1906. Сессия I. СПб., 1907.

⁸ Состав трудовой группы в I и II Государственных думах. Сводная таблица членов фракции. М., 1988.

⁹ *Сватиков С.Г.* Россия и Дон. Белград, 1924. С. 496.

¹⁰ *Арефин С.Я.* Казаки-депутаты в Думе // *Донская жизнь*. 1906. 1—2 июля.

¹¹ Там же.

¹² *Крюков Ф.Д.* Встреча // *Русское богатство*. 1906. Ноябрь. С. 191.

но оформленной самостоятельной казачьей фракции в I Думе не было. Поэтому, не выступая с самостоятельными предложениями, казаки, как правило, поддерживали законопроекты левого крыла Думы, в основном кадетов.

После разгона I Думы 8 депутатов-казаков приняли участие в Выборгском собрании и подписали «Выборгское воззвание» (4 кадетов, 3 трудовика и 1 беспартийный)¹³. Но привлечено по суду было 7, так как дончанин В.А. Харламов отсутствовал в Выборге и прислал свою подпись по телефону¹⁴.

Казачья фракция оформилась и начала функционировать в дни работы II Государственной думы. Вначале она получила название «Общая казачья фракция думской оппозиции», впоследствии оно было сокращено и упрощено до «Думской казачьей фракции»¹⁵. На практике фракция получила общеупотребительное название — «Казачья группа».

Она представляла собой фракционную казачью структуру без учета партийной принадлежности. Ее председателем был избран кубанец Ф.А. Щербина, секретарем — А.И. Петровский и товарищем секретаря — М.П. Араканцев (оба дончане)¹⁶.

Было составлено документальное обоснование создания фракции из четырех тезисов. Суть их состояла в следующем: повысить политическое сознание казачества, упрочить авторитет каждого казачьего депутата, очистить репутацию казаков, которая пострадала из-за той негативной роли, которую сыграло казачество в освободительном движении; установить прочную связь между казачьими избирателями и простым казачьим народом¹⁷.

Казачья фракция предложила, чтобы ее представителю было отведено место в президиуме Думы, и В.А. Харламов был избран помощником секретаря Думы.

При фракции было образовано несколько комиссий для выработки проекта программы, устава, для рассмотрения законопроектов, касающихся как общероссийских, так и специфических казачьих вопросов. Был выработан проект программы, состоящей из двух

¹³ Выборгский процесс. Стенографический отчет с автобиографиями подсудимых. СПб., 1908.

¹⁴ *Бородин Н.А.* В Выборге 9—11 июня 1906 // Выборгский процесс. СПб., 1908. С. 242.

¹⁵ *Петровский А.И.* Донские депутаты во II Государственной думе. СПб., 1907. С. 123.

¹⁶ Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. 1907. СПб., 1907. С. 32.

¹⁷ *Петровский А.И.* Указ. соч. С. 123—124.

частей: общеполитической, сходной в общем с политической программой кадетов, и специально казачьей части.

Общая часть программы содержала следующие требования:

1. Россия — конституционная монархия. Законодательная власть осуществляется монархом в единстве с Государственной думой. Дума — высшее законодательное учреждение, без ее одобрения никакой указ не может иметь силу закона.

2. Отмена всех чрезвычайных мер: военно-полевых судов, смертной казни.

3. Широкое городское, земское и общинное самоуправление.

4. В вопросе рабочего законодательства — 8-часовой рабочий день.

5. В правовой области — введение независимого суда¹⁸.

Хотя официально в составе казачьей фракции было зарегистрировано 17 депутатов¹⁹, представителей только казачьих войск, но реально на практике к ним добавилось еще 3 (забайкальский и семиреченский представители прибыли к открытию Думы с опозданием, один одновременно входил и во фракцию трудовиков). Интересен тот факт, что донской крестьянин А.Г. Афанасьев, не являясь казаком, официально регистрировался в казачью фракцию.

Цель создаваемой фракции была в предварительном обсуждении вопросов, стоящих на повестке Думы, в подготовке ораторов, согласовании позиций депутатов-казаков, составлении запросов о незаконных действиях властей, в составлении самостоятельных законопроектов. То есть перед фракцией стояли чисто координационные задачи. Кроме того, намечался и широкий план агитационно-разъяснительной деятельности: объезды казачьих местностей депутатами с целью ознакомления населения с работой Думы, издание отчетов о думской деятельности и пр.

Однако фракция просуществовала недолго (два месяца), среди казаков сразу стали проявляться разногласия в подходах к решению программных и практических вопросов. Состоялось около 20 заседаний фракции (12 из них было запротоколировано), и в конце апреля 1907 г. она распалась, донские депутаты вышли из ее состава²⁰. Раскол произошел в силу ряда неблагоприятных факторов. Сказались разногласия по политическим мотивам. Поэтому с самого начала образования фракция состояла из двух лагерей: консервативного и либерального. Казаки-либералы не хотели ограничивать-

¹⁸ Петровский А.И. Указ. соч. С. 112—114.

¹⁹ Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. 1907. СПб., 1907. С. 32; Речь. 1907. 4 марта.

²⁰ Петровский А.И. Указ. соч. С. 114.

ся только лишь исключительно казачьими требованиями, доказывали необходимость защиты интересов в Думе всего русского народа, то есть пытались связать интересы казачества с общероссийскими проблемами. Другие, более умеренные члены казачьей группы выступали против существования общеполитической части в программе фракции, требовали программу, полностью посвященную рассмотрению казачьих вопросов.

Попытка связать интересы казачества с общими вопросами политики Российской империи, не обращая внимания на сепаративность казачьего движения в силу его территориальной разбросанности и особенностей различных войск, являлась основной тактической ошибкой членов казачьей фракции.

Проявились разногласия и при обсуждении устава фракции. Так как казачество было разделено на 11 войск, фракции было трудно определить тактику своих действий. Донской казак А.И. Петровский предложил проект устава, по которому большинство членов фракции могло определять политику всей группы²¹. А поскольку большинство членов были депутатами от Дона, они получили бы господствующее положение, определенное уставом. В результате донские казаки могли бы контролировать ситуацию и голосовать блоком. Таким положением были недовольны остальные члены фракции, они выступили против доминирующего положения донцов в составе фракции.

Распад фракции произошел также из-за несогласованности в действиях депутатов-казаков, наличия групповых интересов, отсутствия единого лидера, бескомпромиссности, отсутствия опыта парламентской работы.

В результате распада казачьей фракции часть казаков создала территориальные внепартийные группировки (так называемые «областничества»). Так, депутаты-казаки от ОВД образовали совместно с другими депутатами-дончанами свою «донскую группу» депутатов во главе с В.А. Харламовым²². По инициативе сибирского депутата-казака И.П. Лаптева была создана внепартийная «сибирская группа», куда вошли депутаты от Сибири независимо от политических взглядов²³. Таким образом, не имея возможности объединиться по сословному признаку, часть депутатов предпочла территориальные группировки для отстаивания своих местных интересов.

Восемнадцать депутатов-казаков, избранных в III Думу, предлагали разные варианты создания особой казачьей фракции. Часть

²¹ *Петровский А.И.* Указ. соч. С. 126.

²² *Сватиков С.Г.* Россия и Дон. Белград, 1924. С. 523.

²³ *Лаптев И.П.* Письма казачьего депутата // Степное эхо. 1907. 29 марта; Вестник партии народной свободы. 1907. 22 марта.

депутатов высказалась за образование казачьей фракции, состоящей из казачьих депутатов, то есть казаков, избранных только от казачьей курии. Некоторые казаки высказывали мысль создать очень узкую группу депутатов, состоящую из казаков, являющихся не только казаками по происхождению, но и по званию, то есть строевых казаков. Другие предлагали образовать более широкую казачью группировку. В результате после бурных дискуссий конституировалась «группа представителей казачьих областей», которая включала в себя не только казаков, но и других представителей от казачьих областей (так называемых «иностранцев»)²⁴. Последние не имели права решающего голоса только в вопросах, касающихся исключительно казачьих интересов. Группа состояла из 30 членов, из них 16 были казаками. По политическим убеждениям казачьи представители группы распределились следующим образом: 1 социал-демократ, 5 кадетов, 2 прогрессиста, 3 националиста, 1 правый (партийный состав иностранцев — 11 кадетов, 9 прогрессистов, 4 октябриста, 3 правых, 2 социал-демократа, 1 член партии Союза русского народа)²⁵. Председателем группы был избран кубанец К.Л. Бардиж, секретарем — дончанин М.С. Воронков²⁶, был образован также ряд комиссий, координационный совет.

Объединившиеся представители казачьих областей, учитывая изменение условий представительства казачьих депутатов после третьеиюньского избирательного закона (произошло сокращение максимальной квоты для представителей казачьего населения России) и трудности создания казачьей фракции во II Думе, решили не выработать казачью программу общего политического характера. На этот раз была выработана программа, затрагивающая местные интересы казачьих областей, особенно специфические казачьи.

Казаки-депутаты в III Государственной думе сфокусировали внимание в парламентской работе на чисто практических целях в духе демократических реформ: 1) критике законопроектов, представленных правительством в Думу, и внесении в них необходимых поправок в интересах населения казачьих областей; 2) внесении самостоятельных законопроектов местного значения для представляемых областей²⁷.

Казачья внепартийная группа в IV Государственной думе была

²⁴ Речь. 1907. 20 ноября; Государственная дума. Приложение к газете «Речь». 22 ноября.

²⁵ Захарьев Н.А. Заметки о Думе и депутатах // Донская жизнь. 1907. 4 декабря.

²⁶ Приложение к газете «Речь». 22 ноября.

²⁷ Захарьев Н.А. Указ. соч.

официально зарегистрирована и состояла из 15 человек — казаков из основных казачьих регионов²⁸.

Возглавлял фракцию на этот раз донской казак, депутат всех четырех созывов В.А. Харламов²⁹.

Партийный состав казачьей группы в IV Думе был более однородным: 6 человек одновременно входили во фракцию прогрессистов, 9 были членами фракции кадетов³⁰. Таким образом, все члены казачьей группы тяготели к либералам.

Редакционная комиссия группы выработала программу, защищающую интересы казачества. В ее основу был положен «Терский наказ войсковому депутату»³¹. Программа состояла из 15 разделов и касалась важнейших для казачества вопросов: земли, самоуправления, воинской службы, образования³².

Депутаты-казаки от Области войска Донского одновременно работали в «донской группе депутатов и членов Государственного совета» под председательством члена Государственного совета, донца В.И. Денисова³³.

Пять депутатов-казаков параллельно примкнули к «думской группе депутатов-крестьян», состоящей из 30 человек. М.А. Караулов даже вошел в исполнительное бюро группы³⁴. Своей целью эта внепартийная группировка видела разработку и проведение через Думу специально крестьянских и казачьих законов, отстаивание интересов сельского населения (крестьянского и казачьего). Был принят устав группы, по которому полноправными членами этой группировки могли стать только депутаты, избранные по крестьянской и казачьей куриям³⁵. Депутаты — казаки по происхождению, но прошедшие в Думу по другим куриям, могли допускаться на собрания без права решающего голоса и по особому постановлению группы.

Таким образом, малочисленность казачьей фракции в Государственных думах не позволила ей занимать обособленную самостоятельную позицию и вынуждала идти на контакт и союзничество с

²⁸ Государственная дума. IV созыв. I сессия. Справочник. 1913. С. 188.

²⁹ Там же. С. 188.

³⁰ Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. Сессия первая. 1912—1913. СПб., 1913.

³¹ *Караулов М.А.* Письма казачьего депутата // Терские ведомости. 1912. 23 ноября.

³² Донская жизнь. 1912. 20 декабря.

³³ Донская жизнь. 1913. 27 февраля.

³⁴ *Караулов М.А.* Письма казачьего депутата // Терские ведомости. 1912. 30 ноября, 19 декабря.

³⁵ Там же.

другими парламентскими объединениями. Можно зафиксировать у казаков четкую позицию в выборе партнеров и степени возможного компромисса.

Деятельность казачьих депутатов может быть охарактеризована, с одной стороны, выступлениями депутатов в общем собрании Думы в качестве докладчиков или ораторов, с другой, — участием их в думских комиссиях. Обозначенные два критерия отчасти дополняют друг друга, так как выступления в общем собрании и участие в комиссиях не всегда пропорционально, участие в большом числе комиссий далеко не во всех случаях сопровождалось частыми выступлениями с трибуны Государственной думы и наоборот.

Нами проанализирована работа казаков в комиссиях II—III Дум и первых двух сессий IV Думы, то есть в 1907—1914 гг., так как опубликованных материалов о деятельности комиссий Думы I созыва и 3—5 сессий IV Думы нет. В наиболее значимых для казачества комиссиях (по местному управлению и самоуправлению, аграрной, народному образованию, по вероисповедным делам и пр.) постоянно работали представители казачьей фракции.

Характеризуя работу депутатов-казаков в Государственных думах четырех созывов, изучив стенографические отчеты Дум, материалы заседаний казачьей фракции, можно сделать вывод о широком поле деятельности казаков. Они выступали в качестве ораторов или докладчиков на общих собраниях Думы, следили за общим ходом думских дел, знакомились с материалами, вносимыми в Думу различными ведомствами, принимали участие в их обсуждении в комиссиях и подкомиссиях.

Основным средством выражения требований были запросы в адрес министров или главнокомандующих отдельными властными структурами, подконтрольными Правительствующему Сенату³⁶.

Среди вопросов, обсуждавшихся в I Государственной думе, наиболее важными для казаков были проблемы политико-правового положения казачества как военного сословия в составе Российской империи, его роли в происходивших событиях, земельный вопрос. Правые депутаты, правительство стояли за сохранение сословной обособленности казаков, их привилегий, за неприкосновенность казачьего быта. Либералы требовали «раскрепощения» казачества. Они выступали за облегчение материального положения казаков, тяжести воинской повинности и за переход от централизованного бюрократического правления к «свободной демократии» на основе

³⁶ Дулимов Е.И. Казачьи организации и их представители в Государственной думе 1906—1914 // Ученые записки Донского юридического института. Ростов н/Д, 1998. Т. 8. С. 50—51.

самоуправления казачьих областей. В то же время они выступали за сохранение казачества как самостоятельной этносословной общности.

Депутатами-казаками был поднят вопрос о неправомерности использования казаков для исполнения ими полицейских функций. Причиной этому послужили действия правительства, выразившиеся в намерении использовать казачьи воинские подразделения для борьбы с внутренними врагами государства. В запросе Военному министерству от 2 июня 1906 г. «О призыве к воинской службе внутри Империи казачьих полков 2-й и 3-й очередей» подписавшие его 48 депутатов считали действия Министерства неправомерными, указывали на незаконность передачи этих полков Министерству внутренних дел и фактическое превращение их в полицейские подразделения. Обсуждение запроса проходило бурно. В дискуссии приняли участие 14 казачьих депутатов. Большинство из них доказывали, что использование казаков для нужд Министерства внутренних дел ухудшает их экономическое положение, разоряет казачьи хозяйства³⁷. Казачьи депутаты из фракций кадетов и трудовиков предлагали вообще отменить приказ о мобилизации казачьих полков. Более умеренные депутаты-казаки, ссылаясь на некомпетентность Думы в военных вопросах, предлагали запрос снять. Они считали, что он не отражает мнения большинства казачества. Однако в результате обсуждения Дума приняла запрос о мобилизации единогласно³⁸.

Политическое значение этого запроса было весьма велико. Впервые с трибуны Государственной думы представители казачества попытались дистанцироваться от действий правительства, не желая выполнять карательные функции. И хотя Дума не смогла добиться отмены закона, дальнейшая мобилизация казаков для несения внутренней службы была приостановлена.

Одним из центральных в I Думе был аграрный вопрос. Со своими законопроектами выступили конституционные демократы и трудовики. При обсуждении их предложений возник вопрос и о казачьем землевладении. Крайне правые депутаты, защищая неприкосновенность помещичьих земель, не возражали против идеи наделения земель малоимущих крестьян внутренних губерний за счет земельного фонда, в который бы вошли и казачьи земли³⁹. Крайне левые депутаты эсеровского толка также выступали за то, чтобы казачьи войсковые и надельные земли вошли в общий земельный передел.

³⁷ В.А. Харламов — казачий депутат Государственной думы (1906—1917). СПб., 1995. С. 8—11.

³⁸ Государственная дума. Созыв первый. Стенографические отчеты. СПб., 1906. Т. II. С. 1307—1334.

³⁹ Сватиков С.Г. Указ. соч. С.506.

В созданной Думой аграрной комиссии вопрос о землепользовании в казачьих регионах был выделен в особую категорию и обсуждался в специальной подкомиссии. При обмене мнениями членов подкомиссии под председательством кадета М.Я. Герценштейна, а затем и в самой аграрной комиссии было высказано мнение, что в интересах проведения в стране аграрной реформы нежелательно восстанавливать против нее многочисленных земледельцев-казаков. Поэтому надельные (юртовые) казачьи земли нужно оставить неприкосновенными и под принудительное отчуждение их не подводить⁴⁰. Речь может идти только о частновладельческих казачьих землях и землях войскового запаса.

Но даже такое компромиссное решение не нашло поддержки среди казачьего населения, которое считало все земли казачьего войска собственностью казаков. Корпоративные интересы в казачьей среде были еще очень сильны. Проект частичного отчуждения казачьей земельной собственности вызвал резкое неприятие казачества.

Аграрный вопрос в I Думе не был решен, так как она была досрочно распущена. Несмотря на роспуск Думы, ее политическое значение было велико: впервые страна получила возможность открыто и широко обсуждать назревшие политические проблемы, а казачество публично заявить о своих нуждах и поколебать сформировавшийся в общественном мнении образ «казака-нагаечника». Донской писатель и общественный деятель, депутат I Думы Ф.Д. Крюков писал: «Вопросы о казаках, вынесенные на обсуждение в I Государственной думе, сыграли в жизни казачества довольно заметную роль, они способствовали пробуждению и оживлению казачьей мысли, выражению общественного казачьего мнения»⁴¹.

Казачьи вопросы во II Государственной думе специально не рассматривались. Но казачья фракция до своего раскола самостоятельно выработала и внесла в Думу три весьма важных законопроекта (за 30 подписями: 1) об уменьшении срока действительной службы в казачьих войсках; 2) об изменении порядка призыва на действительную службу; 3) о временных правилах избрания мировых судей в казачьих областях.

Первый законопроект предусматривал уменьшение сроков службы казаков и облегчение материальных затрат казачьей семьи.

Второй законопроект, в случае его прохождения в Думе, должен был запретить мобилизацию казаков 2-й и 3-й очереди для несения ими внутренней службы и выполнения полицейских функций. Оба

⁴⁰ *Бородин Н.* Земельный вопрос на Дону // *Русская мысль*. 1907. № 7. С. 116.

⁴¹ *Крюков Ф.Д.* О казаках // *Русское богатство*. 1907. № 4. С. 27.

законопроекта должны были быть переданы в военную комиссию для дальнейшего прохождения в Думе, однако этого не произошло. Императорское правительство не считало для себя интересы казачества приоритетным делом.

Третий законопроект, основной смысл которого заключался в расширении состава избирателей при выборах мировых судей в казачьих областях, переданный в комиссию о местном судопроизводстве, также остался нерассмотренным, так как 3 июня 1907 г. II Дума была распущена.

Важной инициативой уже казачьей группы во главе с В.А. Харламовым был законопроект, предусматривавший расширение прав казачьего самоуправления⁴². По мысли авторов законопроекта, управление казачьими войсками должно было состоять из органов правительственной власти и органов самоуправления на местах. Представителем высшей административной власти являлся войсковой атаман, стоящий во главе каждого казачьего войска. Он избирался казачьим населением и утверждался царем. В его функции входил контроль за деятельностью органов самоуправления. Высшим органом местного самоуправления должен был быть Войсковой круг (рада, сбор, съезд), избираемый от всего войска на три года на основании всеобщего избирательного права. В компетенцию круга должны были входить общие порядки по казачьему землевладению и землепользованию, а также все хозяйственные дела, связанные с отбыванием казачьей воинской повинности. Исполнительным органом круга должно было стать, по проекту, избираемое им Войсковое правительство.

В программе казачьей группы рассматривался и земельный вопрос. Депутаты-казаки настаивали на том, чтобы земельным фондом в казачьих областях могли распоряжаться только казачьи органы самоуправления, а общинные земли, переданные ранее в качестве наград различным гражданским и военным чиновникам, должны быть возвращены станицам путем принудительного отчуждения у прежних владельцев.

В III и IV Государственных думах казачьи депутаты единодушно добивались либерализации милитаристского, военно-бюрократического управления казачьими войсками, главные требования казачьей группы в III и IV Думах были сформулированы следующим образом: 1) немедленное введение в казачьих областях широкого местного самоуправления на выборных началах; 2) выделение из ведения военного управления гражданских, культурных и экономических вопро-

⁴² Государственная дума. Созыв второй. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. II. Стб. 1166—1167, 1359.

сов казачьей жизни с передачей их органам местного самоуправления; 3) изъятие из органов гражданского управления из ведения Военного министерства⁴³.

Казаки-думцы настаивали на ограничении монополии Военного министерства при рассмотрении казачьих дел, требовали рассредоточить их между различными ведомствами. В 1910 г. под влиянием критики депутатов-казаков Главное управление казачьих войск было расформировано, а вместо него в составе Главного штаба был учрежден Отдел управления казачьими войсками, заведовавший преимущественно гражданским управлением⁴⁴. Но по существу, от перераспределения дел между различными учреждениями Министерства ничего не изменилось.

Казачьи депутаты в III и IV Думах ставили на повестку дня еще один злободневный вопрос, касавшийся казачества, — вопрос о местных войсковых капиталах. Казаки-депутаты считали войсковой капитал достоянием казачьих войск, приравнивая его к земским капиталам. Военное же министерство, привыкшее самостоятельно распоряжаться местными капиталами казачьих войск, пыталось рассматривать его как собственность государства.

Казаки-думцы были весьма активны в решении еще одного наиболее важного для казачества вопроса — о самоуправлении. Большинство казачьих депутатов в III и IV Думах требовало введения какой-либо формы казачьего самоуправления в казачьих войсках, чтобы ограничить произвол власти Военного министерства.

В III Думу 17 декабря 1908 г. было внесено на обсуждение казачьей группой законодательное предложение об устройстве местного самоуправления в казачьих войсках, включая собрание круга или рады, выбираемого всем совершеннолетним мужским населением казачьих войск⁴⁵. Этот вариант проекта о введении самоуправления был более сдержанным, чем подобный проект, внесенный во II Думу. По законопроекту, атаману предписывалось осуществлять надзор за правозаконностью действий выбранных властей и за действиями станичной администрации⁴⁶. По новому проекту учреждалось также выборное окружное собрание, которое выбирало администрацию своего округа.

⁴³ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. 3. Стб. 1663—1664.

⁴⁴ Харламов В.А. Казачий депутат Государственной думы (1905—1907). М., 1995. С. 34—35.

⁴⁵ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1909. Стб. 1308.

⁴⁶ Там же.

Законопроект казачьей группы в целом получил одобрение комиссии по местному самоуправлению. За обсуждением проекта следило командование Главного управления казачьих войск, оно потребовало принятия законопроекта только при условии сохранения полного контроля Военного министерства за военной службой казачества. В ответ на это сторонники законопроекта выдвинули встречное условие о том, чтобы действительная служба казачества оплачивалась из войсковых фондов, а не самими казаками. Военное министерство не могло согласиться ни с этим условием, ни с введением казачьего самоуправления в принципе. Военное министерство в противовес разработало свою программу реформ по вопросам управления казачеством. Представленный законопроект Военного министерства выхолащивал полностью идею земства.

В III Думе этот вопрос не был решен, и хотя с некоторыми редакционными изменениями и поправками проект был внесен на рассмотрение IV Думы, проблема осталась нерешенной. Основной причиной этого была недостаточная поддержка либералов и враждебность консерваторов. Большинство думских депутатов были настроены на расширение местного самоуправления, но это не означало, что они были согласны на предоставление особых привилегий казачеству. Члены Думы были враждебно настроены к требованию казачества установить у них демократическое управление.

Таким образом, предложения казачьей группы по предоставлению казачеству местного самоуправления не имели реального шанса получить одобрения Думы и правительства.

Казачьи депутаты были весьма активны в решении еще одного наиболее злободневного и важного для казачества вопроса о земстве. В III Думе деятельность по введению земства в те части империи, где они не были введены в 1860 г., была плодотворной. Либерально настроенные депутаты, несмотря на сопротивление консерваторов в Государственном совете, активно поддерживали эту тенденцию. За исключением казачества, в Астраханской и Оренбургской губерниях было принято земство обычной модели в течение нескольких лет. То, что в земства не вошли казаки, удовлетворяло неказачье население этих областей, которое в течение многих лет хотело земство, но всегда считало, что включение в него казачества должно произойти только при условии введения модифицированной формы земства.

В 1912 г. Дума приняла законопроект о введении земства на территориях Азиатской России, включая Сибирское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское казачьи войска⁴⁷. Он предусматривал вклю-

⁴⁷ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1912. Ч. 3. Стб. 1330.

чение в земства казачьих представительств. Но этот законопроект был отклонен Государственным советом. Предложения казачьей группы по предоставлению казачеству местного самоуправления не имели реального шанса получить одобрения Думы и правительства.

Большинство депутатов Государственной думы (особенно 3 и 4 созывов) выступало за сохранение сословной замкнутости казачества как служилого сословия. Казачьих же депутатов-либералов, особенно донских, выдвигавших проекты земства, мирного размежевания, сотрудничества и сожительства казаков и других сословий и национальностей, правые называли «интеллигентской слякотью». Казаки, защищающие самодержавие, были наиболее понятны правым депутатам Дум. Почти ни одна из реформ, предложенных донскими казачьими депутатами, не была принята Государственной думой, а то, что прошло через Думу, застряло безнадежно в Государственном Совете. Донское казачество продолжало оставаться под управлением военно-бюрократической машины Российской империи.

Проанализировав деятельность в Государственной думе донских казаков-депутатов, можно сделать следующие выводы. Казачья фракция была немногочисленна, ее представители обладали небольшим опытом политической деятельности. Сам факт формирования в Думе отдельной казачьей фракции, несмотря на все проблемы, стоящие перед ней, свидетельствовал о наличии большого числа общих проблем, волновавших казачество.

Выступление Генерального секретаря Совета МПА СНГ Сергеева А. И. на пленарном заседании.

Участники конференции

Открытие выставки “Тема Государственной думы на страницах журналов. 1906 год “
в атриуме Таврического дворца

Знакомство участников конференции с выставкой
“Тема Государственной думы на страницах журналов. 1906 год “

Н.В. НЕКРАСОВ

**«Положить конец нагаечному содействию»:
к истории думского скандала 13 марта 1907 г.**

Вторая Государственная дума Российской империи (20 февраля — 2 июня 1907 г.) вошла в историю как «Дума резких крайностей». Наличие в ней значительно усилившихся по сравнению с Первой думой противоборствующих крыльев — левого, представленного фракциями всех основных социалистических партий России того времени, включая эсеров и социал-демократов, и правого, меньшего по численности и достаточно рыхлого по своему составу, но имевшего в своих рядах мощную плеяду ораторов (В.М. Пуришкевич, В.В. Шульгин, П.Н. Крупенский и др.), располагало к непрерывным полемическим схваткам между депутатами по целому ряду вопросов, таких как аграрный, продовольственный, отмена смертной казни, политическая амнистия, принятие государственного бюджета, реформы в области народного просвещения и т.д. Наряду с меж- и внутрифракционными конфликтами в Думе нередко сталкивались интересы национальные, конфессиональные, региональные и сословные, благо во всех вышеназванных отношениях депутатский корпус четырех дореволюционных Дум (и первых двух созывов — в особенности) был весьма пестр. Случалось, что возникавшие во время заседаний инциденты перерастали в скандалы, получавшие широкий общественный резонанс и оказывавшие существенное влияние на тактику отдельных фракций и работу Думы в целом. Один из таких скандалов разразился на думском заседании 13 марта 1907 г. во время обсуждения законопроекта об отмене военно-полевых судов. Несколько фраз, высказанных депутатом А.И. Петровским о неблагоприятной роли донского казачества в «освободительном движении», вызвали бурные протесты со стороны правого крыла Думы и двух казачьих депутатов — А.Г. Полякова и М.А. Караулова, как и Петровский, входивших в думскую казачью группу. Скандал был немедленно подхвачен правой и официозной прессой и старательно муссировался ею вплоть до роспуска II Государственной думы.

Инициатором возбуждения вопроса о военно-полевых судах, в рамках обсуждения которого и произошел инцидент 13 марта, выступила кадетская фракция. В.А. Маклаков (тогда — депутат от города Москвы и один из наиболее активных кадетских ораторов) впоследствии вспоминал, что обращением к этому вопросу кадеты пытались решить две задачи: во-первых, оправдаться перед левыми, подозревавшими их в переходе на сторону правительства после пре-

ний по продовольственному вопросу, а во-вторых, дать возможность депутатам «излить свои чувства» обсуждением этой жестокой и ненавистной всей оппозиции меры¹. Однако события развернулись совсем не по тому сценарию, которого ожидали думские либералы. Правое меньшинство, желая вывести оппозицию «на чистую воду», подняло встречный вопрос — об отношении Думы к революционному террору. Один из самых острых и спорных, он, по словам Маклакова, все больше нервировал депутатов и послужил источником для большинства думских скандалов².

Думская казачья фракция, или казачья группа — межрегиональное объединение депутатов от казачьих областей, образованное в первые дни работы II Думы по инициативе донских и кубанских депутатов, поддерживала кадетов по большинству общеполитических вопросов, что было обусловлено преобладанием представителей партии «народной свободы» среди членов группы. Из 18³ вошедших в нее депутатов от казачьих войск 15 составляли кадеты и примыкавшие к ним левые беспартийные⁴. Практически в полном составе в ряды кадетов влился тесный кружок донских депутатов, в том числе М.П. Араканцев, бывший депутат I Думы (товарищ председателя группы); А.И. Петровский, председатель донского комитета кадетской партии (секретарь группы); члены донского комитета В.А. Харламов (тоже перводумец) и М.С. Воронков. Избранный председателем казачьей группы кубанский общественный деятель, историк, этнограф и статистик Ф.А. Щербина занял еще более левые позиции, примкнув к фракции народных социалистов (энесов). Уже в

¹ Маклаков В.А. Вторая государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля — 2 июня 1907 года. М., 2006. С. 135—136.

² Там же. С. 269.

³ В официальном списке, размещенном в указателе к стенографическим отчетам, в составе казачьей группы указано 17 депутатов (Указатель к стенографическим отчетам: заседания 1—53 (20 февраля — 2 июня 1907 г.). СПб., 1907. С. 32). Именно это число и вошло в историографию и справочную литературу. Однако в этом списке отсутствуют И.В. Заплатин и А.Г. Поляков. Газеты писали о 18 вступивших в казачью группу депутатах (Новые политические группы // Петербургский листок. 1907. 6 марта; Казачья группа // Речь. 1907. 4 марта). Несколько поразному указывался и партийный состав группы: 13 кадетов, 3 левых беспартийных, 1 энес, 1 умеренный (Караулов?), 1 правый (Поляков) — данные «Петербургского листка»; 13 кадетов, 2 беспартийных, 1 энес, 1 член ПДР и 1 беспартийный правый («Речь»). Сопоставление всех данных приводит к иной цифре — 19 депутатов, видимо, такова и была максимальная численность группы до начала ее распада.

⁴ Дума и партии // Русь. 1907. 9 марта.

первые дни работы Думы кадетская «Речь» поспешила объявить, что депутаты-казаки «почти единогласно высказались в духе кадетской программы по таким вопросам, как ответственное министерство, двухпалатная система, всеобщее равное избирательное право, отмена смертной казни и чрезвычайных положений, амнистия»⁵. В протоколах кадетского ЦК казаки, наряду с другими национально-региональными фракциями и группами (польским коло, мусульманской, сибирской, украинской и др.), значились как «примыкающие к к.-д.», а особую важность, которую кадетское партийное руководство придавало связям с казачьей группой, подчеркивает факт, что для переговоров с казаками от имени ЦК были уполномочены такие крупнейшие фигуры кадетской партии, как князь Д.И. Шаховской и П.Н. Милюков⁶.

Екатеринодарская газета левого направления «Новая заря» надеялась, что под руководством Щербины и Араканцева «все казачьи депутаты, а через депутатов все казачье население твердо останавливается на убеждении, что только дружной поддержкой культурных, новых начал русской жизни казаки могут заслужить уважение всего русского народа»⁷. Доказательство парламенту и стране «безвозвратно оппозиционного настроения казачества, приближающегося конца его нагаечного содействия реакции и приобщения казачества ко всеобщему освободительному движению»⁸, по планам либерального ядра казачьей группы, должно было стать едва ли не основной целью ее деятельности в Думе. А одним из мотивов образования думского казачьего коллектива, занесенных в протокол на учредительных заседаниях группы 21 февраля 1907 г., было провозглашено «очищение казачьей репутации, созданной печальной ролью казачества в освободительном движении»⁹.

Беспрецедентное по своему размаху применение царским правительством казачьих частей для подавления революционных выступлений в 1905—1907 гг., возложение на них полицейских и карательных функций, с одной стороны, породили в массовом сознании негативный образ «казака-нагаечника», с другой — ложились тяж-

⁵ Казачья группа // Речь. 1907. 4 марта

⁶ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. / Т. 1. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905—1911. М., 1994. С. 188.

⁷ Д.С. К новому избранию Ф.А. Щербины // Новая заря. 1907. 1 марта (Екатеринодар).

⁸ Петровский А.И. Донские депутаты во II-й Государственной думе: Ист. справка. СПб., 1907. С. 125.

⁹ Петровский А.И. Указ. соч. С. 124.

ким бременем на плечи самого казачьего сословия, способствуя нарастанию оппозиционных настроений в среде казаков, традиционно воспринимавшихся как властью, так и обществом, как верная опора самодержавия и сугубо консервативная сила. Требования прекращения использования казаков в качестве полицейской силы и облегчения военной повинности содержались во многих наказах, приговорах, письмах и телеграммах, получаемых казачьими депутатами от избирателей. Так, просили облегчения военной повинности и отмены полицейской службы граждане станицы Новогригорьевской (Донской области)¹⁰, требовали прекратить «употребление казаков на полицейскую службу» сибирские казаки в наказе депутату И.П. Лаптеву¹¹.

В I Государственной думе вопрос о правомерности исполнения казаками полицейских функций поднимался на заседаниях 2 и 13 июня 1906 г., когда на рассмотрение Думы был вынесен запрос военному министру за подписью 48 депутатов (из них 10 — казаки): на каком основании казачьи полки 2-й и 3-й очередей были мобилизованы для несения внутренней службы без опубликования на то высочайшего повеления в установленном законом порядке. Ряд ораторов, представителей либерального казачества, выступил в поддержку запроса, подвергнув беспощадной критике политику верховной власти в отношении казаков. Так, М.П. Араканцев в своей речи сравнивал находившиеся на внутренней службе казачьи отряды с татарами или древними варварами, прошедшими по Руси «под свист нагаек». Из защитника свободы, говорил оратор, казак стал ее угнетателем, начальство изуродовало и изувечило его, превратив в «покорный, безответственный, слепой, боевой материал, который можно двигать туда, куда захочется»¹². «Специальность его (казачества — *Н.Н.*) определена — расписывать обывательские спины нагайками»¹³, — поддержал земляка другой представитель Дона — левый публицист Ф.Д. Крюков (впоследствии видный представитель Белого движения). Оренбургский депутат М.И. Свешников (трудовик) отмечал, что казаки страшно тяготеют подобной службой, возложенной на них «полицейским правительством», и если их не распускают по домам, они разъедутся сами¹⁴. Однако не все казачьи

¹⁰ Народ и дума // Русь. 1907. 17 марта.

¹¹ Предвыборные собрания у казаков // Степное эхо. 1907. 13 февраля (Омск).

¹² Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. СПб., 1906. Т. 2. Стб. 1309—1312.

¹³ Там же. Стб. 1314.

¹⁴ Ганин А.В. Накануне катастрофы: Оренбургское казачье войско в конце XIX — начале XX в. (1891—1917 гг.). М., 2008. С. 305.

депутаты были согласны с такими оценками; против станичной интеллигенции выступили беспартийные урядники — И.М. Васильев, Е.Я. Куркин и М.Н. Савостьянов (все трое — донцы), попытавшиеся указать на то, что вопрос о призыве казачьих полков на службу является прерогативой императора и не подлежит рассмотрению Думой. Возражения коснулись не только юридической стороны вопроса. Так, комментируя выступления Араканцева и Крюкова, И.М. Васильев заявил, что хотя «нужда и горе казака велики, но казак на это не ропшет, а только ропщут на крамольников, которые поселяют смуту и расшатывают устои государства»¹⁵. Однако подобные заявления левое большинство Думы не восприняло всерьез, встретив речи несогласных казаков шумом и хохотом, а представитель уральского казачества, кадет Н.А. Бородин окончательно уничтожил их доводы заявлением, что речи станичных атаманов явились результатом той самой командно-бюрократической системы, о которой говорили либеральные донцы¹⁶. Тем не менее раскол среди казачьих представителей был налицо, и причиной его, как мы видим, был именно вопрос о «нагаечниках». Первая Дума, ввиду своего недолгого существования, не смогла положить конец использованию казаков в качестве полицейских и карательных сил законодательным порядком, хотя, как отмечают М.В. Братолюбова и Я.А. Перехов, в дальнейшем подобная практика была приостановлена. Кроме того, полагают те же исследователи, образ «казака-нагаечника» и другие общественные стереотипы, сложившиеся о казачестве, были существенно поколеблены¹⁷. Тем не менее полностью своей остроты этот вопрос не потерял, и, вновь подхваченный учредителями казачьей группы во II Думе, был поднят на заседании 13 марта депутатом А.И. Петровским, что и послужило причиной скандала.

Представляется необходимым привести некоторые сведения о личности А.И. Петровского. Присяжный поверенный, казак Каменской станицы, он не раз выступал в качестве защитника на политических процессах, был активным публицистом местной прогрессивной печати¹⁸. Еще будучи гимназистом, он стал свидетелем разгона казаками студентов и впервые увидел в действии «нагаечников». Когда же казак-оренбуржец ударил нагайкой по спине самого будущего депутата, шедшего со сходки, юный Андрей Иванович

¹⁵ Государственная дума. Первый созыв. Т. 2. Стб. 1316—1317.

¹⁶ Там же. Стб. 1320.

¹⁷ Братолюбова М.В. Перехов Я.А. Казачий вопрос в I и II Государственных думах России // Казачий сборник. Ростов н/Д., 2002. Вып. 3. С. 324.

¹⁸ Наши депутаты // Телеграф. 1907. 15 февраля.

«окончательно и многое понял»¹⁹. В речах перед избирателями, высказанных накануне отъезда в Петербург, Петровский особенно подчеркивал, что в Думе будет твердо добиваться отмены военно-полевых судов и других репрессивных мер, применяемых правительством против «борцов за народную свободу». «Довольно! Ни одного трупа больше! Мы не отступим ни перед чем»²⁰, — заявил Петровский на торжественных проводах депутатов в Новочеркасске 11 февраля 1907 г. С совершенно иным настроением пришли в Думу будущие оппоненты Петровского — представитель астраханского казачества подъесаул А.Г. Поляков и депутат от Терского войска сотник М.А. Караулов 2-й. Беспартийный монархист Поляков, помощник атамана 1-го отдела Астраханского казачьего войска, не только принимал участие в образовании казачьей группы, но и посещал заседания группы правых и умеренных. На одном из таких заседаний он заявил, что получил от своих избирателей полномочия засвидетельствовать глубоко-монархическое настроение астраханского казачества (Надо сказать, что по сообщениям местной прогрессивной печати, оно действительно было таковым²¹). Казаки, утверждал Поляков, призванные в полки второй очереди не «из-под палки», вполне сознательно относятся к своему долгу перед Царем и Родиной и возвратятся домой лишь после успокоения страны²². Терец М.А. Караулов выделялся среди других казачьих депутатов оригинальными политическими воззрениями. Сам себя он характеризовал так: «Потомственный дворянин, монархист-демократ, учредитель казачьей партии, не подходящей вполне ни к одной из общеизвестных партий»²³. «Миросозерцание его настолько сумбурно, — писал о Караулове его коллега по казачьей группе, сибирский депутат И.П. Лаптев, — что иной раз только руками разведешь: с одной стороны от него пахнет социалистом, с другой черносотенником»²⁴. В напутствии депутату Караулову основанная им же газета «Казачья неделя» выразила пожелания, «чтобы раз и навсегда в стенах Думы не раздавалось неуважительных выходок против казачества» (читай:

¹⁹ Петровский А. Заметки казака // Народная Свобода — Думский листок. 1907. 1 марта.

²⁰ Прощальное чествование членов Государственной думы // Донская жизнь. 1907. 13 февраля (Новочеркасс).

²¹ Выборы у казаков // Астраханский листок. 1907. 2 февраля.

²² Заявление астраханского депутата Полякова // Государственная дума: беспл. прил. к газ. «Речь» и «Реформа». 1907. 3 марта.

²³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1 (2-й созыв). Д. 181. Л. 2.

²⁴ [Лаптев И.П.] Письма казачьего депутата. Письмо шестое // Степное эхо. 1907. 13 мая.

критики казачества как реакционной и карательной силы, имевшей место в I Думе — *Н.Н.*) и чтобы депутат выразил с парламентской трибуны стремление казаков защищать «непоколебимую верность Престолу»²⁵.

Консервативный уклон в казачьей группе проявился не сразу. Вспоминая о первых заседаниях группы, А.И. Петровский отмечал единодушие депутатов по многим программным и тактическим вопросам²⁶. 24 февраля были избран президиум группы, тогда же группа вынесла резолюцию в поддержку планировавшегося левыми группами возбуждения вопроса об амнистии²⁷. Следующим шагом должна была стать разработка и принятие программы-декларации из двух отделов: общеполитического и казачьего, которая бы могла распространяться среди населения в «агитационно-воспитательных» целях²⁸. Примерный проект той части программы, которая касалась казачьего управления и самоуправления, воинской повинности и землевладения был представлен на 5-м заседании группы Ф.А. Щербиной. Проект общеполитической части, которая должна была, по выражению А.И. Петровского, обрисовать «парламентскую физиономию»²⁹ группы, готовился депутатами М.П. Араканцевым, К.П. Каклюгиным и А.И. Петровским. Именно общеполитическая часть программы выявила зревшие в группе противоречия и вызвала наиболее горячие дебаты. В группе выделилось крыло «обструкционистов» — Караулов, Поляков и по непонятным для либерального ядра группы причинам примкнувшие к ним оренбуржцы И.В. Заплатин (трудолик) и П.П. Вопилов (беспартийный, примыкал к кадетам).

Учредители группы — левые казаки, во исполнение задачи доказать ее единение с оппозицией, настаивали на включение в программу-декларацию таких общедемократических требований, как амнистия и отмена смертной казни, а также упоминания о необходимости связи населения с Думой посредством казачьей группы. Последнее, по их мнению, было одной из важнейших задач формирующейся группы и принципиально должно было быть отражено в программе. Караулов, Заплатин и Вопилов под разными предложениями выступали против включения в программу этих пунктов. Кроме того, «протестанты» критиковали донских депутатов за их общегражданские устремления. Заплатин называл их «маргарино-

²⁵ От редакции // Казачья неделя. 1907. № 6. С. 16 (Владикавказ).

²⁶ *Петровский А.И.* Донские депутаты во II-й Государственной думе. С. 125.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 126.

выми»³⁰ (т.е. не настоящими) казаками; Караулов критиковал дончан за то, что они «подлаживаются под моду», «равняются на сильных» (т.е. левых), не выражают действительных чаяний казачьего населения, собираются «слить казаков с крестьянами»³¹. Позже он вспоминал, что в частных разговорах неоднократно «схватывался» с Петровским по поводу роли казачества в жизни России. Караулов утверждал, что «всякий казак должен гордиться этой ролью, а не стыдиться ее, помнить, что казаки одни в лихолетье остались крепки в охранении целости государства»³². Интеллигент Петровский же считал, что Караулов был «одержим манией самого бесшабашного и некультурного казакоманства»³³. Разногласия в группе привели к тому, что к середине марта программа все еще оставалась неутвержденной. Нуждавшаяся в поправках и дополнениях, она была отправлена на доработку специальной комиссией из трех депутатов: Харламова, Щербины и Караулова. Последний, впрочем, особой активности в этом не проявил: пока его товарищи редактировали программу, он просто... спал. «С донцами каши не сваришь, им что ни говори — они все свое толкуют»³⁴, — утверждал терский депутат. Что же касается Полякова, то накануне скандала он все более тяготел к правым, «подходил под благословение владык Платона и Евлогия» и порою высказывался столь радикально-монархически, что других членов группы «брала оторопь»³⁵.

Разногласия в группе усугублялись также тем, что ее члены не были связаны фракционной дисциплиной: при голосовании на пленарных заседаниях каждый депутат мог идти за той партией, к которой принадлежал; также в устав группы планировалось внести оговорку: если постановления, одобренные большинством фракции, шли вразрез с убеждениями и обязанностями отдельных ее членов, то обязательными они не считались³⁶. Таким образом, в не до конца сформировавшейся казачьей группе выявилось консервативное

³⁰ Из письма депутата от терских казаков сотника Михаила Александровича Караулова 2-го // Терские ведомости. 1907. 23 марта (Владикавказ).

³¹ *Петровский А.И.* Донские депутаты во II-й Государственной думе. С. 128.

³² Из письма депутата от терских казаков сотника Михаила Александровича Караулова 2-го // Терские ведомости. 1907. 23 марта.

³³ *Петровский А.И.* Донские депутаты во II-й Государственной думе. С. 127.

³⁴ Там же. С. 128.

³⁵ *Петровский А.* Записки депутата. IX // Донская жизнь. 1907. 16 марта.

³⁶ В казачьей фракции // Приазовский край. 1907. 14 марта.

меньшинство и развился внутрифракционный конфликт, затормозивший его объединение вокруг программы-декларации. По ходу его развития постепенно определились и возможные фигуранты будущего скандала — Поляков, Караулов, Петровский.

В те дни, когда либеральным активом группы предполагалось принятие отредактированной программы (10—14 марта), что означало окончательное конституирование думского казачьего коллектива, как раз и произошел рассматриваемый нами инцидент. Инициированные кадетами прения по вопросу об отмене военно-полевых судов левые казаки восприняли как повод для возвешения с трибуны о конце «нагаечного содействия». Утром 12 марта состоялось заседание группы (не в полном составе), которое единогласно постановило поручить депутату Думы от Кубанского войска К.Л. Бардижу (кадету) выступить от имени группы с осуждением военно-полевых судов, но когда Бардиж записался в очередь ораторов, Караулов и Поляков неожиданно заявили, что берут назад данное Бардижу уполномочие говорить от имени всей группы³⁷.

В своей небольшой, но яркой речи Бардиж подчеркнул, что военные действуют в качестве судей «по страшному принуждению», тяготятся и возмущаются до глубины души той палаческой ролью, которую их заставляет выполнять правительство, тем самым ставя военных на один уровень с «подонками общества». «Военно-полевые суды уже потому должны быть уничтожены, что они в этом случае позорят то, что у нас есть лучшего, нашу плоть и кровь, нашу армию»³⁸, — заключил представитель Кубани под громкие аплодисменты зала. Правые встретили речь Бардижа молчанием, но вскоре в монархической и официальной прессе появились заметки с осуждением его слов. Черносотенное «Русское знамя» заявило, что своей речью Бардиж дерзнул хлестнуть всю русскую армию: «Жалкий представитель к.-д. партии, кошунственно носящий офицерские погоны, осмелился заявить, что русские офицеры, защищающие страну от внутренних врагов, играют роль палачей»³⁹.

Выступление кубанского депутата не получило скандальной окраски, но послужило своего рода прелюдией к событиям, разыгравшимся днем позже, когда слово было предоставлено его коллеге и однопартийцу — А.И. Петровскому. «Негодованию и чувству дав свободу», большую часть своей речи он бичевал военно-полевые суды,

³⁷ *Петровский А.И.* Донские депутаты во II-й Государственной думе. С.135.

³⁸ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. СПб., 1907. Т. 1. Стб. 421—424.

³⁹ В кулуарах // Русское знамя. 1907. 22 марта.

в частности назвав их «кровавым чудовищем, вызванным к жизни и на горе жизни русским правительством». Призвав последнее немедленно остановить «кровавое бессудное убийство», Петровский обратился к прозвучавшей накануне речи Бардижа, подчеркнув, что последний как кубанский казак и как офицер беспощадно осудил военно-полевые суды. «Я — донской казак, — продолжал Петровский, — я ношу это славное и тяжелое звание...<...> тяжелое той ролью, которую последнее время заставило служилое казачество играть русское правительство. Обманывая его видимостью прав, развращая его фальсификацией привилегий, пользуясь железными тисками воинской дисциплины, оно пустило казачество против освободительного движения. Но это могло быть только до времени. Я говорю вам: скоро настанет то время, и оно близится, когда ни один казак не подымет нагайку и не обнажит...»⁴⁰.

Оратор не успел договорить своей фразы: на правых скамьях поднялся невообразимый шум и крики. Первым с места вскочил В.М. Пуришкевич, размахивая руками и крича: «Ложь! Неправда! Прочь!»⁴¹, следом за ним — А.Г. Поляков, заявивший, что оратор не имеет права так говорить от имени казаков, так как он «только по званию казак»⁴². Граф В.А. Бобринский устремился в сторону кафедры, крича, что Петровский оскорбил русскую армию. «Армию не оскорблять! Останавливайте, господин председатель!», — подхватил Пуришкевич⁴³. Депутаты Бобринский, Пуришкевич и П.Н. Крупенский встали в проходе, делая угрожающие жесты по адресу оратора и стараясь перекричать аплодисменты левых⁴⁴. Поднялся страшный скандал, — сообщала столичная «Всеобщая маленькая газета». — Правые подняли страшный шум, стук и крик. Депутат Поляков хотел ворваться на кафедру, чтобы говорить без разрешения председателя. Депутат Пуришкевич визжал, как кликуша»⁴⁵. Когда шум начал стихать, к хору правых присоединился Караулов, который также поднялся со своего места и громогласно заявил, повернувшись к левым скамьям (все это время аплодировавших Петровскому), что протестует против такого освещения вопроса и решительно не согласен с донским депутатом⁴⁶.

⁴⁰ Государственная дума. Второй созыв. Т. 1. Стб. 447—450.

⁴¹ Там же. Стб. 450.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ А.О. Думские впечатления // Парус. 1907. 14 марта.

⁴⁵ По телеграфу и телефону. Последние вести // Всеобщая маленькая газета. 1907. 15 марта.

⁴⁶ Из письма депутата от терских казаков сотника Михаила Александровича Караулова 2-го // Терские ведомости. 1907. 23 марта.

Председатель Государственной думы Ф.А. Головин поспешил оградить оратора от нападков и водворить спокойствие в зале. Полякову, настойчиво требовавшему слова, он отказал, а другим протестантам с правых скамей напомнил, что никто в зале не имеет права говорить вне очереди и без разрешения председателя. Желавшим высказаться по личному делу Головин предложил подать записку и выступить после окончания прений. Затем председатель вновь предоставил слово Петровскому, отметив при этом, что вопрос об отношении донского казачества к освободительному движению хоть и имеет косвенное отношение к теме военно-полевых судов, но дальнейшему обсуждению не подлежит⁴⁷. Петровский ограничился объяснением, что высказал лишь собственное мнение о той «новой роли, которую казачество играет в освободительном движении», а не по вопросу о его роли в будущем. Кроме того, депутат подчеркнул, что говорил не от имени всего казачества, поэтому если Поляков с ним не согласен, то это «дело его совести»⁴⁸.

В конце заседания, когда подошло время для личных объяснений, председатель Думы объявил, что предоставит слово только тем лицам, чьи фамилии были непосредственно упомянуты в речах ораторов. Однако лидеры правых упорно рвались на трибуну, произошла очередная словесная перепалка между председателем и В.М. Пуришкевичем, назвавшим действия Головина «насилием»⁴⁹. Затем слово к порядку дня было предоставлено Караулову, попытавшемуся выступить по поводу инцидента, но сразу остановленного председателем за уклонение от темы. Несмотря на протесты правых, Головин был непреклонен, предоставив слово только графу Бобринскому, фамилия которого неоднократно прозвучала на заседании. Граф повторил, что он как офицер оскорблен речью Петровского и протестует против подобных оскорблений казачества и русской армии в его лице⁵⁰. Как сообщали газеты, «заседание закончилось среди шума и беспорядка»⁵¹.

Возбуждение среди депутатов, вызванное речью Петровского и последовавшей за ней бурной сценой, перекинулось из зала заседаний в кулуары. Последние были переполнены; думцы толпами окружали представителей казачества. Особенно много вопросов было к Караулову, который «с военной доблестью отстаивал казачество от нападков целой кучи депутатов и журналистов. Аргументации ему

⁴⁷ Государственная дума. Второй созыв. Т. 1. Стб. 451.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Стб. 530.

⁵⁰ Государственная дума. Второй созыв. Т. 1. Стб. 531—532.

⁵¹ А.О. Думские впечатления // Парус. 1907. 14 марта.

может быть и не хватало, зато решительности была масса»⁵², — сообщали «Биржевые ведомости». Терский депутат объяснял, что совершенно не смотрит на это дело «реакционно», но есть «некая грань, которую он перейти не может»⁵³. Чтобы его протест не был неправильно истолкован, Караулов твердо вознамерился выступить с думской трибуны и осветить вопрос с «настоящей казачьей точки зрения»: что «казачество свободе не помеха, и русскому народу казаки не враги, а бескорыстные и самоотверженные защитники жизни и имущества всех и каждого»⁵⁴. Его убеждали воздержаться от этого, чтобы «не усложнять вопроса», а председатель казачьей группы Ф.А. Щербина просил терского депутата ограничиться заявлением, что группа на днях опубликует декларацию, в которой будет четко выяснена позиция казачества по отношению к освободительному движению⁵⁵. Дума, впрочем, больше не возвращалась к обсуждению инцидента, и выступать по этому вопросу Караулову не пришлось.

Что же касается Полякова, то он, не получив возможности высказаться в Думе, обратился за помощью к прессе. 16 марта в «Новом времени» было опубликовано его открытое письмо, в котором астраханский депутат обстоятельно изложил свою позицию. По словам Полякова, обидное заявление Петровского задело его «святейшие чувства» и своим возражением на него он собирался уничтожить впечатление, произведенное неверным освещением роли казачества. Также Поляков подчеркивал, что не считает Петровского действительным выразителем интересов донского казачества, так как выбран он был не по войсковой курии, а от областного собрания, выборщики которого представляли собой «смесь разнородных сословий». Астраханское войско и казачество в целом, утверждал Поляков, исполняло и исполняет свои обязанности, руководствуясь исключительно осознанием своего долга перед Царем и Отечеством, и никакого обмана со стороны правительства оно «никогда не видело», обман этот был «измышлен» Петровским⁵⁶.

Екатеринодарская «Новая заря» посчитала, что на Полякова, вероятно, очень подействовало безумие черной сотни и он начал протестовать, сам точно не зная, против чего восстает. Депутат Бардиж в беседе с корреспондентом той же газеты вступился за своего

⁵² В кулуарах // Биржевые ведомости. 1907. 7 апреля (утр. вып.).

⁵³ *Азра*. В кулуарах Думы // Русь. 1907. 14 марта.

⁵⁴ Из письма депутата от терских казаков сотника Михаила Александровича Караулова 2-го // Терские ведомости. 1907. 23 марта.

⁵⁵ В кулуарах // Государственная дума. Беспл. прил. к газ. «Речь» и «Реформа». 1907. 14 марта.

⁵⁶ Вечерняя хроника // Новое время. 1907. 16 марта.

коллегу Петровского, отметив, что тот просто решился сказать правду и никакого оскорбления армии в его речи не содержалось. Также кубанский депутат заявил, что большинство членов группы не усматривало никаких мотивов для протеста против речи Петровского, а напротив, сочувствовало его словам; выступления же Полякова и Караулова показали Бардижу «совершенным и необъяснимым недоразумением»⁵⁷.

А что же сам А.И. Петровский? Неистовый шум на правых скамьях не дал ему закончить начатую мысль, поэтому он довершил ее на страницах «Думского листка». Полностью высказывание Петровского должно было звучать так: «Близко время, когда ни один казак не поднимет нагайки и не обнажит шашки **против народа**». Та буря «истинно-русского и воистину дикого» протеста, как охарактеризовал Петровский бурную реакцию на его слова, не удивила донского депутата. «Меня не удивляет граф Бобринский, который при виде нагайки, склоняющейся к ногам народа, вместо того, чтобы опуститься на его голову — встает за честь армии. Меня искренне смешит депутат Пуришкевич, вступающий за воинскую честь казаков. <...> Одного намека на пробуждающееся сознание казачьей массы, которую они (правые — *Н.Н.*) до конца хотели иметь оплотом реакции, выводит их из себя. <...> Но меня безмерно огорчает поведение депутата от астраханского войска Полякова. Он в компании с Пуришкевичем и Бобринским завопил истошным голосом как раз при слове нагайка и в защиту ея»⁵⁸.

Пресса быстро разнесла по стране известие о произошедшем инциденте. По сообщениям официозных «Донских областных ведомостей», местное офицерство горячо обсуждало речь Петровского и посчитало необходимым реагировать на подобные выступления, так как речь не отвечала предмету обсуждения, а «склонялась к возбуждению войскового казачьего сословия». Предлагалось даже образовать особую комиссию, которая бы обсудила образ действий депутата и дала ему свою оценку⁵⁹.

На имя Петровского в казачью фракцию начали стекаться ругательные письма от офицерской верхушки Дона («совершенно непристойные и непечатные» и в большинстве своем анонимные, как вспоминал сам депутат)⁶⁰. Гневные и осуждающие письма оскорбившейся казачьей верхушки охотно публиковались правыми и официозными газетами. Так, командир 33-го донского казачьего полка пол-

⁵⁷ *Г.П.* Из Думы // Новая заря. 1907. 22 марта.

⁵⁸ *Петровский А.* Заметка казака // Думский листок. 1907. 17 марта.

⁵⁹ Офицерство и донской депутат Петровский // Донские областные ведомости. 1907. 5 апреля.

⁶⁰ *Петровский А.И.* Донские депутаты во II-й Государственной думе. С. 20.

ковник Машлыкин обратился с письмом в редакцию «Русского инвалида». По словам Машлыкина, вверенный ему полк, почти два года поддерживавший законный порядок в обширном районе Юга страны и «беспрдельно преданный обожаемому Монарху», с глубоким негодованием отнесся к заявлению Петровского и от всего сердца приветствовал Полякова и его «горячий протест»⁶¹. «Такие лже-сыны, как депутат Петровский, не выражают настроения искони верного Дона и нас крайне возмущают. <...> Дон всегда послушно посылал и вперед пошлет своих истинных сынов на службу отечеству», — говорилось в телеграмме, полученной А.Г. Поляковым от неких донцов Сутулова, Чикунова и Звонарева и напечатанной в астраханской монархической газете «Русская правда». Подписанты телеграммы выражали полную поддержку Полякову и графу Бобринскому⁶². Еще более резкое обвинительное письмо было опубликовано «Донскими областными ведомостями» в начале мая. Анонимные авторы, апеллируя к «истинным сынам Дона», заклеили Бардижа и Петровского выродками и врагами казачества, «волками в овечьих шкурах»⁶³. Петербургская умеренно-правая газета «Голос правды» сравнивала Петровского с другим скандально известным казачьим депутатом — членом I Думы, трудовиком-оренбуржцем Т.И. Седельниковым, который в своих публичных выступлениях требовал ликвидировать обособленность казачества, как замкнутого военного сословия и уравнять казаков в правах с другими гражданами⁶⁴. «В нынешние выборы Новочеркасск решил не отстать от Оренбурга, — писала газета. — Седельникова поколотили на улице, Петровского чуть не поколотили вчера в Думе. Речь его, как и Седельникова, велась не иначе как от всего казачества (выше мы отметили, что это было не так — *Н.Н.*) — более скромным и правдивым языком эти пустозвоны говорить не могут»⁶⁵.

В правой прессе всячески подчеркивалось, что Петровский не настоящий, не «коренной» казак, а «приписной», и если не приписался сам, то это сделал его отец⁶⁶; сообщалось, что у депутата польское происхождение, а мать француженка⁶⁷. Чтобы показать речь

⁶¹ Письмо в редакцию «Русского инвалида» // Донские областные ведомости. 1907. 5 апреля.

⁶² Протест казаков и благодарность А. Полякову // Русская правда. 1907. 29 марта.

⁶³ Письмо донцов в редакцию «Объединение» // Донские областные ведомости. 1907. 5 мая.

⁶⁴ Братолюбова М.В. Перехов Я.А. Указ. соч. С. 322.

⁶⁵ Аспид. Казачий депутат // Голос правды. 1907. 15 марта.

⁶⁶ Опровержение лжи депутата Петровского // Стяг. 1907. 25 мая.

⁶⁷ Казаки о двоих депутатах / Внутренние известия // Новое время. 1907. 26 мая.

Петровского единичным, досадным исключением, далеким от мнения «истинных сынов Дона», правая печать привлекала самые искусные перья монархического лагеря. На инцидент откликнулась известная в правых кругах поэтесса Л.А. Кологривова, обратившаяся со стихотворным посланием к «верным» донцам. Ее строки изящным рефреном вплетаются в череду хлестких публикаций черносотенной прессы:

«Нет, не поверит Русь разнузданным речам, —
То голос одного, случайного смутьяна.
Он духом ослабел, он предался врагам
И целям служит лишь предательского стана.
Откликнись, славный Дон, на лживые слова
Из глубины степей привольных и безбрежных,
Скажи, что преданность в сынах твоих жива,
Что не пойдут они на зов борцов мятежных...»⁶⁸

Дон откликнулся, но не так однозначно, как хотелось бы правым. Реже, но раздавались и голоса в защиту Петровского; в своей брошюре о работе донских депутатов во II Думе он привел примеры подобным писем от рядовых казаков, заметно отличающихся по тону от офицерских. Так, казаки двух сотен одного из мобилизованных полков в письме к Петровскому жаловались на всяческие притеснения начальства, преимущественно на грубую расправу и обращение с ними офицеров и просили господ депутатов «доложить обо всем председателю и царю-батюшке», дабы те послали в распоряжение сотни кого-нибудь из депутатов, кто бы выяснил, как тяжело положение казаков, терпящих «надругательства» офицеров⁶⁹. В поддержку донских депутатов выступали и отдельные станицы, присылавшие в Думу наказы и приговоры, однако их количество заметно уменьшилось после энергичных мер, предпринятых местной администрацией. Во исполнение циркуляра войскового наказного атамана Войска Донского князя Н.Н. Одоевского-Маслова, воспретившего станичным сборам отсылать наказы в Думу, последовали гонения на либеральных станичников — составителей и подписантов подобных наказов. Так, за составление наказа членам Думы был уволен со службы атаман станицы Новочеркасской Седов, а против других казаков, подписавших наказ, начались репрессии⁷⁰. Подобные дей-

⁶⁸ Донским казакам / К оскорблению казаков в Думе // Русская правда. 1907. 29 марта.

⁶⁹ *Петровский А.И.* Донские депутаты во II-й Государственной думе. С. 20.

⁷⁰ Общая хроника // Таганрогский вестник. 1907. 28 марта.

ствия властей, конечно, приводили к тому, что на фоне шквала критики голоса в поддержку Петровского и его товарищей были почти не слышны. Между тем травля донского депутата в черносотенной прессе не прекращалась. Ругательства сменились «сбором компромата». Публиковались сведения, дискредитирующие Петровского как юриста. Так, орган ярославских монархистов «Русский народ» под многозначительным заголовком «К сведению будущего историка Второй думы» сообщал, что в свое время Петровский якобы вошел в соглашение с новочеркасскими торговцами, пообещав им 10% от гонорара за каждое дело, предоставленное по их протекции; или как будущий депутат потребовал у своего подзащитного выплатить половину гонорара еще до суда, а затем, провалив дело, добивался полной выплаты. «Кому-кому, а уж честному донскому казачеству дельцы адвокатской тины не братья и не товарищи», — заключал автор заметки⁷¹.

«Всемирно почти известно, что ему за нечестное ведение дел запрещена была практика в судах на шесть месяцев, обливали его и карболовой кислотой»⁷², — сообщала ростовская черносотенная газета «Стяг», подхватившая скандальную тему позднее остальных изданий. «Стяг» также отмечал, что Петровский был главным организатором забастовок учащих и что у местных рабочих уже давно «чесались руки» свести с ним некие старые счета. Избрание «лже-депутата» в Думу объяснялось «развращением» народа кадетскими обещаниями, активностью либеральной прессы и махинациями на выборах, вроде подмены пустых избирательных записок на заполненные и использования «заезжих» выборщиков⁷³. За недостаточностью источников едва ли возможно подтвердить достоверность подобных сведений, но они представляются замечательным образчиком «черного политического пиара» того времени. Заметки «Стяга» были последними отголосками скандала в прессе: к тому времени уже миновал почти месяц, как II Дума была распущена и депутаты разъехались по домам. Возможно, донские монархисты таким образом собирались нанести упреждающий удар по репутации Петровского.

Возвращаясь к реакции думских правых, следует отметить, что они были настолько раздражены речами казачьих представителей, что 2 апреля 1907 г. даже устроили по этому поводу отдельное заседание в помещении Союза русского народа на 4-й роте Измайловского полка.

⁷¹ *Титовец*. К сведению будущего историка Второй Думы // Русский народ. 1907. 19 апреля.

⁷² *Казак выборщикъ*. Правда о лже-депутате Петровском // Стяг. 1907. 29 июня.

⁷³ Там же.

На нем В.М. Пуришкевич заявил, что «нахальные речи левых казаков» рассылаются по России в сотнях тысяч экземпляров и развращают казачество и крестьянство даже больше, чем речи эсеров, так как народ охотно верит казачьим депутатам. Предводитель крайне правых предложил товарищам по фракции предъявить казачьей группе своеобразный ультиматум: потребовать от нее публичного отказа от своих «пагубных выступлений», а в случае несогласия сделать запрос общественным учреждениям Донской, Кубанской и Терской областей — являются ли их представители истинными выразителями воли казачества? Если нет, то какие меры они готовы предпринять против их «изменнических действий? Пуришкевич был уверен, что казаки сумеют обуздать своих «зарвавшихся представителей»⁷⁴. Какое постановление в итоге вынесли монархисты и начали ли какие-либо шаги в этом направлении — неизвестно.

Возвращаясь к Пуришкевичу, не будет лишним сказать, что место для обоих оппонентов — Петровского и Полякова — нашлось и в сборнике эпиграмм на депутатов-втородумцев, вышедшем из-под бойкого пера правого политика. Владимир Митрофанович, явно находясь в восторге от выступления астраханского депутата (единственного из казачьих представителей, кто оправдал его надежды; более умеренный Караулов, например, такого внимания не удостоился), открывает собрание своих творений именно эпиграммой, посвященной Полякову:

От астраханских казаков
Приехал в Думу Поляков.
И, в дни великой смуты,
В лихой борьбе не изнемог,
И Бог для молодца — все Бог,
И царь — не тип Малюты!
Хвала и слава, казаки,
Да блещет имя ваше;
Кадетам доблесть не с руки,
Зурабовы им краше!
Но близок день и близок час,
От злодеяний новых,
Пока дух чести не угас;
Избавят Русь, возвыся вас,
Заслуги Поляковых!⁷⁵

⁷⁴ Из жизни партий // Товарищ. 1907. 5 апреля.

⁷⁵ *Пуришкевич В.М.* Галерея современных деятелей: Эпиграммы. СПб., 1907. Вып. 1. С. 7.

Настоящий панегирик, чего не скажешь о других эпитафиях Пуришкевича, в которых он активно метал ядовитые стрелы в адрес своих думских противников, иногда не брезгуя даже ненормативной лексикой. Примечательно, что в данной эпитафии упомянуто имя депутата А.Г. Зурабова, чьи хлесткие слова в адрес армии на закрытом заседании Думы 16 апреля 1907 г. вызвали не только грандиозный скандал, но и поставили под угрозу судьбу всей Думы. По механизму возникновения «Зурабовский инцидент» был практически аналогичен скандалу с речью Петровского (при этом отличаясь еще большей широтой негативных политических последствий), поэтому связка Пуришкевичем этих двух событий кажется вполне логичной.

В эпитафии на А.И. Петровского Пуришкевич верен себе — и как поэт, и как политик:

Адвокат по ремеслу,
И умом сродни ослу
За «дела» в былые годы
И за «честные труды»
Был брехать лишен свободы
По суду своей среды⁷⁶.

Адресат эпитафии в долгу не остался. «Шут Государственной думы, мавший ее своим присутствием»⁷⁷, — так впоследствии отзывался Петровский о Пуришкевиче. Надо сказать, что после скандала им пришлось столкнуться еще раз, уже в кулуарах Думы, когда предводитель крайне правой фракции за свое вызывающее поведение во время обсуждения законопроекта о всеобщем обучении был отстранен от участия в 15 заседаниях. Пуришкевич, несмотря на запрет, все равно периодически появлялся в Таврическом дворце. Однажды, когда он разговаривал со швейцаром, их заметил Петровский и (после ухода Пуришкевича) поинтересовался, почему швейцар не гонит того вон. Это так возмутило донского депутата, что он даже поделился этим с читателями «Утра свободы», где в это время публиковались его думские впечатления. На заметку Петровского тут же откликнулось «Новое время», иронически заметившее, что «положительно трудно решить, где бы депутат Петровский был более на месте: в качестве сыскного агента или швейцара»⁷⁸. После этого случая больше друг с другом счеты депутаты не сводили.

⁷⁶ Пуришкевич В.М. Указ. соч. С. 37.

⁷⁷ Петровский А.И. Донские депутаты во II-й Государственной думе. С. 130.

⁷⁸ Среди газет и журналов // Новое время. 1907. 13 мая.

Теперь обратимся к тому, как скандал отразился на дальнейшей работе казачьей группы. Наиболее явным последствием стал выход из группы А.Г. Полякова, однако все же неясно, ушел ли он сам или был из нее исключен. А.И. Петровский утверждал, что после событий 13 марта и писем Полякова в «Новом времени» астраханца пришлось «удалить из группы»⁷⁹; сибирский депутат И.П. Лаптев в своем втором письме читателям «Степного эха» писал, что Поляков «предпочел уйти», пересев направо — к умеренно-правым, «под крылышко графа Бобринского»⁸⁰, то есть по своей инициативе. Так или иначе, но с этого момента он голосовал вместе с правыми и с их помощью был избран в аграрную комиссию. Процесс распада группы на этом не закончился. Тяготение вправо Караулова, путаница в тактике оренбуржцев, по словам Петровского, ставили бесконечные препятствия к ее объединению⁸¹. И.П. Лаптев сообщал в «Степное эхо» о значительных трудностях в работе казачьего коллектива и «массе прений по каждому вопросу», объясняя их разностью политических взглядов ее членов и действиями вышеупомянутой тройки «обструкционистов»⁸². Программа-декларация в своем первоначальном виде так и не была принята, под давлением Караулова и его сторонников из нее были исключены пункты о смертной казни, амнистии и связи группы с населением. Выработанный Петровским и обсуждавшийся 14 марта проект устава группы вызвал прения вокруг пункта, по которому решения в группе должны были приниматься большинством голосов. Караулов, Заплатин, Вопилов и Бардиж требовали для проведения постановлений полного единогласия, что было едва ли возможно при таком составе группы; в результате и этот вопрос зашел в тупик⁸³.

Утратив надежды на сплочение группы вокруг либеральной программы, в середине апреля дончане отделились от нее, образовав донскую группу казачьих депутатов во главе с В.А. Харламовым; оставшиеся 8 депутатов вместе с присоединившимися к ним забайкальцем С.А. Таскиным и семиреченцем Я.И. Егошкиным наконец-таки подписали урезанную (ставшую, по словам сибиряка И.П. Лаптева, «неопределенной и куцей»⁸⁴) программу и попыта-

⁷⁹ Петровский А. Записки депутата. XI // Донская жизнь. 7 апреля.

⁸⁰ [Лаптев И.П.] Письма казачьего депутата. Письмо второе // Степное эхо. 1907. 15 апреля.

⁸¹ Петровский А. Записки депутата. XI // Донская жизнь. 7 апреля.

⁸² [Лаптев И.П.] Письма казачьего депутата. Письмо шестое // Степное эхо. 1907. 13 мая.

⁸³ Петровский А.И. Донские депутаты во II-й Государственной думе. С. 134.

⁸⁴ [Лаптев И.П.] Указ. соч.

лись продолжить деятельность под именем думской казачьей группы, но, как позже писал Петровский, никаких самостоятельных шагов ни в Думе, ни за ее пределами она больше не предпринимала. В прессе известие о расколе группы широко не освещалось, поэтому публика и громадное большинство Думы, видимо, продолжали воспринимать казачью группу как единое целое.

Два внесенных в Думу законопроекта: об изменении порядка наряда казаков на действительную службу и о сокращении срока службы в первоочередных полках значились внесенными от имени казачьей группы, но, по сути, были выработаны М.П. Араканцевым. На заседаниях обсуждался уже готовый законопроект, который подписывался всеми казачьими депутатами, чтобы набрать необходимые 30 подписей⁸⁵. Как минимум, одно такое заседание посетил и А.Г. Поляков, но, группа, отметив, что взгляды астраханца по коренным вопросам резко расходятся с взглядами остальных ее членов, постановила больше не приглашать его на заседания⁸⁶. Заключительный эпизод в конфликте Полякова с левыми казаками приводит А.И. Петровский: в день роспуска Думы Поляков встретил донца А.Ф. Панфилова и заявил, что рассчитается «кой с кем за свое изгнание из собрания» и сообщит, куда следует, обо всех «бунтарских речах» на заседаниях группы⁸⁷.

В последний месяц работы II Думы казачьи депутаты, как и большинство других, трудились в гнетущей атмосфере, вызванной постоянными слухами о разгоне народного представительства. Один из них — кубанец П.Г. Кудрявцев — настолько разочаровался в парламентской работе, что сложил с себя полномочия и уехал домой. Попытки депутатов организованно встретиться с избирателями во время пасхальных каникул были сорваны стараниями местных властей. Планировал сделать публичный доклад и приехавший в Новочеркасск А.И. Петровский, но местный полицмейстер Золотарев категорически запретил подобные мероприятия. Тем не менее доклад состоялся, но в частном порядке, при ограниченном числе слушателей. «Приходили и казаки, — вспоминал Петровский, — Строевые казаки. Молодые славные ребята. Была и о нагайке речь. <...> Если бы не 5 п. 129 ст.⁸⁸, не разрешающего, по толкованию наших

⁸⁵ *Петровский А.И.* Донские депутаты во II-й Государственной думе. С. 134.

⁸⁶ Из жизни партий // *Думский листок*. 1907. 29 мая.

⁸⁷ *Петровский А.И.* Донские депутаты во II-й Государственной думе. С. 135.

⁸⁸ Имеется в виду 129-я статья Уголовного уложения, карающая за публичные призывы к учинению бунтовщического или изменнического деяния, ниспровержению государственного строя, противодействию законам и т.д.

судебных палат, передавать о настроении казаков по поводу нагайки, я передал бы в подробностях наш разговор по этому поводу». Намекая на солидарность с ним рядовых казаков, Петровский предлагал принять это к сведению своим оппонентам — «правоверным казакам» и «их единомышленникам по нагайке» — Бобринскому и Пуришкевичу. Что касается казачьей знати — «народа военного, сердитого и черносотенного», то она относилась к Петровскому с «молчаливым презрением», и те, кто «кланялся до выборов», теперь отворачивались при встрече с ним. Впрочем, депутат придавал этому мало значения. «Бог с ними! Их даже жалко: комические персонажи...», — писал Петровский в своих впечатлениях, опубликованных в московской газете «Утро свободы»⁸⁹.

Попытка народа пообщаться с другим донским депутатом — М.С. Воронковым привела к плачевным последствиям, на практике подтвердившим, что речи о нагайке были не пустым нагнетанием страстей, а отражением суровой действительности. Однако на этот раз, помимо нагаек, заговорили и пули. Жители Александровска-Грушевского, собравшиеся 24 апреля у квартиры Воронкова для встречи с ним, упорно не расходились, несмотря на требования вызванной полицией. Когда же, по просьбе самого депутата, почти тысячная (!) толпа начала мирно расходиться, внезапно появившаяся конная казачья сотня дала по ней боевой залп. В телеграмме товарищам по фракции Воронков сообщил о последствиях: один убитый, трое раненых, много избитых нагайками, в том числе женщины. Телеграммы к П.А. Столыпину и войсковому наказному атаману А.В. Самсонову ничего не дали, «бесчинства продолжались»⁹⁰. А.И. Петровский добился встречи с военным министром А.Ф. Ридигером, который долго не мог поверить в случившееся⁹¹. Мещанский сход Александровска-Грушевского составил приговор для представления в Думу, в котором содержалась просьба о назначении парламентской комиссии для расследования обстоятельств инцидента. Местная либеральная пресса отмечала, что донская земля впервые обагрилась кровью и испытала на себе те средства, которыми правительство поддерживало «общественную безопасность»⁹². Таким драматическим эпилогом завершились упорные попытки донских депутатов наладить прочную связь с населением.

Первый опыт функционирования общеказачьего депутатского объединения окончился неудачей: противоречия между исповедую-

⁸⁹ *Петровский А.* Впечатления депутата // *Утро свободы*. 1907. 1 мая.

⁹⁰ *Петровский А.* Записки депутата. XII // *Донская жизнь*. 1907. 1 мая.

⁹¹ Там же.

⁹² *В.К.* О Думе // *Донская жизнь*. 1907. 4 мая.

щей общедемократические ценности казачьей интеллигенцией (донцы, кубанцы) и более консервативным офицерством (Поляков, Караулов) оказались неразрешимыми. При этом следует отметить, что такие же разногласия наблюдались и в широкой казачьей среде, за пределами Думы. Ситуация усугублялась также наличием в составе группы представителей разных политических сил и разных казачьих войск, обладавших своими специфическими интересами. Не менее важную роль в развязывании скандала сыграло и поведение думских правых во главе с Бобринским и Пуришкевичем, в присутствии которых уже была невозможна та атмосфера, которая господствовала в «Думе народного гнева», где либеральные казаки могли критиковать действия правительства сколько угодно и без каких-либо препятствий. Таким образом, скандал 13 марта 1907 г. возник на стыке как межпартийных, так и внутрисловных разногласий. Инцидент вокруг речи А.И. Петровского и бурная реакция на него консервативных кругов показали, насколько острыми и болезненными являются вопросы взаимоотношения армии и общества, вмешательства армии в политические процессы.

Определенный интерес представляет реакция на инцидент правой и официозной печати — яркий пример информационной кампании по дискредитации политического противника.

К.А. СОЛОВЬЕВ

За «чашкой чая». Взаимодействие законодательной и исполнительной власти в 1906—1914 гг.: неформальные практики

Политическая история России начала XX в. нередко представляется бескомпромиссным столкновением действовавшей власти и вечно оппозиционной общественности. История этой борьбы может описываться по-разному, в зависимости от симпатий исследователя. Однако в любом случае речь идет о монохромной картине, знающей лишь оттенки черного. Силуэт прошлого приобретал более сложные очертания лишь благодаря политическим партиям, представлявшим альтернативные проекты преобразования России¹. Их лидеры наряду с высокопоставленными чиновниками и оказывались главными героями статей и монографий. Их публичная полемика определяла основное содержание научных исследований. Так описывалась политическая жизнь начала XX в. даже ее современниками, которые чаще всего говорили словами газетных репортажей².

При этом за рамками журналистского отчета оставались частные встречи министров и депутатов, их взаимные обязательства и договоренности, аргументы, которые они выставляли друг другу в защиту собственных инициатив — иными словами, неформальные механизмы взаимодействия исполнительной и законодательной власти. Этот аспект законотворческого процесса тем более важен, что грань, отделявшая бюрократию от общественности, была весьма условной.

¹ Маклаков В.А. Первая Государственная дума. М., 2006. С. 42—43, 47—62; Томпсинский С.Г. Борьба партий и классов в Первой Государственной думе. Ростов н/Д., 1924. С. 72—75; Фурман И.Г. Первая Государственная дума: Автореф. дис. ... к. ист. н. М., 1950. С. 27; Аврех А.Я. 1) III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы (1908—1909 гг.) // Исторические записки. М., 1955. № 53. С. 61—107; 2) Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 83—85, 149—152, 280—284; 3) Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 66—71, 157—160, 243—248; Кризис самодержавия в России, 1894—1917. Л., 1984. С. 456—464, 472; Дякин В.С. 1) Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978. С. 142—163; 2) Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. Л., 1988. С. 94—113, 201—212.

² Локоть Т.В. 1) Первая Дума. М., 1906; 2) Политические партии и группы в Государственной думе: Характер и причины политического бессилия Первой Думы. Возможный характер и задачи Второй Думы. М., 1907; Винавер М.М. Конфликты в Первой Думе. СПб., 1907; Изгоев А.С. Партии во Второй Государственной думе. СПб., 1907.

Их объединяло многое, что не находило отражение в законодательстве и иногда оставалось тайной для обывателей.

Например, их связывали родственные узы, чаще всего более прочные, чем партийные. Один из основателей «Союза 17 октября» А.А. Столыпин — брат премьер-министра. Другой лидер октябристов, депутат III и IV Государственной думы А.Ф. Мейендорф был двоюродным братом главы правительства³. Министр народного просвещения Л.А. Кассо находился в родственных отношениях с могущественным семейством Крупенских, задававшим тон во фракции националистов, а затем в Партии центра⁴. Кроме того, Кассо был университетским приятелем члена Государственного совета И.Х. Озерова⁵. Друзья юности товарища министра внутренних дел С.Е. Крыжановского (В.И. Вернадский, А.А. Корнилов, Д.И. Шаховской) входили в руководство партии кадетов⁶.

П.А. Столыпин поддерживал тесные контакты с депутатами Думы и членами Государственного совета. У него были старые товарищеские отношения с членом Государственного совета гр. Д.А. Олсуфьевым⁷. А.И. Гучкова он знал с 27 апреля 1906 г., когда впервые встретился с ним на квартире брата А.А. Столыпина⁸. Впоследствии, в годы работы III Думы, они общались по несколько раз в день, если не лично, то по телефону⁹. Порой Гучков приводил к Столыпину депутатов своей фракции, которые могли сообщить премьеру все, что думали по тому или иному вопросу. Так, 12 июня 1908 г. А.И. Гучков и П.В. Каменский обсуждали с главой правительства угрозу возникновения металлургической монополии в России¹⁰.

³ *Николаев А.Б.* Мейендорф Александр Феликсович // Государственная дума Российской империи, 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 367.

⁴ П.А. Столыпин: Переписка. М., 2004. С. 620.

⁵ *Озеров И.Х.* Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

⁶ *Кузьмина И.В., Лубков А.В.* Князь Шаховской: Путь русского либерала. М., 2008. С. 29—30; Русский консерватизм середины XVIII — начала XX вв.: Энциклопедия. М., 2010. С. 260.

⁷ П.А. Столыпин. Биохроника. М., 2006. С. 52, 56, 62, 70, 119, 212.

⁸ *[Гучков А.И.]* Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства / Авт. предисл. В.И. Старцев. Авт. коммент. и примеч. С.М. Ляндрес и А.В. Смолин. М., 1993. С. 45—46.

⁹ *Савич Н.В.* Воспоминания / Общ. ред. и вст. ст. Н.Н. Рутыча; биогр. справоч. А.В. Терещука. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 84.

¹⁰ Письма А.И. Гучкова жене // ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1670. Ч. 2. Л. 90.

В «компаньоны» к Столыпину напрашивались и другие депутаты: например, гр. А.А. Уваров, который пытался взять на себя роль главного глашатая воли премьер-министра среди октябристов. Регулярно встречаясь со Столыпиным, он сообщал ему о настроениях во фракции, разговорах среди депутатов. Это вызывало законное раздражение руководства «Союза 17 октября», что, в конце концов, и привело в 1909 г. к дуэли Уварова с Гучковым¹¹. Сам Уваров был убежден, что дуэль была инспирирована самим премьером. Именно по этой причине он отказался стрелять в своего оппонента, желая продемонстрировать моральную несостоятельность как Гучкова, так и его высокопоставленного союзника¹².

Нередко навещал премьера и националист П.Н. Крупенский, который, по словам Я.В. Глинки, «чуть ли не ежеминутно сообщал правительству о всем, что делается в Думе, и о настроениях партий и отдельных членов»¹³. Причем он поддерживал такого рода отношения и со Столыпиным, и с Коковцовым, и с Горемыкиным. Согласно воспоминаниям П.П. Менделеева, «Горемыкин весьма к нему благоволил, так как этот опытный правительственный соглашатель привозил ему всегда самые животрепещущие новости»¹⁴.

Тесные контакты со Столыпиным поддерживали депутаты гр. В.А. Бобринский¹⁵, М.В. Родзянко¹⁶. Председатель финансовой комиссии Государственного совета П.М. Романов регулярно информировал главу правительства о ходе бюджетных работ верхней палаты¹⁷. Более того, премьер-министр был готов к диалогу и с представителями оппозиции. «Доступность» Столыпина их порой поражала. Так, 1 марта 1907 г. в 11 часов утра член фракции кадетов О.Я. Пергамент послал телеграмму премьеру с просьбой принять его. Уже в 2 часа дня он получил ответ Столыпина: председатель Совета министров был готов принять депутата через два часа, т. е. в четыре вечера¹⁸.

¹¹ Савич Н.В. Указ. соч. С. 84—87.

¹² Письмо А.Н. Наумова В.И. Гурко 25 ноября 1909 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 403. Л. 40.

¹³ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917: Дневник и воспоминания / Вст. ст., подг. текст., биограф. словарь и коммент. Б.М. Витенберга. М., 2001. С. 49.

¹⁴ Менделеев П.П. Воспоминания // ГА РФ. Ф. Р-5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 72.

¹⁵ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.

¹⁶ Там же. Л. 21 об.

¹⁷ [Витте С.Ю.] Из архива С.Ю. Витте: Воспоминания. СПб., 2003. Т. 2. С. 344.

¹⁸ Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX в.: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006. С. 118.

Весной 1907 г. государственного контролера П.Х. Шванебаха «коробила та бесцеремонность, с которой всякие Челноковы, Струве и Гессены вызывали Столыпина к телефону»¹⁹. Как раз тогда, в период работы II Думы, премьер не раз встречался с депутатом П.Б. Струве²⁰. Согласно конспекту последнего, они обсуждали самый широкий круг вопросов, даже не относившихся к сфере компетенции нижней палаты²¹.

Столыпин периодически приглашал к себе наиболее влиятельных депутатов. Во время таких встреч за чашкой чая и должны были сниматься разногласия между чиновниками и народными представителями. В конце ноября 1908 г. премьер организовал неформальное совещание лидеров думского большинства и товарищей министра внутренних дел — С.Е. Крыжановского и А.И. Лыкошина. На этой встрече обсуждался вопрос о предстоявшем рассмотрении Думой аграрного законодательства. Стороны пришли к компромиссу: Министерство внутренних дел обещало не возражать против октябристских поправок, а думское большинство во главе с «Союзом 17 октября» — проголосовать за правительственный законопроект. Октябристы постановили, что все противники указа 9 ноября 1906 г. из числа их фракции могли лишь воздержаться при баллотировке²². В октябре 1909 г., с открытием новой сессии Думы, Столыпин провел целый ряд встреч с депутатами (с П.Н. Балашевым, А.И. Гучковым, П.В. Каменским, А.А. Уваровым), убеждая их в неизменности своего курса²³. 5 декабря 1909 г. премьер устроил совещание об отпуске кредитов на Владивосток. В нем приняли участие и министры, и депутаты Думы²⁴. Аналогичное заседание было проведено 27 мая 1910 г. На нем обсуждались проблемы Черноморского флота²⁵. Столыпин не раз встречался с представителями комиссии по местному самоуправлению в связи с прохождением в нижней палате законопроекта о волостном земстве. Характерно, что одно из таких собраний началось в 11 вечера и продолжалось до 3 часов ночи²⁶. По словам В.А. Маклакова, осенью 1910 г. как раз «за чаем»

¹⁹ П.А. Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 110.

²⁰ П.А. Столыпин: Переписка. С. 153.

²¹ Там же. С. 154.

²² Около Думы // Русские ведомости. 1908. 26 ноября.

²³ Русские ведомости. 1909. 20 октября.

²⁴ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907—1916 гг. М., 1924. С. 88.

²⁵ Там же. С. 98.

²⁶ Партия «Союз 17 октября»: Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК 1907—1915 гг.: в 2-х т. М., 2000. Т. 2. С. 410.

у премьер-министра представители думского большинства дали согласие на прохождение законопроекта о местном суде²⁷. Порой такие собрания были весьма многолюдными. Так, 12 декабря 1909 г. у Столыпина собрались 30 депутатов Думы и 30 членов Государственного совета²⁸.

Время от времени Столыпин организовывал так называемые «рауты», на которые приглашались министры, члены Думы, Государственного совета, представители посольского корпуса. «Принимал он (Столыпин — К.С.) с истинно русским радушием. Представители различных лагерей объединялись у столов, заставленных обильным угощением, знакомились друг с другом и вели деловую беседу, которая содействовала выяснению многих вопросов. В этой полуофициальной обстановке и я успел ближе сойтись со многими членами Думы, что потом очень помогало в деловой работе», — вспоминал губернатор И.Ф. Кошко²⁹. 23 февраля 1909 г. П.А. Столыпин дал «раут» совместно с министром иностранных дел А.П. Извольским. На него были приглашены представители думского большинства, которых убеждали не поднимать на пленарном заседании нижней палаты вопросов о внешней политике России³⁰. Впоследствии «рауты» устраивал и В.Н. Коковцов³¹, и И.Л. Горемыкин³². Приемы организовывали и «рядовые» министры: например, Л.А. Кассо³³, В.К. Саблер³⁴.

Депутаты и члены правительства регулярно встречались в Таврическом дворце сразу же после пленарных заседаний. Столыпин специально задерживался в зале общего собрания, дабы члены нижней палаты могли обратиться к нему с вопросами³⁵.

Личные контакты депутатов с главой правительства не пресеклись со смертью Столыпина. Некоторые члены Думы, Государственного совета часто заходили и к новому премьер-министру. Со многими представителями верхней палаты Коковцова связывали товарищеские отношения, которые завязались в бытность его

²⁷ Маклаков В.А. III сессия Государственной думы: Отчет депутата // Русская мысль. 1911. № 2. С. 102.

²⁸ Около Думы // Русские ведомости. 1909. 6 декабря.

²⁹ П.А. Столыпин глазами современников. С. 83—84.

³⁰ Около Думы // Русские ведомости. 1909. 24 февраля.

³¹ Поливанов А.А. Дневник // РГВИА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 42. Л. 818.

³² Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний, 1869—1917: в 2-х т. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 279; Речь. 1915. 25 января.

³³ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 8. Л. 38 об.

³⁴ Письма П.П. Извольского жене // РГИА. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 175. ЛЛ. 169, 173.

³⁵ Глинка Я.В. Указ. соч. С. 66.

статс-секретарем Государственного совета. В верхней палате заседали и бывшие сотрудники Коковцова по Министерству финансов: А.П. Никольский, М.Д. Дмитриев и др.³⁶ Регулярно с премьером встречался член фракции октябристов Н.П. Шубинский³⁷. Он информировал главу правительства о настроениях депутатов и даже пересказывал секретные сведения, которые узнавал в президиуме Думы³⁸. По словам Коковцова, именно его личные контакты с председателем бюджетной комиссии Думы М.М. Алексеенко обеспечили прохождение кредитов на морскую программу³⁹.

На квартире премьер-министра нередко устраивались совещания с участием депутатов. Так, в ноябре 1911 г. Коковцов принял делегацию думских крестьян. Он беседовал с ними о перспективах волостного земства в России⁴⁰. 19 ноября 1911 г. глава правительства пригласил к себе депутатов разных фракций и убеждал их снизить планировавшиеся расходы по народному образованию. Лишь в этом случае законопроект о всеобщем начальном обучении прошел бы в Государственном совете⁴¹. Депутаты и премьер долго искали взаимовыгодное решение, которое могло бы удовлетворить и верхнюю, и нижнюю палаты, и правительство⁴². Большинство совещавшихся согласилось отказаться от намечавшихся регулярных прибавок учителям начальных школ⁴³. Кроме того, стороны договорились особо выделить расходы на церковные школы и подготовить в этой связи специальный законопроект⁴⁴. «Совещание кончилось, — записал в дневнике член фракции октябристов И.С. Ключев. — Хозяин попросил нас в столовую выпить по рюмочке, пока, сказал он, еще не прошел окончательно законопроект о борьбе с пьянством. Мы заняли места. Коковцов любезно угостил и, между прочим, предложил Алексеенко яблоко. «Но оно слишком велико для вечернего заседания на сон грядущий», — заметил тот. «В таком случае разделим его пополам, Михаил Мартынович [Алексеенко], и скушаем сообща, — сказал он [Коковцов] с каким-то особенным ударением на слове «сообща»»⁴⁵. Спустя 10 дней, депутаты покаялись в своей

³⁶ Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания, 1903—1919 гг.: в 2-х кн. М., 1992. Кн. 1. С. 279—281.

³⁷ Там же. Кн. 2. С. 12.

³⁸ Там же. С. 195.

³⁹ Там же. С. 60—61.

⁴⁰ Речь. 1911. 29 ноября.

⁴¹ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 8. Л. 62.

⁴² Там же. ЛЛ. 63—69.

⁴³ Там же. ЛЛ. 66—67.

⁴⁴ Там же. Л. 68 об.

⁴⁵ Там же. Л. 69.

уступчивости и потребовали уступок от главы правительства⁴⁶. Премьер согласился выделить дополнительные 500 тыс. руб. на увеличение фиксированной суммы роста расходов на образование (до 9 млн)⁴⁷. Так в кабинете премьер-министра рождались многие законы. По словам Коковцова, и Малая судостроительная программа была принята в 1912 г. в результате долгих частных переговоров правительства с депутатами⁴⁸.

И Горемыкин не отказывался от диалога с народными избранниками. Вскоре после своего назначения, 19 февраля 1914 г., он уже вел переговоры с председателем нижней палаты М.В. Родзянко. Новый премьер, между прочим, высказал желание встретиться с председателями думских комиссий и докладчиками по важнейшим законопроектам. Несколько дней спустя Горемыкин принял лидеров земцев-октябристов и обсудил с ними возможность формирования думского большинства⁴⁹. Премьер не исключал возможности встречи и с представителями оппозиции⁵⁰.

Не только главе правительства, но и «рядовым» министрам приходилось чутко прислушиваться к голосу народных избранников. Показательно, что руководители ведомств сперва принимали депутатов и лишь затем своих высокопоставленных подчиненных⁵¹.

Министр иностранных дел А.П. Извольский поддерживал тесные отношения с депутатским корпусом, демонстрируя открытость внешнеполитического ведомства и готовность к диалогу с представительными учреждениями. Осенью 1908 г. по его просьбе товарищ министра иностранных дел Н.В. Чарыков информировал членов Думы о положении на Ближнем Востоке⁵². 11 декабря 1908 г., накануне своего выступления в Государственной думе, Извольский встретился с представителями думского большинства и обсудил с ними основные положения готовившейся речи⁵³.

Эту линию продолжил С.Д. Сазонов. Он периодически собирал депутатов «на чашку чая» и давал подробные разъяснения поли-

⁴⁶ Коковцов В.Н. Указ.соч. Л. 79 об.

⁴⁷ Там же. Л. 81.

⁴⁸ Всеподданнейшие доклады В.Н. Коковцова // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 653. Л. 17.

⁴⁹ Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 гг. // Вопросы истории. 1999. № 11—12. С. 22—23.

⁵⁰ Кризис самодержавия в России, 1894—1917. Л., 1984. С. 531.

⁵¹ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 2. Л. 24об.

⁵² Камаровский Л.А. Дневник // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 95. Л. 93.

⁵³ Около Думы // Русские ведомости. 1908. 12 декабря.

тического курса Министерства, несмотря на всю неподготовленность членов нижней палаты к столь обстоятельному разговору. 4 декабря 1912 г., в самом начале работы IV Думы, он принял группу националистов и долго беседовал с ними о работе ведомства⁵⁴. Такая встреча выпадала из общего ряда. Обычно Сазонов приглашал к себе представителей всех фракций, не делая исключения для оппозиции (помимо крайних левых). Это возмущало правых и националистов, которые даже подумывали отказаться от участия в этих совещаниях⁵⁵. По словам Н.Н. Львова, во время одной из таких бесед 22 марта 1913 г., «за исключением Милюкова, все задававшие министру вопросы напоминали светских дам, говорящих на серьезные темы. Однако всех перешеголял наш председатель (М.В. Родзянко — К.С.). Он вдруг задал такой вопрос: «А нельзя ли нам теперь проливы хапнуть?» Сазонов посмотрел на председателя так, как смотрят в обществе на человека, громко рыгнувшего»⁵⁶. В марте 1913 г. министр пригласил на встречу лидеров фракции правых: Г.Г. Замысловского, Н.Е. Маркова, А.Н. Хвостова. Им он пытался объяснить политику России на Балканах. 26 марта 1913 г. Г.А. Шечков писал, что доводы министра сыграли свою роль и депутаты вернулись с этой беседы «вполне побежденные»⁵⁷. В те же дни Сазонов обсуждал внешнеполитический курс России и с октябристом А.И. Звегинцевым⁵⁸. Тогда же он встречался и с правыми членами Государственного совета, которые однако остались непреклонными в своем неприятии министерской политики⁵⁹. Сам Сазонов нередко приходил в верхнюю палату, где в частных беседах давал весьма откровенные комментарии относительно внешнеполитического положения России⁶⁰. Характерно, что даже оппозиция высоко оценивала работу Министерства иностранных дел. 10 мая 1914 г. П.Н. Милюков, выступая о смете внешнеполитического ведомства, назвал его «единственным европейским» в стране, прислушивающимся как к обще-

⁵⁴ Письмо А.И. Савенко Н.К. Савенко 5 декабря 1912 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 585. Л. 2964.

⁵⁵ Донесения Л.К. Куманина // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 5—6.

⁵⁶ Письмо Г.А. Алексеева А.С. Алексееву 24 марта 1913 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 921. Л. 599.

⁵⁷ Там же. Л. 597.

⁵⁸ *Клюжев И.С.* Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 12. Л. 206.

⁵⁹ Письмо Г.А. Шечкова Л.А. Тихомирову 24 марта 1913 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 922. Л. 673.

⁶⁰ *Наумов А.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 278.

ственному мнению, так и к пожеланиям депутатов Государственной думы⁶¹.

И военный министр А.Ф. Редигер был готов к диалогу с представительной властью. 8 декабря 1907 г. он принимал делегацию думской комиссии по государственной обороне. Министр подробно изложил депутатам свое видение политики ведомства по личному составу и материальной части. Затем помощник министра А.А. Поливанов доложил о распределении расходов на нужды армии. Депутаты предложили руководству Министерства подготовить законопроект об увеличении содержания офицерского состава. Также они высказались в пользу радикального сокращения расходов на флот с учетом нехватки средств на сухопутную армию и «анархии» в морском ведомстве. Судя по всему, эти суждения нашли понимание у министра и его помощника⁶². Установившиеся в тот день контакты думского большинства и руководства Министерства не порывались и в дальнейшем. Пользуясь этим, лидеры октябристов пытались вмешиваться в различные сферы управления Министерством. В конце 1908 г. А.И. Гучков даже убеждал Редигера изменить руководящий состав ведомства (об этом он говорил и П.А. Столыпину)⁶³. Министр же предоставлял Гучкову сведения об обороноспособности страны, жаловался на Совет по государственной обороне, где тон задавали великие князья, не слишком компетентные в военном деле и фактически ни перед кем не отвечающие за свои решения. По словам лидера октябристов, это и подвигло его к выступлению в Думе, в котором он подверг жесточайшей критике всю организацию военного дела в России, в том числе и безответственность его руководителей⁶⁴.

У депутатов и министров складывались личные отношения, выходявшие за рамки официальных. 22 ноября 1910 г. октябрист И.С. Ключев консультировался с министром народного просвещения Л.А. Кассо о своем будущем выступлении в Думе⁶⁵. А.И. Савенко, поддерживая доверительные отношения с министром внутренних дел Н.А. Маклаковым, ставил перед ним волновавшие фракцию националистов вопросы: например, об украинофильстве и о

⁶¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия II. СПб., 1914. Ч. 4. Стб. 348.

⁶² Поливанов А.А. Указ. соч. С. 35. По словам А.Ф. Редигера, эта встреча продолжалась два часа (*Редигер А.Ф.* История моей жизни: Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2. С. 188).

⁶³ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 57.

⁶⁴ [Гучков А.И.]. Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 52—53.

⁶⁵ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

профессорах-«мазепинцах» Киевского университета⁶⁶. В ноябре 1915 г. обер-прокурор Св. Синода А.Н. Волжин просил депутата А.Г. Лелюхина проконсультировать его о предстоящем заседании бюджетной комиссии, выступления в которой Волжин чрезвычайно опасался⁶⁷.

Благодаря таким личным связям, министры, не ставя в известность премьера и кабинет, в целом, выстраивали свои отношения с Думой. Так, у министра путей сообщения С.В. Рухлова были тесные контакты с руководством фракции октябристов⁶⁸. По словам его предшественника Н.К. Шауфуса, Рухлов даже определял состав Министерства в соответствии с пожеланиями думского большинства⁶⁹. При этом сам глава ведомства относил себя к националистам и согласовывал с этой фракцией многие из своих решений⁷⁰. Согласно воспоминаниям Коковцова, именно Рухлов стоял за инициативой думских правых и националистов выкупить Киево-Воронежскую железную дорогу. Сам он не мог выступить с этим предложением, так как опасался резких возражений со стороны главы правительства⁷¹.

В противостоянии с коллегами по Совету министров руководители ведомств искали союзника в лице депутатов. Даже нелюбимый в Думе министр народного просвещения А.Н. Шварц находил поддержку в нижней палате в его конфликте с министром финансов В.Н. Коковцовым в вопросе о размере средств особого фонда на строительство школ⁷². Однако в 1910 г. сам Шварц подозревал в сговоре В.Н. Коковцова и М.М. Алексеенко, препятствовавших прохождению в нижней палате законопроектов его Министерства⁷³. В годы работы III Думы министр иностранных дел С.Д. Сазонов, министр торговли и промышленности С.И. Тимашев получали сведения об обороноспособности страны не в военном ведомстве, а в думской комиссии по государственной обороне⁷⁴.

⁶⁶ Письмо А.И. Савенко М.А. Стельмашенко 26 марта 1913 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 922. Л. 623.

⁶⁷ Письмо Д.А. Лелюхина М.И. Лелюхиной 24 ноября 1915 г. // Там же. Д. 1038. Л. 2058.

⁶⁸ [Гучков А.И.]. Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 83.

⁶⁹ Письмо Н.К. Шауфуса // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 369. Л. 76.

⁷⁰ Коковцов В.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 16.

⁷¹ Там же. С. 115.

⁷² Партия «Союз 17 октября». Т. 2. С. 199.

⁷³ Письмо А.Н. Шварца дочери // ОР РГБ. Ф. 338. К. 1. Д. 61. Л. 5.

⁷⁴ [Гучков А.И.]. Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 92.

Депутаты, пользуясь многочисленными личными связями, могли оказывать влияние на кадровую политику министерств и, в целом, правительства. Еще в марте 1907 г. член группы правых и умеренных П.Н. Крупенский вел переговоры с П.А. Столыпиным о назначении Л.А. Кассо министром народного просвещения⁷⁵. В июне 1914 г. полтавский вице-губернатор Я.Г. Гололобов обратился к лидеру думских правых Н.Е. Маркову с просьбой содействовать его повышению по службе. По мысли Гололобова, министр внутренних дел Н.А. Маклаков обязательно последовал бы рекомендации Маркова⁷⁶. В июле 1915 г. саратовский губернатор А.А. Ширинский-Шихматов просил депутата Н.П. Шубинского способствовать его переводу в Тверь⁷⁷. О Шубинском ходили слухи (подтверждавшиеся ближайшими сотрудниками министра юстиции), что он мог оказывать существенное влияние на назначения по судебному ведомству⁷⁸. По словам К.Д. Кафафова, Шубинский, обладая очевидным авторитетом в глазах И.Г. Щегловитова, мог провести «кого угодно и на какую угодно должность»⁷⁹.

Депутаты не ограничивали свои знакомства министрами. Они поддерживали отношения пускай не со столь высокопоставленными, но все же весьма влиятельными чиновниками, которые могли и не ставить свое начальство в известность об этих контактах. Показательно, что в период работы II Думы товарищ министра народного просвещения О.П. Герасимов снабжал кадетов материалами для критики правительственных законопроектов по народному образованию⁸⁰. Тогда же председатель чрезмерно радикальной нижней

⁷⁵ Письмо П.Н. Крупенского Л.А. Кассо 5 марта 1907 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 176. Л. 91.

⁷⁶ До этого переговоры с Н.А. Маклаковым о возможном повышении Я.Г. Гололобова вели члены Государственного совета (Письмо Я.Г. Гололобова Н.Е. Маркову 11 июня 1914 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 989. Л. 817).

⁷⁷ Письмо А.А. Ширинского-Шихматова Н.П. Шубинскому 24 июля 1915 г. // Там же. Д. 1026. Л. 429.

⁷⁸ Переписка председателя Совета министров с председателем Государственной думы // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 35. Л. 26; Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7-ми т. / Ред. П.Е. Щеголев. М.; Л., 1927. Т. 7. С. 267.

⁷⁹ Кафафов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 97.

⁸⁰ [Кизеветтер Е.Я.] Революция 1905—1907 гг. глазами кадетов (Из дневников Е.Я. Кизеветтер) // Российский архив. М., 1994. Вып. 5. С. 379.

палаты кадет Ф.А. Головин регулярно обедал с представителями высшей бюрократии (например, с товарищем министра торговли и промышленности М.А. Остроградским или же с товарищем министра юстиции Н.Д. Чаплиным)⁸¹. В начале 1913 г. установились дружеские отношения между депутатом-октябристом Б.И. Каразиным и товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием гр. П.Н. Игнатьевым, что подкреплялось их общей неприязнью политики Коковцова⁸². В IV Думе докладчик комиссии путей сообщения А.А. Бубликов имел прочные связи в соответствующем Министерстве⁸³. Благодаря таким контактам, иногда удавалось добиваться значимого результата. Так, в 1909 г. члены экономической группы Государственного совета С.С. Бехтеев, В.И. Карпов и А.Н. Наумов убедили управляющего Государственного банка С.И. Тимашева выделить дополнительные средства (а именно 8 млн руб.) на финансирование кредитных товариществ⁸⁴. 27 апреля 1913 г. товарищ министра народного просвещения М.А. Таубе по личной просьбе И.С. Ключева восстановил в должности одного самарского учителя. Это было сделано в преддверии выступления Таубе в Думе, где ему важно было произвести на депутатов благоприятное впечатление⁸⁵.

Среди всех товарищей министров в нижней палате чаще всего вспоминали фамилию помощника военного министра Поливанова. У Гучкова были с ним товарищеские отношения. По словам Н.Н. Любавина, лидер октябристов «благодаря Поливанову получил необычайное влияние в военном ведомстве. Ему все показывают, с ним советуются при назначении людей на места»⁸⁶. Впрочем, такие контакты были выгодны не только Гучкову, который щедро делился с Поливановым имевшейся у него информацией. Он сообщал помощнику министра сведения, которые приходили к нему с окраин империи (например, с Кавказа)⁸⁷. 13 марта 1908 г. депутаты А.И. Гучков и А.И. Звегинцев приехали к Поливанову сообщить список воп-

⁸¹ Письмо Ф.А. Головина А.В. Скурдиной 23 марта 1907 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 185. Л. 57.

⁸² Письмо Б. Каразина Е.А. Каразиной 23 января 1913 г. // Там же. Д. 917. Л. 156.

⁸³ Письмо Н.Н. Щепкина А.П. Грессеру 27 февраля 1913 г. // Там же. Д. 920. Л. 422.

⁸⁴ Наумов А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 156.

⁸⁵ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 14. Л. 21 об.

⁸⁶ Письмо Н. Любавина И.Н. Любавину 7 мая 1912 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 568. Л. 1213.

⁸⁷ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 44—45.

росов, интересовавших бюджетную комиссию. Они с неизбежностью должны были возникнуть на ее заседаниях⁸⁸. Гучков регулярно информировал Поливанова о ходе законотворческих работ⁸⁹. 16 февраля 1912 г. помощник министра вел переговоры с октябристами о чрезвычайных кредитах военному ведомству. В этой связи Гучков обещал переговорить со «всемогущим» М.М. Алексеенко и тем самым обеспечить решение, благоприятное для Министерства⁹⁰. Поливанов поддерживал связь и с другими членами фракции октябристов, например, с Н.В. Савичем⁹¹. Эти отношения сохранились и после отставки Поливанова в 1912 г. Уже будучи членом Государственного совета, он снабжал депутатов сведениями о состоянии военного ведомства, предлагал вынести на обсуждение Думы тот или иной вопрос. Сам он этого сделать не мог, не рискуя своим положением назначенного члена Госсовета⁹².

Поливанова хорошо знали и в других фракциях. В марте 1907 г. он по просьбе генерала Е.В. Богдановича принял В.М. Пуришкевича, который нуждался в консультации: депутату предстояло выступить от имени правых об отмене военно-полевых судов⁹³. 6 февраля 1908 г. Поливанов посетил П.Н. Крупенского. На его квартире собрались многие члены комиссии по государственной обороне (10 человек). Поливанов сообщил им, как в последнее время изменилась организация военного дела, как принимаются наиболее важные решения. Также он высказался в пользу неотложности кредита в 31 млн руб.⁹⁴. Новая встреча состоялась уже 12 февраля: на ней присутствовали 15 депутатов⁹⁵. К Поливанову приходили и по частным вопросам. Так, 9 мая 1909 г. он беседовал с националистом В.В. Шульгиным о смягчении наказания одного отставного поручика⁹⁶, а 6 апреля 1912 г. — с товарищем председателя Думы националистом кн. В.М. Волконским о направлениях железнодорожного строительства⁹⁷.

⁸⁸ Поливанов А.А. Указ соч. С. 43.

⁸⁹ Там же. С. 58, 81, 97.

⁹⁰ Поливанов А.А. Дневник // РГВИА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 42. Л. 818.

⁹¹ Дело по вопросу об отпуске средств на государственную оборону // РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 74537. ЛЛ. 270, 274.

⁹² Энгельгардт Б.А. Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 218. К. 305. Д. 3. Л. 391.

⁹³ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 21.

⁹⁴ Там же С. 40.

⁹⁵ Там же. С. 41.

⁹⁶ Там же. С. 72.

⁹⁷ Поливанов А.А. Дневник // РГВИА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 42. Л. 880 об.

У чинов военного и морского министерств сложились прочные связи с думской комиссией по государственной обороне и лично с А.И. Гучковым. С ним поддерживали неформальные отношения представители офицерского корпуса и даже генералитета (например, М.В. Алексеев и Н.И. Иванов), которые информировали Думу о состоянии вооруженных сил России⁹⁸. Гучков вспоминал, что как-то к нему приехал даже начальник штаба одного из военных округов, который жаловался на состояние военного дела в стране⁹⁹. Лидер октябристов получал информацию от военных агентов в Берлине А.А. Михельсона и в Вене М.И. Занкевича¹⁰⁰. Офицеры Генерального штаба сообщали Гучкову подчас секретную информацию об обороноспособности страны. На его имя регулярно приходили прошения за подписями сотен офицеров. И на флоте господствовали схожие настроения. 18 января 1909 г. Гучков писал жене из Греции: «В Пирее застал две наши канонирские лодки: «Кореец» и «Гиляк», направленные было во Владивосток. Офицеры, узнав о моем приезде, позвали меня к себе. Сегодняшний вечер... я проведу у них». В тот день он получил разнообразную информацию о состоянии флота, рассчитывая с ее помощью «нанести удар» по Совету по государственной обороне и его председателю вел. кн. Николаю Николаевичу¹⁰¹.

Благодаря такого рода связям возникали неформальные объединения, которые позволяли депутатам получать необходимые сведения, а их негласным информаторам — оказывать влияние на ход дел в стране. Эту роль играла комиссия при Военном министерстве по составлению «Истории русско-японской войны». В нее входили офицеры Генерального штаба. Возглавлял комиссию генерал В.И. Гурко. Ее члены и депутаты (обычно человек 5—6 с каждой стороны) регулярно собирались на квартирах П.Н. Балашова, В.И. Гурко или А.И. Гучкова. Обсуждались различные аспекты ожидавшейся военной реформы. Причем офицеры находили экспертов по каждому вопросу, которые обладали всеми соответствующими техническими знаниями. Во время таких встреч редактировались законы, поступавшие из военного ведомства, разрабатывались возможные думские инициативы¹⁰², анализировались недостатки курса действующего министра. Во многом благодаря этим беседам Гучков

⁹⁸ [Гучков А.И.]. Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 7.

⁹⁹ Там же. С. 60.

¹⁰⁰ Там же. С. 61.

¹⁰¹ Письма А.И. Гучкова жене // ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1670. Ч. 2. Л. 104 б.

¹⁰² [Гучков А.И.]. Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 56—57.

обладал самыми широкими сведениями о состоянии обороноспособности страны, зачастую не подлежавшими огласке. В его распоряжении были даже секретные приказы военного министра, что, в конце концов, стало поводом к отставке А.А. Поливанова с поста помощника военного министра¹⁰³.

Гучков имел хороших знакомых и в Министерстве иностранных дел. Он регулярно получал копии донесений В. Святковского из Австро-Венгрии¹⁰⁴. 19 мая 1908 г. к А.И. Гучкову заехал новый посол России в Персии Н.А. Малевич-Малевский. Он предложил лидеру октябристов секретно высылать материалы для «Голоса Москвы»¹⁰⁵.

Депутаты самых разных политических убеждений проводили многие часы в петербургских канцеляриях. В конце марта 1907 г. член фракции кадетов А.А. Кизеветтер поехал на прием к товарищу министра внутренних дел. Однако встретиться с ним не удалось. В приемной только и были депутаты — преимущественно оппозиционных групп: кадеты, социал-демократы, эсеры¹⁰⁶.

В дневниковой записи И.С. Ключева от 4 февраля 1911 г. так описывались каждодневные заботы члена нижней палаты: «Очень много отнимает времени исполнения разного рода чужих поручений и ходатайств, начиная от самых важных, как, например, содействие к избавлению от смертной казни и каторги, и кончая просьбой ускорить получение ордена или чина действительного статского советника. И по каждому такому важному или неважному делу приходится один-два или даже несколько раз ездить в то или другое министерство, написать несколько писем, достать справки и т. д. и т. п. По некоторым уже серьезным делам, где замешана жандармская полиция или военные власти..., приходилось хлопотать больше года, затратить массу времени и денег и, наконец, получить желаемое»¹⁰⁷. 24 ноября 1911 г. Ключев целый день провел в министерствах. Он ездил наводить справки по разным делам и практически всюду неудачно. Он не заставал глав ведомств и приходилось объясняться с их секретарями. Исключением стал лишь министр путей сообщения

¹⁰³ Протоколы допросов по делу о причинах несвоевременного и недостаточного пополнения запасов военного снабжения армии // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 737. Л. 23 об.

¹⁰⁴ Письмо Ф.И. Гучкова И.В. Никанорову 5 сентября 1912 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 575. Л. 1902.

¹⁰⁵ Письмо А.И. Гучкова Ф.И. Гучкову 20 мая 1908 г. // Там же. Д. 304. Л. 92.

¹⁰⁶ [Кизеветтер Е.Я.] Указ. соч. С. 398.

¹⁰⁷ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

С.В. Рухлов¹⁰⁸. В тот же день Ключев побывал у главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина, который пообещал содействовать учреждению Политехнического института в Самаре¹⁰⁹. Прежде депутат встречался по этому поводу с покойным П.А. Столыпиным¹¹⁰. И в дальнейшем, весной 1912 г., эта тема не была закрыта. Ключев продолжал вести переговоры о политехникуме с Кривошеиным и его товарищем П.Н. Игнатьевым¹¹¹. Об этом были все его мысли. И в первый же день работы IV Думы он не тратил время зря. Ключев подошел к министру торговли и промышленности С.И. Тимашеву в очередной раз поговорить о Политехническом институте. Затем он обсудил с товарищем министра народного просвещения М.А. Таубе вопрос об организации женского педагогического института¹¹².

На посещение ведомственных канцелярий времени уходило очень много. Член фракции прогрессистов А.П. Мельгунов 1 мая 1913 г. писал гр. П.П. Толстому, что большую часть своего времени он проводил в министерствах, где в итоге добивался решений, необходимых для уфимского земства¹¹³. Ключев шел в Министерство народного просвещения с «грудой» справок и ходатайств. Ему нужно было зайти во все департаменты и их отделы. Везде его знали и встречали очень любезно, были готовы во всем помочь¹¹⁴. Директора департаментов доверительно общались с депутатом, рассказывали ему новости, жаловались на руководство ведомства¹¹⁵. Ключев ложился спать в 4 утра, вставал в 10 утра. Целый день проводил в Думе или в разъездах, и лишь ночью оставалось время заниматься законотворческой деятельностью¹¹⁶.

У правительства было много аргументов в разговоре с депутатом, обуреваемым тщеславием и честолюбием. Так, октябрист Е.П. Ковалевский страстно желал получить высокий чин. Он лично просил министра народного просвещения А.Н. Шварца произвести его в действительные статские советники. На это Шварц не без ехидства заметил, что «чины и ордена — удел нашего брата, чиновни-

¹⁰⁸ Ключев И.С. Указ. соч. Л. 71.

¹⁰⁹ Там же. Л. 74 об.

¹¹⁰ Там же. Д. 8. ЛЛ. 42—44.

¹¹¹ Там же. Д. 10. Л. 10.

¹¹² Там же. Д. 11. Л. 29.

¹¹³ Письмо А. Мельгунова П.П. Толстому 1 мая 1913 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 923. Л. 796.

¹¹⁴ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 8. Л. 17 об.

¹¹⁵ Там же. Л. 18.

¹¹⁶ Там же. Д. 12. Л. 72.

ков, а для члена законодательной палаты, стоящего гораздо выше самих министров, эта побрякушка может послужить только к умалению его достоинства». Тем не менее Ковалевский не утратил надежды и обратился к министру юстиции И.Г. Щегловитову, с которым дружил, когда еще был почетным мировым судьей. В итоге мечте депутата суждено было сбыться¹¹⁷. Но ради этого пришлось немало потрудиться: не зря Ковалевский на заседаниях комиссии по народному образованию старался проводить точку зрения, соответствовавшую видам правительства¹¹⁸. По свидетельству С.П. Белецкого, член фракции октябристов А.Д. Протопопов заметно поправел, когда в 1909 г. по инициативе П.А. Столыпина получил чин действительного статского советника¹¹⁹. На этом честолюбивые мечты депутата не останавливались. Он думал оказаться в правительстве хотя бы в должности директора канцелярии министра внутренних дел¹²⁰. Осенью 1915 г. Протопопов уже помышлял о должности товарища министра торговли и промышленности. Он даже собирал на своей квартире чинов этого министерства и спрашивал, не ходят ли слухи о его возможном скором назначении¹²¹. На карьерное продвижение рассчитывали и менее известные народные избранники. В письме от 19 октября 1916 г. депутат Г.В. Викторов просил одного из лидеров так называемых «балашевцев» В.Г. Ветчинина посодействовать его назначению членом Совета министра внутренних дел или старшим чиновником особых поручений III класса при председателе Совета министров или, в крайнем случае, чиновником особых поручений при министре внутренних дел. «Вашу рекомендацию оправдаю, — писал Викторов. — В деле новых думских выборов буду очень полезен правительству и самому делу»¹²². Мечты подчас оборачивались разочарованием. По словам А.Н. Наумова, председатель фракции центра В.Н. Львов видел себя в придворном мундире. Он всякий раз добивался личной встречи с императором, желая лишний раз напомнить о себе. Однако столь ожидаемая аудиенция не дала результатов. В итоге Львов переменял свои политические убеждения и все более склонялся в пользу оппозиции¹²³.

¹¹⁷ Ключев И.С. Указ. соч. Д. 6. Л. 14.

¹¹⁸ Там же. Д. 4. Л. 17об.

¹¹⁹ Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 252.

¹²⁰ Там же. С. 253.

¹²¹ Протопопов С.Д. Дневник // РГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 45. Л. 17 об.

¹²² Письмо Г.В. Викторова В.Г. Ветчинину 19 октября 1916 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1058. Л. 803.

¹²³ Наумов А.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 60—61.

Правительство неустанно заботилось о благосостоянии некоторых депутатов и их родственников. В частности, оно поддерживало коммерческие предприятия П.П. Мигулина в расчете на благодарность его тестя — председателя бюджетной комиссии М.М. Алексеенко. «При этом отнюдь не имелось в виду насилловать совесть или убеждения М[ихаила] М[артыновича], для этого его слишком уважают. Но хотели иметь прочную гарантию, что он «свой» и что на него можно полагаться как на каменную гору»¹²⁴. Примечательно, что Мигулин порой даже вел переговоры с министрами от имени своего влиятельного родственника¹²⁵. По словам И.Х. Озерова, зять Алексеенко, пользуясь своим счастливым родством, в итоге «сколотил» себе большое состояние¹²⁶. Однако не только Мигулин пользовался преимуществами депутатского положения. Кадет В.А. Маклаков получил от главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина мелиоративный кредит в 10 тыс. руб. для оборудования железобетонной мельничной плотины в подмосковном имении¹²⁷. В декабре 1908 г. кадет, присяжный поверенный М.С. Аджемов просил министра финансов В.Н. Коковцова выдать значительную ссуду по делам его доверителя¹²⁸.

Некоторые члены Думы и Государственного совета регулярно получали дотации от правительства. В годы премьерства П.А. Столыпина депутат А.С. Вязигин получил от Министерства внутренних дел 40—50 тыс. руб. на издание журнала «Мирный труд», Н.Е. Марков на поддержание газеты «Земщина» — по 12 тыс. руб. в месяц¹²⁹. В.М. Пуришкевич получал субсидии на публикацию «Книги русской скорби» и журнала «Прямой путь»¹³⁰. В 1913 г. 40 тыс. руб. было выделено депутату гр. В.А. Бобринскому на издание газеты «Галичская Русь», 15 тыс. — члену фракции националистов В.Г. Ветчинину, 4000 руб. — В.М. Пуришкевичу. В 1914 г. те же 40 тыс. получил В.А. Бобринский, 31 тыс. — В.М. Пуришкевич, 5 тыс. — Г.Г. Замысловский, 3 тыс. — член Государственного совета А.Д. Самарин¹³¹. По сведениям С.П. Белецкого, Замысловский

¹²⁴ Письмо Н.П. Мигулину 23 мая 1912 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 569. Л. 1326.

¹²⁵ Коковцов В.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 54.

¹²⁶ Озеров И.Х. Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 541. Д. 4. Л. 1.

¹²⁷ В 1916 г. в этом кредите ему отказал новый министр земледелия А.Н. Наумов (Наумов А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 361).

¹²⁸ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 56.

¹²⁹ Падение царского режима. Т. 5. С. 409.

¹³⁰ Там же. С. 410.

¹³¹ Приложение к следственному делу Н.А. Маклакова // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 687. ЛЛ. 19 об. — 20.

получал значительные суммы из средств, предназначенных для финансирования выборов¹³². Совет министров выделял деньги и депутату III Думы Н.К. Гюббенету¹³³. Член Государственного совета В.Н. Ознобишин получал правительственные субсидии на издание газеты «Волга»¹³⁴. По словам С.Е. Крыжановского, целый ряд депутатов III Думы был на фактическом содержании правительства¹³⁵. Отказывать же в субсидиях часто было небезопасно. По сведениям С.И. Шидловского, интриги члена Государственного совета С.Ю. Витте против Коковцова во второй половине 1913 г. объяснялись явным нежеланием действующего премьера выдать бывшему кредит в 400 тыс. руб.¹³⁶

* * *

За десятилетие совместной работы представительных учреждений и высшей бюрократии постепенно складывались личные отношения, симпатии и антипатии, возникали взаимные обязательства, а законодательные учреждения все более интегрировались в политическую систему Российской империи, вовлекая в нее и группы интересов, непосредственно связанные с депутатским корпусом. Депутаты охотно участвовали в межведомственной борьбе, принимая сторону того или другого министра. В свою очередь, правительственным чиновником приходилось терпеть вмешательство народных избранников в дела министерства. Более того, члены Думы, Государственного совета приглашались премьером или министрами на неформальные совещания, где предreshалась судьба многих важных правительственных инициатив. Иными словами, формировалась принципиально новая процедура принятия законов, явно «выпадавшая» из действовавших правовых норм. Причем на такого рода собраниях порой вставал вопрос о делах армии и флота, о внешней политике страны, что не входило в сферу компетенции представительных учреждений.

Пользуясь связями среди бюрократии, периодически апеллируя к общественному мнению и значимым корпоративным интересам,

¹³² Падение царского режима. Л., 1925. Т. 3. С. 380—381.

¹³³ Там же. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 55.

¹³⁴ Письмо В.Н. Ознобишина Д.А. Олсуфьеву 6 октября 1908 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 328. Л. 80.

¹³⁵ Крыжановский С.Е. Записки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 112.

¹³⁶ Коковцов переадресовал эту просьбу императору, которому при личной встрече предложил сократить ассигнование до 200 тыс. руб. (Клюжев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 13. Л. 130).

Актуальные проблемы парламентаризма

депутаты обретали многочисленные каналы влияния на правительство. Впрочем, и министры не сидели сложа руки. Они «работали» с наиболее влиятельными депутатами, рассчитывая сыграть на их слабостях. При этом ситуация осложнялась тем, что главы ведомств часто не координировали свои усилия, ведя собственную игру.

В рамках складывавшейся политической системы не всегда было ясно, кто инициатор того или иного решения: правительство, отдельный министр, депутат или фракция, так как многочисленные, иногда почти невидимые «нити» связывали представительную власть с бюрократическими сферами.

М.Н. ЛУКЬЯНОВ

Консервативные проекты реформы законодательных учреждений и избирательной системы в России, 1907—1914

Приверженность самодержавию выступала как ключевой принцип русской консервативной традиции XIX — начала XX в. Поэтому ограничение императорской власти, ставшее продуктом политических преобразований эпохи революции 1905—1907 гг., поставило сторонников самодержавной монархии в чрезвычайно сложное положение. С одной стороны, требовались большие усилия, чтобы вписать новую конструкцию власти в рамки традиции, с другой — монархист не мог отвергнуть, во всяком случае публично, возведенное с высоты престола. Адаптация к новой политической системе должна была стать главным содержанием эволюции российского консерватизма в постреволюционное время.

Оценивая политический порядок в стране, консерваторы исходили из того, что, несмотря на все реформы, во главе страны по-прежнему стоял царь-самодержец. Самодержавие выступало как важнейший элемент национальной политической традиции, без которого российскую государственность было невозможно себе представить¹.

Мнения о сохранении самодержавия в России придерживались сторонники разных версий российского консерватизма. Консерваторы уверяли, что никакие законодательные новации не предусматривали ограничения императорской власти: просто изменился порядок ее действия. «...И при новом строе... существо Верховной Самодержавной власти не было изменено...», — заявлял Н.Е. Марков². Ему вторил член русской национальной фракции Л.В. Половцов: «Самодержавная Власть, никогда, ни в каком акте не отказываясь от самодержавных прав, установила нормальный порядок, при котором все законы должны обсуждаться предварительно в Государственной Думе и Государственном Совете и затем представляться на Высочайшее усмотрение»³.

¹ При всех расхождениях между ними из этой посылки исходили и правые, и националисты. См.: *Кириянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911—1917. М., 2001. С. 302; *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 149.

² Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия II. СПб., 1909. Ч. 2. Стб. 2355.

³ Там же. Сессия III. СПб., 1910. Ч. 3. Стб. 2496.

Разделение власти на законодательную, исполнительную, судебную интерпретировалось как распределение функций единой царской власти. М.О. Меньшиков писал по этому поводу: «...Верховная Власть должна почитаться не третьим только членом республиканской троицы, не «исполнительной» лишь дробью, а основной единицей, от которой должны идти непрерывные ступени власти»⁴.

Таким образом, источником верховной власти неизменно выступал царь, и различие моделей государства, предлагавшихся консерваторами, выражалось преимущественно в разной трактовке вопроса о представительстве. Наиболее радикальное его решение предложил лидер Русской монархической партии В.А. Грингмут. Среди консервативных теоретиков и публицистов он был самым последовательным противником парламентаризма. В его концепции монархии для представительных институтов просто не осталось места⁵.

Царь выступал как верховный правитель, законодатель и верховный судья. Одновременно он являлся единственным представителем народа. «Других народных “представителей” кроме Государя Императора в России быть не может, ибо никто кроме Него не может сочетать в себе *всю* совокупность *всех* государственных, сословных и классовых интересов Русского народа во всей преемственной связи настоящего, прошедшего и будущего России»⁶.

Отвергая принцип представительного правления, Грингмут указывал на некомпетентность основной массы населения в государственных делах⁷. К тому же выборы народных представителей способствовали бы разжиганию политической розни и нанесли бы колоссальный ущерб государству⁸. Да и эффективный контроль над бюрократией был возможен исключительно сверху. Бюрократическая язва могла поразить и республику, и монархию, но у монарха было гораздо больше возможностей ей противостоять⁹.

В дополнение к теоретическим выкладкам автор предложил конкретную практическую программу усовершенствования государственного строя. Ее стержнем являлось усиление реальной власти монарха. Царя следовало «разгрузить» от мелких, сугубо локальных вопросов, передав их в ведение назначавшихся сверху администраторов территорий. Все получали право жаловаться на любого чиновника.

⁴ Государственный скандал // Письма к ближним. 1909. № 3. С. 214.

⁵ Грингмут В.А. История народовластия. М., 1908. С. 10—11.

⁶ Там же. С. 68.

⁷ Там же. С. 15—16.

⁸ Там же. С. 26.

⁹ Грингмут В.А. Что про нас говорят // Грингмут В.А. Собрание статей. М., 1910. Вып. 4. С. 391.

Результатом разбора жалобы с неизбежностью должно было стать суровое наказание либо виновного должностного лица, либо недобросовестного жалобщика. Большая роль в схеме Грингмута отводилась консультативным учреждениям разного уровня. Помощь царю в законодательной деятельности призваны были оказать члены законосовещательного Государственного совета. Министрам предстояло создать при своих ведомствах комитеты по выработке законопроектов, а администраторам территорий — особые советы из числа самых авторитетных граждан¹⁰.

Лидер Русской монархической партии, редактор «Московских ведомостей» умер в конце сентября 1907 г., еще до начала работы III Думы. Однако в суждениях многих консерваторов можно обнаружить немало общего с его бескомпромиссной позицией. Так, В.П. Мещерский, ссылаясь на моральную деградацию российской верхушки, отверг тезис о том, что Россия должна стремиться к созданию политических институтов западного типа. Ее путь был диаметрально противоположен западноевропейскому и требовал. «...полной силы и полной свободы Верховной власти...»¹¹. Компромисс казался Мещерскому симптомом «морального растрепания», а политическая умеренность ассоциировалась с моральной нечистоплотностью¹². Так важнейшие парламентские добродетели превращались в нравственные пороки.

Мещерский утверждал, что Россия не нуждается ни в каких партиях: они лишь отдаляют народ от трона. Дореформенная система, когда политика вершилась в тиши кабинетов, а обществу оставалось лишь соглашаться с принятыми решениями, казалась ему предпочтительней. Мещерскому претили любые формы общественной самодетельности, даже на местном уровне. Он считал, что для успешного разрешения локальных проблем требуется усиление административного начала. Наиболее эффективным инструментом управления на местах признавался давно ставший объектом резкой критики институт земских начальников¹³.

Но при всей нелюбви к представительству Мещерский, в отличие от Грингмута, допускал возможность существования в России представительных институтов¹⁴. Его логика была такова: раз уж Думу не решаются ликвидировать, ее надо реформировать.

¹⁰ См.: Грингмут В.А. История народовластия. С. 67—73.

¹¹ Дневники // Гражданин. 1911. № 15. С. 15.

¹² Там же. 1910. № 6. С. 14.

¹³ Там же. 1910. № 27. С. 13.

¹⁴ Там же. 1913. № 39. С. 12.

Одно из конкретных предложений Мещерского состояло в том, что полномочия Думы стоило ограничить правом высказываться по поводу законопроектов и делать запросы министрам. Государственный совет должен был обрести дореформенный статус. Он не должен был координировать свою законотворческую деятельности с мнением Думы. В случае разногласий между Думой и Советом или внутри последнего императору представлялось бы мнение Думы, а также большинства и меньшинства Совета¹⁵. За царем оставалось «...право утверждать мнение меньшинства в представительных учреждениях, если он признает оное более соответствующим нуждам своего народа»¹⁶.

В основе подхода к представительству К.Н. Пасхалова лежала та же посылка, что и у Грингмута: народное представительство как выражение конституционного начала несовместимо с началом самодержавным¹⁷. Однако практические предложения К.Н. Пасхалова были гораздо умереннее, чем у Грингмута. Пасхалов полагал, что привлечение населения к законотворчеству может помочь контролировать бюрократию. Поэтому прочно утвердив власть самодержца, стоило установить принцип, что ни один закон не может поступить на рассмотрение к царю, минуя законосовещательное учреждение. Вопрос о том, будет ли в таком качестве выступать Государственная дума или Государственный совет оставался открытым. В любом случае, чтобы обеспечить связь с населением, в состав такого органа должны были войти лица, избранные уездными земскими собраниями.

Планировались существенные изменения в организации работы по подготовке законов: в законосовещательном органе ликвидировались фракции, председатель должен был назначаться, а не избираться, наказ для него составлял Сенат, и, самое главное, на рассмотрение царю должны были представляться все мнения, высказанные при обсуждении законопроектов. В результате государь, получая информацию обо всем многообразии мнений по данному вопросу, сохранял бы полную свободу воли¹⁸.

Из массовых консервативных политических организаций наиболее настороженно относился к представительным учреждениям Всероссийский Дубровинский союз русского народа, созданный в 1911 г. радикальными элементами Союза русского народа. Его сторонники

¹⁵ Дневники // Гражданин. 1909. № 2. С. 2.

¹⁶ Там же. 1911. № 30. С. 13.

¹⁷ К.Н. Пасхалов — А.А. Ширинскому-Шихматову, 10 февраля 1913 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 919. Л. 310.

¹⁸ См.: Погрешности обновленного 17 октября 1905 года Государственного строя и попытка их устранения. М., 1910.

доказывали, что жизненные интересы России требуют сохранения самодержавия, а без представительных институтов она всегда сможет просуществовать. «...Без Неограниченного Самодержавного Царя Россия погибнет безвозвратно... жила Россия без Г. думы много сотен лет и еще столько же проживет с Божьею помощью, без Г. думы», — утверждал один из ведущих публицистов ВДСРН Н.И. Еремченко¹⁹.

Судя по всему и Мещерский, и Пасхалов, и Еремченко считали идеальной ситуацией, когда представительные учреждения вообще отсутствовали бы. Но политическая реальность заставляла признавать их необходимость. В этих обстоятельствах данная группа консерваторов подчеркивала отрицательные стороны в деятельности представительных учреждений и ограничивала свои практические задачи поиском наилучших способов свести зло к минимуму.

Иначе смотрели на эти проблемы консерваторы-славянофилы. Они подчеркивали большое значение законосовещательных институтов для обеспечения связи между монархом и народом. В качестве идеального образца такого учреждения назывался Земский собор. «Полное осуществление единения Царя с народом должно выразиться в историческом учреждении — Земском соборе», — утверждал председатель Союза русских людей А.Г. Щербатов²⁰.

А.А. Киреев подвергал резкой критике позицию В.А. Грингмута и его единомышленников: «Теперь без Думы управлять уже нельзя. Не будет этой Думы, будет 4, 5, 6-ая!..»²¹. Другое дело, что, по мысли Киреева, Дума должна была быть не законодательной, а законосовещательной. Только такой порядок, казалось ему, адекватен русской исторической традиции, «исконному самодержавно-совещательному строю»²². В какой же степени новый порядок соответствовал эталону, А.А. Кирееву было не вполне ясно, но прямо отвергать его он не решался. Киреев спокойно относился к компромиссам и, сознавая необходимость выбирать меньшее из зол, рекомендовал правым сотрудничать с октябристами²³.

¹⁹ Полтавец Н. [Еремченко Н.И.] Дума и народ. СПб., 1912. С. 17.

²⁰ Щербатов А.Г. Обновленная Россия. М., 1908. С. 35.

²¹ А.А. Киреев — Ф.Д. Самарину, 8 ноября 1907 г. // ОР РГБ. Ф. 265. К. 156. Д. 10. Л. 113. Киреев писал Л.А. Тихомирову 20 июля 1907 г.: «Умный Грингмут пишет вздор! Ну, можно ли теперь вернуть бюрократический строй; помилуйте!» (ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 101. Л. 155 об.).

²² А.А. Киреев — Николаю II, 3 июня 1907 г. // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 21/2. Л. 9 об.

²³ См., напр.: А.А. Киреев — Л.А. Тихомирову, 21 июля 1907 г. // ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 101. Л. 155 об.; Дневник А.А. Киреева, запись 26 октября 1907 г. // ОР РГБ. Ф. 126. К. 14. Л. 246 об.

Другие славянофилы были менее склонны к уступкам. По мнению Д.А. Хомякова, действовавшее законодательство о власти в корне противоречило славянофильской догме. Народ не должен был привлекаться к постоянной политической деятельности. Участие в ней являлось не правом, а обязанностью, причем советоваться с народом подобало лишь по наиболее важным делам²⁴. В лучшем случае Дума смогла бы *«открыть путь для чего-нибудь иного, более соответствующего нашим потребностям и складу русского ума»*²⁵.

Наиболее непримиримым из славянофильских теоретиков был С.Ф. Шарапов, который отвергал и «обновленный строй», и дореволюционный порядок. Видя в царе полновластного самодержца, Шарапов подчеркивал не столько юридическую неограниченность власти, сколько внутренние, нравственные ограничители самодержавия. В их существовании и состояло принципиальное отличие русского самодержавия от восточного деспотизма и западного абсолютизма²⁶. Шарапов считал альтернативой бюрократии не парламентаризм, а децентрализацию управления и предлагал сочетать самодержавие с широким самоуправлением. Краеугольным камнем этой системы должен был стать православный приход, который получил бы функции низшей территориальной единицы. Следующими самоуправляющимися единицами являлись бы уезд и область (объединяющая несколько губерний). Вершину этой системы должно было образовать «самоуправление Всея Руси в лице нашего старшего Земского Собора». Задача Собора состояла в том, чтобы объединить «лучшие рабочие силы областей» и выступить в качестве советчика (а не ограничителя) самодержавия²⁷.

Славянофильский образ царя-самодержца был близок и многим представителям думских правых. И.И. Балаклеев подчеркивал патриархальный характер самодержавной власти, близость идеи самодержавия к нормам повседневной народной жизни: «Народ представляет себе Государя отцом большого семейства русского народа, отцом России. Он рисует себе Его именно в образе отца и представляет себе как главу, который не подлежит контролю, так сказать, и

²⁴ Д.Х. [Хомяков Д.А.] Клик и Государственная дума. Тула, 1908. С. 22.

²⁵ Д.А. Хомяков — С.Д. Шереметеву, 30 октября 1907 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5082. Л. 6 об.

²⁶ Шарапов С.Ф. Самодержавие или конституция? (Первые шаги 3-й «Думы солидной бестолочи»). М., 1908. С. 22.

²⁷ Мой дневник // Свидетель. 1909. № 21. С. 63—65. Наиболее подробно Шарапов изложил свой план в брошюре «Самодержавие и самоуправление», изданной в 1899 г. в Берлине.

давлению со стороны детей: дети беспрекословно повинуются его воле»²⁸.

Как и для славянофилов, для правых идеальным способом установить прочную связь между царем и народом являлся созыв Земского собора. «Всем нам светлое будущее России рисуется в виде тройственного единства, во главе которого стоит Царь Самодержавный и неограниченный, под ним — Земский собор и преданное монархическо-русской идее правительство, а внизу — свободный самостоятельный и самоуправляющийся народ», — писал в 1910 г. Н.Д. Облеухов²⁹.

Представители думских правых утверждали, что вошли в Думу, дабы открыто защищать монархические идеалы, а не торговаться с врагами³⁰. Особенно доставалось от них кадетам, которых они объявляли единомышленниками террористов. Для Н.Д. Облеухова вся разница между кадетами и социалистами сводилась к тому, что «интеллигенты, орудующие среди рабочих, называют себя социал-демократами или социал-революционерами (псевдоним вооруженного браунингом или бомбой кадета)»³¹.

Объектом суровых обвинений оказывались и более умеренные политические силы — не только октябристы, но и националисты, а в IV Думе — еще и Центр. Впрочем, даже порицая умеренных консерваторов, правые публицисты признавали свою идейную близость к ним, объясняя политические расхождения разницей в политическом темпераменте³². К тому же правые не исключали возможности правоцентристских комбинаций с участием октябристов, создания «делового правого большинства». Такая стратегия дала бы возможность окончательно расколоть октябристов и привлечь на сторону консерваторов их правый фланг. По мысли Вязигина, между пра-

²⁸ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия вторая. СПб., 1909. Ч. 2. Стб. 461—462.

²⁹ Облеухов Н.Д. Правительство, Дума и монархизм // Прямой путь. 1910. 31 декабря. С. 423; См. также: Прямой путь. 1912. Май. С. 777.

³⁰ См., напр.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. 3. Стб. 3128.

³¹ Облеухов Н.Д. Рабочий вопрос // Прямой путь. 1909. 8 ноября. С. 18.

³² Л.Ч. В Таврическом дворце // Прямой путь. 1912. Вып. 3. С. 270—271. Н.Е. Марков указывал, что только националисты и правые правильно поняли Манифест 17 октября, и именовал на этом основании обе группы «истинными октябристами» (Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. 3. Стб. 1798).

выми, националистами, умеренно-правыми и правыми октябристами было гораздо меньше различий, чем между октябристским центром и левыми октябристами³³. Поэтому борьба *против* думского центра могла обернуться и борьбой *за* него.

Приведенные рассуждения свидетельствуют о том, что правые сумели овладеть парламентскими технологиями. Благодаря «обновленному строю» консерваторы получили возможность создавать политические организации и через представительные учреждения корректировать правительственный курс. Даже откровенно хамские выходки В.М. Пуришкевича и Е.Н. Маркова, нарушавшие нормальный ход работы в Думе, свидетельствовали скорее о специфическом варианте использования представительного учреждения, чем об отказе от него.

Однако, если вскоре после революции думские правые подчеркивали необходимость работать в существующих институтах, то накануне Первой мировой войны усилилось влияние сторонников реформирования представительных учреждений. Наряду с идеей изменить законодательство о выборах³⁴ большую популярность приобрела мысль о необходимости сузить полномочия Думы.

Весной 1913 г. в печать просочились сведения о совещании правых членов Государственной думы, Государственного совета и представителей Объединенного дворянства. Судя по опубликованной в прессе повестке дня заседания фракции правых от 3 марта 1913 г., речь на нем шла «1) о необходимости распустить IV Государственную Думу; 2) о необходимости изменить Положение о выборах в Государственную думу; 3) о необходимости корректива в способе решения вопросов в Государственной думе по большинству голосов»³⁵. Аналогичные настроения демонстрировали и некоторые представители высшей бюрократии³⁶.

Взгляды, близкие к тем, которые выражали политики-практики, пытались обосновать на более высоком теоретическом уровне Л.А. Тихомиров и П.Е. Казанский. Они исходили из того, что за-

³³ Вязигин А.С. «Гололобовский инцидент» (Страничка из истории политических партий в России). Харьков, 1909. С. 93.

³⁴ См., напр.: Прямой путь. 1909. 9 мая. С. 1—2; Юрский Г. [Замысловский Г.Г.] Правые в Третьей Государственной думе. Харьков, 1912. С. 14.

³⁵ Дым Отечества. 1913. № 10. С. 6—7.

³⁶ В дальнейшем эти планы были развиты министрами, симпатизировавшими правым, и был даже подготовлен проект императорского указа о роспуске Думы. См.: Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 309—312.

конодательная власть всегда должна оставаться в руках царя-самодержца. В этой ситуации представительные институты должны были выступать не в качестве инструментов выражения народной воли, но органов, обеспечивающих «присутствие» народа при императорской власти³⁷.

Поскольку Основные законы 1906 г. давали возможность различных трактовок принципов организации властного механизма, Тихомиров и Казанский считали, что внести изменения в законодательство сравнительно несложно. По мнению П.Е. Казанского, для этого достаточно было бы снять ограничения, которые налагала статья 87³⁸.

К более основательному пересмотру Основных законов призывал Л.А. Тихомиров. Наиболее радикальный вариант такого пересмотра он изложил в московском Русском монархическом собрании в октябре 1907 г. Он предлагал закрепить за Государственным советом, переименованным в Законодательный совет, приоритет в законотворческой деятельности. После рассмотрения законопроектов в Совете они поступали бы к императору³⁹. В таком случае Государственная дума, переименованная в Народную думу, стала бы, прежде всего, средством связи между монархом и населением. Она сохранила бы право законодательной инициативы и запросов к администрации, однако порядок ее формирования и работы надлежало основательно изменить. Депутаты должны были избираться от отдельных групп населения, а вместо длительных ежегодных сессий предлагалось проводить всего одну — раз в три года продолжительностью в три-четыре месяца⁴⁰. В чрезвычайных случаях мог созываться Земский собор, в состав которого вошли бы Законодательный совет, Народная дума, министры, носители высшей церковной власти, представители сословий и частные лица с особыми заслугами⁴¹.

С течением времени предложения Л.А. Тихомирова стали гораздо умереннее. В новом проекте он сделал упор не на перестройку системы представительства, а на уточнение полномочий верховной власти. В законодательство предстояло внести положение о том, что законодательная власть может осуществляться двумя путями:

³⁷ Тихомиров Л.А. Самодержавие и народное представительство. М., 1907. С. 6.

³⁸ Казанский П.Е. Власть Всероссийского императора: очерки действующего русского права. Одесса, 1913. С. 446.

³⁹ Тихомиров Л.А. Самодержавие и народное представительство. С. 11—12.

⁴⁰ Там же. С. 14—16.

⁴¹ Там же. С. 20.

обычным и чрезвычайным. Первый предполагал участие в законотворческой работе Государственной думы и Государственного совета, второй — принятие законов высочайшим повелением⁴².

Тихомировский вариант пересмотра Основных законов получил самую широкую известность. Его теоретическую основательность признавали даже те, кто по политическим соображениям считал небезопасным ставить вопрос о пересмотре Основных законов. К их числу принадлежал и П.А. Столыпин. Он отметил 9 июля 1911 г. «прекрасные теоретические рассуждения» Тихомирова, однако тут же указал, что они «на практике оказались бы злостной провокацией и началом новой революции»⁴³.

Консерваторы, о которых до сих пор шла речь, призывали либо к ликвидации, либо к радикальной реформе реально существовавшего представительства. Однако некоторых из них действовавшая система государственных институтов, в общем-то, устраивала. Главной ее особенностью они считали сочетание самодержавия с представительными учреждениями, причем последние рассматривались в качестве необходимого элемента государственного устройства. Наиболее четко эту идею выразил Л.В. Половцов: «...*строй* (курсив мой. — М.Л.) наш должен именоваться самодержавно-представительным»⁴⁴.

«Представительный образ правления должен быть незыблемым, — указывалось в официозном издании «Националисты в III Государственной думе». — Только законодательная власть представительных учреждений может оградить Россию от осужденных историей приемов бюрократического управления»⁴⁵.

Представительные учреждения воспринимались не только как важнейшие инструменты связи монарха с подданными, способные прорвать бюрократическое «средостение», но и как каналы выражения и согласования различных интересов. Представительные институты могли сыграть и роль своеобразного «предохранительного клапана». А.И. Савенко утверждал, что именно народное представительство позволило ввести классовую борьбу в мирные легальные рамки⁴⁶. Даже оппозиционные политические силы могли сыграть

⁴² Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России. М., 1912. С. 258.

⁴³ Новое время. 1911. 18 сентября; Московские ведомости. 1911. 20 сентября.

⁴⁴ Государственная дума: Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. 3. Стб. 2496.

⁴⁵ Националисты в III Государственной думе. СПб., 1912. С. 154—155.

⁴⁶ Государственная дума Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. 3. Стб. 1452.

позитивную роль. России нужна «настоящая оппозиция, патриотическая и закономерная, вроде той, которая имеется в британском парламенте», — полагал М.О. Меньшиков⁴⁷.

Сторонники такой модернизации российской политики основными своими союзниками считали октябристов⁴⁸. Сильный центр провозглашался стержнем правильно организованной партийно-политической системы: «Жизнь всегда держится равновесием, крайности же всегда маниакальны», — заметил накануне выборов в IV Думу М.О. Меньшиков⁴⁹. Его мечтой была «перестройка центральных партий и слияние их в одну могущественную — национально-русскую с современным культурным мирозерцанием»⁵⁰.

Благодаря этому правые вытеснялись бы на политическую периферию. «Очень вредными людьми» именовал правых А.И. Савенко подчеркивая необходимость «отмежевать» их от националистов⁵¹. Важнейшим мотивом разногласий между теми и другими оказывалось отношение к представительной системе. По словам Меньшикова, если правые и соглашались с ней, то скорее «за страх», а националисты — «за совесть»⁵².

Впрочем, даже разногласия по столь принципиальному вопросу не приводили к полному их разрыву. Правые признавали свое родство с более умеренными консерваторами, да и умеренные не были склонны от него отречься. «...Националисты — это только разновидность правых, только оттенок, националисты — те же правые, но только умеренные. И пока идет борьба у избирательных урн, все они правые. А в Таврическом дворце эти две родственные и близкие партии дифференцируются и рассядутся на скамьи правого крыла и центра», — объяснял осенью 1912 г. Савенко⁵³.

Правых и националистов роднили общие ценности и общие противники. К числу последних, прежде всего, относили кадетов, ко-

⁴⁷ Муштровка левых // Письма к ближним. 1908. № 2. С. 112.

⁴⁸ При этом левые октябристы как союзники не воспринимались из-за близости к кадетам (см., напр.: Наши младотурки // Письма к ближним. 1909. № 4. С. 265); обсуждалась и возможность такой политической перегруппировки, при которой часть октябристов уйдет к кадетам (см., напр.: Честь и место // Там же. 1912. № 6. С. 423).

⁴⁹ Кого выбирать в парламент? // Там же. 1912. № 8. С. 567.

⁵⁰ Честь и место // Там же. 1912. № 6. С. 423.

⁵¹ А.И. Савенко — Н.К. Савенко, 26 марта 1913 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 922. Л. 621; А.И. Савенко — Е.К. Решко, 4 декабря 1913 г. // Там же. Д. 928. Л. 1222.

⁵² Совет монархистам // Письма к ближним. 1909. № 9. С. 643—647.

⁵³ Киевлянин. 1912. 4 октября.

торых и те, и другие считали главными врагами. «...Самыми горячими противниками русского национализма... выступали кадеты, бросая все силы на борьбу с влиянием националистов в Государственной думе», — утверждалось в сборнике «Националисты в III Государственной думе»⁵⁴.

Так же как и в правых, в националистических кругах оказалась весьма популярной идея изменения избирательного закона и думского регламента. М.О.Меньшиков постоянно подчеркивал, что нынешний вариант законодательства о представительных органах нуждается в корректировке. Он советовал очистить Думу «от враждебных русским инородческих элементов, неделовых и преступных (каковы партии мятежа)...»⁵⁵, сократить продолжительность думских сессий, уменьшить число депутатов, снизить им плату и т.п.⁵⁶ Похожее соображение высказывал в письме к Столыпину И.П. Балашев, влиятельный придворный, единомышленник и родственник лидера националистов П.Н. Балашева⁵⁷.

Таким образом, идеи пересмотра Основных законов 1906 г. получили широкое распространение в среде российских консерваторов. Модернизации собственных политических ценностей они предпочли сохранение традиционных идейно-политических установок и такое истолкование политических реформ, которое бы им не противоречило. Основой государственности для них осталась самодержавная власть, которая априорно ставилась выше любого другого государственного института. Представительные учреждения в лучшем случае рассматривались в качестве полезного дополнения к системе власти, а не ее неотъемлемой части, без которой та не могла бы существовать. Накануне Первой мировой войны идеи народного суверенитета и представительного правления все еще оставались чуждыми российскому консерватизму, жившему дореформенными политическими реалиями.

⁵⁴ Националисты в III Государственной думе. С. 6.

⁵⁵ Ответ на выстрел // Письма к ближним. 1911. № 10. С. 774.

⁵⁶ См., напр.: Дума о Думе // Там же. 1912. № 6. С. 407—408. См. также: Пересмотр машины // Там же. 1908. № 7. С. 413—416.

⁵⁷ См.: Письмо Балашева к Столыпину // Красный архив. 1925. Т. 2(9). С. 291—295.

В.А. ДЁМИН

Государственная дума и местное самоуправление

Предлагаемая статья посвящена краткому изложению как соответствующей деятельности Думы, так и связанным с этим проблемам политической роли нижней законодательной палаты и ее отношений к правительству.

I и II Государственные думы, несмотря на относительно демократический состав, не имели реальной опоры в организованных общественных силах Российской империи. Это послужило одной из основных причин их неудачи в противостоянии с правительством.

При разработке положения о выборах 3 июня 1907 г. его автор товарищ министра внутренних дел С.Е. Крыжановский считал предпочтительным выборы членов палаты земствами¹. Правительство отклонило этот вариант, опасаясь слишком тесной связи Государственной думы с местным самоуправлением и затруднительности ее роспуска. Однако окончательный вариант положения о выборах 3 июня 1907 г. фактически привел к тому же.

Решающее влияние на выборы получили крупные и средние землевладельцы, руководившие земским самоуправлением. Всего в III Думу было избрано примерно 229 выборных должностных лиц самоуправления (предводителей дворянства, городских голов, председателей и членов земских и городских управ, земских и городских гласных) из 485 депутатов, входивших в состав палаты за все время ее существования (47 %). Однако их влияние намного превышало эту величину.

В маргинальных фракциях представители самоуправления почти отсутствовали. В социал-демократической фракции (14 депутатов), трудовой группе (11) и польском коло (13) их вовсе не было, среди беспартийных (1 из 23 или 4 %), мусульманской фракции (1 из 9 или 11 %), польско-литовско-белорусской группы (2 из 8 или 25%) они составляли незначительную часть. Во фракциях со средней влиятельностью участников местного самоуправления присутствовало около половины: в русской национальной фракции — 31 из 85 (36%), во фракции правых — 23 из 58 (40 %), в кадетской фракции — 27 из 59 (46 %), во фракции прогрессистов — 21 из 40 (52 %), в группе правых октябристов — 6 из 11 (55 %). В центральных фракциях, определявших результаты голосования, выборные представители самоуправления преобладали. Среди октябристов их было 103 из 137 (75 %), во фракции независимых националистов — 14 из 16 (88 %).

¹ Крыжановский С.Е. Воспоминания. СПб., 2009. С. 108.

В IV Думе доля выборных должностных лиц земского и городского самоуправления была еще значительнее. Их вовсе не было в российской социал-демократической рабочей и социал-демократической фракциях (по 6 депутатов) и в польском коло (8), небольшое число присутствовало в группах независимых (1 из 9 или 11 %), польско-литовско-белорусской (1 из 6 или 17 %) и трудовой (3 из 11 или 27 %). Около половины представителей самоуправления было во фракциях кадетской (25 из 49 или 42 %), правых (с группой независимых правых, 27 из 58 или 47 %), мусульманской и среди левых беспартийных (по 3 из 6 или 50 %). Около 3/5 местных выборных присутствовало во фракциях прогрессивной² (26 из 44 или 59 %), русской национальной (35 из 58 или 60 %) и националистов-прогрессистов (22 из 36 или 61%). Наконец, деятели самоуправления полностью преобладали среди правых беспартийных (15 из 19 или 79%), во фракциях центра (31 из 37 или 83 %) и земцев-октябристов (59 из 67 или 88 %), а также в группе Союза 17 октября (22 из 24 или 92 %)³.

В результате Дума оказалась тем «всероссийским земством», которого добивались земские деятели с 1860-х гг., что очень существенно изменило положение земского самоуправления в стране.

В верхней палате — Государственном совете также появились члены от губернских земских собраний (от 34 до 43⁴ или 17—22 % от его состава). Кроме этого, 18 членов (9 %) избиралось выборщиками от дворянских обществ. Подавляющее их большинство также являлось действующими или бывшими предводителями дворянства и председателями земских управ. Однако решения верхней палаты обычно определялись членами по назначению. Представители земств и примыкавшие к ним члены от дворянства уступали бюрократам в численности, уровне образования и времени пребывания в Совете и могли повести за собой большинство лишь в редких случаях⁵.

После проведения земской реформы 1864 г. государство ограничивало местное самоуправление. После 1870-х гг. оно на новые территории не распространялось. В 1882 г. было упразднено земство в Донской области. Земское положение 1890 г. значительно усилило административный контроль над самоуправлением. Не издавались законы о расширении его налоговой базы (кроме незначительного

² На октябрь 1916 года.

³ Приблизительные подсчеты выполнены автором на основе издания: Государственная дума Российской империи. Энциклопедия. М., 2006. Численность фракций указана на момент окончания работы соответствующего созыва с добавлением членов, выбывших из Думы досрочно.

⁴ В 1906—1913 — 34, в 1913—1915 — 41, с 1915 — 43.

⁵ См. подробн.: *Демин В.А.* Верхняя палата Российской империи. М., 2006. С. 70—85

увеличения дорожных капиталов в 1895 г.). Законом 12 июня 1900 г. был ограничен рост ставок земских сборов.

Указ 12 декабря 1904 г. объявлял о неотложности расширения прав и самостоятельности местного самоуправления, необходимости «призвать к деятельности в этих учреждениях, на однородных основаниях, представителей всех частей заинтересованного в местных делах населения» и создать мелкую земскую единицу⁶. Однако выполнять эти обещания правительство не спешило. Реформы 1905—1906 гг. практически не коснулись земства.

Единственным исключением стал чрезвычайный указ 5 октября 1906 г. об отмене ограничений крестьян в правах. Он, в частности, отменил назначение губернатором земских гласных от крестьян из кандидатов, избранных волостными сходами. Гласные стали избираться съездом этих кандидатов. Но эта реформа была проведена не в целях преобразования земства и из-за малой влиятельности крестьянских гласных не сильно повлияла на земское самоуправление.

Кроме этого, в 1906 г. правительство предполагало ввести (также в порядке ст. 87 Основных законов) земское самоуправление в Литве, Белоруссии и Правобережной Украине с относительно небольшой (по сравнению с чрезвычайным указом 1911 г.) дискриминацией поляков. Проект не был осуществлен из-за возражений влиятельных местных землевладельцев (из поляков), посчитавших, что после издания Манифеста 17 октября 1905 г. любые национальные ограничения являются чем-то «монструальным»⁷. После этого правительство решило отсрочить введение земства на окраинах до общей земской реформы, в свою очередь отложенной на неопределенный срок под давлением консерваторов в бюрократических и придворных сферах.

Правительство внесло в Думу проекты о волостном земстве и поселковом самоуправлении, однако не настаивало на их быстром принятии. Проекты расширения полномочий и самостоятельности самоуправления, а также демократизации избирательной системы даже не были внесены, несмотря на соответствующие положения указа 12 декабря 1904 г.

Третьеиюньская Государственная дума была не против ограниченной демократизации самоуправления и расширения его полномочий, однако из-за острых внутренних разногласий о степени таких преобразований не была готова проводить соответствующие об-

⁶ Законодательные акты переходного времени. 1904—1908 гг. М., 2010. С. 11.

⁷ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. 4. Стб. 733, 815—817.

щие реформы без инициативы правительства. В нее было внесено несколько соответствующих законодательных предположений депутатов (в том числе октябристов), однако их рассмотрение затягивалось и не было окончено. В отсутствие правительственной инициативы депутаты в этих вопросах ограничивались частными мерами. В частности, Дума стремилась снизить имущественный ценз.

Более решительно она добивалась повсеместного введения самоуправления, создания волостного земства, расширения полномочий самоуправления в отдельных частных вопросах (прежде всего применительно к народному образованию), а также улучшения финансирования (и налогового, и путем правительственных субсидий) земств и городов.

Почти по всем этим направлениям Думе удалось добиться определенных успехов. В 1911 г. по инициативе русских националистов и октябристов земское самоуправление было введено в 6 губерниях Белоруссии и Правобережной Украины. Небезынтересно, что в мае 1909 г. председатель Совета министров и министр внутренних дел П.А. Столыпин подписал объяснительную записку к одному из законопроектов, в которой указывалось: «В настоящее время совершенно выяснилась невозможность ожидать введения в западных губерниях Положения о земских учреждениях в близком будущем, т.к. вопрос этот должен быть по необходимости поставлен в связь с общей земской реформой в России»⁸. Однако под давлением Думы первый министр радикально поменял точку зрения.

В 1912 г. по инициативе фракций кадетов и прогрессистов земское самоуправление было введено в Оренбургской, Астраханской и Ставропольской губерниях (1913). Думе удалось добиться снижения вдвое имущественного ценза в западном земстве и не удалось применительно к юго-восточному.

По переписи 1897 г. в 34 земских губерниях проживало 66 млн человек, или 53 % от населения России (без Финляндии)⁹. На 1 января 1914 г. в 43 земских губерниях проживало 113 млн человек, или 65 % от населения России (без Финляндии)¹⁰.

Кроме этого, Государственная дума одобрила законопроекты о введении земского самоуправления в Донской области, Архангельс-

⁸ Государственная дума. Созыв третий. Сессия вторая. Приложения к стенографическим отчетам. СПб., 1909. Т. 3. Печатный материал № 555.

⁹ [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus1897_01.php

¹⁰ Статистический ежегодник России. 1913 год. СПб., 1914. Отдел I. С. 33—63.

кой губернии и Сибири. В 1912—1914 гг. они были отклонены Государственным советом по требованию правительства. Однако в последующем его позиция радикально изменилась. В 1916 г. декларации председателей Совета министров Б.В. Штюмерера и А.Ф. Трепова предусматривали введение земского самоуправления в Сибири и других окраинах. МВД разрабатывало соответствующие проекты.

В 1912 г. был одобрен разработанный Думой по инициативе донских депутатов закон о введении с 1913 г. в Новочеркасске городского самоуправления¹¹. В 1914 г. Государственный совет отклонил проект введения городского самоуправления в Польше из-за разногласий по вопросу допущения польского языка. Поляки добились законодательного признания его как официального¹², Дума и руководство правительства (председатель Совета министров И.Л. Горемыкин) их поддержали, Государственный совет при закулисной поддержке министра внутренних дел Н.А. Маклакова¹³ признал легализацию польского языка недопустимой. 17 марта 1915 г. было утверждено (в порядке ст. 87 Основных законов) положение Совета министров о введении в Польше городского самоуправления (с допущением польского языка) с начала 1916 г., не реализованное из-за неприяельского вторжения.

Не было выполнено принятое в 1908 г. пожелание Думы о восстановлении дворянских выборов в 9 западных губерниях¹⁴.

При рассмотрении проекта создания волостного земства Дума предложила подчинить его уездному земству (а не администрации), снизить имущественный и отменить половой цензы (предоставить избирательное право всем владельцам облагаемой налогами недвижимости), вместо единоличного волостного старшины с правами не столько главы самоуправления, сколько администратора (в том числе наложения на жителей волости без суда небольших штрафов) создать коллегиальную волостную управу без полицейских полномочий, расширить налоговые полномочия волостного земства и т.п.

¹¹ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. СПб., 1912. Ч. 1. Приложение. С. 354—355; Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия пятая. СПб., 1912. Ч. 2. Стб. 729; Ч. 3. Стб. 651—654, 1226—1227, 1349—1358; Ч. 4. Стб. 2470, 2544—2545, 3267, 3423, 3567, 3577, 4309; Государственная дума. Созыв третий. Сессия пятая. Приложение к стенографическим отчетам. СПб., 1912. Т. 2. Печатный материал № 221.

¹² Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. 3. Стб. 972

¹³ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 982.

¹⁴ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. СПб., 1912. Ч. 3. Приложение 2. С. 74

В 1914 г. проект был отклонен Государственным советом с молчаливого согласия правительства. В 1916—1917 гг. за создание волостного земства выступали как правительство, так и консервативные члены верхней палаты¹⁵, поэтому реформа была предпринята.

В деле расширения полномочий местного самоуправления Думе удалось добиться лишь ограниченных успехов. В 1912 г. палата (ее левооктябристское большинство по инициативе октябристов), несмотря на возражения правительства, добилась издания закона о праве местного самоуправления свободно открывать аптеки. Ранее для этого требовалось согласие местных аптекарей, дававшееся за высокую плату. В 1916 г. был издан разработанный на основе пожелания Думы закон о проверке мер и весов, который возлагал надзор за их правильностью на местное самоуправление. При рассмотрении проекта Дума добилась отклонения предложения Государственного совета о лишении земств права надзора¹⁶.

В 1916 г. был издан закон об устройстве и эксплуатации телефонных линий, при рассмотрении которого Дума значительно расширила соответствующие права местного самоуправления. В частности, они получили право проводить такие линии без разрешения МВД. Принудительный выкуп земских и городских телефонов в казну правительством допускался лишь в законодательном порядке (правительство и Государственный совет предлагали решение Совета министров)¹⁷.

В других случаях соответствующие предложения Думы были отклонены. В частности, из-за возражений правительства и Государственного совета ей не удалось добиться замещения должности председателя уездного училищного совета по выборам уездного земства, а также избрания большинства членов этих советов земским и городским самоуправлением и подчинения советам церковно-приход-

¹⁵ Новое время. 1916. 9 декабря; Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия 12. Пг., 1916. Стб. 828.

¹⁶ Государственная дума. Созыв третий. Сессия пятая. Ч. 1. Стб. 18; Ч. 4. Стб. 3108, 3367—3375, 4270—4271; Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия VIII. СПб., 1913. Стб. 757—804; Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия первая. Ч. 1. Стб. 1146; Сессия вторая. Ч. 5. Стб. 614—615, 854—855, 1367—1368; Сессия четвертая. Стб. 4732, 5649, 5745, 5801—5803, 5813—14. Государственный совет. Сессия XII. Стб. 1343—1351, 1362—1363, 1384—1385, 1795—1796.

¹⁷ Государственная дума. Созыв четвертый. Сессия вторая. Ч. 1. Стб. 56—66, 97—145, 169—182, 1362—1365, 1778—1779. Сессия четвертая. Стб. 3643, 3720, 4220, 4224—4226, 4326, 4355; Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия XII. Стб. 285—318, 783—858, 896—897, 903—904, 1268—1270, 1314.

ских школ. Также были отклонены предложения Думы предоставить земства и городам право вводить обязательное обучение, ограничить полномочия правительственных инспекторов надзором за земскими и городскими школами (вместо руководства ими), создать выборное большинство в губернских училищных советах и ввести выборы их председателей самими советами.

Дума не допускала ограничения прав местного самоуправления. В частности, в 1911 г. она фактически отклонила энергично поддержанный лично Столыпиным проект строительства канализации в Санкт-Петербурге правительством за счет городского самоуправления, явно затягивавшего это дело в угоду состоятельным домовладельцам, не желавшим нести соответствующие расходы. В сентябре 1916 г. в порядке ст. 87 было создано Главное управление государственного здравоохранения. Одной из причин отрицательного отношения Думы к этой реформе было опасение ограничения новым ведомством самостоятельности земского и городского самоуправления в соответствующих вопросах. За несколько дней до революции (23 февраля 1917 г.) соответствующий законопроект под угрозой отклонения Думой был взят обратно, что означало упразднение ведомства.

Значительными были успехи Думы в деле расширения финансовых полномочий самоуправления. В 1910 г. она при поддержке правительства добилась предоставления городам права вводить с утверждения 4 министров сборы с грузов, привозимых на их железнодорожные станции. При рассмотрении законопроекта о городских общественных банках (утвержден в 1912) Дума, несмотря на возражения правительства и Государственного совета, настояла на введении явочного порядка их открытия (вместо открытия с разрешения министров финансов и внутренних дел или только первого). Также были расширены права банков. Они, в частности, получили право открывать счета под залог недвижимости.

В 1912 г. по инициативе членов Думы (на основании октябристского проекта 1910 г.¹⁸) был принят закон о праве городского самоуправления вводить сборы с домовладельцев взамен натуральных повинностей на замощение тротуаров, пожарных ночных караулов и т.п.

На основе пожелания Думы был разработан законопроект о создании правительственной кассы земского и городского кредита и разрешении земельным банкам выдавать ссуды земствам и городам без ипотечного обеспечения, ставший законом в 1912 г. При его рассмотрении Дума добилась установления определенных условий выдачи ссуд (вместо предусмотренного правительственным проектом решения 2 министров в каждом отдельном случае), а также пра-

¹⁸ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. Ч. 1. С. 354—355.

ва частных земельных банков выдавать ссуды земствам (правительство и соединенные комиссии Государственного совета предлагали ограничить это право лишь городами)¹⁹.

По инициативе Думы в 1912 г. был издан закон об улучшении земских и городских финансов. Он предусматривал сокращение некоторых обязательных расходов земств (на содержание полиции, квартирное довольствие войск, перевозку арестантов и т.п.).

III Дума добилась значительного увеличения расходов центрального правительства на начальное образование, которое ранее развивалось главным образом за счет земств. В 1912 г. расходы казны на начальное образование составляли 48 млн руб. (основная их часть тратилась на пособия и льготные ссуды земствам) вместо 10 млн в 1907 году²⁰. Из этого прироста 12 млн руб. было включено в бюджет на основании поправок Думы (выделение еще 5 млн было отклонено Государственным советом), а остальные — в результате ее пожеланий.

Дума отклонила правительственные проекты возложения на средства Москвы, Томска и Кустаная расходов на усиление полиции, а также добилась снятия с некоторых городов обязательных расходов²¹.

В ряде финансовых вопросов Думе не удалось добиться результата. В частности, в 1910 г. она признала желательным обложение городскими сборами недвижимых имуществ государства. МВД согласилось разработать соответствующий проект, но до окончания работы III Думы этого не сделало. Не было выполнено пожелание Думы о правительственном субсидировании работы земств по здравоохранению, ветеринарии и дорожного дела²².

Тем не менее бюджет самоуправления рос значительно быстрее государственного. По подсчетам кадетского специалиста по финансам А.И. Шингарева, государственная роспись в 1908—1912 гг. возрастала в среднем на 3,5 % в год, бюджеты земств в 1906—1910 гг. росли на 8, бюджеты городов — не менее чем на 9 % в год²³.

¹⁹ Государственная дума. Созыв третий. Сессия пятая. Ч. 2. Стб. 1896; Ч. 3. Стб. 2, 107, 506—556, 1059—1095, 1843—1844, 2550—2551, 2680; Ч. 4. Стб. 1886, 1906, 2565, 2575—2578, 3971, 4062, 4320. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия VII. СПб., 1912. Стб. 2888—2889, 3996—4034, 4043—4135, 5433.

²⁰ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. Ч. 3. Приложения. С. 282—283.

²¹ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. Ч. 2. С. 123.

²² Там же. С. 75.

²³ Шингарев А. Государственная роспись 1912 года // Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год. СПб., 1912. С. 155, 158.

Таким образом, Государственная дума добилась радикального изменения государственной политики в отношении самоуправления. До создания Думы она была направлена на его ограничение, после создания оно распространялось на новые территории, получало дополнительные полномочия, улучшалась его финансовая основа. Целый ряд важных мер в пользу местного самоуправления ко времени революции 1917 г. был предпринят.

С другой стороны, соответствующие требования Думы выполнялись лишь частично. Как показал Ф.А. Гайда, высшая бюрократия Российской империи признавала необходимость Государственной думы. В то же время общественные организации (к числу которых относились и земства) «не имели в глазах правящей бюрократии даже доли того значения, которое придавалось Государственной думе. Их деятельность обычно служила поводом для разочарования, горькой иронии или «охранительного» настроения»²⁴.

Особенно это проявлялось в административной практике. Многие губернаторы пытались контролировать целесообразность решений местного самоуправления, активно пользовались своими правами не утверждать земских и городских должностных лиц и служащих, злоупотребляли правом издавать обязательные постановления и т.п. Все это не приводило к подчинению самоуправления администрации, однако вело не только к постоянным конфликтам коронных властей с земствами, но и усилению оппозиционных настроений в Государственной думе.

Между тем правительство Российской империи, несмотря на свое желание наладить взаимодействие с Думой, было готово считаться с общественным мнением лишь в очень ограниченных пределах и, в частности, не собиралось идти на радикальные уступки земствам из-за их связи с Думой. Это послужило одной из основных причин перехода ее большинства в годы Первой мировой войны на радикально-оппозиционные позиции.

²⁴ Гайда Ф.А. Русские либералы в восприятии правящей бюрократии в период кризиса третьеиюньской системы // Отечественная история. 2007. № 4. С. 54.

А.А. ДОРСКАЯ

**Деятельность комиссии по вероисповедным вопросам
Государственной думы III созыва (1907—1912)**

В истории правового регулирования свободы совести в дореволюционной России особая роль принадлежит нижней палате российского парламента — Государственной думе. Это связано с тем, что, во-первых, именно думцам предстояло разработать нормативно-правовую базу для реализации известного указа Правительствующему Сенату «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., с которого, собственно, можно говорить о становлении в России такого важного гражданского и политического права как свобода совести. Во-вторых, Постановление Временного правительства о свободе совести от 14 июля 1917 года содержало практически все основные пункты законопредложения фракции кадетов еще в I Государственной думе, а также последующие разработки, с отличием только в том, что о вневероисповедном состоянии говорилось открыто. Таким образом, можно считать, что в итоге в России, правда, на совсем короткий срок, победила думская концепция свободы совести.

Наиболее близки к законодательному закреплению свободы совести в России были депутаты III Государственной думы, которая начала работу 1 ноября 1907 г. Уже через пять дней правительство П.А. Столыпина внесло семь законопроектов о свободе совести, разработанных еще после роспуска Государственной думы I созыва¹. Первый законопроект был посвящен переходу из одного вероисповедания в другое и отмене статей, запрещающих этот переход. Законопроект «Об отношении государства к отдельным исповеданиям» содержал сохранение за православием всех привилегий, но несколько смягчал участь иноверцев и инославных, разрешал проповедование своего учения всем вероисповеданиям, не запрещенным законом. Третий законопроект «Об обеспечении последователям всех вероисповеданий свободы богослужения и отправления религиозных обрядов, сооружения и постройки молитвенных зданий» детально регламентировал указанные в названии вопросы. В законопроекте «Об инославных и иноверных религиозных обществах» разрабатывался порядок образования и условия деятельности обществ, преследующих религиозные цели, в том числе и новых вероисповеда-

¹ Государственная дума. III созыв. Сессия I. 1907—1908 гг. Законопроекты, внесенные Министерством внутренних дел. СПб., 1908. № 15—26.

ний и сект. Согласно пятому законопроекту «О семейственных правах», разрешались браки христиан с нехристианами, отменялись подписки о вере детей, рожденных в смешанных браках. Шестой законопроект отменял гражданские и политические ограничения, вытекающие из принадлежности к какому-либо вероисповеданию, и провозглашал принцип невмешательства гражданской власти в духовные отношения. Последний, седьмой, законопроект «О римско-католических монастырях» отменял запрет на прием новиков в монастыри.

22 ноября 1907 г. фракция октябристов за подписью 31 депутата подала заявление об избрании комиссий по вероисповедным и церковным вопросам (по 33 человека в каждой). Вопросы о старообрядцах было предложено рассмотреть во второй комиссии². В результате при 183 голосах против 155 при 24 воздержавшихся (представители польской и еврейской групп и мусульманской фракции) было решено создать отдельную комиссию по делам старообрядцев³.

Итак, механизм был создан: теперь законопроектами, связанными с вопросом о свободе совести, должны были заниматься три комиссии. Депутат Думы Л.Н. Нисселович так определял значение их работы: «Состав думских комиссий, в общем, построен на пропорциональном принципе, т.е. в каждую комиссию входит от каждой фракции количество членов, соответствующее численности каждой фракции. В виду этого оппозиция (польское коло и поляки северо-западного края, мирнообновленцы, прогрессисты, мусульманская фракция, кадеты, трудовая группа, социал-демократы), насчитывающая в своих рядах приблизительно 1/3 всего состава Думы, составляет в каждой комиссии не менее 1/3 общего числа членов. Поэтому решения, принятые при предварительном обсуждении законопроектов в комиссиях, по общему правилу проходят без изменений и в общих собраниях Думы, так что, строго говоря, все вопросы решаются не в общих собраниях Думы, а в ее комиссиях»⁴.

Работа комиссии по вероисповедным вопросам имела большое значение, так как должна была изменить правовой статус иноверцев и инославных в России, численность которых даже по официальным данным составляла не менее 30 % российского населения⁵. Если учесть, что вероисповедный вопрос тесно переплетался с нацио-

² Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. I. Стб. 587—589.

³ Там же. Стб. 744.

⁴ *Нисселович Л.Н.* Еврейский вопрос в III Государственной думе. Отчет члена Государственной думы. СПб., 1908. С. 21.

⁵ *Рубакин Н.А.* Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы (На основании официальных и научных исследований). СПб., 1912. С. 76.

нальным, становится понятно, что от его решения во многом зависела дальнейшая судьба Российской империи⁶.

В результате выборов в комиссию по вероисповедным вопросам вошло 13 октябристов, 5 правых, 8 умеренно-правых, 4 кадет, 1 народный демократ, 2 представителя польско-литовско-белорусской группы, 1 — мусульманской фракции, 1 — прогрессист⁷.

Вероисповедная комиссия отличалась от других двух комиссий, занимающихся вопросами свободы совести, конфессиональной принадлежностью своих членов. Тогда как в комиссии по делам Православной церкви участвовали только православные, в комиссии по старообрядческим вопросам было 3 старообрядца, 12 православных, в комиссию по вероисповедным вопросам первоначально было избрано 35 человек, из них: 21 православный, причем 8 имели духовный сан, 1 старообрядец, 4 католика, 2 иудея, 2 мусульманина, 3 евангелических лютеранина, 1 евангелист и 1 меннонит⁸.

Председателем вероисповедной комиссии сначала был избран Евлогий, епископ Холмский. Но представители мусульманской фракции подали протест, что комиссию по делам неправославных исповеданий возглавляет православное лицо, имеющее духовный сан. Вопрос вызвал дискуссию, и 17 мая 1908 г. Евлогий отказался от этой должности. Хотя сам епископ несколько иначе описывал эти события: «Как-то раз я погорячился (на меня напали евреи) и оказался в меньшинстве. Провалился я всего одним голосом по беспечности одного священника, который во время голосования загляделся на какое-то расписание в коридоре. Я счел провал за недоверие — и из председателей ушел. Меня сменил Каменский (октябрист, с уклоном к теософии и вообще оккультизму)»⁹. Современные исследователи дают несколько другое объяснение ухода Евлогия. Так, А.А. Сафонов считает, что «отказ епископа Евлогия от руководства вероисповедной комиссией был связан с противоречивым отноше-

⁶ Шингарева Н.В. Роль МВД Российской империи в разработке законопроектов по вопросам веротерпимости и свободы совести в начале XX века // Традиции и инновации в постижении истории государства и права / Под ред. Н.В. Михайловой. М., 2009. С. 816.

⁷ Подсчеты произведены по изданию: *Боиович М.М.* Члены Государственной думы (портреты и биографии). III созыв. 1907—1912 гг. М., 1908.

⁸ Подсчеты произведены по сведениям о вероисповедной принадлежности членов комиссии, данным депутатами на первом заседании комиссии: РГИА. Ф. 1278. (III созыв). Оп. 2. Д. 3582. ЛЛ. 20—20 об.

⁹ *Евлогий, митрополит.* Путь моей жизни. Воспоминания, изложенные Т. Мухиной. Париж, 1947. С. 191.

нием православного духовенства к думскому законотворчеству в вероисповедных вопросах»¹⁰.

В первую сессию комиссия сосредоточилась, главным образом, на обсуждении министерского законопроекта «Об отношении государства к отдельным исповеданиям». Доклад по этому вопросу комиссия поручила А.Н. Ткачеву, юристу, землевладельцу Великолуцкого уезда Псковской губернии. Его выводы были следующими:

1) необходимо признать полное отделение от государства и его опеки всех «иноверных» церквей и сект. Отметим, что это противоречило министерскому законопроекту, содержащему положение, что провозглашение свободы совести не знаменует вовсе отделения церкви от государства;

2) нужно возратить министру внутренних дел законопроект и просить его выработать новый на основе указанного в пункте 1 отделения;

3) каждое лицо или общество должно пользоваться правом свободно исповедовать или отрицать веру и исповедание по убеждению своей совести, не давая никому отчета в своей вере или безверии;

4) не должно быть никаких преимуществ или ограничений для иноверных обществ;

5) каждому лицу или обществу должно быть предоставлено:

- право определять свои понятия о Боге и отношение к нему,
- право совершать в особом общественном здании, ограде или частном жилище молитвы, богослужения, обряды, жертвоприношения, таинства и призывать колокольным звоном или иным способом единоверцев к общему богослужению,
- право свободно и независимо избирать своих священнослужителей или наставников, сообщая их имена местной полиции,
- право устраивать на основании общих законов молитвенные здания и ограды, предназначенные для религиозных целей или погребения мертвых, а также благотворительные и просветительные учреждения,
- право пользоваться всеми гражданскими правами;

6) установить уголовную ответственность за проповедь, совершение богослужений вне зданий или ограды, за тайные собрания, поучения, богослужения и жертвы, за соращение в свою веру иноверцев путем уговоров, обещания выгод, угрозами, нравственным или телесным принуждением¹¹.

¹⁰ Сафонов А.А. Свобода совести и модернизация вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX века. Тамбов, 2007. С. 290.

¹¹ Журналы комиссии по вероисповедным вопросам // РГИА. Ф. 1278 (III созыв). Оп. 2. Д. 3582. ЛЛ. 32 об.—33.

Доклад вызвал в комиссии бурное обсуждение, прежде всего по вопросу о допущении свободной проповеди представителям всех вероучений. Голоса членов комиссии разделились практически поровну, поэтому решения были приняты противоречивые. С одной стороны, большинством в 22 голоса против 5 комиссия признала допустимость свободного распространения всеми исповеданиями своего вероучения среди инославных и иноверных, а также большинством 14 против 13 — среди православных, и поэтому постановила отменить статью 77 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, запрещающую «всякое отвлечение не только от православной, но и от других терпимых вер», и статью 90 Уголовного уложения, карающую публичную проповедь с целью совращения православных. Но с другой стороны, большинством в 15 голосов, в том числе и председателя комиссии, против 15 голосов за сохранение статьи 70 Устава о предупреждении и пресечении преступлений и статьи 4 Устава иностранных исповеданий, причем 15 при 15 воздержавшихся выступили за изложение последней статьи в смысле запрещения инославным и иноверцам проповеди своих вероучений среди православных¹².

По вопросам, не затрагивающим преимущественного положения православной церкви, таких разногласий не возникало. Например, комиссия единогласно высказалась за необходимость «ограждения ... религии ... от поругания и за оставление в силе уголовной наказуемости такового», хотя и признала желательным понизить наказание за этого рода преступления¹³. При этом незначительным большинством голосов комиссия приняла начало преимущественной уголовной охраны православия.

Единым было и мнение членов комиссии по вопросу «об ограждении свободы совести от насилия», а также по признанию принадлежности к изуверным учениям за преступление.

В связи с тем, что по многим вопросам в вероисповедной комиссии не было заметного большинства, было решено выставить два докладчика на общем собрании Думы, а именно — епископа Евлогия и В.А. Караулова. Первый должен был отстаивать принцип господства православия. Второй был известен своими либеральными взглядами, в 1883 г. он был осужден как государственный преступник, лишен всех прав состояния и отправлен на каторгу¹⁴. Но доклады так и не состоялись.

¹² Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. III созыв. Сессия I. 1907—1908 гг. СПб., 1908. С. 64—65.

¹³ Там же. С. 65.

¹⁴ Прямой путь. 1909. № 5.

Во II сессию комиссия по вероисповедным вопросам остановилась, главным образом, на разработке предложений по законопроекту «О переходе из одного вероисповедания в другое». Главные положения в редакции комиссии сводились к тому, что 1) каждому лицу, достигшему 21 года, предоставлялось право переходить в любое вероисповедание, не запрещенное законом; 2) несовершеннолетним, достигшим брачного возраста, подобное право предоставлялось только с разрешения обоих родителей, опекунов, попечителей или усыновителей, если был один из них — то одного; 3) дети до 14 лет при переходе родителей или одного из них, оставшегося в живых, в другое вероисповедание или вероучение следовали вере родителей или родителя; 4) переход в другое исповедание рассматривался через 41 день со дня подачи заявления, но срок мог быть отменен в случае тяжелой болезни переходящего¹⁵. Основное отличие законопроекта в редакции комиссии от министерского состояло в том, что комиссия допустила регистрацию переходов из христианских в нехристианские исповедания, правда, отказавшись узаконить вневероисповедное состояние¹⁶.

22 мая 1909 г. с докладом комиссии по вероисповедным вопросам по законопроекту «О переходе из одного вероисповедания в другое» выступил П.В. Каменский. Он показал, что «редакция комиссии несколько расширяет указ 17 апреля 1905 г.», но при этом дал оценку и министерского законопроекта, который «суживал указ 17 апреля и суживал в большей степени, чем комиссия его расширяет»¹⁷.

Обсуждение доклада было настолько бурным, что продолжалось до 1 июня. Депутат Думы протоиерей Федор Никонович так описывал атмосферу, царившую в это время в Думе: «Тяжелые дни... Заседание носит характер какой-то особенный — хотелось бы сказать — зловещей торжественности. В Думе налицо почти все министры, обер-прокурор Св. Синода, его товарищ и другие. Хоры до тесноты переполнены самой разнообразной публикой, там неизменно во

¹⁵ Никаноров И. Церковные и вероисповедные вопросы в III Государственной думе. СПб., 1912. С. 41.

¹⁶ Доклад комиссии по вероисповедным вопросам в общем собрании Государственной думы III созыва (сессия 2) // Вопросы: приходский, старообрядческий, вероисповедный. Речи и доклады в III Государственной думе. Сессия II. 1908—1909 гг. СПб., 1910. С. 89—91.

¹⁷ Вопросы: приходский, старообрядческий, вероисповедный. Речи и доклады в III Государственной думе. Сессия II. 1908—1909 гг. СПб., 1910. С. 89—90.

все дни присутствуют видные представители старообрядческого мира — Мельников, Смирнов, барон Корф и другие»¹⁸.

Причем Дума работала даже в воскресенье. Современники давали этому разные объяснения. Правые увидели в этом явное издевательство над православием, подметив, что законопроект был выдвинут октябристами и левыми с величайшей поспешностью, как раз в то время, когда православная Русь собиралась торжественно чествовать открытие мощей святой Анны Кашинской. Другие просто объясняли это стремлением решить вопрос до наступления каникул.

Но, видимо, депутаты почувствовали, что времени у них осталось совсем мало. Дело в том, что практически параллельно с внесением в III Государственную думу по императорскому указу законопроекты Министерства внутренних дел были направлены из Совета министров к обер-прокурору Святейшего Синода. 15—21 декабря 1907 г. Синод обсудил их. Главное требование членов Синода заключалось в том, чтобы «все существующие ... преимущества православной церкви были неизменно сохранены за ней и впредь, и чтобы право свободного распространения своего учения принадлежало только одной православной вере, а всем остальным исповеданиям было дозволено принимать в свои недра лишь лиц, по собственному побуждению к ним приходящих»¹⁹. В этом ключе Синод рассмотрел все законопроекты.

Председатель Совета министров П.А. Столыпин подробно изучил определения Синода, но переделывать законопроекты не торопился. Однако в апреле 1909 г. разразился «министерский» кризис. Правые члены Государственного совета обвинили премьера в том, что его кабинет и Дума явочным порядком присваивают себе особые prerogatives императора. По оценке А.Я. Авреха, последствия этого кризиса были очень значительны. Столыпин остался у власти ценой публичного отречения от курса «реформ» и «отмежевания от октябристов». 19 апреля состоялось учредительное собрание партии умеренно-правых, выделившейся из партии октябристов и поставившей своей целью слияние с фракцией и партией националистов. В соответствии с этим в Думе взамен октябристского стал готовиться новый «центр» — умеренно-правые и националисты. Это означало перенесение центра тяжести с реформ на политику воинствующего национализма²⁰. Подобной точки зрения придерживался

¹⁸ [Никонович Ф., протоиерей] Из дневника члена Государственной думы от Витебской губернии. Витебск, 1912. С. 132—133.

¹⁹ Церковные ведомости. 1908. № 1.

²⁰ Аврех А.Я. Столыпин и III Дума. М., 1968. С. 16.

и В.С. Дякин, считавший, что в 1909 г. столыпинский реформаторский курс «потерпел урон»²¹.

Для спасения своего главного детища — аграрной реформы — П.А. Столыпин должен был пойти на уступки националистам. В конце II сессии (как раз тогда, когда обсуждался законопроект «О переходе из одного вероисповедания в другое») он решился забрать из Государственной думы два законопроекта: «Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям» и «О вызываемых провозглашенной Высочайшим манифестом 17 октября 1905 г. свободой совести изменениях в области семейных прав». Направление переработки данных законопроектов П.А. Столыпин определил в письме к обер-прокурору Святейшего Синода С.М. Лукьянову: «Я пришел к убеждению, что большинство замечаний Синода без сомнения должны повлечь за собой исправление министерских законопроектов»²². Синодальные круги, правые были удовлетворены.

Итак, депутаты понимали, что они обязаны рассмотреть законопроект «О переходе из одного вероисповедания в другое». Обсуждение было очень динамичным. Только в первый день выступило, кроме Каменского, 14 ораторов²³.

Прежде всего, взял слово председатель Совета министров П.А. Столыпин. Его обращение к депутатам состояло в следующем: «...народ не уразумеет закона, закона чисто вывесочного характера, который провозгласит, что православие, христианство уравнивается с язычеством, еврейством, магометанством... Наша задача состоит не в том, чтобы приспособить православие к отвлеченной теории свободы совести, а в том, чтобы зажечь светоч вероисповедной свободы совести в пределах нашего русского православного государства. Не отягощайте же, господа, наш законопроект чуждым, непонятным народу привеском. Помните, что вероисповедный закон будет действовать в Русском государстве, и что утверждать его будет Русский Царь, который для слишком 100 миллионов людей был, есть и будет Царь Православный»²⁴. Но, видимо, речь П.А. Столыпина мало повлияла на депутатов. Уже в первый день стало ясно, что редакцию комиссии будут поддерживать октябристы, кадеты, прогрессисты, мусульманская группа, социал-демократы. Даже некоторые право-

²¹ Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. Л., 1988. С. 5.

²² РГИА. Ф.821. Оп. 10. Д. 39. ЛЛ. 346—346 об.

²³ Государственная дума. III созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. СПб., 1909. Ч. IV. Стб. 1753—1846.

²⁴ Вопросы: приходский, старообрядческий, вероисповедный. Речи и доклады в III Государственной думе. Сессия II. 1908—1909 гг. СПб., 1910. С. 102.

славные священники встали на защиту поправок комиссии. Так, отец А.Д. Юрашкевич заявил с думской трибуны, что «Православная церковь от этого ... закона ... много выиграет; пожалуй, она станет даже крепче», правда, потом попытался доказать, что больше выиграют все же «иноверцы»²⁵.

Впрочем, не все православные священники думали так же. Большинство из них принадлежали к правым, отвергавшим законопроект. Священник Савва Богданович так охарактеризовал главную идею вероисповедных проектов: «Кувыркайтесь, российские люди, из веры в веру или безверие и обратно, — мы, гражданская власть, вас на это благословляем и узаконяем»²⁶. Резко выступал против законопроекта и епископ Евлогий, ставший 23 мая вообще «героем дня». Между ним и В.А. Карауловым возникла полемика, и епископ Евлогий упрекнул оппонента в «возмутительном фарисействе, лицемерии и издевательстве над правдой». За это председательствующий барон А.Ф. Мейендорф призвал епископа к порядку. «После этого начался скандал, — записал в своем дневнике депутат Думы о. Федор Никонovich, — было опасение, как бы дело не дошло до рукопашной схватки. Такого шума, кажется, еще не было ни в одном из заседаний III Думы. При этом некоторые священники из правых пришли в такое негодование, что в выражении протеста не уступали наиболее горячим светским членам Думы»²⁷.

24 мая решено было ограничить дискуссию по законопроекту пятью ораторами «за» и пятью «против».

Чувствуя слабость своего положения, правые попробовали изменить тактику. От имени нескольких депутатов они внесли предложение отложить рассмотрение законопроекта до осени, ссылаясь на немногочисленность депутатов. Но 185 голосами против 152 это предложение было отклонено²⁸.

26 мая началось постатейное обсуждение законопроекта. Лидер правых А.С. Вязигин заявил, что правые участвовать в этом не будут, т.к. «никакими поправками из дурного дела хорошего не получить»²⁹, и они покинули зал заседания.

1 июня 1909 г. законопроект «О переходе из одного вероиспове-

²⁵ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. IV. Стб. 1837.

²⁶ *Богданович С.* Сельский священник в Государственной думе. Сборник статей. СПб., 1911. С. 23.

²⁷ *[Никонovich Ф., протоиерей]* Из дневника члена Государственной думы от Витебской губернии. С. 133.

²⁸ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. IV. Стб. 2081.

²⁹ *Юрский Г.* Правые в III Государственной думе. Харьков, 1912. С. 48.

дания в другое» был принят в редакции комиссии по вероисповедным вопросам с небольшими изменениями.

Теперь все с нетерпением ждали реакции на законопроекты Государственного совета.

Нужно отметить, что правые считали, что имеют в Государственном совете большинство. Например, уже летом 1909 г. они писали о законопроекте «О переходе из одного вероисповедания в другое»: «Дальше законопроект этот поступит осенью 1909 г. в Государственный совет, который — это можно сказать с уверенностью — не одобрит законопроект в том виде, в каком он вышел из Государственной думы... У Государственного совета открывается два пути: I ..., который мы бы горячо приветствовали — не принять законопроект, ибо, по закону, законопроекты, не принятые Государственной Думой или Государственным Советом — признаются отклоненными и вопрос, следовательно, исчерпанным. II..., он может признать, что, хотя законопроект, в том виде, в каком он вышел из Думы, неприемлем; но в основе, в принципе он хорош, а все недостатки могут быть устранены различными поправками, изменениями и дополнениями ... согласительной комиссией»³⁰.

В результате события стали развиваться по второму варианту. В целом, ожидания правых не оправдались. Хотя, с одной стороны, комиссия Государственного совета выступила против «принятия всех тех предначертаний, которые не согласуются с установленным Основными законами господствующим положением Православной церкви»³¹, но, с другой стороны, не отклонила законопроект. В отношении законопроекта «О переходе из одного вероисповедания в другое» комиссия сделала следующие замечания: Совет отверг возможность перехода христиан в нехристианство; разрешил несовершеннолетним, достигшим 14 лет, родители которых принадлежали к нехристианским вероучениям, переходить в христианство и до 21 года; по предложению Государственного совета, Святейший Синод мог допускать переход в православие малолетних детей нехристиан без согласия их родителей; Совет считал, что при перемене веры одним из супругов их дети до 21 года должны оставаться в прежней вере³².

³⁰ Не посягайте на православие! Обсуждение в Государственной думе III созыва законопроекта «О переходе из одного вероисповедания в другое». Вильно, 1909. С. 92.

³¹ Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за сессию 1909—1910 гг. СПб., 1910. С. 12.

³² Государственный совет. Сессия VI. Особая комиссия для обсуждения внесенных из Государственной думы законопроекта «О переходе из одного вероисповедания в другое» // Государственная дума. Созыв III.

Далее данный законопроект рассматривался в согласительной комиссии, в которую входило семь членов Государственного совета и семь депутатов Государственной думы. Причем если 2/3 думцев были заинтересованы в том, чтобы отстоять думскую редакцию законопроекта (председатель комиссии по вероисповедным вопросам октябрист П.В. Каменский, известный юрист кадет В.А. Маклаков, прогрессист А.А. Попов 2-й, кадет барон А.Ф. Мейендорф, октябрист Д.А. Леонов), то члены Государственного совета (П.М. фон Кауфман, П.Н. Дурново, П.П. Кобылинский, С.М. Лукьянов, А.П. Никольский, М.А. Стахович и Н.С. Таганцев), в основном, имели одинаковую позицию: необходимо максимально «смягчить» думский вариант. Победила вторая точка зрения.

В результате после переработки в согласительной комиссии законопроект снова поступил в Думу. Но повторное обсуждение не состоялось в связи с окончанием срока полномочий III Государственной думы.

Работа специальной комиссии Государственного совета, а затем согласительной комиссии заняла достаточно большой промежуток времени: 1909—1910 гг. Все это отразилось и на том, что делали комиссии Государственной думы. Фактически члены комиссий выжидали, они хотели знать судьбу уже разработанных ими и принятых Думой законопроектов, поэтому III, IV и V сессии комиссии занимались либо второстепенными, конкретными вопросами, либо останавливались на предварительной разработке других законопроектов. Ни по одному из них доклад в Государственной думе не был прослушан. Как писал в 1912 г. октябрист А.В. Еропкин, «... для III Думы стало очевидным, что в этой области законодательства о свободе совести в мировоззрении обеих палат лежит такая огромная разница, которую не устранишь никакими согласительными комиссиями. Стало ясно, что дальнейшая работа здесь бесплодна. Вот посему III Дума прекратила рассмотрение дальнейших законопроектов о свободе совести, поступивших из комиссий и внесенных правительством»³³.

Таким образом, деятельность комиссии по вероисповедным вопросам III Государственной думы имела большое значение, так как затрагивала такие важнейшие государственно-конфессиональные проблемы, как отношение Российского государства к отдельным веро-

Сессия 5. 1911—1912 гг. Материалы согласительных комиссий и Государственного совета по возвращенным в Государственную думу для нового рассмотрения законопроектов. СПб., 1912. Т. I. С. 35—37.

³³ *Еропкин А.* Что делала и что сделала III Государственная дума (ответ кадетам). СПб., 1912. С. 67—68.

исповеданиям и переход от одного вероисповедания в другое. Однако именно на этот период (1907—1912 гг.) пришлось смена правительственной парадигмы в решении вопроса о свободе совести. В условиях нарастающих националистических настроений кабинет П.А. Столыпина переориентировался на правых и националистов и сошел с курса постепенного введения гражданских свобод. Однако в 1917 г. Временное правительство использовало думские разработки, которые отразились в Постановлении о свободе совести от 14 июля 1917 г.

А.В. ПЫЖИКОВ

Старообрядческий вопрос в III Государственной думе

Одним из наиболее значимых дел третьей Государственной думы — на чем стоит отдельно остановиться — стало рассмотрение законопроекта о старообрядческих общинах; соответствующее положение о них действовало с осени 1906 года и было введено прямым указом императора (по 87-й статье). Принимаемый закон позволял претворить в жизнь знаменитый Манифест о веротерпимости от 17 апреля 1905 года, провозгласивший новый религиозный курс. Без преувеличения можно сказать, что этого думского решения с большой заинтересованностью ожидало все общество; самые разные его слои связывали с ним свои надежды. И особенно актуальным оно было для московского купечества — в большинстве своем выходцев из раскола. После провозглашения Указа о веротерпимости 1905 года оно настойчиво выступало за законодательное оформление религиозного равноправия, видя в этом воплощение чаяний поколений староверов. Думские обсуждения данного вопроса по своему накалу были соизмеримы с дискуссиями по аграрной проблематике. Однако в литературе они представлены крайне слабо, что никак не соответствует их значимости¹. Кроме того, именно эта тема пугала к переформатированию всего думского расклада: тогда православно-октябристское большинство впервые продемонстрировало серьезные разногласия при рассмотрении вопроса подобного уровня².

Накал страстей ощущался уже при учреждении комиссии по законопроекту о старообрядческих общинах, внесенному в палату правительством. Ряд депутатов, в том числе епископ Митрофан, В.М. Пуришкевич и др., предлагали просто передать законопроект в общую вероисповедную комиссию Думы и не образовывать для этого специальную структуру. Предложение вызвало волну возмущения

¹ В современной литературе наиболее полно рассмотрение законопроекта о старообрядческих общинах в Государственной думе содержится в монографиях С. Фирсова и В. Рожкова. См.: *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). СПб., 2002; *Рожков В., прот.* Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004.

² Справедливости ради нужно отметить, что правоокебристское единство давало сбой при голосовании и ранее, но только по гораздо мелким вопросам. Например, в феврале 1909 года октябристы, ведомые своим лидером А.И. Гучковым, не согласились с мнением правых и поддержали запрос социал-демократической фракции о преследовании профсоюзов, проголосовав вместе с оппозиционными силами (см.: *Вязигин А.С.* «Гололобовский инцидент». Харьков, 1909).

ния; например, крестьянин-старовер Д.П. Гулькин категорически возражал против того, чтобы такое судьбоносное для русского народа дело решалось вместе с магометанскими и еврейскими вопросами. «Старообрядцы просят, чтобы это было отдельно, ибо они тоже православные, искренне любящие своего Государя и Отечество», — взывал он³. Эти просьбы получили поддержку общего собрания: старообрядческая комиссия Государственной думы была учреждена по инициативе адвоката Ф.Н. Плевако, который многие годы занимался юридической защитой раскольников. В состав комиссии вошли пятнадцать человек; председателем был избран В.А. Караулов, его товарищем — А.И. Звегинцев. Тем не менее из правительства законопроект о старообрядческих общинах поступил не в эту комиссию, а в комиссию Думы по делам православной церкви. И только усилиями Караулова, Гучкова и др. его передали по назначению⁴.

Полноценное обсуждение правительственного законопроекта стартовало в феврале 1909 года, с третьего заседания комиссии. Уже здесь прозвучало намерение предоставить старообрядцам право свободно проповедовать свое вероучение, что прямо противоречило взглядам Министерства внутренних дел. Член комиссии священник Н.С. Балалаев распространил особое мнение, протестуя против подобных намерений⁵. Они обеспокоили и МВД: начиная с четвертого заседания комиссии в ее работе постоянно участвовали товарищ министра С.Е. Крыжановский и руководитель департамента общих дел А.Д. Арбузов⁶. Они старались направить развернувшиеся дискуссии в приемлемое для них русло. Но развитие событий свидетельствовало о все большем отходе от правительственного законопроекта. Помимо права свободного проповедования комиссия большинством голосов высказалась за уведомительный, а не разрешительный порядок регистрации общин, а также за признание старообрядческих иерархов священнослужителями. Эти инициативы были окутаны слухами, будто московское купечество не поскупилось и выделило большие денежные средства ряду депутатов, сполна их отработавших⁷. При этом пояснялось: те, кто финансово продвигают данный зако-

³ См.: Заседание 12 от 23 ноября 1907 года // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. 1. Стб. 727—728.

⁴ О направлении старообрядческих дел // Слово. 1908. 26 января.

⁵ Журнал 3-го заседания комиссии по старообрядческим вопросам. 5 февраля 1908 года // РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3597. Л. 16.

⁶ Там же.

⁷ *Каменский В.П.* Вероисповедные и церковные вопросы в Государственной думе третьего созыва и отношение к ним «Союза 17-го октября». М., 1909. С. 37.

нопроект, принадлежат староверию только по названию, а на самом деле нападают на господствующую церковь для свержения ненавистного им государственного строя⁸.

Рекомендации комиссии были вынесены на общее собрание Государственной думы, и там развернулись жаркие споры о будущем законопроекта. 12 мая 1909 года наработки комиссии представил ее глава В.А. Караулов. Он обстоятельно привел доводы в пользу открытого и беспрепятственного исповедания староверия, подчеркнул обязанность самих общин, а не полиции вести все акты гражданского состояния, подтвердил необходимость явочного характера их регистрации и т.д.⁹ Аргументация докладчика встретила яростный отпор представителей чиновничества, иерархов господствующей церкви и лидеров правых организаций. С.Е. Крыжановский с государственных позиций оценил изыскания комиссии как неприемлемые¹⁰. Ему вторил священник А.Д. Юрашкевич, предупреждавший, что старообрядцы отрицают православную церковь, не считая ее христианской, и призывал не идеализировать раскол¹¹. Правый депутат Е.Я. Ганжулевич рассуждал о связи православной церкви и монарха, чью нерасторжимую симфонию никто не сможет разрушить¹². Этим благоразумным охранителям отечества ответил И.Л. Спирин — один из старообрядцев-депутатов: «Вы поддерживаете не русский народ, а поддерживаете господ Айвазовых, Сковорцовых, Восторговых и прочих ваших миссионеров, которые благодаря своей службе и положению идут против русского народа»¹³.

В защиту старообрядческого закона об общинах в редакции комиссии решительно выступили представители оппозиции. Впечатляющую критическую речь в адрес ПРЦ произнес П.Н. Милюков; он предложил оппонентам проявить энергию, прежде всего, в реформировании церкви, а не в ограждении ее от других течений: «Если же вы дорожите будущим России — откройте настежь это затхлое помещение, впустите туда свежий воздух, дайте ему проветриться, и тогда церковь сама увидит, что она может»¹⁴. Но, пожалуй, наи-

⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 602. ЛЛ. 201—201 об.

⁹ Заседание 111 от 12 мая 1909 года // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия вторая. СПб., 1910. Ч. 4. Стб. 1007.

¹⁰ Там же. Стб. 1025.

¹¹ Там же. Стб. 1030.

¹² Заседание 112 от 13 мая 1909 года // Там же. Стб. 1228—1229.

¹³ Выступление И.Л. Спирина (Московская губ.) // Там же. Стб. 1239.

¹⁴ Там же. Стб. 1228. Известный деятель Православной Российской Церкви епископ Евлогий в ответ на страстную речь Милюкова назвал того нечестивым врагом церкви (Стб. 1265).

более яркое выступление в защиту староверия принадлежало известному выходцу из раскола А.И. Гучкову. Как он подчеркнул, Государственная дума выслушала не доклад комиссии, а требования, даже мольбу всех русских старообрядцев: «Господа, не просто закон о старообрядческих общинах мы обсуждаем, не старообрядчество мы судим: мы судим самих себя; и тот приговор, который вы вынесете себе, голосуя по этому законопроекту, тот приговор подпишет вам и история»¹⁵. После чего лидер октябристов призвал всех проголосовать за редакцию законопроекта, предложенную не правительством, а комиссией, поскольку лишь она способна навсегда устранить вмешательство администрации и полицейской власти в жизнь староверческих общин¹⁶.

Острые выступления по старообрядческому вопросу оказали существенное влияние на расстановку думских сил. Уже докладчик комиссии В.А. Караулов обратил внимание на то, что друзья староверов из правых начинают за здравие, а «заканчивают за упокой», т.е. от восхваления их духовно-гражданских добродетелей переходят к невозможности дать им долгожданную свободу, за которую ратовала комиссия¹⁷. Аналогичное удивление, только с точностью до наоборот, выказал и видный правый П.Н. Крупенский: он был весьма поражен защитой старообрядчества оппозицией. Ему мерещились попытки оторвать 15 миллионов верноподданных русских от правого лагеря, но — предупреждал оратор — «мы не отдадим их, мы им откроем глаза»¹⁸. По поводу же «требований, мольбы» старообрядцев он со знанием дела излагал следующее: свободы проповеди никто и не просит, старообрядцы желают свободы исповедания в своей среде, поэтому речь должна идти не о свободе проповедования вообще, а лишь у них в общинах, школах, на кладбищах и т.д.¹⁹ Правда, о неожиданной для него поддержке старообрядчества со стороны оппозиции он говорил гораздо сдержаннее: «нужно понять, что происходит»²⁰. Действительно, стоит это сделать и нам. Как мы говорили, по отношению к различным политическим партиям староверы имели выраженные предпочтения: более всего их привлекали правые организации, чья монархическая риторика и приверженность русским национальным началам была им близка. Тем более что лидеры правых часто провозглашали в православии равенство

¹⁵ Заседание 113 от 15 мая 1909 года // Там же. Стб. 1386.

¹⁶ Там же. Стб. 1381.

¹⁷ Заседание 112 от 13 мая 1909 года // Там же. Стб. 1270.

¹⁸ Заседание 113 от 15 мая 1909 года // Там же. Стб. 1352—1353.

¹⁹ Там же. Стб. 1356.

²⁰ Там же. Стб. 1352.

старого и нового обрядов. Однако когда дело дошло до реального выбора — предоставлять староверию равные права с господствовавшей церковью или нет, — то правая дворянско-помещичья публика предпочла пожертвовать интересами тех, кто, по сути, составлял для нее массовку. Конечно, старообрядцы не могли не почувствовать потребительского отношения к себе. В стенах Думы происходило то же, что и на форумах правых сил в 1906—1907 годах, где староверческие крестьянские низы разошлись в решении земельных дел с помещичьим дворянством²¹. Только теперь пришел «час X» и в религиозном вопросе.

Правые, понимавшие, что большинство в Государственной думе поддерживает редакцию старообрядческой комиссии, пытались повлиять на ситуацию, придав обсуждению новый ракурс. Один из них, А.С. Вязигин, заявил, что вообще не может понять точку зрения тех старообрядцев, которые обращаются за разрешением духовных нужд к Думе. Он вопрошал: разве у нее «есть канонический авторитет?» — и сам же отвечал: да, она состоит из неверующих и инородцев. После чего предлагал рецепт: «если хотите исцелить язву, то тогда пусть будет созван церковный собор, только подобным образом могут быть устранены те распри, те раздоры, которые терзали столько времени русское общество... ради этого надо позабыть старые дрязги»²². Зацепившись за идею церковного собора, призванного разрешить все проблемы старообрядчества, правые настояли на голосовании этого предложения против формулировки трудовиков о свободе веры и проповедования — и остались в меньшинстве²³. Свою миссию по отношению к старообрядчеству Государственная дума выполнила. Кстати, заметим, что П.А. Столыпин устранился от какого-либо участия в прениях по старообрядческому законопроекту. Он попросту не появлялся в это время в думе, так как, видимо, считал для себя невыгодным публично касаться вопроса, приобретшего такую остроту. А вот на рассмотрении законопроекта о переходе из одного вероисповедания в другое премьер-министр по-настоящему блистал, произнес одну из своих лучших речей в поддержку русского православия в целом²⁴.

²¹ Подробный отчет о Третьем Всероссийском съезде людей земли русской в Киеве. 1 ноября 1906 года. М., 1906. С. 57, 68—69.

²² Заседание 113 от 15 мая 1909 года // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия вторая. Ч. 4. Стб. 1378—1379.

²³ Там же. Стб. 1395—1396.

²⁴ См.: Выступление П.А. Столыпина / Заседание 116 от 22 мая 1909 года // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв третий. Сессия вторая. Ч. 4. Стб. 1851—1867.

Итак, принятый Думой законопроект о старообрядческих общинах в новой редакции поступил в Государственный совет. Только в случае его одобрения и после подписания Николаем II он обретал силу закона. Однако, учитывая расклад сил и настроения в верхней палате, правые небезосновательно рассчитывали компенсировать свое думское поражение. Реванш возглавил лидер правых П.Н. Дурново. Бывший министр внутренних дел позиционировал себя в качестве гражданского защитника господствовавшей церкви от различной нечисти, включая, разумеется, и староверие. К нему адресовались многие жалобы на возросшую активность старообрядцев после 1905 года. Например, служители Никольской единоверческой церкви на Рогожском кладбище обращались к нему с просьбой урезонить староверов-поповцев, которые все настойчивее пытались вытеснить храм с территории кладбища²⁵. Ключевая роль Дурново в рассмотрении старообрядческого вопроса в Государственном совете явно не предвещала ничего хорошего. Собственно, об этом и говорил Столыпин, принимая в январе 1910 года делегацию от московского Преображенского кладбища. Он откровенно признался, что пессимистически смотрит на прохождение законопроекта в Государственном совете — причем повинны в этом сами старообрядцы. Ведь против закона, изданного по указу императора, недоброжелатели из правых пойти не осмелились. Теперь же, после внесения Думой поправок, Госсовет имеет дело не с актом, утвержденным государем, а с документом совсем иного рода, с которым можно не церемониться. В результате выгодная позиция, заключил Столыпин, потеряна²⁶. Опасения, высказанные главой правительства, подтвердились и во время приема старообрядческой делегации из семи человек в Царском Селе. Демонстрируя всяческую расположенность к староверам, Николай II, тем не менее, избежал каких-либо конкретных обещаний²⁷. В этой связи не случайным надо признать то, что член Государственного совета от Москвы старообрядец-промышленник Г.А. Крестовников неожиданно для всех попросил освобо-

²⁵ Служители Никольской единоверческой церкви на Рогожском кладбище писали П.Н. Дурново, «от московской администрации толку мало, она склонна с каким-то особым расположением относиться к старообрядцам и обращение к ней за разрешением возникающих между нами не согласий не обеспечивают нам возможность спокойного осуществления наших прав». См.: Письмо причта и старосты Никольской единоверческой церкви члену Государственного совета П.Н. Дурново. 17 декабря 1910 года // РГИА. Ф. 797. Оп. 80. Д. 582. ЛЛ. 2—4.

²⁶ Старообрядцы у П.А. Столыпина // Современное слово. 1910. 26 января.

²⁷ Старообрядческие депутации // Голос Москвы. 1910. 22 апреля.

дить его от работы в комиссии по этому вопросу — в связи с занятостью²⁸.

Так все и получилось. Доклад делал П.Н. Дурново; он начал с того, что назвал законопроект легкомысленным, поскольку «всякое вероисповедание как христианское, так и не христианское могут быть только терпимы»²⁹. По его убеждению, иное отношение к этому вопросу не вяжется с правами господствующей церкви, а с общей пользой государства — в особенности³⁰. На речь главного докладчика с энтузиазмом откликнулся целый сонм иерархов ПРЦ. Архиепископы и протоиереи наперебой убеждали присутствующих в очевидных преимуществах и прелестях синодального православия. Архиепископ Николай заявил, что недопустимо возвышать староверие до православной церкви, последнюю же нельзя низводить до раскола. К тому же и само название «старообрядцы» — неправильное, ведь тогда получается, что мы — «новообрядцы», а это оскорбление³¹. Однако нужно отметить, что противники законопроекта высказывали и трезвые суждения, содержащие серьезный анализ его практики. Таково, например, было выступление графа Д.А. Олсуфьева. Он провел тонкое сравнение с сословиями: «Если говорить, что все сословия нужно уравнивать, то это не значит всем сословиям дать дворянский мундир, а надо от дворян отнять все привилегии, которые отделяют их от других сословий»³². Он расценил усилия правительства по проведению законопроекта об общинах как неудачную попытку примирить раскол с господствующей церковью на почве гражданского законодательства; а религиозный инстинкт староверов подсказал им, что власть взялась не за свое дело. Поэтому законом об общинах за три года воспользовались всего лишь сто тысяч старообрядцев, а миллионы его проигнорировали³³.

Прямых защитников староверия в Государственном совете оказалось в разы меньше, чем в Думе. Одиноко прозвучал голос А.Ф. Кони — о болезни в виде старообрядчества, которая поразила организм русского общества и для лечения которой требуется не пластырь, а хирургический нож — чтобы безвозвратно отрезать прошлое с его тяжелыми воспоминаниями³⁴. Выделяется и выступление про-

²⁸ РГИА. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 42. ЛЛ. 605—606.

²⁹ Заседание 47 от 12 мая 1910 года // Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия V. СПб., 1911. Стб. 2796—2797.

³⁰ Там же. Стб. 2800.

³¹ Заседание 48 от 13 мая 1910 года // Там же. Стб. 2889.

³² Там же. Стб. 2919.

³³ Там же.

³⁴ Заседание 47 от 12 мая 1910 года // Там же. Стб. 2816.

фессора А.В. Васильева, призвавшего вместо огульного порицания изучать староверие, всячески иницируя исследования в этой области³⁵. Собственно, А.Ф. Кони и А.В. Васильев вместе с М.А. Стаховичем и Н.С. Таганцевым составили особое мнение меньшинства по защите думского варианта старообрядческого законопроекта³⁶. Правительство вновь решило не вмешиваться, очевидно, не желая обострять отношения с влиятельными членами верхней палаты. Однако в обществе впечатление от слушаний осталось тяжелое: «Старообрядцы с благоговением и чистой радостью приняли оказанные им с высоты Престола милости, а теперь оказывается, что предвидится отнятие у них этих милостей, потому что они представляются П.Н. Дурново неблагонадежными и опасными, а заседающие в Государственном совете епископы бесцеремонно заявляют, что православная церковь без поддержки и покровительства полиции существовать не может»³⁷.

После того как думская редакция законопроекта о старообрядческих общинах была отвергнута большинством Государственного совета, он поступил в согласительную комиссию для устранения разногласий между нижней и верхней палатами. В состав комиссии вошли по шесть представителей от каждой из них³⁸. Заседания проходили в ноябре-декабре 1910 года, но совместное заключение так и не было принято: компромисс коснулся лишь мелких деталей³⁹. Так, по правительственному варианту общину могли образовать не менее пятидесяти человек, а по думскому — не менее двенадцати; комиссия же остановилась на двадцати пяти. Никаких более принципиальных вопросов согласовать не удалось. В IV Государственной думе старообрядческий вопрос уже не поднимался. Соответствующая комиссия (после смерти В.А. Караулова в 1911 году — во главе с депутатом Н.Ф. Каптеревым) в течение четвертого созыва, т.е. за четыре года, собиралась всего шесть раз. На этих редких заседаниях

³⁵ Заседание 50 от 17 мая 1910 года // Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия V. СПб., 1911. Стб. 3058.

³⁶ РГИА. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 42. Л. 565.

³⁷ Выписка из письма Н. Высотского к Н.П. Евреинову в Петербург. 20 мая 1910 года // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 455. Л. 17.

³⁸ От Государственного совета в нее вошли П.Н. Дурново, П.М. Куломзин, П.П. Голицын, В.К. Саблер, А.А. Нарышкин, П.Д. Ревуцкий. От Государственной думы — А.С. Вязигин, М.К. Ермолаев, П.В. Каменский, А.И. Звегинцев, В.А. Караулов, В.А. Маклаков (РГИА. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 43. Л. 46).

³⁹ Состоялось шесть заседаний согласительной комиссии, их протоколы содержатся в Российском государственном историческом архиве (РГИА. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 43. ЛЛ. 361—382).

Актуальные проблемы парламентаризма

выяснялись условия и пределы права проповедования, заслушивались экспертные мнения по этому поводу, но на продвижение законопроекта в реальности уже никто не рассчитывал⁴⁰. На этом думская старообрядческая эпопея завершилась.

⁴⁰ Журналы заседаний старообрядческой комиссии IV-ой Государственной думы // РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 607, 608.

«Заноза» 1906 г.

Выставка «ТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛОВ. 1906 год»

Совместный проект Центра истории парламентаризма
и кафедры русской истории РГПУ им. А.И. Герцена

«Шут» 1906 г.

Премьер.—Голубчики, хватить ли пороху?..

Бюрократъ:
Кто бы могъ ожидать подобнаго броженія..

«Искры» 1906 г.

— Хе-хе-хе... это я наряжился черносотенцемъ,
хулиганомъ, чтобы чувствовать себя свободнымъ
гражданиномъ!..

«Шут» 1906 г.

«Зарницы» 1906 г.

Картинка недалекаго будущаго:
доля неблагонамеренныхъ, съ помощью приспособленнаго для этой цѣли автомобиля.

«Шут» 1906 г.

При подготовкѣ выставки
использованы материалы
изъ слѣдующихъ журналовъ за 1906 годъ:
«Зарницы», «Водоворотъ», «Журналъ журналовъ»,
«Заноза», «Осколки», «Вампиръ», «Искры»,
«Шут», «Пулеметъ», «Плювиумъ», «Буревалъ», «Бомба».

«Осколки» 1906 г.

«Водоворот» 1906 г.

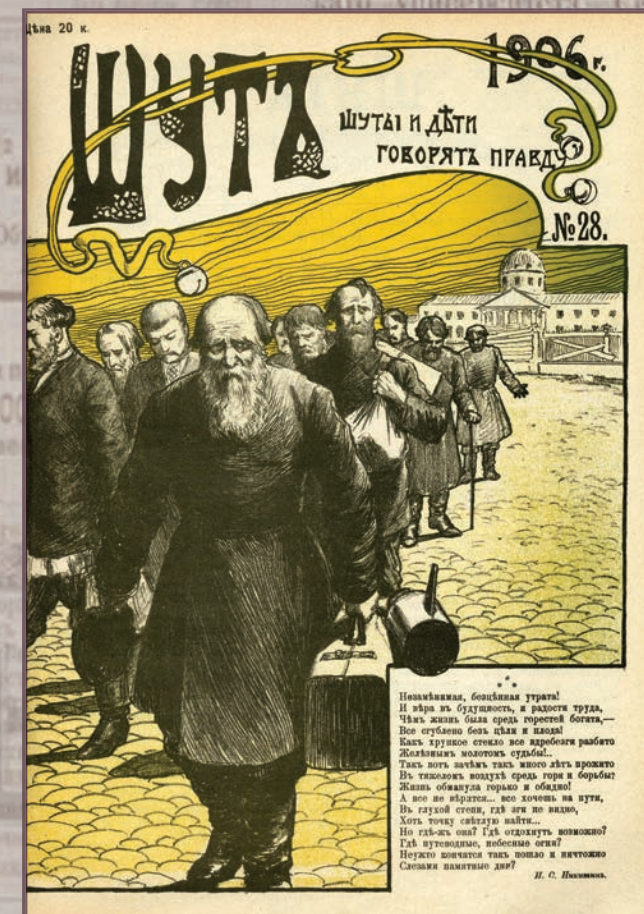
«Искры» 1906 г.

«Вампир» 1906 г.

«Ежъ» 1906 г.

А.В. КОСТЫЛЕВ

**Выборы в IV Государственную думу Российской империи
(сентябрь-октябрь 1912 г.)**

Выборы в IV Думу, как и в III, проходили на основе избирательного закона 3 июня 1907 г., принятого после неудачного для властей опыта первых двух созывов народного представительства. Вся «соль» этого законодательного акта состояла в коренном перераспределении количества мест выборщиков от различных курий в общих губернских собраниях. В 50 губерниях Европейской России удельная доля крестьянских выборщиков резко снижалась (с 42,3 до 21,8 %), а выборщиков-землевладельцев увеличивалась, соответственно с 32,7 до 49,6 %. Представительство горожан и рабочих сохранялось приблизительно на прежнем уровне — у жителей городов оно даже выросло с 22,5 до 26,3; у пролетариата незначительно упало — с 2,5 до 2,3 %. Что касается жителей городов, то они дробились на 2 курии по имущественному признаку, с некоторым преимуществом более зажиточной части избирателей. Другим важным изменением являлось введение фиксированного представительства каждой курии в Думе от губерний, причем эти представители избирались всем общим составом собраний. Таким образом, депутатом от рабочих, например, мог стать один-единственный в курии рабочий-выборщик черносотенец, если большинство губернского собрания представляло правых. Нет никаких сомнений в политической ангажированности этих нововведений. Сам технический автор закона С.Е. Крыжановский отмечал, что новое законодательство предопределяло «состав Думы в соответствии с видами правительственной власти»¹. В III Думе подобное законодательство позволило П.А. Столыпину сформировать октябристско-правое большинство и за редкими исключениями добиваться беспрепятственного прохождения всех правительственных законопроектов.

На выборах в IV Думу ситуация, однако, изменилась. На этот раз октябристы, лишившиеся покровительства премьера, сами стали мишенью правительственного прессинга. О желании исполнительной власти приобрести однородную Думу, состоящую почти исключительно из монархистов, свидетельствует та кампания широкомасштабного административного нажима, которая сопровождала выборы. Причем, осуществлялась она с самого верха. Со стороны

¹ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7-ми т. / Ред. П.Е. Щеголев. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 426.

правительства выборы контролировал министр внутренних дел А.А. Макаров, фактически отстранивший относительно либерального премьера В.В. Коковцова от всякого вмешательства в этот процесс. В целях административного координирования выборов первым было созвано совещание губернаторов в Петербурге, состоявшееся в начале сентября 1912 г. Позицию сторонников активного вмешательства в выборную кампанию, уже фактически проводящуюся на местах, выразил здесь нижегородский губернатор А.Н. Хвостов, заявивший, что губернаторы «не только должны, но и могут провести в Думу исключительно тех, кого они желают»². По его мнению, для этого нужно было только «задаться целью и не колебаться в выборе средств, т. е. не обращать внимания на выкрики печати и не бояться жалоб на неправильность выборов»³.

Хотя подобная откровенность и шокировала премьер-министра, на практике эта «предвыборная теория» будущего лидера правых в IV Государственной думе стала основой правительственной регламентации избирательного процесса. Причем осуществлялась она не с помощью централизованного давления по линии министра внутренних дел, а руками губернаторов, вполне уяснивших подлинные, хотя и в полной мере не афишировавшиеся расчеты правительства на результаты выборов. В этих условиях не обходилось и, что называется, без «перегибов». На местах губернаторы весьма вольно толковали даже вполне определенные инструкции правительства, касающиеся выборов, и руководствовались своим собственным видением «свободы» предвыборной агитации и границ административного регулирования выборов. По сообщению отнюдь не либерального «Русского слова», как В.Н. Коковцов, так и А.А. Макаров в ответ на жалобы оппозиции отмечали, что «исполнители делают политику на собственный страх»⁴. Впрочем, со стороны второго, как кажется, это были не вполне искренние оправдания, ведь за все время предвыборной кампании жалобы на нарушения нарастали как снежный ком, а правительство вместо определенных санкций ограничивалось подобными неофициальными заявлениями.

Одним из мотивов вмешательства местной администрации в дело выборов вполне по-современному были служебное рвение и желание показать свою лояльность. Как отмечал один из левых публицистов, «губернаторы связывают вопрос о выборах с вопросом карьеры и хотят слишком уже отличиться»⁵. Это утверждение не так уж

² Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания, 1911—1919. М., 1991. С. 168—169.

³ Там же. С. 169.

⁴ Русское слово. 1912. 18 сентября.

⁵ Современный мир. 1912. № 10. С. 303.

неправдоподобно, ведь многим было памятно, что одним из резонансов отставки С.Ю. Витте, высказанным Николаем II, являлось «полнейшее воздержание всех властей от выборной кампании» в I Думу⁶. Косвенным средством влияния на результаты выборов еще со времен премьерства П.А. Столыпина стала щедрая бюджетная поддержка различных правомонархических организаций и их органов печати. По свидетельству В.Н. Коковцова, тогда министра финансов, из особого фонда МВД правым в период с 1909 до начала 1912 гг. было выдано от 2,5 до 2,8 млн рублей. Только газета «Земщина» стоила стране 144 тыс. рублей в год при ничтожном количестве подписчиков⁷. Однако финансирование агитации правых в большинстве случаев было пустой тратой денег, так как их пресса, на взгляд самих губернаторов, пользовалась ничтожным влиянием на местах.

Поэтому администрацией использовались и другие, куда более действенные и прямые средства получить нужное голосование. Была продолжена и усилена практика так называемых «разъяснений», которая позволяла лишить избирательных прав отдельных вероятных кандидатов в члены Думы от оппозиции. Особенно это касалось бывших депутатов. Так, в Воронеже был устранен от голосования кадет А.И. Шингарев, во Владимире — К.К. Черносвитов, в Черниговской губернии — популярный октябрист бывший предводитель дворянства Г. Глебов. В первом случае повод для лишения избирательных прав был придуман самый абсурдный — Шингарев не проживал в течение года в квартире, с которой выплачивал налог. Но он и не мог там проживать, так как выполнял обязанности депутата Думы⁸.

Обжалование ценза имело место не только накануне выборов, но и после их проведения на предварительных стадиях. Таким образом, например, был лишен возможности избираться депутатом известный либеральный деятель, участник двух первых Дум, основатель партии демократических реформ В.Д. Кузьмин-Караваев. Обладая сразу двумя цензами в г. Бежецке, он был избран выборщиком по 1-й городской курии. В ответ губернатор опротестовал его ценз сначала в уездную избирательную комиссию, которая отказала ему,

⁶ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 357.

⁷ Интересная находка (Заседания Чрезвычайной следственной комиссии. Показания В.Н. Коковцова) // Вопросы истории. 1964. № 2. С. 106.

⁸ Вестник Европы. 1912. Кн. 10. С. 433. А.И. Шингарев стал депутатом от Санкт-Петербурга, а К.К. Черносвитов избран в IV Думу в 1913 г. на дополнительных выборах от Ярославской губернии вместо князя Д.Д. Урусова (Николаев А.В. Черносвитов Кирилл Кириллович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 675).

а затем успешно в более послушную губернскую⁹. Последующее обжалование в Сенат со стороны Кузьмина-Караваева не имело практического значения, так как за это время состоялись выборы и по второй городской курии, таким образом, все пути в Думу были уже закрыты. О целенаправленности и мотивированности действий губернатора в данном случае говорит тот факт, что такими же цензами обладала в Бежецке по крайней мере сотня людей, но все они избирательных прав не лишились.

Там, где невозможно было оспорить ценз, например по крестьянской курии, власти попросту по формальным мотивам отменяли результаты выборов. Так, в Прилуцкой волости Онежского уезда Архангельской губернии признали незаконными выборы волостных уполномоченных. Среди прочих здесь был избран трудовик И.С. Томилев, неоднократно (29 раз, что для крестьянина немало) выступавший с трибуны III Думы с критикой правительственных законопроектов и без сомнения попавший «на карандаш» у губернатора.

Особенное рвение и изобретательность проявлял в преследовании оппозиционных кандидатов, и, вообще, в самом разнузданном и незаконном давлении на выборы упомянутый нижегородский губернатор А.Н. Хвостов. Еще задолго до начала выборов он заставил покинуть губернию видного деятеля кадетской партии Н.Н. Иорданского, находившегося на государственной службе; затем инициировал возбуждение уголовного дела по поводу нецелевого расходования средств в земстве, лишив тем самым избирательных прав едва ли не весь состав губернского комитета партии кадетов. В уезды для работы по организации монархического большинства среди землевладельцев им отправлялись специально назначенные чиновники, а сам губернатор собирал земских начальников, указывая им как добиваться нужного результата по крестьянской курии, намеренно создавая повод для кассации «неудачных» выборов. Для этого он рекомендовал им просто-напросто нарушать закон, запуская в волостные правления посторонних¹⁰. В Казанской губернии сам губернатор объезжал уезды, грозя волостным старшинам и земским начальникам отставкой за выбор несогласованных заранее кандидатов. Значительное давление на крестьян при подготовке волостных сходов оказывали земские начальники, которым администрация заранее давала соответствующие негласные инструкции. Так, один из них (Нижегородская губ.), проводил беседы с волостными старши-

⁹ Вестник Европы. 1912. Кн. 11. С. 367.

¹⁰ Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905—1917 гг.). Н. Новгород, 2001. С. 121.

нами, заявляя: «если на ваших сходах будут избраны левые, вам житья не будет в губернии»¹¹.

Все эти формы давления использовались и на прошедших выборах, однако характерным, и, ранее в централизованном виде не применявшимся средством получения нужного большинства на съездах землевладельцев, а следовательно, на губернских собраниях, была массовая мобилизация священников. Согласно известному циркуляру обер-прокурора В.К. Саблера, духовенство призывалось к обязательному участию в выборах с требованием выдвигать из своей среды благонамеренных и послушных епархиальному начальству пастырей, в чью обязанность входило голосование на последующих стадиях против лиц, замеченных в «противоправительственном направлении». Циркуляр не расшифровывал партийную принадлежность этого направления, но в частном порядке духовенству давалось понять, что туда входят не только кадеты, но и недостаточно лояльные октябристы. Для исполнения по епархиям были командированы синодальные чиновники во главе с чиновником особых поручений при обер-прокуроре Священного Синода князем И.П. Шаховским. По замечанию журнала «Церковь», в Синоде, как «в главном штабе во время военных действий, давались предвыборные лозунги, намечались и выдвигались кандидатуры архиереев, утверждались представители губернских предвыборных комитетов духовенства»¹².

В регионах для обеспечения явки священнослужителей использовались самые разнообразные средства: беседы, печатные обращения и предписания, приказы начальства. В Воронежской губернии, по утверждению местного деятеля «Союза 17 октября», священники «мотивировались» 25-рублевым штрафом в случае отсутствия и угрозой лишения сана за голосование левее правых октябристов¹³. Руководители епархиальных подразделений, благочинные, будучи проинструктированы в епархиях, проводили мобилизационную работу на местах, не особенно стесняясь прессы или общественного мнения. Один из них (Черниговская губ.), не довольствуясь привлечением собственно священников по землевладельческой курии, издал специальное объявление, обращенное к диаконам, псаломщикам и учителям церковно-приходских школ. В нем последние в обязательном порядке, «согласно воле начальства и совету руководителей выборов» призывались прибыть на выборы по второй городской ку-

¹¹ Вестник Европы. 1912. Кн. 10. С. 428; Современный мир. 1912. № 10. С. 308

¹² Цит по: Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М., 1994. С. 94.

¹³ ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 53(1). Л. 49.

рии в г. Кровелец и голосовать за намеченного кандидата-священника. Процедура предусматривала запись о прибытии в особый лист в местной церковно-приходской школе и освобождение только в связи с собственной болезнью или смертью близких родственников, «удостоверенных благочинным»¹⁴.

Массовое появление на съездах уполномоченных от землевладельцев священников приводило к тому, что во многих губерниях таковые избирались на землевладельческие съезды сотнями, в то время как от светских категорий избирателей проходили единицы и десятки. Так, в Киевской губернии на 477 уполномоченных — священников приходилось только 36 светских, в Тамбовской — соответственно на 322 — 27, в Тульской — 229 и 21, в Черниговской — 177 и 49, в Ярославской — 147 священников и только 8 других уполномоченных. Лишь в тех сравнительно редких губерниях (Херсонская, Таврическая и др.), где существовали сплоченные группы мелких землевладельцев (татары, немцы и евреи — колонисты), которые вынужденно выделялись в отдельные съезды, результаты были более дробными. В Таврической губернии, например, на 48 священников было избрано 43 уполномоченных — татарина, 10 немецких колонистов, 3 поселянина (очевидно, еврея), 6 мелких землевладельцев из дворян и чиновников, 3 мещанина и только 1 православный крестьянин. Совершенно особняком стояли столичные губернии, где роль церковного землевладения была низкой, а другие группы выступали консолидированно. В Санкт-Петербургской губернии священников вообще провалили — по всей губернии они дали только 2 уполномоченных на 153, принадлежащих к иным категориям¹⁵.

Столь многочисленное появление священников в губернских избирательных собраниях не было бы возможно без произвольного разделения съездов мелких землевладельцев, по которым они участвовали в выборах. Такое разделение по имущественному, национальному, сословному признаку получило самое широкое распространение как раз на выборах в IV Думу, причем в основе лежал самый что ни на есть прагматичный политический расчет: там, где подобное дробление способствовало избранию максимального количества проправительственных выборщиков, там оно осуществлялось, там же, где как раз в указанном случае проходило большее количество недостаточно лояльных мелких землевладельцев — нет. При этом сами священники то выделялись в особую курию, то не выделялись. О политической мотивированности подобной группировки избирателей говорят, например, многочисленные письма и

¹⁴ Современный мир. 1912. № 10. С. 310.

¹⁵ Новое время. 1912. 19, 22 сентября.

обращения октябристов в ЦК партии. Как указывали корреспонденты, в Рязанской и Воронежской губерниях священнослужители не были выделены в особые съезды, а в Орловской голосовали отдельно, в результате же во всех случаях оказывались забаллотированы лица левее националистов¹⁶. Статья 29 закона 3 июня 1907 г. позволяла выделять съезды мелких землевладельцев «по местностям уезда или по разрядам избирателей соответственно роду владеемого ценза». Разумеется, столь размытое определение на практике приводило к самым разнообразным разделением и даже подразделением. Например, особо выделялись священники, а все остальные мелкие землевладельцы подразделялись в зависимости от величины ценза. Причем, те, кто владел более 1/5 полного ценза, должны были выбирать в одном конце уезда, а «однодесятники» (владельцы более 1/10 ценза) — в другом. Конечно, перспектива ехать на выборы за десятки верст не способствовала явке избирателей и уполномоченными избирались исключительно священники, а предварительные выборы среди других категорий землевладельцев признавались несостоявшимися, как это было, например, в 8 уездах Волынской губернии, в 6 уездах Тамбовской и Вологодской, 3-х — Херсонской и т.д.

В некоторых уездах выборы проходили, но их ход бывал просто анекдотичным. В Орловском уезде, например, на первый предварительный съезд землевладельцев, пришли всего 2 избирателя, в совокупности обладавших 1 полным цензом. Поскольку каждый из них хотел быть избранным, то выборы прошли с помощью жребия¹⁷. Такое голосование, когда условный «Иванов» выбирал условного «Петрова», на этой стадии выборов отнюдь не было исключительным явлением. В целом, разделение предварительных цензов имело одну цель — как можно больше уменьшить влияние светских мелких землевладельцев и обеспечить организованное присутствие на съездах крупных землевладельцев законопослушного «избирателя в рясе».

Массированная кампания дала блестящие с точки зрения правительства: из 8764 уполномоченных, избранных на съездах мелких землевладельцев в 49 губерниях было 7142 (81 %) священника, и это при том, что по данным 1905 г., в Европейской России на 2,1 млн десятин церковного землевладения приходилось 19,1 млн частного мелкого¹⁸.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 53(1). ЛЛ. 49, 62, 75.

¹⁷ Новое время. 1912. 14 сентября.

¹⁸ Ленин В.И. Духовенство на выборах и выборы с духовенством // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 22. С. 129.

На крупных землевладельческих съездах столь обильное присутствие священников нередко приводило к обратному задуманному правительством результату: священники непременно хотели попасть в выборщики сами, а землевладельцы объединялись уже не на политической основе, а на «антиклерикальной почве». В Крапивненском уезде Тульской губернии на съезд землевладельцев явилась организованная группа священников, рассчитывавшая непременно выбрать батюшку. Но все остальные землевладельцы, в большинстве правые, предварительно сговорившись, постановили голосовать только за помещика, причем к ним присоединились даже немногие землевладельцы-прогрессисты¹⁹. Вообще многие правые помещики, для которых, очевидно, не были ясны дальнейшие намерения священников, на предварительных стадиях выборов выражали опасение, как это делал видный московский монархический деятель, литератор В.А. Балашев, что те «открыто идут против Дворянства»²⁰. Дальнейшие результаты выборов в губернских избирательных собраниях опровергли их опасения: батюшки использовались как своего рода избирательный «таран», призванный раздробить оппозицию и обеспечить избрание депутатов-монархистов не только и даже не сколько из среды духовенства. Когда количество избранных губернскими выборщиками священников стало таковым, что это грозило получить в Думе до 150 клириков, было, очевидно, дано негласное указание сократить это количество до 30—40 и обязать голосовать духовенство за правительственных кандидатов от других групп населения.

Выборы от каждой курии имели свою специфику, в том числе и в плане политических пристрастий выборщиков. Курия землевладельцев с помощью мобилизации священников была, по крайней мере, на 2/3 правомонархической. Большинство активных в Думе деятелей правых, националистов и умеренно-правых, фракции центра представляли именно эту курию.

Крестьянская курия при том масштабном давлении администрации, земских начальников, которое имело место, давала в основном законопослушных беспартийных крестьян, очень многие из которых занимали должности в сословном самоуправлении (старшины, старосты, волостные писари). В политическом плане это были беспартийные, стихийные монархисты. Впрочем, сами власти были не до конца уверены в их политическом направлении, ведь многие левые вполне могли выдать себя перед начальством за правых. Рапортуя в МВД об успехах (от волостных сходов в губернии было выбрано

¹⁹ Голос русского. 1912. 28 сентября.

²⁰ Там же.

315 правых, 127 беспартийных, 58 левых и 2 кадета), саратовский губернатор уточнял: «Это благополучие ... находится в зависимости от правильности оценки исправниками избранных... в этом отношении могут быть неожиданности»²¹.

Чтобы таких «неожиданностей» не произошло, властями перед губернскими избирательными собраниями применялся старый, используемый еще со времен перводумских выборов прием — изоляция крестьянских выборщиков. Так, тамбовский губернатор запросил у Министерства на расходы по их содержанию (судя по сумме не только по содержанию — А.К.) ни много, ни мало — 1500 руб. В Киевской губернии крестьянские выборщики получили приглашение по приезду в Киев остановиться в гостинице Михайловского монастыря, а все расходы выплачивались из правительственных сумм. Самарский губернатор «во избежание влияния ... левых элементов на выборщиков крестьян» также снял для них особое помещение²². Во многом благодаря таким приемам примерно половина из попавших в Думу крестьян были выбраны туда голосами правых и националистов и состояли членами соответствующих фракций.

Выборы по рабочей курии, несмотря на множественные отмены результатов, продемонстрировали, что она остается по-прежнему «вотчиной» социал-демократии. Причем наиболее активно проявили себя в кампании среди рабочих большевики. Только этим влиянием можно объяснить ту организованность, с какой рабочие отстаивали свой выбор. В Петербурге, например, перед самым съездом уполномоченных были кассированы выборы почти на половине фабрик и заводов. По призыву большевиков почти сразу, 5 октября 1912 г., состоялась массовая однодневная забастовка, вынудившая власти быстро назначить перевыборы. Результаты не заставили себя ждать — почти везде опять были выбраны представители социал-демократии. Подобные истории имели место на Мотовилихинских заводах под Пермью, в Сормово и ряде других мест²³. Поэтому нет ничего удивительного, что основу социал-демократической фракции в IV Думе составили обязательные депутаты 6 губерний (Санкт-Петербургской, Московской, Владимирской, Костромской, Екатеринославской и Харьковской) от рабочей курии. Большинство из них, разумеется, были не вполне от станка, а представляли большевистских партийных и профсоюзных активистов. Так, от Московской губернии в Думу прошел разоблаченный впоследствии как про-

²¹ Черменский Е. Выборы в IV Государственную думу // Вопросы истории. 1947. № 4. С. 35.

²² Там же. С. 36—37.

²³ Там же. С. 39.

вокатор и расстрелянный Р.В. Малиновский, от Петербургской — известный большевик А.Е. Бадаев, в будущем председатель Президиума Верховного совета РСФСР, от Харьковской — М.К. Муранов, через 5 лет активный участник большевистского переворота в Петрограде, зам. наркома внутренних дел Советской республики. В отличие от большевиков, меньшевики в составе думской фракции в большинстве формально представляли городское население: 2 грузина от Тифлисской губернии, Батумской и Карской областей (в том числе один из лидеров меньшевиков Н.С. Чхеидзе), М.И. Скобелев от русского населения Закавказья, остальные — в основном от губерний и областей Сибири и Дальнего Востока. Также несколько рабочих-эсдеков (все трое — меньшевики) прошло в тех губерниях, где они не имели права отдельного представительства, но где имела место неформальная блокировка всех выборщиков не правее кадетов (в Таврической, Уфимской губерниях, Области Войска Донского).

Большое значение для выборов в целом по стране имели избирательные кампании в крупнейших центрах, особенно в столицах. В Петербурге и Москве главный тон всем выборам, как и во многих губернских городах, задавала полемика между кадетами и социал-демократами. В то время, как кадеты огромное внимание уделяли критике политики правительства и фракции октябристов в III Думе, социал-демократы обвиняли самих кадетов в «конституционных иллюзиях», закулисных попытках сговора с правительством, неспособности к активным действиям, предательстве народных интересов. Результаты городских выборов показали растущую популярность социал-демократов. В Петербурге они по второй курии даже опередили октябристов, собрав 19,5 % голосов (на выборах в III Думу — только 9,4). Впрочем, этого было слишком мало для общей победы — кадеты все равно победили с большим перевесом — в среднем их кандидаты получили 55,8 % бюллетеней²⁴. Показателен был провал октябристов — от городов с отдельным представительством они вообще не провели ни одного своего депутата, а в Москве по первой курии, где большинство традиционно собирали октябристы, был забаллотирован даже их лидер — А.И. Гучков. Вообще, выборы в крупнейших городах продемонстрировали успех кадетов и прогрессистов — от 7 городов с отдельным представительством в Думу прошло 11 кадетов или присоединившихся к ним (по 4 от Петербурга и

²⁴ См. подробнее: *Костылев А.В.* Выборы в IV Государственную думу в Санкт-Петербурге // Таврические чтения 2007. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX в. Научно-практический семинар 11 декабря 2007 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2008. С. 113—122.

Москвы, по одному от 2-й курии Киева и Риги, 1 — от Лодзи), 3 прогрессиста (все по 1-й курии — 2 в Петербурге, 1 — в Риге), 2 националиста (1 — от Киева, 1 — от русского населения Варшавы), 2 правых (оба от Одессы). Все будущие лидеры и активисты кадетской фракции в Думе прошли от столиц — от Петербурга — П.Н. Миллюков, Ф.И. Родичев, А.И. Шингарев, от Москвы — В.А. Маклаков, Н.Н. Щепкин²⁵.

В других городах борьба велась между почти всеми политическими силами, но относительный успех сопутствовал в основном кадетам — по 2-й курии, прогрессистам и октябристам — по 1-й. В 16 городах, в основном уездных, победили социал-демократы. Особенно значим был их успех в Иркутске, позволивший потом от Иркутской губернии избрать социалиста.

В целом по стране, по неполным подсчетам, в губернские избирательные собрания было избрано 2768 выборщиков — правых (53,7 %), 246 националиста (4,7 %) (судя по количеству фракции, больше — авт.), 534 октябриста (10,4 %), 275 прогрессистов (5,4 %), 455 кадетов (8,8 %), 485 левых (9,5 %), 386 беспартийных и неизвестных (7,5 %) ²⁶.

Подобная группировка при той системе выборов, которая существовала до 3 июня 1907 г., предвещала бы в губернских избирательных собраниях почти полный успех монархистов. Однако в пользу других, более малочисленных групп, теперь работало правило обязательного избрания в большинстве губерний депутатов от каждой из курий (кроме рабочих, избиравших только 6 депутатов), причем в 25 губерниях избирались отдельно 2 депутата-горожанина, от 1-й и 2-й курий. Хотя они и избирались общим составом выборщиков, лишь в меньшинстве губерний правые, умеренно-правые и националисты могли рассчитывать на избрание исключительно своими голосами депутатами от горожан и, в меньшей степени крестьян, правых, хотя бы потому, что во многих губерниях правых выборщиков по этим куриям просто не было.

Поэтому ход губернских избирательных собраний демонстрировал преимущественно дробный характер голосования, т. е. в большинстве губерний депутатами от одной губернии избирались как всевозможные правые, так и октябристы, и даже кадеты и прогрессисты. Избирательные собрания, дававшие однородные результаты голосования, составляли меньшинство. Так, исключительно или почти исключительно националисты и слившиеся с ними умерен-

²⁵ Здесь и далее подсчитано по: Члены Государственной думы. Портреты и биографии. Четвертый созыв, 1912—1914. М., 1913. С. 1—403.

²⁶ Современный мир. 1912. № 11. С. 336.

но-правые были избраны лишь в Витебской, Гродненской, Киевской, Минской, Подольской и Псковской губерниях²⁷. Подобный результат говорит не только о преобладании в этих губерниях выборщиков-землевладельцев, но и об определенном успехе националистической пропаганды среди православных крестьян в южных и юго-западных губерниях, где был относительно высок процент еврейского населения, а среди землевладельцев было много польской шляхты. Почти исключительно правых депутатов делегировали в Думу Волынская (здесь в числе 13 депутатов прошел только лидер националистов В.В. Шульгин), Вятская и Нижегородская губернии. Курская губерния вообще представляла собой настоящий заповедник крайне правых. Именно от нее прошли в Думу их вожди Н.Е. Марков и В.М. Пуришкевич, публицист и активный участник монархического движения Г.А. Щечков. Таким же безраздельным владением для фракции центра была Бессарабская губерния, где были избраны Н.Д. и П.Н. Крупенские и бессменный депутат всех созывов А.К. Демянович.

Октябристы в подавляющем большинстве (во всех случаях с немногими правыми, «центристами» и националистами) преобладали лишь в Воронежской, Казанской, Новгородской, Пензенской, Полтавской и Смоленской губерниях. В этих губерниях было избрано 39 из 98 членов октябристской фракции.

Кадеты смогли провести исключительно своих депутатов только в Архангельской и со значительным преобладанием в блоке с прогрессистами в Области Войска Донского. В целом явное преобладание депутатов какой-либо фракции имело место лишь в 19 из 50 губерний Европейской России.

Во всех остальных случаях наблюдалось самое разнообразное представительство различных политических сил в составе избранных депутатов. В значительном количестве случаев, судя по всему, этот результат достигался путем всевозможных гласных или негласных блоков. Так, в 8 губерниях (Могилевской, Олонецкой, Орловской, Симбирской, Тверской, Тульской, Херсонской и Черниговской) имел место союз октябристов, националистов и правых; в 3-х (Калужской, Петербургской и Ярославской) — октябристов, прогрессистов и кадетов; в 6-ти (Астраханской, Ковенской, Костромской, Оренбургской, Таврической и Уфимской) кадетов, прогрессистов, автономистов и левых. В данном случае под блоком, разумеется, имеется ввиду стойкая совместная баллотировка, бывшая следствием предварительных совещаний выборщиков, а не какой-либо официальный союз организаций или предвыборных комитетов.

²⁷ Подсчитано по: Члены Государственной думы. Портреты и биографии. Четвертый созыв, 1912—1914. С. 1—403.

Однако чаще всего (в остальных 14 губерниях Европейской России) выборы носили совершенно случайный характер, и их результат обуславливался или примерным равенством сил различных политических групп в избирательных собраниях, либо необходимостью со стороны большинства выбирать отдельных депутатов по тем куриям, где у него вообще не было своих депутатов. В этом случае даже правые выборщики по принципу меньшего зла могли голосовать за прогрессиста, кадета или даже левого.

В целом выборы в IV Думу закончились, да и не могли не закончиться относительным успехом монархистов. Все правые фракции, вместе с националистами, получили к началу первой сессии по официальным данным думской распорядительной комиссии 186 мандатов из 442 (88 мест у националистов и умеренных, 65 у правых, 33 у фракции центра)²⁸, т.е. 42,1 %. Относительность этого успеха усиливалась непрекращающейся борьбой амбиций лидеров правых и разногласиями между ними по ряду важнейших политических вопросов (отношение к столыпинской аграрной реформе, оценка Думы как законодательного органа, тактика думской деятельности).

Самой проигравшей стороной были октябристы, лишившиеся по сравнению с III Думой более трети мест. В 1912 г. они сумели провести лишь 98 депутатов вместо имевшихся в начале предыдущего созыва 154-х. Основные потери на выборах партия понесла по землевладельческой и 1-й городской куриям. При своих результатах остались в целом кадеты и социал-демократы: первые увеличили присутствие в Думе с 54 до 59 человек, вторые уменьшили с 19 до 15-ти. Значительно поредели и так немногочисленные трудовики: они потеряли 5 мест (9 вместо 14). Самого большого относительного успеха достигли прогрессисты, прибавившие по сравнению с началом работы III Думы целых 20 депутатских портфелей. Их количество возросло до 48, что позволило кадетам вместе с ними рассчитывать на довольно весомое меньшинство в законодательном органе.

Административное вмешательство на выборах в IV Государственную Думу достигло своего максимума по сравнению с предыдущими кампаниями. Как образно писал лидер самой пострадавшей от правительственного прессинга партии А.И. Гучков, главной целью правительства было пропустить в представительный орган только тех, кто был снабжен ярлыком: «Разрешено губернатором и позволено Синодом»²⁹. Для этого использовались самые разнообразные спосо-

²⁸ Там же. С. XXV.

²⁹ Жилкин И. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1912. Кн. 11. С. 356.

Актуальные проблемы парламентаризма

бы и формы давления, от сравнительно мягких (обращения губернаторов и духовенства к избирателям) до прямой фальсификации составов избирательных собраний путем разделения съездов и многочисленных кассаций. Несмотря на многостепенность и мозаичность системы выборов речь шла именно о централизованном предумышленном искажении их результатов. Однако все многогранные уловки властей закончились в общем-то ничтожным результатом: представительство правых в Думе в целом не возросло, октябристы лишились меньшего количества мест, чем ожидалось, а уменьшение октябристов в Думе с лихвой компенсировалось некоторым увеличением еще более оппозиционных для правительства прогрессистов и кадетов.

К.В. РОМАНЕНЧУК

Вопрос о частном образовании в III и IV Государственной думе

Исследуя развитие законодательной базы, обеспечивающей работу частных учебных заведений в дореволюционной России, мы обратили внимание, что малоисследованными в истории отечественного образования остаются вопросы о подготовке и принятии закона регулирующего отношения в области частного образования в 1914 году «О частных учебных заведениях, классах и курсах МНП, не пользующихся правами правительственных учебных заведений». Появление этого законодательного акта было важным и долгожданным событием в жизни отечественного образования, поскольку действующие в начале XX века законодательные нормы были архаичными. Первоисточником их являлся «Наказ содержателям домашних училищ и учительницам, имеющим у себя воспитанников», изданный в 1786 году в виде приложения к Уставу народным училищам. С течением времени наказ претерпел многочисленные изменения и был дополнен, что нарушило его первоначальную стройность и затруднило практическое его использование. Целостное представление о законодательном поле в области частного образования в России 10-х годов XX века дает сборник законоположений, распоряжений и пояснений за 1844—1911 годы, изданный А.М. Лаурсоном в 1912 году¹. В нем приведен полный текст 294 различных законодательных актов, распоряжений и пояснений.

Впервые вопрос о необходимости радикального совершенствования законодательства по частным учебным заведениям был поднят на заседании Совета министров 27 апреля 1910 года. В Особом журнале за № 50 зафиксировано обсуждение Советом министров для предварительного одобрения до внесения в Государственную думу проекта «Правил о частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства народного просвещения»². Проект представлял Совету министров министр народного просвещения А.Н. Шварц. Для историка образования этот документ представляет несомненную ценность, поскольку в нем подробно излагается обсуждаемый вопрос и его генезис. Архаичность законодательных норм о частных учебных

¹ *Лаурсон А.М.* Частные учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения. Собрание Действующих законоположений и распоряжений о частных учебных заведениях и домашнем обучении. СПб., 1912.

² Особые журналы Совета министров Российской империи. 1910 г. М., 2001. С. 192.

заведениях, отмечено в журнале, побудила Министерство народного просвещения коренным образом пересмотреть их, итогом этой работы стал проект новых правил о частных учебных заведениях. В проекте этих правил авторы коренным образом изменили толкование понятия «частное учебное заведение», предлагая частными считать «учебные заведения и учреждения, учреждаемые частными обществами, товариществами и отдельными лицами, при этом заведения могут быть общеобразовательными, специальными и профессиональными»³. Учебные заведения учреждаемые земствами, общественными, городскими и сословными учреждениями, а также конфессиональные школы (медресе, мектебе, хедеры и прочие) проект предлагал из категории частных учебных заведений исключить и отнести к категории правительственных (по источнику средств, на которые эти школы содержатся). Обратим внимание на интересную деталь, оставшуюся вне поля зрения современных ученых до 1910 года земские, сословные, городские и конфессиональные школы правительство относило к категории частных школ. Отметим, что решение Совета министров было следующим: одобрить новое толкование понятия «частное учебное заведение» только для вновь создаваемых учреждений, действующие же школы должны сохранить свой статус «частного учебного заведения»⁴.

Интересно, что проект предполагал изменить принцип деления частных школ по разрядам. На практике частные школы делились по разрядам в зависимости от числа классов, проект предлагал присваивать разряд по итогам экспертизы программ школ на соответствие их программам школ высших, средних и низших правительственных учебных заведений. Проект предполагал разрешение открытия как мужских и женских школ, так и учебных заведений совместного обучения. При формировании учебного плана школ учредителям предоставлялась относительная свобода, обязательными для всех общеобразовательных школ были только Закон Божий, православное вероисповедание и русский язык; для средних школ — также история и география. Если в населенных пунктах, где открывалась школа, преобладали инородцы, то разрешалось преподавание в ней на их языке. Проект предусматривал упрощение процедуры открытия учебных заведений, средние могли открываться с разрешения попечителя учебного округа, низшие уездного (городского) училищного совета. Совет министров рекомендовал «отменить статью 1813 Уставов ученых учреждений и учебных заведений, издания 1893 года, о порядке открытия частных ремесленных и иных технических школ», а обязательными требованиями для учредителей сде-

³ Там же. С. 193.

⁴ Там же. С. 194.

лать русское подданство, возрастной ценз 25 лет, отсутствие преступного прошлого⁵. Особо отмечено было Советом министров, что нехристианам и сектантам, а также старообрядцам можно учреждать учебные заведения только для детей их веры. Совет министров указал также, что лица, лишенные духовного сана за порочность и состоящие под гласным надзором полиции, не могут быть учредителями учебных заведений. В проекте правил предполагалось, что в учебных заведениях, содержащихся товариществами, обществами и отдельными лицами, не удовлетворяющими требованиям образовательного ценза, «полагаются особые заведующие, избираемые равно, как и преподаватели из лиц, получивших образование не ниже установленного для преподавателей в соответствующих правительственных учебных заведениях»⁶. Совет министров дополнил это положение замечанием, что в учебных заведениях для детей христиан заведующими могут быть только христиане. В завершении представления вопроса А.Н. Шварц указал, что «учащие и учащиеся в частных школах никакими правами и привилегиями не пользуются»⁷.

Проект правил предполагал сохранение жесткого контроля за частными учебными заведениями, вверяя их надзору попечителя учебного округа, в обязанности которого вменялось проведение обязательных ежегодных ревизий частных школ. Совет министров рекомендовал внести в правила обязательное наблюдение епархиального начальства за преподаванием Закона Божьего. Любопытным нововведением проекта представляется положение о назначении пособий из казны частным учебным заведениям. Проект предполагал выплачивать постоянное пособие из казны только частным высшим учебным заведениям, а также средним и низшим для обучения слепых, глухих, умственно неразвитых. Единовременное пособие могло быть выплачено лишь школам с преподаванием на русском языке и по утвержденным Министерством народного просвещения программам.

По итогам обсуждения Совет министров принял на вид, что задача пересмотра и приведения в надлежащую систему законодательства о частных учебных заведениях удовлетворительно решается и заявленные предположения заслуживают полного одобрения и дал поручение Министерству народного просвещения внести на законодательное рассмотрение в установленном порядке законопроект о частных учебных заведениях, классах, курсах, по предварительном исправлении в соответствии с замечаниями. Журнал с проектом

⁵ Там же. С. 195.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

«Правил о частных учебных заведениях, классах и курсах» подписан членами Совета министров П.А. Столыпиным, В.Н. Коковцевым, С.А. Воеводским, П.П. Извольским, А.В. Кривошеиным, П.А. Харитоновым, Шварцем, С.В. Рухловым, С.И. Тимашевым, А.А. Поливановым, И.Г. Щегловитовым и одобрен визой «Согласен» императором Николаем II.

Законопроект был внесен Министерством народного просвещения в III Государственную думу и после внесения ряда дополнений и поправок одобрен 9 июня 1912 года (журнал Государственной думы № 153 III/5). Государственный совет, рассмотрев этот законопроект после окончания полномочий III Думы, постановил 22 мая 1913 года, ввиду внесенных в него изменений, возвратить его на основании статьи 49 Учреждения Государственного совета (Св. Зак. Т. I. Ч. 2, изд. 1906 г.) в Государственную думу для нового рассмотрения. Постановлением IV Государственной думы от 6 июня 1913 года измененный Государственным советом законопроект о частных учебных заведениях, классах и курсах МНП, не пользующихся правами правительственных учебных заведений, был передан в комиссию по народному образованию, которая рассмотрела его в заседании 10 марта 1914 года, приняла во внимание что, хотя некоторые из затронутых законопроектом вопросов разрешаются не столь широко Государственным советом, как это предусмотрено в законопроекте, одобренном III Государственной думой, комиссия приняла законопроект в изложении, одобренном Государственным советом. Докладчиком комиссии в IV Государственной думе по законопроекту был депутат В.С. Дрибинцев (земец-октябрист), выбранный от Могилевской губернии и в Думе работавший в комиссиях финансовой, по местному самоуправлению, по старообрядческим делам и по народному образованию⁸.

Законопроект стал законом Российской империи «О частных учебных заведениях классах и курсах Министерства народного просвещения, не пользующихся правами правительственных учебных заведений» 1 июля 1914 года⁹. Под его действие не попали медресе, мектебе, хедеры и частные учебные заведения с правами правительственных. Вместе с законом были утверждены «Правила о частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства народного просвещения, не пользующихся правами правительственных учебных заведений», состоящие из 32 пунктов. В правилах, в отличие от

⁸ Николаев А.Б. Дрибинцев Василий Саввич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 172—173.

⁹ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел первый. 1914. 16 июля. № 177. Ст. 2006.

проекта правил, внесенного МНП, очень широко трактовалось понятие «частное учебное заведение» (учредители земства, города, сословия, приходы, частные общества, товарищества, отдельные лица в возрасте после 25 лет), изменилось наименование частных учебных заведений по разрядам (низшие, средние, высшие); давалось разрешение на открытие как мужских и женских, так и смешанных учебных заведений (на последние надо было получить разрешение попечителя учебного округа (для высших — МНП); разрешался выбор языка преподавания учредителями (но не земствам и городами), отмечалось, что русский язык, словесность история и география должны во всех учебных заведениях преподаваться на государственном языке. Правила подтверждали существовавшую до этого практику выбора предметов преподавания и составления программ учредителями, за исключением обязательного преподавания русского языка, Закона Божьего (или иных исповеданий в школах для инородцев), в учебных заведениях с 4-летним курсом обучения — преподавания отечественной истории и географии. Все это были прогрессивные меры, способствовавшие развитию частного сектора в образовании.

В статьях 10—14 правил выставлялись четкие требования к личности учредителей частных школ, также оговаривалась процедура открытия частных учебных заведений. Эти статьи узаконили существовавшую практику. В статьях 17—25 регулировались отношения между учредителями и заведующими частных школ, а также оговаривались полномочия по контролю частных учебных заведений со стороны органов Министерства народного просвещения; статьи 26—27 посвящены процедуре закрытия частных учреждений образования; статьи 28—29 — правам учредителей, служащих, учащихся частных учебных заведений. В статьях 30—32 говорится о возможности получения пособий частными учреждениями образования от земств, городов сельских обществ и других общественных организаций и их имущественных правах.

Учитывая, что в процессе работы над текстом закона и правил, шла острая дискуссия, точки зрения Совета министров, депутатов и членов Государственного совета по ряду пунктов были прямо противоположными, большим достижением стало создание компромиссного варианта текста закона и правил, устроившего все российское общество.

В завершении отметим, что закон о частных учебных заведениях, классах и курсах МНП, не пользующихся правами правительственных учебных заведений, положил начало созданию качественно новой правовой базы для частного сектора в образовании. Его появление стало насущным требованием времени, и IV Государственная дума, приняв его, дала возможность широкому развитию частной инициативы в сфере образования.

Г.Ю. АФАНАСЬЕВ

Государственная дума и организация экспедиции Г.Я. Седова к Северному полюсу в 1912—1914 гг. — пример парламентского политиканства в реализации общественной инициативы

Накануне выборов в IV Государственную думу лидер кадетов П.Н. Милюков отмечал: «Русская общественность почувствовала потребность в более сильных возбуждениях, нежели ежедневная будничная работа Государственной думы... Публика совсем не интересуется вопросом, как распределить законодательный хлам, оставшийся в наследство от III Думы»¹.

К 5-й сессии III Думы, заканчивающей свою работу, русская национальная фракция утратила в глазах правительства свое положение политической силы, стабилизирующей законодательный процесс. После конституционного кризиса марта 1911 г. и последующего убийства П.А. Столыпина пошатнулись позиции и их лидера П.Н. Балашева.

Новый премьер В.Н. Коковцов, личность, лишенная политического опыта с точки зрения либералов² и «либерал» по оценкам националистов-патриотов, так характеризует последних: «Они разбились, стали мельче, бояться быть слишком близкими к правительству, чтобы это им не повредило на выборах 1912-го года»³. Он оценивал их как «партию красивых, но туманных слов», а практической сущности в них не видел⁴.

Поэтому в начале 1912 г. националисты-балашевцы объективно нуждались в подтверждении своей дееспособности в глазах власти и общества на практике. Этого можно было достигнуть поддержкой и продвижением какого-либо громкого, а также политически не ангажированного предприятия, но непременно направленного на популяризацию национальных начинаний в русском обществе. В немалой степени это обуславливала и необходимость пополнения политического капитала фракции националистов накануне выборов в новую Думу.

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 161.

² Там же. С. 162.

³ Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903—1919 гг. М., 1992. Т. 2. С. 8.

⁴ Санькова С.М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908—1917). Орел, 2006. С. 128.

5 марта 1912 г. в газете «Новое время» была опубликована статья «К Северному полюсу», в которой автор призывал общественность поддержать намерение русского офицера Г.Я. Седова дойти до Полюса (описывал его происхождение из самых низов общества, незаурядный жизненный путь, опыт полярника, любовь к Арктике). Главную цель данной экспедиции автор статьи видел в укреплении национального престижа через участие России в модной для начала XX века «гонки к полюсам», на втором месте — дела научно-исследовательские. Отмечалось, что требуемая сумма крайне мала — 50.000 руб.⁵ Г.Я. Седов в письме-просьбе к редактору М.А. Суворину с призывом к сбору средств также делал акцент на «чести страны»⁶. С этого момента «Новое время» открыло денежную подписку на экспедицию. С 6 по 20 марта 1912 г. велась активная пропаганда этого патриотического начинания: редакция «Нового времени» ежедневно отчитывалась о пожертвованиях, печатала мнения специалистов и общественности, рекламировала феномен «человека из народа» — Г.Я. Седова. Но приток частных пожертвований оказался крайне низок: за 2 недели было собрано всего лишь 2.500 руб.⁷ Такими темпами минимальную сумму в 50.000 руб., которая, по расчетам Г.Я. Седова, требовалась для снаряжения экспедиции, удалось бы набрать лишь через 10 месяцев. Одновременно через печать проводилась мысль о том, что было бы весьма правильно если бы планируемой русской экспедиции к Северному полюсу оказали поддержку национальные политические силы⁸. К слову, сам М.А. Суворин и один из виднейших публицистов и редактор газеты «Россия» С.Н. Сыромятников (друг жены Г.Я. Седова), деятельно агитировавший за экспедицию, были членами Всероссийского национального союза П.Н. Балашева⁹.

10 марта 1912 г. Г.Я. Седов выступил с докладом о проекте экспедиции в Санкт-Петербургском национальном клубе. На мероприятии присутствовали депутаты-думцы от русской национальной фракции П.Н. Балашев, В.А. Бобринский, В.В. Шульгин,

⁵ Первая русская экспедиция к Северному полюсу. СПб., 1912. С. 1—7.

⁶ Письмо Г.Я. Седова редактору газеты «Новое время» [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://mysedovo.narod.ru/images/Sedov12.jpg>

⁷ Цикл статей и заметок «Экспедиция к Северному полюсу» опубликован в газете «Новое время» (См.: Новое время. 1912. 5—20 марта).

⁸ *Иванов М.* Об экспедиции к Северному полюсу // Новое время. 1912. 8 марта.

⁹ *Чернавский М.Ю.* Консервативные идеи в воззрениях С.Н. Сыромятникова // Консерватизм в России и мире. Воронеж, 2004. Ч. 2. С. 146—158; РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1910. Д. 157. ЛЛ. 571—571 об.

А.С. Гижицкий, П.Н. Крупенский. Речь Г.Я. Седова, эмоциональная и обращенная к патриотическим чувствам аудитории, нашла отклик у присутствующих. Сразу же, на экстренном заседании Главного совета Всероссийского национального союза было принято решение принять все возможные меры для поддержки экспедиции¹⁰: для ее организации был образован «Седовский комитет»¹¹ под председательством П.Н. Балашева и В.В. Шульгина¹². Политическая цель акции была выражена днем позже С.Н. Сыромятниковым: «Для меня не важно, достигнет ли полюса экспедиция Седова ... для меня важно, чтобы она пошла на Север, и чтобы на фоне политической борьбы ... выступали сильные люди, идущие жертвовать собой для национальных и научных интересов»¹³.

17 марта 1912 г. в думскую комиссию по направлению законодательных предположений был подан проект о финансировании экспедиции к Северному полюсу за подписью 51 депутата (в основном от русской национальной фракции и октябристов), инициированный депутатами русской национальной фракции П.Н. Балашевым, В.В. Шульгиным, А.А. Мотовиловым. Обозначена общая потенциальная сумма затрат на экспедицию: 150.000 руб. Причем финансирование по запросу предлагалось вести из трех источников: госсубсидия от Морского министерства (50.000 руб.), пожертвования научных учреждений, пожертвования от частных лиц. Таким образом, самому правительству предлагалось лишь «войти в состав» уже инициированного патриотической общественностью престижного предприятия, тогда как за само предприятие де-факто пришлось бы отвечать властьпредержащим¹⁴.

Какую позицию заняли на тот момент первые лица в правительстве? Морской министр И.К. Григорович сам по себе вполне одобрял замысел этой экспедиции, хотя его подчиненные из Главного гидрографического управления и отрицательно относились к затее Г.Я. Седова. Вместе с тем Морское министерство в то время находилось в преддверии окончательного решения судьбы воссоздания флота в Государственной думе, и поэтому придание огласке любого

¹⁰ *Пе-н А.* Экспедиция к Северному полюсу // Русское слово. 1912. 11 марта; Хроника // Россия. 1912. 11 марта.

¹¹ *Кушаков П.Г.* Два года во льдах на пути к Северному полюсу с экспедицией лейтенанта Г.Я. Седова. Пг., 1920. Ч. 1. С. 7, 8.

¹² Комитет для снаряжения экспедиции к Северному полюсу и исследованию русских полярных стран. СПб., 1912. С. 7—8.

¹³ *Сыромятников В.Н.* Русские на Северный полюс // Россия. 1912. 11 марта.

¹⁴ Царское правительство и полярная экспедиция Г.Я. Седова // Красный архив. 1938. № 3. С. 24—26.

внутриведомственного противоречия могло осложнить политическую обстановку вокруг этого многомиллионного ассигнования. Поэтому Морское министерство в данном вопросе заняло одобрительную, хотя и уклончивую позицию¹⁵. Товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов отозвался об идее экспедиции положительно (финансирование полагалось не по его ведомству); министр торговли и промышленности С.И. Тимашев — отрицательно, отталкиваясь от «самоуправства» подчиненного — начальника Отдела торгового мореплавания и портов Министерства С.П. Веселаго, который, не дожидаясь распоряжений сверху, пытался содействовать планируемой экспедиции. Крайнюю обеспокоенность думской инициативой выразило Министерство финансов. Причин было много: сжатые сроки подготовки, неизвестность руководителя в начальствующем мире, но, главное (что отмечал товарищ министра С.А. Вебер), это то, что фактически «Седовский комитет» предлагал правительству профинансировать частную инициативу — «заглотнуть крючок» малых сумм при последующем втягивании государства в гораздо большие траты¹⁶.

Ввиду межведомственных противоречий для окончательного вынесения решения по экспедиции была создана комиссия специалистов и представителей министерств под председательством начальника Главного гидрографического управления А.И. Вилькицкого. Комиссия подвергла критике расчеты Г.Я. Седова. Одновременно нагнетались страсти в прессе: газеты (в том числе и «Новое время») печатали статьи «за» и «против» экспедиции, уделяя основное внимание скандальности в ущерб достоверности¹⁷. 12 мая 1912 г. на итоговом заседании, в присутствии П.Н. Балашева, В.В. Шульгина, С.В. Востротина, В.А. Бобринского, комиссия вынесла отрицательное решение, ставшее основополагающим для отказа Совета министров от финансирования экспедиции к Северному полюсу, последовавшего 17 мая 1912 г.

Депутаты-националисты, взявшие обязательство перед Г.Я. Седовым и обществом найти деньги для экспедиции, сделали последнюю попытку изменить правительственное решение и обрести государственное финансирование — ходатайствовали об отпуске средств перед монархом.

12 июня 1912 г. они через председателя Совета министров передали прошение Николаю II о выделении денег на помощь экспеди-

¹⁵ Кушаков П.Г. Указ. соч. С. 8; Царское правительство и полярная экспедиция Г.Я. Седова. С. 27.

¹⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 511. ЛЛ. 8—8 об.; Ф. 95. Оп. 7. Д. 13. ЛЛ. 1, 5, 6, 7, 8-а.

¹⁷ Кушаков П.Г. Указ. соч. С.14; Нагорный С.Г. Седов. М., 1939. С. 42.

ции. И уже 15 июня 1912 г. царь дал согласие на выдачу 10.000 руб. (выделив их из сметы Морского министерства, внося в специальный пункт), но под влиянием В.Н. Коковцова на определенных условиях: отпустить «не ранее, как явится полная уверенность в том, что экспедиция обеспечена собранными денежными средствами». Одновременно цензурой двора запрещено было всякое предварительное упоминание о высочайшем пожаловании в печати. «Царские деньги» были весомой долей капитала «Седовского комитета», так как всего к июлю 1912 г. было собрано лишь 23.000 руб. Кроме того, эти деньги хотя бы косвенно, но давали экспедиции право на статус национального проекта, а не частной инициативы¹⁸. Получение этого статуса было крайне необходимо П.Н. Балашеву в смысле политических последствий.

Снаряжение экспедиции комитетом было решено организовать в долг по векселям, которые планировалось погасить организованной Всероссийской подпиской. Векселей на 36.000 руб. дал лично М.В. Суворин (согласие финансировать в такой форме он изъяснил еще 12 июня 1912 г.). В его честь Г.Я. Седовым было переименовано («Михаил Суворин» — правда, только неофициально) арендованное для экспедиции судно «Св. Фока».

Несмотря на недостаточные собранные наличные средства, комитет не стеснялся декларировать завышенные обещания для участвующих в предприятии: утвердил крайне высокое жалование членам экспедиции, а также отдельно — весомое содержание их семьям на время плавания¹⁹.

Снаряжение экспедиции было организовано наспех: многие запасы были низкого качества и по завышенной цене, закуплено их было более, чем позволяла грузоподъемность судна. В итоге в Архангельске экспедицией было оставлено много ценных вещей и топлива²⁰. Г.Я. Седов договорился с комитетом о дополнительной доставке оставленного шхуной на Землю Франца-Иосифа к лету 1913 г.²¹

В конце октября и в ноябре 1912 г. после возвращения 5 человек, списанных из экспедиции с Новой Земли, в газетах прошел слух (со слов норвежских зверопромышленников) о гибели судна Г.Я. Седова, впрочем, быстро опровергнутый²². «Комитет для снаряжения экспедиции к Северному полюсу и исследования русских

¹⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 511. Л. 29; Ф. 565. Оп. 7. Д. 28192. ЛЛ. 21, 29.

¹⁹ Там же. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 104. Л. 82 об.

²⁰ Сенкевич Ю.А., Шумилов А.В. Их позвал горизонт. М., 1987. С. 136; Визе В.Ю. Георгий Яковлевич Седов // Русские мореплаватели. М., 1953. С. 42.

²¹ Царское правительство и полярная экспедиция Г.Я. Седова. С. 29.

полярных стран» (официальное название «Седовского комитета») был занят в эти месяцы другими проблемами — ликвидацией долгов по покупкам: продавал с аукциона припасы, предназначенные для дополнительной отправки в экспедицию. 2 февраля 1913 г. постановлением собрания участников, посчитавших свою задачу по снаряжению выполненной, было ликвидировано Архангельское отделение «Комитета для снаряжения экспедиции»²³.

В феврале 1913 г. в русской прессе прошли первые сведения о трагической гибели экспедиции Р. Скотта в Антарктиде²⁴. «Русские ведомости» нашли в этом повод для критики «Балашевского национального комитета», который «сплавил» в путь русскую экспедицию за 3—4 месяца, тогда как Р. Скотт готовился к своей экспедиции в течение 18. Заговорили о снаряжении спасательной экспедиции в Арктику²⁵.

Новые обстоятельства спровоцировали попытку вновь найти государственную поддержку. 24 апреля 1913 г. в комиссию Думы был подан новый проект, опять-таки инициированный русской национальной фракцией (подписан 40 думцами)²⁶. Смысл нового законодательного предположения заключался в том, что «...на помощь экспедиции, снаряженной путем частной инициативы, должно прийти государство широкими средствами». Из общей запрашиваемой суммы финансирования 175.571 руб. — 65.571 руб. предлагалось выплатить по долгам, в которые влез «Комитет для снаряжения экспедиции». Малый приток финансирования от частных пожертвований объяснялся, по мнению заявителей, тем, что первоначальное законодательное предложение 51-го депутата от 17 марта 1912 г. успокоило общественность, и она посчитала вопрос решенным, однако об отклонении данного проекта Советом министров 17 мая 1912 г. ее не уведомили. Указывалось, что правительство, не поддержав это патриотическое начинание, во многом само создало затруднение для дела

²² Царское правительство и полярная экспедиция Г.Я. Седова. С. 30.

²³ О ликвидации архангельского отделения Седовского комитета // Новое время. 1913. 6 февраля; Экспедиция Седова // Русские ведомости. 1913. 21 февраля.

²⁴ Гибель Скотта // Речь. 1913. 1 февраля; Иностранные известия. Гибель капитана Скотта // Россия. 1913. 5 января, 9 февраля.

²⁵ Отмечая героизм путешественников, «Русские ведомости», тем не менее, не смогли воздержаться от критики: «...Вся экспедиция — сплошное «безумство храбрых», которое было бы красиво, если бы к нему не прикоснулись руки «Нового времени», промышлявшего спасением национальной чести» (Экспедиция Седова // Русские ведомости. 1913. 21 февраля.).

²⁶ Первые подписавшиеся: Д.Н. Чихачев 1-й, П.Н. Балашев и В.В. Шульгин (РГИА, Ф. 1276. Оп. 8. Д. 511. ЛЛ. 28—29).

национального значения²⁷. Газета «Россия» лаконично поясняла: при благополучном развитии событий пополнение запасов экспедиции крайне актуально — в марте 1913 г., согласно плану, Г.Я. Седов должен отправиться непосредственно в поход на Северный полюс.

Стоит отметить политический расчет инициаторов запроса от националистов: с февраля 1913 г. началась вереница торжеств по случаю 300-летнего юбилея дома Романовых, достигнувшая апогея в мае 1913 г., когда царская семья путешествовала по волжским городам на пароходе²⁸. В огромном количестве лились дождем «царские деньги»: на милостыню, поддержку студенчества, торжества и народные гуляния на местах до сел включительно (Даже на поиски предков полумифического Ивана Сусанина!)²⁹. Это давало повод для руководителей «Седовского комитета» использовать данные «юбилейные» обстоятельства и организовать патриотической экспедиции Г.Я. Седова существенное государственное финансирование.

Очередная попытка думских националистов лоббировать интересы ими же запущенного рискованного начинания встретила теперь более слабое противодействие высших должностных лиц, в принципе не исключавших возможную посылку спасательной экспедиции. Однако правительство не хотело оплачивать долги «Балашевского комитета», который теперь «желает свалить всю ответственность за проваленное предприятие на правительство»³⁰. Впрочем на непосредственные обращения П.Н. Балашева, В.В. Шульгина и от имени комитета в министерства торговли и промышленности и внутренних дел о посылке помощи экспедиции ответ был отрицательным³¹.

20 июня 1913 г. общее собрание Государственной думы (докладчики И.В. Половцов и Н.В. Савич), рассмотрев законодательное предположение, высказалось за поддержку инициативы и снаряжения экспедиции на поиски Г.Я. Седова. Вместе с тем оно же высказалось отрицательно по поводу спонсирования долговых обяза-

²⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 511. ЛЛ. 28—29.

²⁸ Романовские торжества // Нива. 1913. № 24. С. 12.

²⁹ Там же. С. 14.

³⁰ РГИА. Ф. 95. Оп. 7. Д. 13. ЛЛ. 34—34 об.; К экспедиции лейтенанта Седова / В Совете министров / Вечерняя хроника // Новое время. 1913. 16 июня; РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 511. Л. 41.

³¹ РГИА. Ф. 95. Оп. 7. Д. 823. ЛЛ. 4—5; Ф. 1284. Оп. 190. Д. 351-б. Л. 177. В эти же дни Государственная дума, по совету депутата-кадета А.А. Добровольского, снизила расходы на ледокол «Ермак» по смете МТиП, о посылке которого на помощь экспедиции Г.Я. Седова ходатайствовали в своих обращениях национальные депутаты (Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. III. Стб. 1425).

тельств «Балашевского комитета». Докладчики обратили внимание депутатов на то, что экспедиция устроена частными лицами, которые несут полную финансовую ответственность, а в случае удачи последние получили бы материальные выгоды³². Это вызывало приступ политизированной газетной шумихи в национально-ориентированной, кадетской и прогрессистской печати³³.

В сентябре 1913 г. полученные известия об экспедиции (вернулся штурман Н.П. Захаров и 6 человек) по существу отложили вопрос о поиске³⁴. Возвращение этой группы было ценно доставкой результатов научных наблюдений Новой Земли, фотографий и киносъемки будней экспедиции. Комитет это хорошо использовал: Н.П. Захарову устроен доклад в Географическом обществе, фотографии и кинохроника демонстрировались по синемаатографам с взиманием платы, издан красочный номер журнала «Искры», посвященный экспедиции, обильно украшенный фотографиями³⁵. В комитетскую кассу пошел новый поток пожертвований, на этот раз от благотворительных организаций³⁶. Но, главное то, что по результатам доклада Н.П. Захарова, Географическое общество признало необходимым вмешаться и ходатайствовать перед Советом министров об отправке дополнительной экспедиции на поиски Г.Я. Седова. 1 января 1914 г. на личной встрече с В.Н. Коковцевым, и.о. начальника Главного гидрографического управления А.И. Варнек, перечислив научный материал, собранный экспедицией Г.Я. Седова у Новой Земли, добился от того изменения его позиции о госфинансировании поисков полярников. Для подтверждения официальной мотивации финансирования 14 января 1914 г. А.И. Варнеком был составлен доклад, оценивающий положительно уже произведенные научно-исследовательские наблюдения Г.Я. Седова. Для гарантии безотлагательного решения вопроса депутаты-националисты в очередной раз использовали возможности законодательного учреждения — 17 января 1914 г. Дума приняла заявление о неотложности рассмотрения дела о снаряжении экспедиции на поиски Г.Я. Седова, передав его «для скорости» напрямую заведующему министерским павильоном к последующей пе-

³² Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. III. Стб. 2502—2503; В Государственной думе // Новое время. 1913. 23 июня.

³³ Об одном русском деле // Новое время. 1913. 27 июня; Пока не поздно // Новое время. 1913. 9 июля; *Скиталец*. Ура-экспедиция // Раннее утро. 1913. 23 июня.

³⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 511. Л. 57.

³⁵ К полюсу // Искры. 1913. № 41. С. 27—44; РГИА. Ф. 796. Оп. 199. VII отд. 1 стол. Д. 41. Л. 3.

³⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 104. Л. 81 об.

редаче В.Н. Коковцову. 18 января 1914 г. решение было одобрено на заседании Совета министров. Согласно этому решению, проведение спасательной экспедиции было поручено Морскому министерству при участии Министерства торговли и промышленности³⁷. Однако для придания законопроекту объективности в него было включено дополнительное условие организации поисков еще двух пропавших в Арктике экспедиций: Л.Г. Брусилова и В.А. Русанова (правда, 2/3 выделяемых средств выписывалось все же на поиски Г.Я. Седова). Все это усилило критику кадетов, усмотревших в таком планировании средств явный перекос в сторону «политизированной экспедиции», потерпевшей, с их точки зрения, явный крах³⁸.

3 июня 1914 г. на общем собрании Думы законопроект был принят. В прениях кадет С.В. Востротин подверг резкой критике организаторов экспедиции Г.Я. Седова — русскую национальную фракцию, П.Н. Балашева и «Седовский комитет», пославших ее на заведомую гибель ради увеличения политического капитала фракции³⁹.

В результате, правительству пришлось полностью взять на себя все траты по экспедиции Г.Я. Седова (кроме долгов «Балашевского комитета»), включая поиски и выплату жалования вернувшимся ее участникам, что, — по существу! — подвело красную черту прежнему сотрудничеству и полупартнерским отношениям между лидерами русских националистов и высшей столичной бюрократией. Изначально весьма уверенные в возможности организации через общественность и Думу государственной поддержки идее экспедиции лидеры националистов в погоне за обретением политического престижа в широких слоях общества решились на действия, носящие крайне опрометчивый и авантюрный характер. Проект полярной экспедиции Г.Я. Седова, изначально воспринятый лидерами националистов исключительно как способ раскрутки их ура-патриотических идей, при его воплощении столкнулся с реальными сложностями, и, в итоге, наоборот, нанес вред исключительно репутации П.Н. Балашева и его окружения. Поэтому в глазах столичного общества неудача полярной экспедиции Г.Я. Седова не выглядела не столько виной самого исследователя, сколько виной нежизнеспособного политического популизма лидеров националистов в Государственной думе.

³⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 511. ЛЛ. 57, 60—62, 73, 75; На выручку экспедиции Седова / В Совете министров // Голос Руси. 1914. 21 января.

³⁸ С.У. Провинциальная почта. Письма с Севера // Русские ведомости. 1913. 13 марта.

³⁹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. III. Стб. 494—497; РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 1550. ЛЛ. 58, 59.

Л.С. БОКАРЕВА

Вопрос о реформе прихода в IV Государственной думе

Оживление прихода, возврат былого величия и влияния Православной Российской Церкви в начале XX в. связывали с проведением в жизнь приходской реформы. Борьба за реформу прихода развернулась в IV Государственной думе. В первую же сессию думскими деятелями было внесено четыре законодательных предположения, связанных с вопросом о преобразовании православного прихода и улучшением материального положения духовенства¹.

28 марта 1914 г. Общее собрание Думы, не рассматривая разногласий между четырьмя законодательными предположениями, постановило передать их в комиссию по делам Православной Церкви для разработки единого варианта (в котором решались бы оба вопроса — и об обеспечении духовенства, и об организации прихода), несмотря на заявление товарища обер-прокурора Св. Синода П.С. Даманского о том, что «обер-прокурор Св. Синода берет на себя разработку соответствующих законопроектов»². Таким образом, инициатива по выработке ожидаемых реформ была возложена на комиссию по делам Православной Церкви. Но она ей так и не воспользовалась, приступив к изучению законодательных предположений лишь весной 1916 г. в рамках обсуждения внесенного Св. Синодом проекта устава православного прихода³.

¹ См. подробн.: *Бокарева Л.С.* К вопросу о законодательных предположениях IV Государственной думы по реформированию православного прихода (1913 г.). // Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 7 декабря 2010 г. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2011. С. 203—212.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 682. Л. 31.

³ Обсуждая в марте 1916 г. законопроект, внесенный синодальным ведомством по реформе прихода, В.П. Шеин указал, что шансом этим не воспользовались «в виду сделанного заявления товарищем обер-прокурора Св. Синода о том, что ведомство берет на себя разработку соответствующих законопроектов, а также из-за перерыва занятий законодательных учреждений вследствие войны, комиссия по делам Православной Церкви не приступала к выработке означенных законопроектов» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 595. Л. 143 об.). Таким образом, почти ровно два года депутаты как будто ждали своего часа для разработки реформы (коренной правки внесенного законопроекта), хотя могли приступить к ней еще до начала войны, весной 1914 г.

Накануне Первой мировой войны на заседаниях при обсуждении сметы Св. Синода на 1914 г. Думы звучали критические речи в адрес ведомства за медлительность в деле проведения в жизнь давно ожидаемой приходской реформы. Докладчик бюджетной комиссии В.П. Шеин (националист)⁴ на заседании 28 апреля 1914 г. указывал на желательность церковных преобразований вне зависимости от созыва Собора: «Время созыва и самое событие сего созыва совершенно неизвестно, и потому едва ли возможно ставить наступление одного из самых неотложных церковных преобразований в зависимость от событий, наступление которых совершенно неизвестно»⁵. Е.П. Ковалевский (земец-октябрист)⁶ обвинил Синод в том, что 5 лет он отделывался одними замечаниями, а абсолютно не желает двигаться вперед в деле церковных преобразований: «Каждый год бюджетная комиссия выслушивает совершенно удовлетворительные сообщения о существовании комиссии, подкомиссии и всякого рода совещаний, работающими над назревшими вопросами церковной жизни»⁷. По сути, Ковалевский говорил о создании видимости работы. А.Л. Трегубов (националист)⁸ в своем выступлении подчеркивал, что мнение о том, что духовенство боится приходской реформы, так как лишится лидирующих позиций, ошибочно: «Я считаю долгом засвидетельствовать, что заветная наша мечта видеть приход реформированным, мы не боимся этой реформы, мы ее желаем»⁹.

«Самый характер заседаний в Государственной думе по церковным вопросам давал общее впечатление, чрезвычайно неблагоприятное для Церкви, общая картина была такой, как будто Церковь и особенно ее иерархи есть враг, с которым Дума борется беспрестанно и с раздражением», — писал А. Яковлев¹⁰. Как и в предыдущие

⁴ *Николаев А.Б.* Шеин Василий Павлович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 693—694.

⁵ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. 3. Стб. 1249.

⁶ *Николаев А.Б.* Ковалевский Евграф Петрович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 256.

⁷ Приходский вопрос в Четвертой Государственной думе. Пг., 1914. С. 6.

⁸ *Николаев А.Б.* Трегубов Александр Лаврентьевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 618.

⁹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. 3. Стб. 1262.

¹⁰ *Яковлев А.* Отрицательные и положительные стороны церковной политики Государственной думы // Прибавления к Церковным ведомостям. 12 июля. 1914. № 28.

годы, бюджет Св. Синода¹¹ был утвержден, а обещанные преобразования оставались на бумаге.

8 июня 1914 г. обер-прокурором В.К. Саблером «было внесено в Государственную думу, согласно синодальному определению от 21 мая 1914 г. за № 4494, представление за № 7169 об утверждении проекта Устава православного прихода»¹². Но законопроект пробыл в Думе недолго. По просьбе обер-прокурора Св. Синода А.Д. Самарина при отношении от 21 августа 1915 г. за № 1509 председатель Государственной думы М.В. Родзянко «вследствие отношения от 5 августа 1915 г. за № 7933 возвратил на основании ст. 47 Учреждения Государственной думы, представление от 8 июня 1914 г. за № 7169 об утверждении проекта Устава православного прихода»¹³. Зная, что А.Д. Самарин пользовался репутацией «общественника», можно допустить, что он хотел переработать проект, который в последней редакции имел крайне консервативный характер. Но сделать это не пришлось, так как вскоре на посту обер-прокурора его сменил А.Н. Волжин¹⁴.

Новый обер-прокурор вновь внес законопроект о православном приходе на рассмотрение Государственной думы 13 декабря 1915 г. согласно «определению Св. Синода от 9 декабря 1915 г. за № 9961»¹⁵ и сделал это в том окончательно исправленном виде, в каком он одобрен Св. Синодом¹⁶. Другими словами, «обер-прокурор не усматривал со своей стороны нужды в новом рассмотрении одобренного Св. Синодом устава¹⁷, т.е. проект вносился без изменений. 10 февраля 1916 г. законопроект был передан в комиссию по делам Православной Церкви.

В основу проекта устава православного прихода были положены следующие начала: «привлечение прихожан к деятельному участию

¹¹ «По этой смете испрашивалось 53 093 225 руб.: на церковно-приходские школы 22 254 486 руб., на содержание городского и сельского духовенства — 17 890 534 руб., пособие на духовные учебные заведения — 7 433 087 руб. Оставшиеся 5 514 118 руб. предназначались на покрытие разнообразных нужд и потребностей духовного ведомства» (Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Ч. 3. Стб. 1240.).

¹² РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 1179. Л. 2.

¹³ Там же. Д. 478. Л. 41.

¹⁴ *Фоминых Е.В.* Проекты церковных преобразований в России в начале XX в.: Дисс. ... к. ист. н. Л., 1987. С. 143.

¹⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 1179. Л. 2об.

¹⁶ Реформа прихода / Государственная дума // *Маленькая газета*. 1916. 26 февраля.

¹⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2786. Л. 303.

в приходской жизни; установление обязательности приходских собраний и советов во всех приходах; руководящая роль в приходе должна принадлежать приходскому священнику, при общем подчинении его и прихожан епископу. В силу этого начала священник не только председательствует в приходском собрании и в приходском совете, но он же руководит их занятиями и отвечает за законность постановлений того и другого»¹⁸. Проект устава православного прихода насчитывал 62 статьи и состоял из 7 глав: «О приходе» (глава 1), «О прихожанах» (глава 2), «О приходском собрании» (глава 3), «О приходском совете» (глава 4), «Об имуществе» (глава 5), «О приходских повинностях» (глава 6), «О приходских учреждениях» (глава 7).

На заседании комиссии по делам Православной Церкви 17 февраля 1916 г. был выбран докладчиком по законопроекту об утверждении проекта устава православного прихода В.Н. Львов (центр)¹⁹, действующий председатель комиссии²⁰. Первое заседание по приходскому вопросу состоялось 9 марта 1916 г., на нем был заслушан доклад В.Н. Львова. Признавая реформу православного прихода «одной из насущных реформ в русской Православной Церкви»²¹, в то же время он критиковал проект синодального ведомства за отсутствие заботы о единстве приходской организации. Он сравнивал данный проект с проектом, выработанным IV отделом Предсоборного присутствия, и находил, что последний предоставлял «мирянам такие права, как право представления кандидата в члены клира, право участия в заведывании церковным имуществом, право контроля и заведывания церковно-приходскими школами и право братского суда, проект же ведомства не имеет соответствующих постановлений, чем сильно ограничивает деятельность прихожан»²². Таким образом, подчеркивая недостатки проекта Св. Синода, докладчик делал вывод о том, что данный проект отвергать не следует, «предпочтительнее пользоваться им как канвою в работе, стоит принять проект IV отдела Предсоборного присутствия как главный материал для деятельности комиссии, исключая из него лишь статьи, носящие канонический, либо нравоучительский характер»²³.

Товарищ председателя В.П. Шеин справедливо отметил, что с формальной стороны комиссия должна рассматривать внесенный ве-

¹⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 1179. Л. 30.

¹⁹ Николаев А.Б. Львов (Львов 2-й) Владимир Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 337.

²⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 595. Л. 132.

²¹ Там же. Л. 140 об.

²² Там же. Л. 141.

²³ Там же. Л. 142.

домством законопроект, а не создавать новый, а потому был поставлен на голосование вопрос: «Угодно ли комиссии положить в основании работ по вопросу о преобразовании православного прихода законопроект ведомства православного исповедания, дополняя и изменяя его постановлениями проекта устава о приходе IV отдела Предсоборного присутствия»?²⁴ Комиссия единогласно решила поставленный вопрос утвердительно. Сведения об этом решении появились в прессе, где дополнительно также сообщалось, что комиссия вынесла пожелания, чтобы «пастырские собрания, устраиваемые ныне в связи с вопросом о реформе церковного прихода поставляли бы в комиссию отзывы о ходе своих работ»²⁵. Итак, наконец-то комиссия приступала к рассмотрению проекта устава православного прихода, и ею намечалось внести изменения в проект.

9 марта 1916 г. с пометкой «срочно»²⁶ было направлено письмо обер-прокурору Св. Синода А.Н. Волжину с сообщением, что комиссия по делам Православной Церкви приступила к рассмотрению законопроекта об утверждении проекта устава православного прихода. 10 марта 1916 на заседании комиссии уже присутствовали товарищ обер-прокурора Св. Синода Н.Ч. Зайончковский, директор Канцелярии обер-прокурора Св. Синода В.И. Яцкевич, член Учебного комитета при Св. Синоде профессор М.А. Остроумов, профессора Петроградской духовной академии Н.Н. Глубоковский и П.Н. Жукович. В.Н. Львов высказался за переход к постатейному обсуждению законопроекта, «т.к. вопрос о желательности преобразования настолько ясен, что открытие общих прений по нему следовало бы считать излишним»²⁷. На этом заседании были рассмотрены первые две статьи законопроекта. Первая статья устава православного прихода содержала в себе определение прихода, без чего в принципе невозможна была разработка положений жизнедеятельности приходской организации. Данная статья законопроекта ведомства была отклонена в пользу статьи в формулировки IV отдела Предсоборного присутствия. Основное отличие заключалось в том, что в проекте синодального ведомства приходом именуется «союз православных христиан»²⁸, а также подчеркивается власть епископа, так как приход составляет «часть паствы епископа»²⁹, и пастырское руководство вручается епископом. По мнению Св. Синода, данная

²⁴ РГИА. Л. 143.

²⁵ Проект православного прихода / Церковные дела // Бессарабия. 1916. 12 марта.

²⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 599. Л. 95.

²⁷ Там же. Д. 595. Л. 147.

²⁸ Там же. Оп. 7. Д. 1179. Л. 24.

²⁹ Там же.

статья носила канонический характер, а потому ее следовало оставить без изменений.

В принятом тексте статьи комиссией по делам Православной Церкви приход есть «церковное учреждение, состоящее в ведении епископа»³⁰, «под пастырским руководством священника и при назначенном для того церковною властью храме»³¹, таким образом, не указывалось, что епископ назначает священника, а отмечалось, что церковная власть выбирает храм, при котором служит священник. А также «союз» в определении Св. Синода был заменен на «учреждение», слово, которое по своему применению было в большей степени из области светских отношений.

Были также включены две новые относительно проекта синодального ведомства статьи — о назначении прихода, его связи с единой апостольской Церковью (данный фрагмент был выделен в самостоятельную статью в противовес включению указания на это в самом тексте определения прихода). Ст. 2 синодального законопроекта (определение прихожанина) была отклонена, и принята в редакции IV отдела Предсоборного присутствия. Помимо, естественно, обязательного условия исповедовать православную веру, вводилось дополнительное ограничение в принятой статье комиссией по делам Православной Церкви — прихожанами именовались «занесенные в приходскую книгу»³². В проекте синодального ведомства данное условие оговаривалось в отдельной статье в главе «О прихожанах», только документ, в которую заносятся сведения, именовался не «приходской книгой», а «приходскими списками».

На следующем заседании, на котором к представителям от Св. Синода присоединился профессор А.И. Алмазов и секретарь Св. Синода В. Введенский, Зайончковский высказал позицию Синодального ведомства к происходящему обсуждению в комиссии: «Св. Синод не разделяет взглядов проекта IV отдела Предсоборного присутствия, почему им одобрен был к внесению в Государственную думу особый проект православного прихода»³³. Таким образом, высказывалось неодобрение вносимых изменений и давалось понять членам комиссии по делам Православной Церкви, что они пошли нежелательным для ведомства православного исповедания пути. После данного заявления товарища обер-прокурора продолжилось постатейное обсуждение проекта устава.

Статья 3 проекта синодального ведомства была оставлена без изменений, так как В.Н. Львов указал, что аналогии «в проекте нор-

³⁰ РГИА. Оп. 5. Д. 595. Л. 155.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 156.

мального устава не имеется»³⁴, и это, безусловно, пробел, по его мнению. С ним согласились остальные члены комиссии. При обсуждении статьи 4 проекта устава (об изменении границ приходов) вновь симпатии склонились в сторону нормального устава IV отдела Предсоборного присутствия и с небольшими поправками. По предложению от. Ф.Д. Филоненко (центр)³⁵ было добавлено, что «пределы прихода могут изменяться только «по ходатайству прихожан»³⁶, а по предложению от. А.С. Будиловича (земец-октябрист)³⁷ внесено в текст 4 статьи, что «изменение границ данного прихода поставить в зависимость от согласия других смежных приходов»³⁸, статья была принята.

Также В.Н. Львов указал, что ряд статей, присутствующих в проекте IV отдела Предсоборного присутствия, не имеют соответствующих в законопроекте ведомства: об установлении числа членов причта, о назначении настоятеля прихода, о назначении и увольнении членов клира. Как представляется, данные статьи отсутствовали в законопроекте неслучайно. Профессор П.Н. Жукович сделал замечание, что вышеуказанные вопросы «относятся к внутреннему церковно-иерархическому распорядку»³⁹. Давал объяснения по поводу статей, не включенных в синодальный проект, и товарищ обер-прокурора Св. Синода Н.Ч. Зайончковский, объясняя это тем, «что Св. Синод полагает, что эти статьи сюда внесены не должны быть, и мы полагали, что статьи такого характера не подлежат рассмотрению Государственной думы»⁴⁰.

На эти возражения председатель комиссии В.Н. Львов парировал: «На основании каких законов Государственная дума не может касаться вопросов, затрагиваемых в предлагаемых статьях?»⁴¹ Не возымели успокоительного действия и слова профессора М.А. Остроумова: «Как бы ни была велика компетенция Государственной думы, но в законе нет титула, по которому она могла бы рассматривать и решать чисто церковные вопросы»⁴². Ответ В.Н. Львова был очеви-

³⁴ РГИА. Л. 161.

³⁵ Николаев А.Б. Филоненко Федор Дмитриевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 646.

³⁶ РГИА Ф. 1278 Оп. 5. Д. 595. Л. 160 об.

³⁷ Николаев А.Б. Будилович (Будзиллович) Александр Семенович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 69.

³⁸ РГИА Ф. 1278 Оп. 5. Д. 595. Л. 160 об.

³⁹ Там же. Л. 162.

⁴⁰ Там же. Д. 596. Л. 93.

⁴¹ Там же. Д. 595. Л. 163.

⁴² Там же.

ден: «Говорят, что затрагиваемые вопросы относятся к области церковного законодательства, но такового, к сожалению, у нас нет»⁴³. А может быть, все-таки есть? Мы не случайно так подробно остановились на изложении возникшего спора между председателем комиссии и представителями от синодального ведомства. Во многом и вопрос, обращенный В.Н. Львовым⁴⁴ к сторонникам не обсуждения чисто церковных, на их взгляд, вопросов в законодательных учреждениях, и его ответ об отсутствии в Российской империи церковного законодательства был провокационным.

Стоит отметить, что весь проект реформы православного прихода был разделен Св. Синодом на 2 самостоятельных законопроекта: «Основные положения о церковном управлении православного прихода», заключающему в себе 18 статей, а другой — «Устав православного прихода»⁴⁵. «Основные положения о церковном управле-

⁴³ РГИА. Л. 163 об.

⁴⁴ Одним из аргументов в пользу провокационных заявлений В.Н. Львова, направленных на разглашение представителями Синодального ведомства имеющегося Особого журнала Совета министров, можно указать и то, что сам Львов еще в 1914 г. опубликовал (на правах рукописи) подробный разбор церковного законодательства по новым Основным законам 1906 г. И среди прочего В.Н. Львов приходил к четырем основным выводам: «1. Определения догматические и канонические, пастырские послания, совершение святых таинств и обрядов, предметы богослужения и пастырского руководства пасомыми разрешаются исключительно Св. Синодом, как высшим Церковным органом. 2. Постановления Св. Синода по Церковному Управлению восходят из Св. Синода в порядке верховного управления на непосредственное утверждение государя императора, как верховного защитника Церкви и блюстителя правоправия и всякого в Церкви святой благочиния. 3. Ассигнования из Государственного казначейства, наделения государственными правами, как-то: правами пенсионными, государственной службы за выслугу лет, юридического лица, штаты, самообложения и т.д. восходят на утверждение верховной государственной власти обычным законодательным порядком через Государственную думу и Государственный совет. 4. Обер-прокурор по делам церковного управления, в п. 2 обозначенном, имеет непосредственные доклады у его величества, по делам же, в п. 3 обозначенным, докладывает Совету министров согласно его учреждению. Путь отношений, который указан Основными Законами, путь единственно разумный, путь раздельности церковного управления от общегосударственного и слияния их только в лице православной верховной власти государя императора» (*Львов В.Н.* Правовое положение Церкви православной в русском государстве (на правах рукописи). СПб., 1914. С. 36).

⁴⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 837. Л. 248.

нии православного прихода» включали в себя «определения, что такое приход и кого должны именовать под прихожанами, храмом, причтом, церковным имуществом»⁴⁶, так как они содержали в себе статьи исключительно церковно-канонического характера с точки зрения Св. Синода. На данное разделение у Св. Синода были все основания, так как он действовал согласно неопубликованному Особому журналу Совета министров от 4 сентября 1913 г.⁴⁷

Ведь несмотря на то, что депутаты Государственной думы так и не получили ответ на свой запрос о разъяснении статьи 65 Основных законов⁴⁸, касающейся церковного управления, а Особый журнал Совета министров так и не был опубликован, слухов как и дыма без огня не бывает, а потому, трудно предположить, что члены комиссии по делам Православной Церкви не знали о щепетильности вопроса о церковном законодательстве при обсуждении проекта «Устава православного прихода». Представители же синодального ведомства не могли открыто сослаться на не опубликованный Особый журнал Совета министров от 4 сентября 1913 г. А также они не могли дать так желаемые депутатами объяснения, так как были ско-

⁴⁶ РГИА. Л. 249.

⁴⁷ Особым журналом Совета министров от 4 сентября 1913 года о порядке направления законопроектов по ведомству православного исповедания, утвержденным императором Николаем II 23 сентября 1913 г., было постановлено, что «возникающие в управлении церковном законодательные дела, коими затрагиваются предметы общего законодательства или круг ведения иных, кроме ведомства православного исповедания, государственных учреждений или кои сопряжены с расходами государственного казначейства, разрешаются в общем законодательном порядке, но лишь в тех частях, которые не касаются единственно церковного законодательства» (Особые журналы Совета министров Российской империи. 1913. / Отв. сост. Б.Д. Гальперина. М., 2005. С. 353), указанные в данном пункте дела «подлежат предварительному рассмотрению Св. Синода, и затем соответствующие предположения ведомства православного исповедания, по одобрении их Советом министров, вносятся установленным порядком на уважение Государственной думы» (Там же). К церковному законодательству относили вопросы канонического, догматического, богослужебного, обрядового и пастырского характера.

⁴⁸ 29 октября 1913 г. председателю Совета министров было направлено обращение депутатов Государственной думы «за разъяснением по вопросу о том, насколько отвечают действительности помещенные в некоторых органах периодической печати сведения о состоявшемся постановлении Совета министров относительно порядка применения ст. 65 Зак. осн.» (РГИА Ф. 1276 Оп. 9 Д. 830. Л. 73.). Власть никаких комментариев по этому обращению не давала.

ваны все тем же решением о непредоставлении Государственной думе причин и оснований, по которым часть статей была выведена в отдельный документ, не представленный на рассмотрение депутатам. Таким образом, запретить дальнейшее обсуждение статей, выведенных за рамки гражданских отношений, депутатам никто не мог, и они продолжали обсуждение и включение данных статей в рассматриваемый ими законопроект. Отдельное существование «Основных положений о церковном управлении православного прихода» становилось бессмысленным, так как принятые и утверждаемые исключительно монаршей властью постановления шли бы вразрез с постановлениями «Устава православного прихода», куда активно вносились правки, дополнения депутатами Государственной думы с содержанием в том числе «запрещенных к обсуждению» вопросов.

Приводились депутатами и другие аргументы, почему установление числа членов причта и др. должно находиться в ведении Думы. Так, депутат А.А. Назаров (кадет)⁴⁹ отметил, что «как же Государственная дума не может не касаться вопроса о штатах духовенства, когда ей предлагают обеспечить это духовенство»⁵⁰. Однако же, вопрос обеспечения духовенства не входил в означенный «Устав православного прихода». Товарищ председателя В.П. Шеин объяснил, «Государственная дума никогда не отделяла обеспечение духовенства от преобразования прихода, вопрос обеспечения материального содержания духовенства не соединен с рассматриваемым законопроектом единственно в целях не задерживать проведение таковой важной реформы, как преобразование православного прихода»⁵¹. Несмотря на возражения со стороны представителей синодального ведомства, в законопроект были включены статьи об установлении штатов причта — «не менее как из двух лиц: священника и псаломщика»⁵², о назначении священника в приход — «при назначении клириков епископом принимается во внимание желание прихожан, непременно мотивированное, а в случае отказа дается ответ, по возможности, с объяснением причин такого отказа»⁵³. Обе эти статьи не выносились на обсуждение Государственной думы, а были включены в «Основные положения о церковном приходе». Состав причтов в приходе согласно «Основным положениям..» определялись особыми штатами, без указания минимального количества, по по-

⁴⁹ Николаев А.Б. Назаров Аристарх Андреевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 392.

⁵⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 595. Л. 162.

⁵¹ Там же. ЛЛ. 170—170 об.

⁵² Там же. Л. 175.

⁵³ Там же. Л. 202.

воду кандидатов от прихожан при назначении священника в приход говорилось, что епархиальный архиерей «может принимать во внимание и ходатайства прихожан, если таковые ему представлены и относятся к лицам, правоспособным к занятию данного места»⁵⁴, а может и не принимать, к тому же и процедура их подачи также не регулировалась.

Особый интерес у депутатов вызвала статья о назначении священников в приход. И вновь прозвучали возражения о недопустимости рассмотрения этой статьи в комиссии. На что В.Н. Львов, уже неоднократно выступавший ранее по вопросу непринятия несуществующего, по его мнению, в России церковного законодательства, произнес пылкую речь, в которой призывал ведомство к ответу, почему не созван Церковный Собор. С одной стороны, отмечал В.Н. Львов, «статья, относительно права ходатайства прихода в отношении клира, эта статья канонического характера, должна получить законодательно правовую норму, потому что она не такая статья, которая сегодня может быть дана, а завтра может быть отнята, без этой статьи приход будет неполноправным и недостаточно жизненным»⁵⁵. А с другой стороны, Св. Синод сам виноват в нежелательных для него обсуждениях, так как будь созван Поместный Собор ранее, «тогда бы все эти препирательства не имели бы места»⁵⁶.

На следующем заседании комиссии по делам Православной Церкви депутат А.А. Назаров заявил, что приглашенные ведомством профессора не относятся к числу лиц, упомянутых в ст. 41 Учреждения Государственной думы, а потому присутствие их в заседании Комиссии неправильно⁵⁷. В.Н. Львов обратился 15 марта 1916 г. к председателю Государственной думы за разъяснением, что «так как согласно ст. 41 Учр. Государственной думы сведения по специальным предметам могут быть предъявляемы министрами или главноуправляющими при содействии должностных лиц, заведывающих делами по означенным предметам, между тем к таким лицам едва ли возможно причислить названных профессоров, последние должны быть рассматриваемы лишь в качестве сведущих лиц, приглашенных ведомством православного исповедания для поддержания, ссылкой на научные данные, соображений внесенного названным ведомством представления»⁵⁸. Однако, В.Н. Львов пытался использовать произошедшее отклонение от действующих законов как прецедент,

⁵⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 837. Л. 330 об.

⁵⁵ Там же. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 596. Л. 114.

⁵⁶ Там же. Л. 135.

⁵⁷ Там же. Д. 595. Л. 180.

⁵⁸ Там же. Д. 599. Л. 97.

и более того добиться гораздо большего: «Принимая во внимание, что присутствие в заседаниях сведущих лиц не предусмотрено ни законом, ни «Наказом» Государственной думы, прошу ваше превосходительство вынести на обсуждение совещания вопрос о допущении сведущих лиц в заседания комиссии и в случае разрешения сего вопроса в положительном смысле сообщить мне имеет ли комиссия право требовать, чтобы ведомство приглашало лиц, могущих осветить обсуждаемые комиссией предметы не только с точки зрения самого ведомства, а беспристрастно и всесторонним образом»⁵⁹. Принятие этого решения позволило бы приглашать экспертов в области церковного права, и скорее всего, не только лояльных к синодальному ведомству, которое лишь усиливало свое представительство в комиссии за счет приглашенных профессоров, отстаивающих единый взгляд на реформу. В этот же день, 15 марта 1916 г., своим определением за № 1953 Св. Синод постановил: ввести своих представителей в комиссию по делам Православной Церкви для рассмотрения законопроекта об утверждении «Устава прихода»: «профессоров Петроградской духовной академии [Н.Н.] Глубоковского, [П.Н.] Жуковича, Московского университета [А.И.] Алмазова, и Харьковского университета — [М.А.] Остроумова»⁶⁰. На следующем состоявшемся заседании 16 марта 1916 г. А.А. Назаров повторно сделал заявление по вопросу о присутствии профессоров, на что председатель комиссии В.Н. Львов сообщил, что в связи с этим уже отправлено отношение председателю Государственной думы⁶¹.

Другая небезынтересная история с обсуждением законопроекта о приходе в комиссии была связана с присутствием на ее заседаниях стенографов. В.П. Шеин направил отношение от 14 марта 1916 г. председателю Государственной думы с просьбой командировать стенографов в заседания комиссии по делам Православной Церкви в связи с «чрезвычайной важностью проекта «Устава православного прихода», а также с необходимостью стенографирования «даваемых представителями ведомства разъяснений и происходящих в комиссии прений по означенному проекту»⁶². Еще при обсуждении принимаемого постановления депутат Н.Ф. Каптерев (прогрессист)⁶³ указывал на нежелательность такого решения «в виду присутствия в заседании представителей ведомства православного исповедания,

⁵⁹ РГИА. Л. 97 об.

⁶⁰ Там же. Оп. 7. Д. 1179. Л. 40.

⁶¹ Там же. Оп. 5. Д. 595. Л. 191.

⁶² Там же. Д. 599. Л. 96.

⁶³ *Николаев А.Б.* Каптерев Николай Федорович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 235.

которые могут поставить в вину участвующим в прениях духовным лицам содержание некоторых их речей»⁶⁴. Н.Ч. Зайончковский отстаивал, что «их мнение — дело их религиозной совести, и ведомство никогда батюшек здесь не стесняло»⁶⁵. Однако сами батюшки, по всей видимости, так не считали, и вполне разделяли мнение Н.Ф. Каптерева. Результатом чего стала отмена стенографирования заседаний, после обращения В.Н. Львова к председателю Государственной думы 28 марта 1916 г., «так как стенографирование речей, как оказалось, крайне стесняет работу прений и возникают недоразумения и пререкания, в коих председатель комиссии лишен всякой возможности разобраться»⁶⁶.

В ходе дальнейших заседаний комиссии были рассмотрены статьи об учете прихожан при храме — «приходские списки» были заменены на «приходские книги»⁶⁷, внесено уточнение, что сведения о том, кто и как содействовал благосостоянию прихода, вносятся только в случае желанья на то прихожанина; о переселении из прихода в приход — «переходное свидетельство» отменялось, вводилась «выписка из приходской книги»⁶⁸. Эти изменения были не столь существенны, носили уточняющий характер. Были внесены коррективы в состав приходского собрания, в который теперь могли входить не только «лица, платящие приходские сборы»⁶⁹, а все «прихожане, достигшие 25 летнего возраста, независимо от материального ценза»⁷⁰, материальный ценз учитывался только при решении вопросов, связанных с приходским самообложением. Статья о тех, кто был лишен права участия в приходских собраниях, дополнилась одним пунктом, распространявшим запрет на участие для тех, кто был изобличен «в тайном винокурении или в тайной торговле спиртными напитками»⁷¹. Внеочередное приходское собрание согласно принятой депутатами статье Устава православного прихода могло быть созвано по ходатайству «не менее 1/10 из числа имеющих право участвовать в собрании»⁷², исходя из разнообразия приходов по численности прихожан, охватываемой территории, особенностей местности (городской — сельский, провинциальный город — столичный приход и т.д.), эта правка была обоснованной в противовес содер-

⁶⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 595. Л. 190.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. Л. 114.

⁶⁷ Там же. Л. 220.

⁶⁸ Там же. Д. 595. Л. 220.

⁶⁹ Там же. Оп. 7. Д. 1179. Л. 24 об.

⁷⁰ Там же. Оп. 5. Д. 595. Л. 220.

⁷¹ Там же. Л. 220 об.

⁷² Там же. Л. 221.

жащемуся в статье проекта синодального ведомства требованию — «не менее 15 лиц из числа имеющих право участвовать в собрании»⁷³.

Разгорелись споры вокруг ст. 20 синодального законопроекта, в которой постановлялось, что «на приходском собрании председательствует священник-настоятель»⁷⁴. А.А. Назаров признавал необходимым «предоставить приходскому собранию избирать себе председателя»⁷⁵. О чем и было составлено особое мнение за подписью члена Государственной думы А.А. Назарова по параграфу 20 проекта «Устава православного прихода»: «Принимая во внимание избирательный принцип, положенный в основу Устава православного прихода, я не могу согласиться с параграфом 20 этого устава и нахожу возможным, допустимым и вполне правильным изложить его так: «На приходском собрании председательствует избранный собранием председатель, каковым может быть и священник»»⁷⁶. Это была последняя статья проекта приходской реформы, рассмотренная комиссией по делам Православной Церкви.

Из 62 статей проекта устава, выработанного Св. Синодом, комиссия по делам Православной Церкви успела обсудить 20. При этом лишь восемь статей были приняты без изменений, восемь статей подверглись небольшой редакции. Четыре статьи были полностью изменены, а также включены семь новых статей. Так, вместо 20 статей проекта устава от синодального ведомства, на момент окончания обсуждения вопроса в комиссии по делам Православной Церкви стало 27 статей. По сути, составлялся новый проект устава.

Последнее заседание комиссии, посвященное приходской реформе, состоялось 23 марта 1916 г. На вновь развернувшееся в прессе обсуждение вопроса о приходе епархиальные архиереи откликнулись практически сразу же: в Синод стали поступать «ходатайства многих преосвященных о разрешении устроить пастырские собрания по вопросу о реформе прихода. Синод признал несвоевременным устройство подобных собраний. Вместе с тем Синод предлагает владыкам не высказываться публично о приходской реформе»⁷⁷.

После 23 марта 1916 г. был большой перерыв в заседаниях комиссии, в следующий раз она собралась лишь 25 мая 1916 г., и там обсуждались совсем другие вопросы, не имеющие отношения к при-

⁷³ РГИА. Оп. 7. Д. 1179. Л. 25.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. Оп. 5. Д. 595. Л. 216.

⁷⁶ Там же. Оп. 7. Д. 1179. Л. 50.

⁷⁷ Церковные дела / Приходская реформа // Бессарабия. 1916. 17 мая.

ходской реформе⁷⁸. Сообщалось, что «дело реформы прихода в комиссии по делам Православной Церкви приняло ненормальный характер. Члены комиссии — священники связаны позицией, которую заняло ведомство православного вероисповедания в проекте. В виду этого по просьбе духовенства председатель комиссии отложил рассмотрение реформы прихода до осенней сессии в надежде на перемену политики ведомства»⁷⁸. Есть и другая версия инициатора приостановки обсуждения законопроекта: «Стихла приходская буря. Печать оповестила, что в Государственной думе вопрос о православном приходе, по предложению председателя комиссии по делам Православной Церкви, В.Н. Львова, отложен на будущее время. Одни говорят: «осеннее», а более дальнорзкие указывают и более отдаленное время... Ну, и слава Богу!»⁸⁰. «Церковный вестник» пояснял: «Думские священники уверяют, что Львов по личной инициативе отложил «реформу прихода» в виду того, что не было в Петрограде шести членов комиссии из левого крыла, и явилась опасность «одностороннего решения вопроса в комиссии». Священники — члены думской комиссии согласились с предложением Львова»⁸¹.

Законопроект предполагалось забрать согласно определению Св. Синода от 29 апреля 1916 г. после заявления митрополита Киевского Владимира, выступавшего против реформы прихода; исследовательница вопроса церковных реформ Е.В. Фоминых указывает на другой повод — «по личному указу царя».⁸² К сожалению, нет сведений, на чем основывается утверждение Е.В. Фоминых. Потому склоняемся к версии, документально подтвержденной определениями Св. Синода, что инициатором отзыва законопроекта являлся киевский митрополит Владимир. В Совете министров при обсуждении вопроса об отзыве приходского устава из Думы все министры выска-

⁷⁸ Повестка дня. обсуждение законопроектов: 1) об отпуске из Государственного казначейства средств на содержание кафедры викарного епископа в Уфимской епархии, 2) о передаче в ведение Св. Синода православных народных училищ Прибалтийской губернии и об отпуске средств на содержание сих училищ, управление и надзор за ними, 3) о предоставлении священникам, окончившим курс духовной семинарии со званием студента семинарии, права занимать должности уездных наблюдателей школ церковно-приходских и грамоты, хотя бы они не имели звания учителя высшего начального училища (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 595. Л. 224).

⁷⁹ Церковные дела // Бессарабия. 1916. 1 июня.

⁸⁰ Обозреватель. Современное обозрение // Церковный вестник. 1916. №№ 21—22.

⁸¹ Дроздов Н. *прот.* Слова и дела // Церковный вестник. 1916. № 28—29.

⁸² Фоминых Е.В. Указ. соч. С. 146.

зали несогласие с возвратом законопроекта, но вместе с тем «Совет министров, возражая против изъятия законопроекта из Думы, в то же время дал обер-прокурору указания, как провалить в Думе законопроект, не вызывая обострения отношений. В результате профессора Н.Н. Глубоковский, П.Н. Жукович, А.И. Алмазов и М.А. Остроумов, являвшиеся в комиссию по делам Православной Церкви как представители синодального ведомства более ее посещать не будут».⁸³ Таким образом, можно сделать вывод, что позиция Совета министров («нет», означающее «да») была вызвана нежеланием вступить в конфликт с народным представительством и обострять отношения. Одновременно искались пути саботировать работу комиссии по утверждению законопроекта. Было очевидно, что желание вернуть законопроект — это попытка избежать изменений, вносимых в результате обсуждения проекта в комиссии. Государственная дума обвиняла Св. Синод в бездействии, а точнее было бы сказать, это было сознательное нежелание действовать. Но и сама Государственная дума не спешила с рассмотрением и принятием законопроекта, упустив возможность самостоятельно возглавить проводимую реформу. В подтексте можно прочесть — отсутствие заинтересованности в действительном проведении реформы.

⁸³ Приходская реформа / Церковные дела // Бессарабия. 1916. 22 мая.

Н.С. СИДОРЕНКО

**Эволюция думской тактики уральских депутатов в условиях
Первой мировой войны**

Актуальность исследования истории российского парламента в условиях Первой мировой войны определяется как сложностью данного периода в истории страны, его значимостью для понимания дальнейшего пути ее развития, так и связанностью с проблемой «укорененности» парламентаризма на российской почве. Тезис об «исторической обреченности» Думы является в целом преобладающим в отечественной историографии, в то время как в западной литературе в большей степени отмечается ее жизнеспособность. Авторы подчеркивают ошибки самой Думы, а также правящих кругов, отвергших компромисс и тем самым упустивших шанс на мирную трансформацию страны¹.

Дальнейшие исследования данного вопроса актуализируют региональный подход к изучению темы, выявление общей и специфической позиции депутатов от разных регионов страны, определения ведущих и локальных центров принятия решений. В числе наиболее значимых выступает уральский депутатский корпус, представлявший один из крупнейших промышленных и культурных регионов страны. Урал традиционно был представлен четырьмя губерниями (Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской), составлявшими шестую часть площади страны и около 10 % населения².

Состав уральского депутатского корпуса в IV Государственной думе (31 чел.) отражал общую тенденцию преобладания в ней лиц умеренной политической ориентации. По итогам выборов впервые в нем была представлена консервативно настроенная часть общества. Депутаты правых фракций (17 чел.) составили 42 % его численности. Все они прошли от наиболее развитых в промышленном отношении Вятской и Пермской губерний (13 из 17-ти) и были выдвинуты от земств, съездов землевладельцев и духовенства. Это был

¹ Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996; Демин В.А. Государственная дума России (1906—1917): Механизм функционирования. М., 1996; Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906—1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998; Леонтович В.В. История либерализма в России. М., 1995; Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994; и др.

² Полное географическое описание нашего отечества (Урал и Приуралье). Пг., 1915. Т. 5. С. 3—16.

значительный успех уральских правых. В Думе первого созыва с консервативных позиций выступал только один депутат, во вторую Думу не прошел ни один.

Сторонники либерализма составили незначительное большинство — 16 чел. (52 %) и представляли преимущественно Оренбургскую и Уфимскую губернии, имевшие менее выраженный промышленный профиль. Кроме того, эти губернии отличались многонациональным составом. В Уфимской губернии нерусское население составляло 62 %, в Оренбургской — 30 %. Среди инородцев преобладали мусульмане. Они стремились провести в Думу тех депутатов, которые, по их мнению, могли бы добиться гражданского равноправия. Таковыми выступали сторонники партии «Иттифак-эль-муслимин» и кадеты³.

Взросшее представительство правых в Думе от Урала отражало не только успех в проведении выборной кампании представителями властных структур, получившее название «делание выборов», но и определенную устойчивость местных комитетов правых партий. В третьеиюньский период они оставались одними из наиболее массовых организаций, несмотря на тенденцию к сокращению. Накануне войны ряды уральских правых насчитывали 4,9—5,9 тыс. членов и сочувствующих, что было сопоставимо с численностью леворадикальных партий. Губернские отделы СРН и других родственных им организаций имелись во всех губернских городах, в ряде уездных, а также некоторых заводских поселках и в сельской местности. Партийные органы действовали в каждой губернии. Однако разрозненность их рядов, отсутствие организационного и идейного единства ограничивали возможности идеологического воздействия на массы⁴.

Предвыборная агитация свидетельствовала о возросшем доверии правых к Думе, они призывали выбирать «лучших людей», способных к конструктивной работе. Учреждение Думы рассматривалось как одно из проявлений заботы императора о благоденствии Родины. Осуждению подвергалась позиция депутатов левых фракций, в том числе уральских, чья деятельность шла в разрез с намерением правительства⁵.

В политическом отношении уральские правые не настаивали на безусловном сохранении существовавших порядков. На страницах

³ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. СПб., 1915. Стб. 291—331.

⁴ *Сидоренко Н.С.* Монархические партии и промонархические организации Урала в процессе эволюции государственно-политической системы России в начале XX века: Автореф. дисс. ... д. ист. н. М., 2006. С. 33.

⁵ См.: Самозащита. 1912. 8, 22 июля (Екатеринбург).

своих газет они заявляли, что являются сторонниками консервативного реформирования, «дорожат существующим государственным русским укладом, но в то же время, видят много недостатков в устройении Родины, болеют о них, домогаются, чтобы эти недостатки были сполна устранены, но домогаются не путем насилий, а путем постепенного усовершенствования, путем эволюции, при котором существующий строй сохраняется и поддерживается, а только недостатки в нем устраняются по мере возможности к тому»⁶.

В экономической сфере приоритетным направлением развития страны уральские консерваторы рассматривали сельское хозяйство, выдвигая в качестве основных задач повышение производительности сельского труда мерами технического характера, совершенствование системы землепользования (ликвидацией чересполосицы), а также повышение агрономической культуры и развитие сельскохозяйственных промыслов (скотоводства, огородничества и т.д.). Существенное внимание уделяли они поддержке мелкой промышленности, кустарных промыслов, имевших особое значение для решения проблемы занятости в Уральском экономическом регионе в связи с затяжным экономическим кризисом⁷.

На фоне роста демократического и забастовочного движения в стране и крае с 1910 г. и обострения рабочего вопроса уральские консерваторы заявляли о приверженности решения его законодательным путем⁸.

Среди депутатов-либералов преобладали сторонники прогрессизма. Основными требованиями их избирательной платформы были осуществление идей Манифеста 17 октября 1905 г., проведение реформы местного самоуправления, защита частного предпринимательства, достижение гражданского равноправия, защита прав и достоинства «народного представительства».

Наибольшую активность в работе IV Думы проявили депутаты либеральных фракций. Это в значительной степени определялось их личными качествами. Они отличались от уральских депутатов — правых более высоким уровнем образования, большим опытом работы в земских, городских органах управления, большей общественной активностью, многие из них имели опыт работы в Думе III созыва, а некоторые — предыдущих созывов. Более трети депутатов-либералов имели высшее образование, около половины — среднее. Сте-

⁶ См.: Программа Екатеринбургского отдела СРН // Самозащита. 1912. 10 июня; Правые и левые // Глазовская речь 1912. № 5.

⁷ См.: В. Н-ский. Накануне нищеты // Глазовская речь. 1912. № 6; Самозащита. 1912. 24 июня.

⁸ См.: Программа группы националистов // Новое время. 1908. 29 января.

нографические отчеты Государственной думы зафиксировали их выступления по всем основным вопросам, обсуждавшимся в Думе. При этом следует отметить, что они поднимали не только региональные, но и общероссийские проблемы.

Заметный след в работе IV Думы оставили депутат от Пермской губернии — Василий Александрович Степанов — член кадетской фракции и ее секретарь; председатель специальной комиссии по рабочему вопросу при фракции (горный инженер)⁹. Убедительно и аргументированно выступал от имени фракции прогрессистов Иван Васильевич Титов (Пермская губ.) — секретарь фракции, член комиссий: бюджетной, по народному образованию, по делам православной церкви, финансовой, о торговле и промышленности, о печати (бывший депутат III Думы, бывший священнослужитель, сложивший сан)¹⁰. Защитником принципа неприкосновенности личности, развития института гражданских прав вошел в историю Думы Митрофан Иосифович Гродзицкий — депутат от Оренбургской губернии — член бюро фракции прогрессистов, член комиссий: бюджетной, по судебным реформам и по запросам (бывший депутат III Думы, имел продолжительный опыт работы окружным судьей)¹¹. Ярким оратором фракции прогрессистов, представителем «делового мира» в Думе был Александр Александрович Бубликов — депутат Пермской губернии, член комиссий: финансовой, о путях сообщения, о торговле и промышленности (инженер путей сообщений, почтенный гражданин г. Екатеринбурга и Шадринска)¹².

Среди уральских депутатов — членов мусульманской фракции выделялась фигура Мухаммед-Кутлуг Батыргиреевича Тевкелева — депутата Уфимской губернии. Он являлся депутатом Государственной думы всех четырех созывов, занимал пост председателя фракции в III и IV Думах¹³. Был активным членом партии «Иттифак-эль-муслимин». Уральские депутаты-мусульмане активно использовали обсуждаемые в Думе вопросы для выдвижения требования гражданского равноправия мусульман.

Уральские депутаты правых фракций по политическим вопросам с думской трибуны не выступали, доверяя это руководству фракции, поддерживали своими голосами решения, достигнутые при их

⁹ Николаев А.Б. Степанов Василий Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 589—590.

¹⁰ Николаев А.Б. Титов Иван Васильевич // Там же. С. 612—613.

¹¹ Николаев А.Б. Гродзицкий Митрофан Иосифович // Там же. С. 150.

¹² Николаев А.Б. Бубликов Александр Александрович // Там же. С. 68—69.

¹³ Усманова Д.М. Тевкелев Мухаммед-Кутлуг Батыргиреевич // Там же. С. 607.

обсуждении. Стенографические отчеты заседаний Государственной думы зафиксировали их выступления, прежде всего по вопросам, касавшимся законопроектов о крестьянах и крестьянском самоуправлении, о развитии народного образования. Такая позиция во многом определялась качественным составом депутатов: большинство из них были священнослужители со средним образованием (61,5%) и земледельцы.

Начало войны и связанная с нею чрезвычайная обстановка выдвинули на повестку дня вопрос о судьбе парламента. Вместе с большинством думцев уральские депутаты выразили полную поддержку правительству в достижении победы над врагом на июльской однодневной 1914 г. и январской 1915 г. трехдневной сессии. С трибуны Думы выступили депутаты А.В. Перевозчиков (национальная фракция) и М.-К. Тевкелев. Особую реакцию Думы получило выступление Тевкелева, так как оно прозвучало в качестве заявления от всей мусульманской фракции. В своей речи оратор заявил о готовности организовать все силы на общую борьбу, отклонить на время выдвигавшиеся ранее религиозные и национальные вопросы. Обосновывая позицию фракции, он отметил, что «...основание для определения отношения мусульман к настоящей войне вытекает из старых традиций, которые заключаются в том, что мусульмане, сражаясь за Россию с ее врагами, всегда проливали кровь одинаково и наравне с русским населением. Точно так же и теперь, в настоящую войну, когда опасность угрожает целостности Российского государства и благополучию всех ее граждан, чувства и мысли мусульман не могут быть настроены иначе, как только в один тон с чувствами и мыслями всех российских граждан»¹⁴. Выступление депутата было встречено рукоплесканиями.

В то же время, уже январская 1915 г. сессия была созвана под давлением оппозиционно настроенных думцев и поддержавшей их общественности, которые выразили желание не оставаться в стороне, а принять активное «участие» в решении общей задачи — победы над врагом. На заседаниях ЦК ведущих думских партий вырабатывалась тактика по отношению к Думе. Наибольшую активность проявляли либералы, но во взглядах на способы достижения цели единства мнений не было.

Уральские депутаты-кадеты активно проводили линию ЦК партии. На декабрьском (1914 г.) заседании ЦК выступил В.А. Степанов. Он призывал искать контакты с правительством (через министра А.В. Кривошенина, одного из сторонников созыва Думы) и воздержаться от требования открытой декларации¹⁵. На недопусти-

¹⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Стб. 34.

мость и опасность жесткой конфронтации с властью в условиях военного времени акцентировал внимание бывший депутат III Думы А.Ф. Бабянский (отставной генерал-лейтенант) на июньском 1915 г. совещании ЦК партии кадетов: «Надо ясно выразить, что Дума нужна для содействия правительству. Затем в самой Думе чувство безопасности не должно позволить заниматься одними речами. Нужна будет усиленная работа в комиссиях — подобно тому, как это делается в германском рейхстаге...»¹⁶.

Руководство кадетской партии и фракции, опираясь на эти и другие авторитетные фигуры, смогло сдержать растущие радикальные настроения и давление местных комитетов. Между тем радикальные настроения в ЦК партии и, особенно в ряде местных комитетов, были. Установку на усиление конфронтации с властью и возможность пожертвовать Думой выразил представитель левого течения уральских кадетских комитетов — Л.А. Кроль. Он, передавая настроение провинциальной общественности, заявил: «Эволюция не вызывает симпатий, ожидают переворота левыми, тогда найдется работа и общ[еству]... Поведение Думы не одобряется»¹⁷. На июньском 1915 г. совещании ЦК он подверг критике слева основной тактический лозунг — «министерство доверия», отметив, что в провинциальном обществе большую симпатию имеет лозунг прогрессистов — «ответственного министерства». Кроме того, он настаивал на соединении его с требованием политической амнистии (кадетская платформа I Думы). «Есть одно требование, которое может поднять энтузиазм — это политическая амнистия как условие доверия министерству, — подчеркнул он. — И об этом надо сказать не в форме общего пожелания «о соблюдении внутреннего мира», как здесь выражаются, а *en toutes lettres*» [откровенно, напрямик — *Н.С.*]. Формула «министерство, пользующееся общественным доверием» слишком широка и неопределенна, и требование амнистии было бы экзаме-ном министерству, насколько оно в действительности могло бы пользоваться общим доверием», — настаивал уральский депутат¹⁸.

¹⁵ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1997. Т. 2. С. 490.

¹⁶ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. М., 1998. Т. 3. С. 159—160.

¹⁷ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: 1905—1920 гг. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 143; Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 36, 44.

¹⁸ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 185.

Выдвижение на первый план требования политической амнистии не было случайным. Именно с ним уральские кадеты связывали возможность возвращения на родину ссыльных депутатов-социал-демократов, с которыми они смогли бы совместно возглавить рабочее движение, поскольку самим кадетам, чрезвычайно малочисленным и не имеющим широкой поддержки в массах, одним этого не сделать¹⁹.

Руководство ЦК партии кадетов остановилось на концепте «непредрешенчества», доверив фракции в ходе работы Думы самой определить программу работы. В тоже время лидер партии П.Н. Миллюков не скрывал возможности использования люфты, высказанного представителем от Урала Л. Кролем.

Позиция уральских депутатов-прогрессистов, составлявших большинство либеральной части депутатской группы (9 из 17 чел.), была более радикальной. В рамках работы Думы, при обсуждении декларации правительства и выработке формулы перехода к текущим делам они открыто поддерживали лозунг фракции «ответственного министерства», заявив, что «правительство в данном его составе при настоящих силах не в состоянии будет принять действенных мер для развития производительных сил страны...»²⁰.

На совещаниях фракции уральские депутаты поддержали идею выработки некоей программы, которая могла бы стать основой для сплочения большинства Государственной думы вокруг нее. Такой программой вскоре стала программа блока, отвечавшая намерению оппозиции усилить давление на верховную власть²¹.

Вне Думы они приняли активное участие в работе по «организации общественности». А.А. Бубликов — представитель «делового мира» в Думе — прилагал усилия по привлечению на сторону блока «объединенной» буржуазии — Совета съездов представителей промышленности и торговли. Однако идею превращения экономической организации в политическую, приняло лишь меньшинство Совета во главе с Бубликовым, большинство высказалось за сохранение внепартийного характера своей организации²². Вместе с тем

¹⁹ Там же. С. 143.

²⁰ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1916. Стб. 672, 1110.

²¹ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. С. 90, 94; РГИА. Ф. 699. Оп. 1. Д. 16. ЛЛ. 4—13 об.

²² *Селецкий В.Н.* Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996. С. 293—295; *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 167; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. 1914—1917. Л., 1967. С. 146—151.

Совет активно использовал услуги депутатов в целях реализации идеи создания Высшей экономической комиссии по разработке основных проблем послевоенной экономической политики. Активно содействовали реализации этого проекта уральские депутаты А.А. Бубликов и секретарь фракции прогрессистов И.В. Титов. В состав созданной несколько позднее финансово-экономической комиссии вошли представители девяти думских фракций — от кадетов и правее²³. Осторожность, неспешность верховной власти в подходах к его формированию и деятельности вызвала стремление депутатов подтолкнуть правительство на этом пути. На пятой сессии Думы Титов, аргументируя ускорение в решении этого вопроса, заявлял, что «это вопрос нашего будущего развития после войны, благо на это возлагается очень много надежд»²⁴.

Уральские депутаты-прогрессисты активно поддерживали идею создания совещаний по обороне, военно-промышленных комитетов и других общественных организаций, направленных на содействие скорейшей победы над врагом. Однако, как отмечают исследователи, эти шаги не были лишены и корыстных интересов, связанных со стремлением усилить влияние на принятие решений финансового и экономического характера, организации общественности вокруг этих новых учреждений для последующих шагов по пути к власти²⁵.

Создание Прогрессивного блока стало фактором дальнейшей эволюции думской тактики уральских депутатов в сторону политизации. Отношение к блоку было различным. Вошли в него и активно включились в проведение его программы депутаты-кадеты и прогрессисты. С большой осторожностью и сомнением присоединилась к нему часть уральских депутатов, умеренно-правых и националистов, вероятно, подчинившись фракционной дисциплине. Об этом можно судить по сохранившейся корреспонденции одного из депутатов — Захария Михайловича Благоданова. На следующий день после своего выхода из фракции националистов и умеренно-правых и присоединения к фракции прогрессивных националистов он спешил сообщить: «Вся надежда возложена на Гос[ударственную] думу, но она едва ли оправдает их»²⁶.

²³ *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988. С. 83, 93.

²⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1916. Стб. 3762.

²⁵ *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 90, 94; *Смирнов А.Ф.* Указ. соч. С. 508 и др.

²⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1042. Л. 32; *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 202.

Позиция мусульманской фракции определилась в начале 1916 г. Поскольку она не получила приглашения для участия в блоке, ее отношение к нему определялось политической программой и тактикой его деятельности. Депутаты использовали критический потенциал блока преимущественно для выдвижения требований уравнивания мусульман в гражданских правах с русским населением и решения земельного вопроса. Под влиянием общественности и по инициативе председателя фракции Тевкелева в феврале 1916 г. при фракции было созвано совещание с участием видных общественных деятелей из числа мусульман. На нем после длительных дискуссий было решено присоединиться к блоку только в том случае, если в программу его будут внесены требования об отмене ограничений в юридических правах мусульманского населения России²⁷.

Не вошли в блок уральские депутаты правой фракции. Критикуя программу и деятельность блока, уральские депутаты-правые в то же время не разделяли крайних настроений, связанных со стремлением к роспуску Думы. В своих выступлениях они поддерживали линию фракции на ограничение Думы в ряде второстепенных прав: права задавать вопросы по необсуждаемым делам, права предъявлять запросы председателю Совета министров, а также сокращения времени прений. Аргументация их была немногословна, выражения простоваты. Так, при обсуждении Наказа, вятские депутаты Кузьма Егорович Городилов, Касьян Антонович Тарасов (оба волостные судьи), высказались за ограничение времени дебатов: «Мы уже два года только и знаем, что слушаем длинные речи, а еще ничего не слышали для пользы страны и ровным счетом мы для этого ничего не сделали...»²⁸. Свое мнение они обосновывали тем, что стремятся добиться ускорения прохождения законопроектов, и желают «сделать Думу более продуктивной для деловой законодательной работы»²⁹.

В исторической литературе по-разному оценивают позицию правых фракций, выступивших на стороне верховной власти. В советской историографии и научной литературе 1980 — середины 1990-х годов ее рассматривали как обстоятельства, мешавшие налаживанию сотрудничества Думы и правительства. Со второй половины 1990-х годов оценки становятся более сдержанными. А.Ф. Смир-

²⁷ Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906—1917 гг. Сб. док. и материалов / Сост. Л.А. Ямаева. Уфа, 1988. С. 208—207.

²⁸ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. 1. Стб. 1630—1631.

²⁹ Там же. Стб. 1253.

нов, хотя и признает, что правительство накануне Первой мировой войны перешло в наступление на законодательные права Думы, в то же время отмечает стремление самой Думы «поскорее и полнее обуздать императора. Обе стороны были поглощены борьбой за власть, на иное уже и времени не доставало»³⁰. Ф.А. Гайда, анализируя работу депутатов-членов блока на четвертой и пятой сессии Думы, также приходит к выводу о том, что в законотворческой работе Думы они отдавали явное предпочтение декларации, рассматривая ее властным институтом, способным формировать взгляды собственного электората. В условиях фактической невозможности проведения нужных либералам законопроектов они свели свою думскую деятельность к достижению наиболее значительного пропагандистского эффекта, достигаемого политическими речами и запросами³¹.

Выступления уральских депутатов-либералов в полной мере соответствовало линии блока. Стенографические отчеты зафиксировали их развернутые речи, направленные на критику внутренней политики правительства, методов и приемов управления. Даже при обсуждении вносимых законопроектов, в том числе по инициативе самих думцев, они переносили акцент не на практическую сторону дела, а на предъявление тех или иных требований (введение прогрессивного налога, ограничение цензуры и др.). Так, при обсуждении внесенного правительством (в условиях войны) закона о введении цензуры с резкой критикой его в либеральном смысле выступил А.А. Бубликов. Он настаивал на необходимости ограничения цензуры только военной областью, успев, правда, при этом высказать ряд оценочных суждений в адрес бывшего военного министра В.А. Сухомлинова. Фактически депутат проводил либеральную идею ослабления цензурных ограничений, открывавших возможность усиления влияния в прессе, использования ее в целях организации общества. Поправка кадетской фракции получила поддержку большинства Государственной думы, и законопроект был передан комиссии для рассмотрения³².

Критический тон депутатов в Думе поддерживали местные либеральные комитеты и группы. Их взаимодействие возросло в связи с прекращением работы четвертой сессии 3 сентября 1915 г. Прогрессисты усилили пропагандистскую работу на местах. В сентябре 1915 г. в Оренбург приезжал депутат Е.Г. Колбинцев, в октябре — М.И. Гродзицкий. В выступлениях они призывали активизировать

³⁰ Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 471—472.

³¹ Гайда А.Ф. Указ. соч. С. 48.

³² Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1916. Стб. 1696.

участие общества и местных земств в деле «полезного сотрудничества и контроля»³³.

Препятствуя распространению проправительственных печатных изданий, либералы, укрепившиеся в земских органах управления, перешли к закрытию библиотек-читален. Так, в 1915 году Уфимским губернским земством было закрыто 664 библиотеки; шестью уездными земствами Вятской губернии — 220, а Вятское губернское земство отказалось субсидировать оставшиеся. Причиной этого явилось неприятие либеральными земствами края решения правительства о передаче библиотек-читален под контроль инспекторов училищ³⁴.

В кадетских комитетах Урала все громче звучали голоса радикально настроенных, выражавших недовольство курсом П.Н. Милюкова на «выравнивание кадетской партии направо». Так, в решениях Саратовского областного съезда партии кадетов 10—11 октября 1915 г. с участием представителей от Урала и было предложено вместо ориентации на Прогрессивный блок — выдвинуть основным тактическим лозунгом — требование «изоляции правительства» и «организацию масс», ориентируясь на контакты с социалистическим движением³⁵.

Эти же идеи настойчиво проводил представитель от Урала — Л.А. Кроль на VI съезде конституционно-демократической партии в феврале 1916 г. Он настаивал на том, что блок сослужил уже свою пользу: он показал, что нынешняя власть даже скромные требования блока принять не хочет, он показал всю непригодность нынешней власти. «Поэтому, — подчеркнул он, — законодательная часть программы блока нас не интересует. Важнее вопрос: какое министерство могло бы переменить существующие методы управления страной»³⁶. В этой ситуации Л.А. Кроль считал необходимым для партии больше прислушиваться к голосу демократии и не отказываться от возможности использования революционных методов борьбы.

Руководству партии удалось сдержать радикальные настроения делегатов съезда и провести резолюцию, закрепляющую линию партии, основанную на сохранении блока и продолжении реализации его программы.

³³ Уфимский край. 1915. 15 августа; Оренбургское земское дело. 1915. 9 октября. С. 15.

³⁴ Старый спор // Уфимский край. 1915. 6 февраля.

³⁵ Сидоренко Н.С. С мечтой о великой России: уральские консерваторы и либералы в Государственной думе. М., 2005. С. 140—141.

³⁶ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 272—273.

Однако работа пятой сессии, начавшаяся 1 ноября 1916 г., свидетельствовала о том, что прогрессивное большинство Думы продолжило линию не столько на сотрудничество с правительством, сколько на организацию давления на него, даже в ущерб законотворческой деятельности.

Уже при обсуждении правительственной декларации они высказали неудовлетворенность ею и действиями правительства Штюрмера, возлагая на него основную вину за расстройство экономики, вздорожание жизни и рост социальной напряженности, выдвигая в качестве альтернативы создание Правительства общественного доверия. «Декларация правительства темнее ночи», — заявил Бубликов³⁷. От имени мусульманской фракции выступил Тевкелев, заявив, что правительство оказалось неспособным использовать патристическое настроение населения страны во имя достижения победы: «Власть, призвав страну к единению, — заявил он, — сама не только не пошла к ней навстречу, но даже вступила с нею в борьбу с энергией, достойной иного, лучшего применения». Депутат высказался в поддержку требований Прогрессивного блока, а также за проведение в жизнь ряда неотложных мер, направленных на отмену всех ограничений иноверцев, и за изменение положения о выборах в Государственную думу³⁸.

Политизация в деятельности Думы, связанная с тактическими приемами сторонников блока, не могла оставить в стороне и ее противников. Уральские депутаты-правые повысили свою активность. Решение политических вопросов они доверили руководству фракции, поддерживая его своими голосами. Стенографические отчеты зафиксировали выступления уральских депутатов-правых, преимущественно по обсуждению предложенных правительством законопроектов.

Характерным в этом отношении было заявление вятского депутата священника Стефана Александровича Попова: «Убеждения не перчатки, чтобы отцы духовные могли бросать их под впечатлением минуты... в дни кровавой битвы страждущей родины». Депутат видел главной задачей не участие в политической борьбе, а выполнение промысла Божия «быть ангелом хранителем мощи духа народного и на боевых позициях, и в тылу у армии, народного мужества, народного самообладания, народного спокойствия и святой покорности народа пред тяжкими испытаниями, ниспосланными Провидением, ничем, никакой внутренней борьбой неотвлекаемого долга

³⁷ Гайда Ф.А. Указ. соч. С. 186.

³⁸ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1915. Стб. 1407.

все силы, все средства привести на алтарь отечества для победного конца войны, для упрочения славного и долгого мира»³⁹.

Опасение досрочного роспуска парламента заставило думскую оппозицию быть более осторожной. Депутаты перешли к практической работе. 19 ноября в Думе с декларацией правительства выступил новый премьер А.Ф. Трепов, сменивший на посту Б.В. Штюмера. В повестке дня стояло обсуждение продовольственного вопроса. Правительство предложило пойти на отмену твердых цен, всякого рода реквизиций и других регулирующих мер, стеснявших свободу частного предпринимательства. Прогрессивный блок выдвинул свои требования: установление правительства доверия и твердых цен на хлеб. В формуле перехода к очередным делам оппозиционное большинство, повторяя основные мотивы выступления П.Н. Милюкова и других ораторов Прогрессивного блока, требовало устранить влияние «темных сил», создать кабинет, готовый «в своей деятельности опираться на Государственную думу и провести в жизнь программу ее большинства». Либералы уже начинали обсуждать возможные кандидатуры министров. В числе руководителей кадетской фракции активное участие в этой работе принимал и пермский депутат В.А. Степанов. Ориентируясь на поддержку общественности, в декабре 1916 г. ими был поддержан запрос социал-демократической фракции «О запрещении съездов», направленный на очередное наступление против правительства. Эти и некоторые другие шаги вплотную подвели Думу к открытому разрыву с властью.

Только правая фракция Думы выступила в эти дни с критикой действий Прогрессивного блока и в поддержку правительства. Вятский депутат Николай Васильевич Жилин, поддерживая правительственную программу, акцентировал внимание на попытку составителей запроса «О состоянии продовольственного дела в Империи» придать ее рассмотрению политический характер. Одновременно он высказал сомнение в возможной эффективности плана упорядочения продовольственного дела, предложенного Прогрессивным блоком. Как член комиссии по продовольствию он резко критиковал характер ее работы за нерегулярность заседаний, невнимательное отношение к мнению депутатов-крестьян. По его мнению, она не выполнила принятые на себя обязательства. Депутат предложил в сложившейся критической ситуации «безотлагательно и совместно с правительством общими силами выработать закон для борьбы с дороговизной»⁴⁰.

³⁹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1917. Стб. 634—636.

⁴⁰ Там же. Стб. 703, 711—712.

Другой попыткой уральских правых депутатов поддержать правительство в условиях нарастания политической напряженности стало выступление в Думе против резолюции Прогрессивного блока по запросу социал-демократов. Их поддержали и те, которые присоединились к блоку. Депутаты выразили свое уважение общественным организациям, работавшим на оборону страны, но одновременно заявили свое несогласие со вступлением их на путь политической борьбы. Так, С.А. Попов от имени фракции независимых правых заявил: «...что касается обстоятельства, о котором у нас сейчас идет речь, — по поводу запрещения съездов в Москве, а также разгона полицией этих съездов, то, по мнению группы, вопрос этот здесь освещен односторонне...». Считая, что принятием политических резолюций они превысили круг своих полномочий, он высказался за признание их незаконными. «По этим соображениям, — резюмировал он, — группа правых независимых не может присоединиться к резолюциям не только прогрессистов, но и прогрессивного блока»⁴¹.

Последовавшую вскоре приостановку работы Думы уральские правые депутаты приняли как неизбежную реакцию на притязания думского большинства. На возобновившихся 14 февраля 1917 г. заседаниях Думы они вновь выступили в поддержку правительства и с критикой действий Прогрессивного блока, стремившегося использовать тактику запросов с целью обвинения правительства в неспособности вывести страну из кризиса и довести ее до победного конца. По запросу блока о состоянии продовольственного дела выступил вятский депутат К.Е. Городилов. Он напомнил думцам, что закон о твердых низких ценах на хлеб, «который погубил страну ... убил всю торговлю и все земледельческое хозяйство», приняла «сама Государственная дума с участием Милюкова, Шидловского и Шульгина». Перефразировав известную фразу П.Милюкова, он отметил что, именно «грубый просчет, или коварный расчет Прогрессивного блока, привел к той тяжелой ситуации с продовольствием, которая сложилась в стране в настоящее время, к обострению противоречий между городом и деревней, к «натравливанию одного класса на другой»⁴².

В словах уральского депутата были реальные основания к обвинению Прогрессивного блока. Современные исследования показали, что одной из причин кризиса с продовольствием в стране, возникшего в годы Первой мировой войны, было введение твердых цен

⁴¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 1239—1240.

⁴² Там же. Стб. 1570—1571.

на зерно и муку для закупок и заготовок, необходимых армии. Как указывает Г.Е. Корнилов, эти меры оказались неадекватными в сложившейся ситуации, так как при нараставшей инфляции и сокращении рынка потребительских товаров держатели хлеба отказывались продавать его по твердым ценам. Так, в Пермской губернии в конце 1916 г. создалась ситуация, когда при наличии многомиллионных запасов хлеба в деревне городское население осталось на грани недоедания и голода⁴³.

Об опасности сложившейся ситуации и с призывом сплотиться вокруг правительства выступил вятский депутат К.А. Тарасов: «Что нас, гг. дальше ожидает, если мы будем дальше продолжать один на другого валить вину...»⁴⁴.

Развернувшиеся вскоре революционные события прервали работу Думы. Ряд уральских депутатов-либералов активно включились в ее движение, вошли в состав Временного правительства, были его комиссарами. Однако дальнейшее развитие революции не было ими принято. Многие из них перешли к активной борьбе против большевиков. Судьба многих уральских депутатов остается до сих пор неизвестной.

Таким образом, нарастание оппозиционных настроений в Думе в связи с затягиванием сроков военных действий, не оставило в стороне уральских депутатов. Либеральная часть уральской депутатской группы активными действиями в Думе и за ее пределами поддержала программу и тактику Прогрессивного блока.

Позиция уральских депутатов-правых была более последовательной. В то же время раскол правой фракции в Думе и переход части умеренных правых на сторону Прогрессивного блока свидетельствовал о проявлении политизации и в этой среде. Объективно это ослабляло позицию власти в условиях нараставшего политического кризиса.

⁴³ Корнилов Г.Е. Аграрное развитие и создание системы продовольственного обеспечения в первой половине XX века // Россия в XX веке: Реформы и революции. М., 2002. Т. 1. С. 509.

⁴⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1917. Стб. 1672—1673.

А.Б. НИКОЛАЕВ

Вопрос о судьбе Государственной думы в марте-апреле 1917 года*

Московский историк Ф.А. Гайда, ставший, пожалуй, в современной историографии зачинателем изучения вопроса о судьбе Государственной думы после Февраля 1917 года, пишет в своей статье 1998 года: «Положение Государственной думы после Февральской революции обычно не затрагивается в исследованиях, хотя вряд ли можно отрицать, что вопрос ее статуса и политической эволюции на протяжении 1917 г. — важная составляющая часть глобальной проблемы: парламентаризм и русская революция»¹. Соглашаясь со второй частью суждения относительно проблемы «парламентаризм и русская революция», заметим, что вопрос о судьбе Государственной думы после Февральской революции 1917 года интересовал ученых, начиная с первых шагов советской исторической науки. Конечно же, он не был среди центральных тем советской историографии, но некоторое внимание уделялось и ему.

Определенный интерес для понимания историографии темы имеют публицистические работы В.И. Ленина и И.В. Сталина. Дело в том, что советские историки, по мере усиления партийного диктата в науке, были вынуждены опираться в своих построениях на статьи Ленина и Сталина, которые, постепенно утрачивая свой публицистический характер, приобретали значение методологических трудов. В связи с этим вполне определенный интерес представляет тот факт, что Сталин в статье «Победа контрреволюции» поставил вопрос о судьбе Государственной думы после Февральской революции. Он писал об «упраздненной (революцией — А.Н.) Государственной думе»². Ленин же на судьбу Государственной думы внимания в своих работах не обратил. Правда, он называл Родзянко «бывшим председателем бывшей Государственной думы»³. Вместе с тем вплоть до конца 1930-х гг. в советской исторической науке суще-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект «Россия в Первой мировой войне (1914—1918 гг.)» № 12-31-10020.

¹ Гайда Ф.А. Февральская революция и судьба Государственной думы // Вопросы истории. 1998. № 2.

² Сталин И.В. Победа контрреволюции // Сталин И.В. Сочинения. М., 1953. Т. 3. С. 131.

³ Ленин В.И. Как и почему крестьян обманули? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1981. Т. 32. С. 402.

ствовала относительная свобода в изложении тех или иных сюжетов, так как общеобязательная концепция истории еще только формировалась. Так, например, Я.В. Старосельский считал, что Временное правительство в первые дни своего функционирования пыталось использовать Государственную думу в целях обеспечения юридической преемственности власти. Он утверждал, что в конце первой декады марта 1917 г. Временное правительство от этой идеи отказалось, но Государственная дума упразднена им не была⁴. Автор не смог дать полноценного объяснения этому факту. Но подчеркнем то, что Старосельский не следовал сталинскому тезису об «упразднении Государственной думы».

Как известно, с выходом 1-го тома «Истории гражданской войны в СССР», а затем и «Краткого курса «Истории ВКП (б)»» в СССР установилась общеобязательная концепция истории, в рамках которой и должны были создавать свои труды советские историки. В «Истории гражданской войны» о Государственной думе в первые месяцы после Февральской революции — март-апрель 1917 г. — есть одно упоминание в главе «Коалиционное правительство за работой»: «Восстановили деятельность Государственной думы под видом «частных совещаний»»⁵. В «Кратком курсе» о Государственной думе в послефевральский период нет ни одного упоминания. В связи с этим можно предположить, что историки, творившие в этот период, чутко реагируя на содержание «Краткого курса», избегали вообще поднимать в своих трудах вопрос о судьбе Государственной думы после Февраля 1917 года. Он вернулся на страницы исторических исследователей только после разоблачения культа личности Сталина.

Относительно вопроса о судьбе Государственной думы в советской историографии второй половины 1950-х — первой половины 1980-х гг. консенсуса не сложилось. Некоторые историки считали, что Государственная дума после Февральской революции сошла с политической арены. Э.Н. Бурджалов писал, что после создания Временного правительства Комитету Думы «пришлось отойти в сторону». Автор признавал наличие у некоторых депутатов представления о сохранении за ВКГД прав источника власти Временного правительства, на основе которого они хотели сохранить за Временным комитетом Думы «контрольные или законодательные функции». Но тут же Бурджалов разъяснял: «Думский Комитет не был источником власти нового правительства хотя бы потому, что он сам по сути

⁴ Старосельский Я.В. Идеология либерализма в столкновении с революцией. К вопросу о позиции буржуазии в Февральской революции // Революция права. 1927. № 3. С. 131, 137.

⁵ История гражданской войны в СССР / Под ред. И. Сталина и др. Сост. тома: И.И. Минц и др. М., 1937. Т. 1. С. 121.

дела ею не обладал»⁶. В.И. Старцев доказывал, что на первом же самостоятельном (без участия ВКГД) заседании Временное правительство придало себе диктаторский характер и тем самым решило вопрос о судьбе Думе⁷.

Ф.И. Калинычев отметил, что после указа о роспуске на каникулы «Дума не собиралась». Но тут же он добавил, что «и формально, и фактически Государственная дума как политическое учреждение продолжала существовать и оказывать влияние на развитие событий в политической жизни страны»⁸. С.С. Иванов и Е.А. Скрипилев подчеркивали, что IV Государственная дума и ее Временный комитет «признавались буржуазией высшими органами государственной власти в стране, призванными формировать общественное мнение, давать указание о порядке осуществления государственного контроля, назначать и смещать министров и т.д.»⁹. Д.В. Ознобишин был сторонником тезиса о сохранении за ВКГД и после образования Временного правительства функций верховной и опоры исполнительной власти¹⁰. Схожие взгляды отстаивал И.И. Минц, который считал, что Временный комитет Думы продолжал оставаться источником власти Временного правительства¹¹.

В современной исторической литературе вопрос о судьбе Государственной думе изучается весьма активно. Наибольший интерес проявил к нему московский историк Ф.А. Гайда. Он, в частности, считает, что Дума потеряла право участия во власти Временного правительства, согласно акту великого князя Михаила Александровича от 3 марта 1917 г.¹² Таких же взглядов придерживается М.М. Сафонов. Рассматривая значение акта от 3 марта, он пишет, что великий князь Михаил Александрович, «передав всю полноту влас-

⁶ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 330.

⁷ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава / Под ред. О.Н. Знаменского. Л., 1980. С. 116.

⁸ Калинычев Ф.И. Государственная дума в России. Сборник. М., 1957. С. 499.

⁹ Иванов С.С., Скрипилев Е.А. Государство и право в период февральской буржуазно-демократической революции 1917 года и двоевластия в России. Учебное пособие. М., 1964. С. 23.

¹⁰ Ознобишин Д.В. Временный комитет Государственной думы и Временное правительство // Исторические записки. М., 1965. Т. 75. С. 275.

¹¹ Минц И.И. История Великого Октября. В 3-х т. Изд. второе. М., 1977. Т. I. С. 516.

¹² Гайда Ф.А. 1) Февральская революция и судьба Государственной думы // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 35; 2) Механизм власти Временного правительства (март-апрель 1917 г.) // Отечественная история. 2001. № 2. С. 143.

ти Временному правительству, <...> уничтожил Государственную думу и Государственный совет»¹³. Н.В. Белошапка в своей монографии следует суждению В.И. Старцева об «отмене» Государственной думы на первом самостоятельном заседании Временного правительства¹⁴. А.Ф. Смирнов, Н.Н. Смирнов и другие исследователи также придерживаются точки зрения о «гибели» Думы после Февраля 1917 г. и считают главным виновником этого Временное правительство¹⁵. О присоединении к этой позиции заявляет в своей статье Г.Л. Соболев¹⁶. С.В. Холяев замечает, что Государственная дума, «как реальный политический институт<...> перестала играть роль сразу же после Февраля»¹⁷. А. Макушин пишет: «Третьеиюньская дума слишком сильно искажала реальную расстановку социально-политических сил в стране, поэтому триумфаторы первых революционных дней, кадеты, спешили от нее избавиться, помня о том, какие унижения им довелось перенести в ней после триумфа в Первой думе»¹⁸. Идея

¹³ Сафонов М. 1) Отречение // Секретные материалы 20 века. 2004. №14(141). Июль. С.18; 2) Ложь и правда об отречении Николая II // Нестор. № 3 (2000. № 3). Между двух революций 1905—1917. Источники, исследования, историография / Ред. номера И. В. Лукьянов. СПб., 2004 (2005). С. 272.

¹⁴ Белошапка Н.В. Временное правительство в 1917 г.: механизм формирования и функционирования. М., 1998. С. 26.

¹⁵ Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906—1917 гг.: историко-правовой очерк. М., 1998. С. 591; Смирнов Н.Н. Февраль и российская государственность // Россия в XIX—XX вв. Сб. ст. к 70-летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина / Под ред. А.А. Фурсенко. СПб., 1998. С. 311—312; А.И. Юрьев и Э.А. Ерзин пишут: «Прежде всего, Временное правительство погасило вопрос о восстановлении парламентских полномочий IV Государственной думы, отклонило его на своем первом заседании, опасаясь исчерпанности своей временной власти или хотя бы ограничения своего полномочия» (Юрьев А.И., Ерзин Э.А. Парламент России — продолжение Прошлого или начало Будущего? // Парламент как субъект или объект изменений. Психология парламентаризма / Под ред. А.И. Юрьева. СПб., 1999. С. 155).

¹⁶ Соболев Г.Л. Временное правительство и проблема слома старой государственной власти // Российская государственность: история и современность. Сб. ст. / Отв. ред. М.В. Ходяков. СПб., 2003. С. 351.

¹⁷ Холяев С.В. Три Февраля 1917 года // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 38.

¹⁸ Макушин А. 1) Узловые проблемы истории российского либерализма // Исторические исследования в России — II. Семь лет спустя / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 2003. С. 356; 2) О роли либеральной интеллигенции в Февральской революции 1917 года // Исторические записки: Научн. труды ист. ф-та ВГУ. Воронеж, 2003. С. 60.

о «бесславном конце» IV Государственной думы проводится в некоторых историко-правовых исследованиях¹⁹. В этих работах зачастую содержатся ошибочные сведения. Так, Ю.А. Дмитриев и Е.Ю. Черкашин утверждают, что после образования Временного правительства Временный комитет Государственной думы «фактически прекратил свое существование»²⁰. Вместе с тем в некоторых работах, написанных юристами, содержатся весьма ценные замечания, имеющие непосредственное отношение к вопросу о судьбе Думы. Так, Н.В. Онишко пишет, что и после создания Временного правительства «в течение 1917 г. были надежды на созыв Думы»²¹. Таким образом, можно утверждать, что в современной отечественной историографии преобладают взгляды, согласно которым права Государственной думы как источника власти Временного правительства отвергаются полностью или подвергаются сомнению, а сама она фактически сошла с политической арены.

Можно было бы и не возвращаться вновь к этому вопросу, тем более, что он весьма подробно изучен нами²². Но и в новейшее время судьба Государственной думы после Февральской революции продолжает вызывать интерес исследователей, приводит к появлению все новых и новых суждений, вступающих в противоречие с высказанными ранее. Это и заставляет вновь изложить свои взгляды по поводу судьбы Государственной думы.

В дни Февральской революции властные функции Государственной думы претерпели существенные изменения. Дума, в лице ее Временного комитета, получила права верховной власти уже в момент отстранения царского правительства. Оно сопровождалось арестами министров и назначением комиссаров в министерства и другие государственные учреждения. В результате этого сложилась такая комбинация, при которой ВКГД являлся одновременно органом верховной, законодательной, исполнительной и судебной власти.

¹⁹ *Дмитриев Ю.А., Черкашин Е.Ю.* Законодательные органы России от Новгородского веча до Федерального Собрания (сложный путь от патриархальной традиции к цивилизации). М., 1994. С. 68; *Кретов Б.И.* Парламентаризм в России: история и современность. Учебное пособие. М., 2001. С. 38.

²⁰ *Дмитриев Ю.А., Черкашин Е.Ю.* Указ. соч. С. 68.

²¹ *Онишко Н.В.* Развитие идей парламентаризма в России в начале XX века // Правовая политика и правовая жизнь. Академический и вузовский юридический журнал. Саратов; М., 2003. № 1(10). С. 50.

²² *Николаев А.Б.* 1) Государственная дума в Февральской революции: очерки истории / Предисл. С. Ляндрес. Рязань, 2002. С. 224—246; 2) Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года / Научн. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2005. С. 546—588.

Это наше суждение подверг критике Ф.А. Гайда, который пишет: «<...> верховная власть принадлежала императору и законодательным палатам; в этот период она еще не была устранена революцией. ВКГД, таким образом, временно сменил прекративший существование Совет министров, высший административно-распорядительный орган власти Российской империи. Временному комитету не принадлежала даже законодательная власть, поскольку по своему статусу (не суть важно, что деятельность его вышла за рамки законности) он не мог быть выше Совета старейшин Думы»²³. В свою очередь, С.В. Редких признает наличие правовых актов, «посредством которых Временное правительство было наделено полномочиями», но называет их сомнительными. Разрешение этой коллизии он видит, насколько можно понять из его статьи, не в признании законодательных полномочий ВКГД, а в отмене Временным правительством ст. 87-й ОГЗ²⁴. На наш взгляд, это суждение, по меньшей мере, кажется странным, так как никаким решением Временное правительство уже не могло изменить законодательной основы своего создания. В другой работе Редких пишет, что думский Комитет обладал узким кругом полномочий и законодательной деятельностью не занимался²⁵.

В связи с этим обратим внимание на то, что устранение/смена Совета министров думским Комитетом свидетельствовало в пользу того, что он (ВКГД) действовал именно на праве верховной власти, ибо формирование правительства, назначение и увольнение председателя Совета министров, министров и главноуправляющих относилось к прерогативе монарха (ст. 17 Основных государственных законов). Конечно, думский Комитет в дни Февральской революции не имел возможности провести процедуру назначения и увольнения царских министров — они были им частью арестованы, частью отстранены от должности, а их функции выполняли комиссары ВКГД. Т.е. в ночь с 27 на 28 февраля, когда прошли первые назначения комиссаров, да и в последующие дни, вплоть до создания Времен-

²³ *Гайда Ф.А.* А.Б. Николаев. Государственная дума и Февральская революция: очерки истории / Предисл. С.М. Ляндрес. Рязань, 2002. 302 с. // Русский сборник. Исследования по истории России XIX — XX вв. / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров и др. М., 2007. Т. IV. С. 335—336. Гайда ссылается на монографию «Государственная дума в Февральской революции» (С. 91, 242).

²⁴ *Редких С.В.* Процедура нормоконтроля в деятельности Юридического совещания Временного правительства // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 31 (169). Право. Вып. 21. С. 112.

²⁵ *Редких С.В.* Правовые и политические предпосылки законотвореской деятельности Юридического совещания // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 2. С. 45.

ного правительства, верховная власть думского Комитета была ограничена фактом формально еще существовавшей верховной власти императора Николая II.

Относительно наличия/отсутствия законодательной власти у думского Комитета можно сделать вывод лишь на основе анализа документов, исходящих из его недр. В дни Февральской революции законодательные функции Государственной думы и Государственного совета были прерваны указом Николая II, отправившим обе палаты Российского парламента на каникулы. Поэтому издавать законы в рамках существовавших Основных законов, законодательства о Государственной думе и Государственном совете было, на первый взгляд, невозможно. Вместе с тем ВКГД, не отменив (не признав отпавшими) Основные государственные законы, издавал сообщения и постановления, в которых четко прослеживается воля органа, обладающего верховной властью. По содержанию их можно приравнять к манифестам и отнести к законодательным документам. Эта коллизия может быть разрешена путем признания того факта, что думский Комитет законодательствовал на праве революции. Именно поэтому законодательные акты ВКГД, с одной стороны, нельзя приравнять к документам законодательства царской России, а с другой, их необходимо признать первыми документами революционного законодательства и включить в разновидность законодательных документов.

Напомним, что долгое время, вплоть до начала функционирования Государственной думы и Государственного совета как двух палат Российского парламента, исследователи относили к законодательным актам то, что «было отобрано в качестве законодательных актов составителями Полного собрания законов Российской империи»²⁶. В дни Февральской революции Российский парламент в полном объеме не функционировал. Поэтому ориентиром для историков вновь стала позиция юристов в вопросе об отборе среди источников революционной эпохи актов законодательства. Как пишет Е.А. Скрипилев, Юридическое совещание «при рассмотрении вопроса о необходимости опубликования актов, приведших к образованию нового государственного строя, рекомендовало Временному правительству обнародовать: 1) постановление частного совещания членов Государственной думы 27 февраля об избрании Временного комитета и о поручении Совету старейшин назначить членов этого комитета; 2) постановление Совета старейшин о составе Временно-

²⁶ Румянцева М.Ф. Исторические источники XVIII — начала XX века // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. С. 343.

го комитета; 3) объявление Временного комитета от 27 февраля о принятии им на себя «восстановление порядка»; 4) сообщение Временного комитета членов Государственной думы от 3 марта об образовании Временного правительства и о его составе»²⁷. Среди указанных документов только два последних относились непосредственно к думскому Комитету. Они были опубликованы 5 марта 1917 года в «Вестнике Временного правительства», чем подтверждался их законодательный характер. Современные же юристы, проведя изучение вопроса, поместили законодательные документы ВКГД в 9-й том «Российского законодательства». Среди них: объявление ВКГД о принятии им на себя «восстановление государственного и общественного порядка» (27 февраля 1917 г.), постановление ВКГД о назначении комиссаров в министерства и государственные учреждения (28 февраля 1917 г.), сообщение ВКГД о составе нового правительства (2 марта 1917 г.)²⁸. Как видим, современные юристы, в отличие от членов Юридического совещания, дополнительно включили в число законодательных документов думского Комитета его постановления о назначении комиссаров. Причиной тому, думается, было опубликование этого постановления 5 марта 1917 г. в «Вестнике Временного правительства».

На наш взгляд, к законодательным документам относится также Постановление ВКГД от 2 марта 1917 г. о создании продовольственной комиссии «для общего руководства продовольственным делом государства» и губернских продовольственных комитетов. Оно было опубликовано в «Известиях КПЖ» за подписью председателя

²⁷ Скрипилев Е.А. Всероссийское Учредительное собрание. Историко-правовое исследование. М., 1982. С. 85. Заметим, что Скрипилев ошибочно датировал сообщение Временного комитета членов Государственной думы об образовании Временного правительства и о его составе 3 марта (Там же). В действительности, документ необходимо датировать 2 марта, когда он впервые был опубликован (Новое правительство // Известия [Комитета петроградских журналистов] (далее — Известия КПЖ). 2 марта. № 6 (Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время», Эртелев пер., д. 13).

²⁸ Российское законодательство X—XX веков. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / Отв. ред. О.И. Чистяков. М., 1994. С. 118—121; Составители издания опубликовали указанные документы по «Вестнику Временного правительства» (1917. 5 марта). Вместе с тем необходимо учитывать, что впервые они были опубликованы в «Известиях КПЖ», соответственно: Первые шаги Исполнительного комитета // Известия КПЖ. 1917. 28 февраля. № 2; Комиссары Исполнительного Комитета // Там же. 1 марта. № 4; Новое правительство // Там же. 2 марта. № 6.

ВКГД М.В. Родзянко, которая шла первой. Подчеркнем, что Постановление отчасти выступило продуктом совместного творчества ВКГД и советско-думской Продовольственной комиссии, о чем говорили подписи руководящих ее деятелей под этим документом²⁹. Кстати, все документы ВКГД, носящие законодательный характер, подписаны М.В. Родзянко как председателем Государственной думы, кроме Постановления думского Комитета о создании Продовольственной комиссии, которое он подписал как председатель ВКГД. По нашим подсчетам, думский Комитет успел, начиная с 27 февраля (точнее — с ночи на 28 февраля) до 2 марта включительно, издать четыре законодательных акта. Это, несомненно, опровергает доводы Ф.А. Гайды и С.В. Редких об отсутствии у ВКГД законодательной власти.

Спрашивается, откуда у Временного комитета Государственной думы оказались в руках столь широкие полномочия, власть верховная, законодательная и пр., пусть и обремененная ограничениями? Ф.А. Гайда по этому поводу пишет, ссылаясь на нашу монографию «Государственная дума в Февральской революции» (с. 30—31): «Его полномочия изначально базировались *якобы* (выделено нами — А.Н.) на волеизъявлении частного совещания членов Государственной думы, которое предоставило Комитету неограниченное право деятельности от имени Думы». Отказываясь принимать как достоверный исторический факт это «волеизъявление», Гайда подчеркивает свое неприятие его частицей «якобы». Но, понимая, что этого недостаточно для внесения элемента сомнения, он замечает: «Протокол решения частного совещания, принявшего, по мнению Николаева, судьбоносное для Государственной думы решение, отсутствует»³⁰. Гайда пишет о протоколе частного совещания, который изучен³¹, опубликован как в России³², так и за рубежом³³, в котором, дей-

²⁹ Продовольствие // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 7.

³⁰ Гайда Ф.А. // Русский сборник. С. 333.

³¹ Ляндрес С. Протокольная запись «частного совещания» членов Государственной думы 27 февраля 1917 г. как источник по истории парламентаризма в России // История парламентаризма в России (к 90-летию I Государственной думы). Сб. научн. ст. / Под ред. В.И. Старцева. СПб., 1996. Ч. II. С. 28—31, 104—111.

³² Протокол частного совещания членов Государственной думы // Февральская революция 1917 года: Сборник документов и материалов / Сост. О.А. Шашкова. Отв. ред. А.Д. Степанский, В.И. Миллер. М., 1996. С. 146—148.

³³ Lyandres S. Zur Errichtung der revolutionären Macht in Petrograd: Neue Dokumente über die inoffizielle Beratung von Mitgliedern der Staatsduma am 27.2.1917 // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. 1997. Unternehmertum in Russland. Berlin, 1998. S. 305—324.

ствительно, этого решения нет. Но кроме протокола частного совещания Гайде должен быть известен документ, который О.А. Шашкова издала по черновику под названием «Протокол событий» Февральской революции»³⁴. Недавно этот документ был опубликован, но уже по ксерокопии подлинника³⁵, в котором, как и в черновике, присутствует текст о придании думскому Комитету неограниченных полномочий: «Член Думы [В.М.] Вершинин предложил, чтобы члены Государственной думы все без различия партий дали обещание поддерживать и оказывать содействие Временному комитету Государственной думы во всех тех его действиях, которые ему придется предпринять в будущем. Это предложение было принято единогласно, после чего частное совещание было закрыто»³⁶. Кстати, А.Ф. Керенский позднее утверждал, что было «принято решение создать Временный комитет с неограниченными полномочиями»³⁷. И еще: именно ВКГД получил эти полномочия, а не Совет старейшин, поэтому замечание Гайды относительно того, что по своему статусу думский Комитет не мог быть выше Совета старейшин, ошибочно. Иначе говоря, все сомнения относительно волеизъявления частного совещания, которое предоставило думскому Комитету фактически неограниченные полномочия, должны быть отброшены.

Далее необходимо прояснить ряд моментов, что позволит составить наиболее полное представление о временной власти ВКГД, ее дальнейшей эволюции, о судьбе как самого думского Комитета, так и Государственной думы. Среди них: 1) какое место в новой конструкции власти предусматривал для себя Временный комитет Думы;

³⁴ Февральская революция 1917 года: Сборник документов и материалов / Сост. О.А. Шашкова. Отв. ред. А.Д. Степанский, В.И. Миллер. М., 1996. С. 109—145.

³⁵ Николаев А.Б. «Протокол заседаний: совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной думы 27 февраля — 3 марта 1917 года»: введение, текст и комментарии // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8 декабря 2011 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2012. С. 223—340.

³⁶ Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 115; Николаев А.Б. «Протокол заседаний: совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной думы 27 февраля — 3 марта 1917 года»: введение, текст и комментарии. С. 244.

³⁷ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 137.

2) собирался ли ВКГД восстанавливать полностью парламентские функции Государственной думы; 3) насколько далеко готово было пойти Временное правительство в своей поддержке предположений руководящего состава Временного комитета; 4) какие планы были у Временного правительства относительно судьбы Государственной думы и ее органов?

На заседании думского Комитета в ночь с 1 на 2 марта было принято постановление образовать Временный общественный совет министров³⁸. 2 марта М.В. Родзянко в телеграмме Николаю II сообщал, что «в настоящее время власть будет передана Временным комитетом Государственной думы Временному правительству»; 3 марта Родзянко в переговорах с генералом М.В. Алексеевым говорил о том, что новое правительство уже «нами», т.е. ВКГД, назначено, сформировано³⁹. В официальном сообщении «От Временного правительства» указывалось, что «Временный комитет Гос[ударственной] думы назначает министрами <...> следующих лиц <...>»⁴⁰. Для нас важно указание на факт назначения нового правительства, что, конечно, говорило об узурпации верховной власти думским Комитетом. В объявлении ВКГД указывалось, что состав Временного правительства «установлен после переговоров» ВКГД и Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов⁴¹. Факт согласования вопроса о новом правительстве с Исполкомом Петроградского Совета, конечно же, говорил о том, что Совет рабочих и солдатских депутатов превратился во второй источник власти. Это являлось продолжением и развитием думско-советского сотрудничества, проводимого начиная с 27 февраля 1917 г.

Остается выяснить вопрос, какая формула была реализована при создании Временного правительства? Формула «ответственного» министерства или «кабинета общественного доверия»? В.И. Старцев пишет, что Временное правительство «не было «ответственным правительством», поскольку еще не было парламента, Государственная дума уже повисла в воздухе, а вопрос о монархии не был решен». Старцев обращает внимание на то, что формула «общественного кабинета» содержалась в декларации Временного правитель-

³⁸ Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 154.

³⁹ Февральская революция 1917 года (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями северного фронта) / Текст подг. к печат. А.А. Сергеев // Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 9, 26, 29.

⁴⁰ От Временного правительства // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 7.

⁴¹ Новое правительство // Известия КПЖ. 1917. 2-3 марта. № 6-7 (Типография газеты «Русская воля»).

ства от 3 марта⁴². Кстати, в приветственных телеграммах, которые шли в адрес Государственной думы, Временное правительство рассматривалось как «первый кабинет общественного доверия»⁴³. Обратим внимание и на то, что текст преамбулы и сама декларация также включали в себя элементы, говорящие о важном месте Государственной думы в конструкции власти. В частности, первой под декларацией шла подпись председателя Государственной думы М.В. Родзянко⁴⁴. Заметим, что подписи председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Н.С. Чхеидзе под декларацией не стоит. Несомненно, это говорит о том, что Петроградский Совет, имевший де-факто права источника власти Временного правительства, де-юре самоустранился от исполнения этой роли. Это позволяет утверждать, что в момент создания этого документа у Временного правительства остался только один источник власти — Государственная дума. Конечно, это не исключало того, что Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов смог бы позднее затребовать восстановления своих прав!

Позиции Государственной думы значительно усилились с момента появления Манифеста об отречении Николая II. Он устанавливал парламентский строй, реальную конституционную монархию, заповедуя великому князю Михаилу Александровичу «править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены»⁴⁵. Эта фраза была вставлена в текст манифеста об отречении Николая II по просьбе А.И. Гучкова и В.В. Шульгина. О.Н. Знаменский считал, что тем самым они выступили сторонниками придания Государственной думе учредительных функций⁴⁶. Указом Правительствующему Сенату император назначил председателем Совета министров князя Г.Е. Львова⁴⁷.

⁴² *Старцев В.И.* Декларация Временного правительства от 3 марта 1917 г. // *Нестор*. 2000. № 3. *Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Между двух революций 1905—1917. Источники, исследования, историография.* СПб., 2004 (2005). С. 213.

⁴³ 4 марта так охарактеризовали Временное правительство собрание фельдшеров клиник при Военно-медицинской академии (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1246. Л. 28а).

⁴⁴ От Временного Правительства // *Известия КПЖ*. 1917. 3 марта. № 7 (Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»).

⁴⁵ Манифест Николая II // *Известия КПЖ*. 1917. 3 марта. № 8.

⁴⁶ *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения / Отв. ред. Н.Н. Маслов. Л., 1976. С. 22.

⁴⁷ Документ к «Воспоминаниям» ген[ерала] А. Лукомского // *Архив русской революции*. В 22 т. / Изд. И.В. Гессеном. М., 1991. Кн. 2. Т. 3. С. 265.

Утверждение в России принципа «парламентского строя» и назначение Николаем II председателя Совета министров вполне, на первый взгляд, устраивало председателя Государственной думы М.В. Родзянко. Но придание Государственной думе функций Конституанты должно было вызвать с его стороны резкий протест. Дело в том, что это могло нанести удар по только что сформировавшемуся Временному правительству, так как оно должно было прекратить свое существование. Точно так же прекратила бы свое существование и Государственная дума, выполнив учредительные функции. В таком повороте не был заинтересован ни Родзянко, ни министры Временного правительства, ни тогдашние руководители советской демократии. Первые (Родзянко и министры) не рассчитывали так быстро отдать власть в другие руки, а вторые (лидеры Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов) не хотели так быстро брать власть в свои руки, к чему неизбежно должна была привести учредительная деятельность Государственной думы на фоне продолжающегося «левения» страны. По этой же причине М.В. Родзянко, по словам В.М. Вершинина, выступил резким противником созыва Учредительного собрания⁴⁸. Но, видимо, речь шла только о сроках созыва. Родзянко был вынужден в ходе переговоров с представителями Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов согласиться на созыв Учредительного собрания не ранее, чем через полгода. Об этом он сообщил рано утром генералу М.В. Алексееву⁴⁹. Но уже через два часа Родзянко в разговоре с Рузским дал понять, что лучше отложить созыв Учредительного собрания до окончания войны⁵⁰. Иначе говоря, Родзянко не был заинтересован ни в реализации манифеста Николая II, ни в скором созыве Учредительного собрания.

В связи с поисками М.В. Родзянко места думскому Комитету в новой комбинации власти приведем слова Гайды из его монографии 2003 года. Он пишет, что Родзянко «на протяжении марта <...> неоднократно подчеркивал в беседах с генералами, что Временный ко-

⁴⁸ *Вершинин В.* Вместо венка (некролог) // *Дни.* 1924. 31 января (Берлин).

⁴⁹ В опубликованном тексте переговоров 3 марта Родзянко с Алексеевым указания о сроках созыва Учредительного собрания нет. Но в телеграмме Алексеева командующим фронтами, которую он начал рассылать им после 1 часа дня 27 мин. 3 марта, этот срок (не ранее, чем через полгода) уже упоминается (*Февральская революция 1917 года (Документы Ставки)*. Т. 3 (22). С. 22, 26); РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. ЛЛ. 41—42).

⁵⁰ *Февральская революция 1917 года (Документы Ставки)*. Т. 3 (22). С. 28.

митет сохраняет контроль за правительством, и почему-то упорно именовал Комитет «Верховным советом»⁵¹. Видимо, при написании своей работы Гайда не был еще знаком с монографией «Государственная дума в Февральской революции», в которой этот вопрос изучен⁵². Итак, почему Родзянко называл думский Комитет Верховным советом?

Опираясь же на принцип «парламентского строя», М.В. Родзянко мог (и предполагал) сохранить в новой комбинации власти Временный комитет Государственной думы как верховную власть. В переговорах 3 марта с генералами М.В. Алексеевым (с 6 часов до 6 часов 46 мин. утра) и Н.В. Рузским (в 8 часов 45 мин. утра) он обмолвился о роли ВКГД в системе власти, которая исключала воцарение великого князя Михаила Александровича. Алексееву Родзянко сообщал следующее: «...предполагается необходимым созыв Учредительного собрания, а до тех пор действие Верховного комитета и Совета министров, уже нами обнародованного и назначенного, при одновременном действии двух законодательных палат»⁵³. Верховный комитет — это, несомненно, переименованный Временный комитет Государственной думы, наделенный полномочиями верховной власти. Именно так понял эту комбинацию власти М.В. Алексеев и сообщил о ней командующим фронтами⁵⁴.

В переговорах по прямому проводу Родзянко проинформировал Рузского: «Все остается в таком виде: Верховный совет, ответственное министерство и действия законодательных палат до разрешения вопроса о конституции Учредительным собранием». Н.В. Рузский попросил уточнить: «Скажите, кто во главе Верховного совета [?] М.В. Родзянко поспешил ответить: «Я ошибся: не Верховный совет, а Временный комитет Государственной думы под моим председательством»⁵⁵. В ходе переговоров Родзянко дал ясно понять Руз-

⁵¹ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.) / Отв. ред. Л.Г. Захарова. М., 2003. С. 326.

⁵² Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории / Предисл. С.М. Ляндрес. Рязань, 2002. С. 227—229.

⁵³ Февральская революция 1917 года (Документы Ставки). Т. 3 (22). С. 25, 26.

⁵⁴ М.В. Алексеев телеграфировал им: «<...> не ранее полугода собрать Учредительное собрание для определения формы правления; до того времени власть сосредоточивается [в] руках Временного комитета Государственной думы, ответственного министерства, уже сформированного, при действии обеих законодательных палат. Родзянко мечтает и старается убедить, что при такой комбинации возможно быстрое успокоение<...>» (РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. ЛЛ. 41—42).

⁵⁵ Февральская революция 1917 года (Документы Ставки). Т. 3 (22). С. 29.

скому, что воцарения Михаила не будет. При этом разговоре присутствовал Г.Е. Львов, который не проявил какого-либо недовольства данной комбинацией власти. Трудно поверить, что Родзянко в этот день несколько раз ошибался, внося в название думского Комитета понятие верховный. Возможно, что он размышлял над тем, как назвать ВКГД в новой конструкции власти — Верховный комитет или Верховный совет? Но даже при сохранении старого названия существенную роль играет факт предполагаемого сохранения ВКГД в механизме Временной власти до Учредительного собрания при одновременном действии двух законодательных палат (Государственной думы и Государственного совета) и ответственного министерства.

Какие функции, полномочия собирался Родзянко придать ВКГД? А.И. Ксюнин утверждал, что в лице Верховного совета, на создании которого настаивал председатель Государственной думы, «явилось бы возглавление власти и было бы кому сменять оказавшихся не на месте членов временного правительства»⁵⁶. Иначе говоря, речь шла о превращении ВКГД в регентский совет. Такой же точки зрения придерживается и Г.М. Катков⁵⁷. В.И. Старцев заметил, что Родзянко «прочил себя чуть ли не в президенты»⁵⁸. Кстати, некоторые современники тоже говорили о повышении статуса Родзянко. Д. Ершов (в 1917 г. — безработный переплетчик) вспоминал в 1922 г., что после 3 часов дня 27 февраля на углу Каменноостровского и Большого проспектов (Петроградская сторона) собралась толпа народа, в которой говорили «кому что вздумается: “Собравшаяся Гос[ударственная] дума объявила Республику. Президентом избран Родзянко”»⁵⁹. Монах Нестор 5 марта 1917 г. написал ряд записок, среди них — «Какое должно быть в России правление». В ней Нестор заявлял: «<...> верховный председатель Думы есть всероссийский император, который только имеет власть как председатель»⁶⁰. Все эти слухи и предположения базировались на огромной популяр-

⁵⁶ Ксюнин А.И. Предисловие // Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная дума и Февральская 1917 года революция. Полное издание записок председателя Государственной думы с дополнениями Е.Ф. Родзянко. М., 2002. С. 10.

⁵⁷ Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997. С. 393.

⁵⁸ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства. С. 104.

⁵⁹ Ершов Д. Воспоминания о первых днях Февральской революции, 1922 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1319. ЛЛ. 8, 10.

⁶⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1353. Л. 156.

ности Родзянко в дни революции среди солдат⁶¹, рабочих и служащих⁶², что, кстати, не замечают или ставят под сомнение его биографы⁶³. Родзянко старательно поддерживал ее, используя доступные ему средства, в том числе и прессу⁶⁴. По свидетельству совре-

⁶¹ О популярности М.В. Родзянко оставили свидетельства лица, принадлежавшие к различным социальным слоям. А.С. Ручьевский, бывший в 1917 г. солдатом, вспоминал: «Один рабочий очень возбужденного вида подходит ко мне и говорит — создается новая опасность. Я спрашиваю [:] Какая [?] Он говорит: Родзянко завоевывает симпатии солдат. Легко может случиться, что войска пойдут за Родзянко. Тогда пропала революция» (*Ручьевский А.С.* / Февраль—октябрь 1917 г. Воспоминания Ручьевского, б/д. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1334. Л. 4). Приведем запись А. Ремизова, характеризующую высокий авторитет Родзянко среди солдат Петроградского гарнизона: «<...>...— Если Родзянко сказал, что так надо, значит уж так надо!» — отвечает он (солдат — А.Н.) <...>» (*Ремизов А.* / Всеобщее восстание. Временник Алексея Ремизова / Эпопея. М.; Берлин, 1922. № 1. Апрель. С. 76). А.А. Демьянов вспоминал позднее: «Родзянко не боялся слов и не боялся идей. Он говорил войскам <...> о новом строе и о свободе. Поведение его на то время истинно достойно похвалы. Популярность его в то время среди войск была громадна» (*Демьянов А.А.* Временное Правительство, Совет рабочих и солдатских депутатов и армия // ГАРФ. Ф. 6632. Оп. 1. Д. 14. Л. 23). А.В. Тимирева писала адмиралу А.В. Колчаку 2 марта 1917 г.: «Родзянку войска очень чтут и величают «высокопревосходительством»» (Милая химера в адмиральской форме. Письма А.В. Тимиревой А.В. Колчаку / Изд. подг. А.В. Смолин и Л.И. Спиридонова. СПб., 2002. С. 167).

⁶² Рабочие, служащие и инженеры завода Русско-бельгийского металлургического общества в телеграмме, полученной 4 марта, приветствовали М.В. Родзянко как «великого первого гражданина России» и «спасителя Отечества от внутреннего врага» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1267. Л. 32).

⁶³ И.Л. Архипов, например, пишет: «В февральские дни, когда к Думе стекались толпы «восставшего народа», выступления Родзянко стали своего рода символом времени». Но тут же автор замечает: «Однако уже тогда авторитет Родзянко как председателя Думы для революционных масс был отнюдь не бесспорен. Солдаты далеко не всегда соглашались прислушиваться не только к «совету», но и к «приказу» председателя Думы» (*Архипов И.Л.* Председатель Государственной думы М.В. Родзянко // Отечественная история. 2006. № 3. С. 121).

⁶⁴ М.В. Родзянко, ознакомившись с телеграммой рабочих Кожевенного завода и Механической фабрики братьев Савиных, поставил резолюцию: «Подлежит оглашению». Телеграмма была получена в Петрограде 5 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1253. Л. 70).

менников, председатель Государственной думы вел себя как высшее лицо в государстве (или им так это представлялось!)⁶⁵.

Во всяком случае, можно утверждать, что Родзянко мечтал о сохранении за Комитетом Думы верховной власти⁶⁶. Косвенным подтверждением этому служат мероприятия, которые он провел по организации аппарата Временного комитета Думы. 2 марта М.В. Родзянко предпринял шаги по созданию Управления делами ВКГД⁶⁷. Укажем, что создание Управления делами было бы оправдано в первые дни осуществления властных функций со стороны думского Комитета (28 февраля — 1 марта), а не в тот момент, когда было уже создано Временное правительство, которое через день-два должно было взять власть в свои руки. Организовывая аппарат думского Комитета, Родзянко, несомненно, предполагал его использовать по назначению, т.е. для реализации каких-то властных думских полномочий.

Исследователи вопроса не обращают внимание и на то, что эта конструкция власти, предполагавшая верховенство ВКГД, не вызвала никаких возражений М.В. Алексева. Так, 3 марта генерал-

⁶⁵ Именно так характеризовал поведение М.В. Родзянко уже в первые послефевральские дни М.В. Шахматов. Он, вспоминая о первом «после переворота» заседании Особого совещания по обороне государства, писал: «В зале Совета министров собралось особенно много членов Совещания — оно было в полном составе. М.В. Родзянко немного припоздал, когда он приехал уже все были в сборе. Он вошел, высоко держа голову, с величественной осанкой, ощущая, очевидно, себя первым в России человеком, победителем и завоевателем великого царства, чем-то вроде президента Российской Державы. Его встретили громовыми рукоплесканиями, долго не смолкавшими...» (*Шахматов М.В. Последние дни Мариинского дворца и Петрограда. Прага, 1927 // Российский архив. М., 2005. Т. IV. С. 687*).

⁶⁶ Не исключено, что при определенной настойчивости М.В. Родзянко смог бы добиться реализации этой идеи. Тем более, что в дни Февральской революции он пользовался популярностью революционной толпы. Но уже 1 марта наблюдательный современник отметил, что против Родзянко в Таврическом дворце начинает вестись агитационная работа — «кто-то призывает не доверять особенно Родзянко». В защиту Родзянко выступил депутат И.Т. Евсеев (кадет). Он сказал «о недопустимости распространения неосновательных подозрений по отношению к человеку, пользующемуся заслуженным авторитетом всех партий в Думе» (*Боровский Ф. Неделя 2-ой Великой русской революции 1917 года. Эпизоды и впечатления, записанные на улицах Петрограда. 2-е изд-е. Пг., 1917. С. 28—29*).

⁶⁷ См. подр.: *Николаев А.Б. Революция и власть. С. 557—558*.

адъютант Алексеев послал телеграмму, направленную против «вредной двойственности власти» на имя председателя ВКГД, председателя Совета министров и Военного министра⁶⁸. Подчеркнем, что первым адресатом в телеграмме был указан именно председатель ВКГД. Это, на наш взгляд, подтверждает факт принятия Алексеевым той конструкции власти, в основе которой лежало признание прав верховенства за Временным комитетом Думы.

Историки также замолчали тот факт, что эта схема власти не являлась только плодом личных интриг и мечтаний Родзянко, а была достигнута в результате какого-то соглашения. М.В. Алексеев днем 3 марта был уверен, что это соглашение состоялось на переговорах думских деятелей с Исполкомом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который пошел на него, не желая воцарения великого князя Михаила Александровича⁶⁹. Но ни в протоколах Петроградского Совета⁷⁰, ни в воспоминаниях современников⁷¹, ни в исследовательской литературе⁷² о заключении такого соглашения между думским Комитетом и делегацией Исполкома Петроградского Совета каких-либо упоминаний не обнаружено.

⁶⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 32. Л. 154. 8 марта 1917 г. копия этой телеграммы была препровождена министром внутренних дел министру финансов М.И. Терещенко (Там же. Л. 153).

⁶⁹ Февральская революция 1917 года (Документы ставки). Т. 3 (22). С. 22.

⁷⁰ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы / Ред. колл.: Б.Д. Гальперина, О.Н. Знаменский, В.И. Старцев. Отв. ред. В.И. Старцев, Ю.С. Токарев. Отв. сост. Б.Д. Гальперина. Л., 1991. Т. 1. С. 46—103 (просмотрены документы и материалы за 1—3 марта 1917 года).

⁷¹ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993; Миллюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2; Родзянко М. В. Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции. В 22 т. / Изд. И.В. Гессеном. М., 1991. Кн. 3. Т. 6; Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1. Кн. 1—2; Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1989; и др.

⁷² Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967; Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967.; Злоказов Г.И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции (февраль-июнь 1917 г.). М., 1969; Токарев Ю.С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. Л., 1976; Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства.

Естественно предположить, что соглашение было заключено после получения известий об отречении Николая II в пользу великого князя Михаила Александровича⁷³. Но А.Ф. Керенский вспоминал, что вплоть до утра 3 марта Временное правительство так и не решило вопрос о воцарении Михаила и «по общему согласию заседание было временно отложено»⁷⁴. В Военное министерство были направлены М.В. Родзянко и Г.Е. Львов с целью получить точный текст манифеста, чтобы «выяснить возможность его изменения»⁷⁵. Подчеркнем, что главе Временного правительства Г.Е. Львова конструкция власти, вводившая верховенство ВКГД, была известна.

Ранее мы высказывали предположение, что соглашение по поводу осуществления именно такой конструкции власти было заключено между князем Г.Е. Львовым и М.В. Родзянко⁷⁶. Несомненно, что одним Г.Е. Львовым дело не ограничивалось — участниками соглашения были и другие члены Временного правительства. В связи с этим некоторый интерес представляет газетная заметка с рассказом Н.В. Некрасова, которая впервые введена в научный оборот⁷⁷. Выступая в Киеве 14 мая 1917 г. в кафе «Максим» перед членами партии народной свободы, Некрасов сообщил, что в ночь с 2 на 3 марта, «когда уже было достигнуто соглашение», возник конфликт — «на одно и то же место в кабинете заявлено было два ультимативных требования». И далее Некрасов, не называя лиц, выдвинувших эти требования, вспоминал: «Примирения добиться нельзя было. Наша основная мысль тогда была, как сохранить преемственность власти. В ту минуту, когда уже были созваны знатоки государственного права для того, чтобы обдумать, как сохранить преемственность власти в форме личной диктатуры, в форме представления всей полноты власти в руки одного человека, обе спорящие стороны поняли всю лежащую на них ответственность и свершилось чудо. Помню ту радость, с какой товарищ Керенский мчался по квартире князя Львова, чтобы сообщить нам весть о достигнутом соглашении»⁷⁸. На первый взгляд может показаться, что речь идет о споре за один из министерских портфелей. Но борьба за любой из порт-

⁷³ Телеграмма от А.И. Гучкова и В.В. Шульгина была получена в Петрограде в 2 часа 17 мин. ночи (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1245. Л. 10).

⁷⁴ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. С. 150.

⁷⁵ Миллюков П.Н. Указ. соч. С. 271.

⁷⁶ Николаев А.Б. Революция и власть. С. 560.

⁷⁷ Николаев А.Б. Размышления над рецензией профессора Ц. Хасера-вы // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. Leiden, Boston, 2013. № 6. Р. 32—33.

⁷⁸ Н.В. Некрасов в Киеве // *Последние новости*. 1917. 16 мая (утр. вып.) (Киев).

фелей министров не могла разрушить преемственность власти, так как она опиралась на факт назначения императором Николаем II председателем Советом министров князя Г.Е. Львова. Иначе говоря, можно уверенно предположить, что Н.В. Некрасов рассказал киевским кадетам о борьбе именно за должность председателя Совета министров, которая развернулась между М.В. Родзянко и Г.Е. Львовым. Видимо, именно тогда на квартире князя Г.Е. Львова (и в его присутствии) А.Ф. Керенским была предложена М.В. Родзянко такая конструкция власти, которая вполне устраивала председателя думского Комитета. Керенский, как видно из рассказа Некрасова, сообщил ему и другим членам Временного правительства о состоявшемся соглашении. Благодаря этому рассказу становится понятно, почему на переговорах по прямому проводу М.В. Родзянко с Н.В. Рузским присутствовал кн. Г.Е. Львов — он-то и должен был в случае необходимости подтвердить Рузскому сказанное Родзянко.

Что мог предложить председатель ВКГД М.В. Родзянко в обмен на согласие поддержать его комбинацию власти Временному правительству? Только стать партнером лиц, заинтересованных в том, чтобы великий князь Михаил Романов отказался от взятия верховной власти в свои руки. И действительно, М.В. Родзянко вел себя активно, добиваясь этого от великого князя Михаила⁷⁹.

В акте Михаил Александрович отказывался от власти в пользу Учредительного собрания. Здесь же содержалась просьба к гражданам России, подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы «возникшему и облеченному всей полнотой власти»⁸⁰.

Считается, что этот акт уничтожил «парламентский строй», введенный отречением Николая II⁸¹, и создал полновластное Временное правительство⁸². Ф.А. Гайда по этому поводу пишет: «Акт 3 марта <...> по мнению либералов прояснял пути разрешения основных политико-правовых противоречий, сложившихся в результате перево-

⁷⁹ *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства. С. 109.

⁸⁰ Отречение великого князя Михаила Александровича // Известия КПЖ. 1917. 4 марта. № 9 (Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»).

⁸¹ *Маклаков В.А.* Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880—1917. М., 2006. С. 324.

⁸² *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 208; *Старцев В.И.* Передача власти от Николая II Временному правительству (юридическая сторона) // Политическая история России первой четверти XX в.: Памяти профессора Виталия Ивановича Старцева / Ред. колл.: Б.Д. Гальперина (отв. ред. и отв. сост.) и др. СПб., 2006. С. 9.

рота. Прежде всего это были неопределенность формы правления, объема власти правительства и положения Государственной думы». Каким образом, по мнению Гайды, разрешились эти противоречия? Акт 3 марта уничтожил думский источник власти Временного правительства, да и советский тоже (!), тем самым «предоставлял правительству декларативную свободу от посягательств справа (со стороны ВКГД) и слева (со стороны Совета)». По утверждению Гайды, акт Михаила создал новое качество Временного правительства, ставшим «революционным “министерством доверия”, которое не было ответственно перед каким-либо политическим институтом»⁸³.

Но ничего этого благодаря акту Михаила не произошло. В этом документе Михаил не принял верховную власть, и поэтому не мог ее никому передать⁸⁴, не мог ничего уничтожить или создать⁸⁵. С.В. Редких, споря с нами, пишет: «А.Б. Николаев высказал мнение, согласно которому великий князь Михаил Александрович Романов актом об отказе в восприятии верховной власти не мог передать власть Временному правительству в связи с тем, что сам ее не принял»⁸⁶. Доказывая якобы ошибочность этого утверждения, он пишет: «Комплексный анализ ст. 27, 37, 38 и 53 Свода основных государственных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г. <...> позволяет заключить, что власть законно перешла к великому князю Михаилу Александровичу с момента отречения императора Николая Александровича от престола. <...> Расширительное толко-

⁸³ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). С. 310, 312.

⁸⁴ Кстати, в этом вопросе с нами отчасти солидарен Ф.А. Гайда, который пишет, что «юридически великий князь не мог передать кому бы то ни было верховную власть, поскольку не обладал ей в полной мере» (*Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). С. 310).

⁸⁵ Существует и другая точка зрения, которая высказывалась в прессе уже в марте 1917 г.: «<...> Николай отрекся от престола в пользу своего брата Михаила. И между 3 часами дня 2 марта, когда Николай подписал акт об отречении, и 4 часами дня 3 марта, когда Михаил передал всю свою власть Временному правительству, Михаил юридически был царем. Он, как носитель верховной власти, законоустановленной, мог ею распорядиться <...> Михаил передал ее Временному правительству» (*Л.Н.* Юридическая природа власти Временного Правительства // Биржевые ведомости. 1917. 7 марта (утр.вып.)).

⁸⁶ *Редких С.В.* Правовые и политические предпосылки законотворческой деятельности Юридического совещания. С. 19. Автор ссылается на монографию: *Николаев А.Б.* Государственная дума в Февральской революции. С. 229.

вание ст. 53 Свода основных государственных законов позволяет установить момент перехода власти, которым являлся не момент издания Манифеста о восшествии на престол, а момент прекращения власти предшествующего императора»⁸⁷. Судя по этому тексту, автор не понял утверждения. Речь идет не о моменте перехода власти, а о документе, в котором великий князь ясно и точно указал, что он отказывается воспринять верховную власть! Т.е. здесь речь идет о личной позиции, о проявлении личной воли великого князя Михаила, пусть и ограниченной угрозами расправиться с императорской фамилией, которые сыпались из уст уговаривающих его отказаться от взятия верховной власти в свои руки, подкрепленные фактами жестоких расправ над людьми ему известными⁸⁸. В связи с этим приведем воспоминания В.В. Шульгина, принимавшего участие в организации отказа Михаила от верховной власти: «Наконец составили и передали великому князю. В это время в детской оставались Набоков, Нольде и я. Через некоторое время секретарь великого князя⁸⁹ <...> принес текст обратно. Он передал, что великий князь всюду просит употреблять от его лица местоимение «я», а не «мы» (у нас всюду было «мы»), потому что великий князь считает, что он Престола не принял, Императором не был, а потому не должен говорить — «мы». Во-вторых, по этой же причине, вместо слова «повелеваем», как мы написали, — употребить слово «прошу». <...> Все эти указания были выполнены, и текст переделан. Снова передали великому князю, и на этот раз он его одобрил»⁹⁰. Подписав акт, великий князь Михаил «вручил его М.В. Родзянко»⁹¹.

Можно утверждать, что акт Михаила лишь консервировал ситуацию, порожденную манифестом Николая II, который даровал России «парламентский строй». Вместе с тем он оставлял возможность великому князю Михаилу Александровичу принять верховную власть из рук Учредительного собрания, а также исключал возможность занятия престола следующим претендентом — великим князем Ки-

⁸⁷ *Редких С.В.* Правовые и политические предпосылки законотворческой деятельности Юридического совещания. С. 19.

⁸⁸ Речь идет о графе Г.Э. Штакельберге и сенаторе А.В. Чарторийском, убитых 1 марта 1917 года (см. подробн.: *Николаев А.Б.* Отрезанные головы Февральской революции // 90 лет Февральской революции в России. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.) и др. СПб., 2007. С. 33—42).

⁸⁹ Секретарем великого князя Михаила Александровича был А.С. Матвеев.

⁹⁰ *Шульгин В.В.* Дни. 1920. М., 1989. С. 278.

⁹¹ Подробности отречения великого князя Михаила Александровича // День. 1917. 9 марта.

риллом, который, судя по всему, имел такие планы или они были у его окружения. Заметим, что 1 марта 1917 г. он, прицепив на левую сторону груди громадный красный бант, привел Морской гвардейский экипаж в Государственную думу, что было воспринято некоторыми современниками как попытка «разыграть будущего царя-революционера»⁹². Несомненно, что по ОГЗ великий князь Кирилл мог занять престол, но на стороне личной позиции Михаила о том, что престол теперь может вручить только Учредительное собрание, стояло и Временное правительство, и Государственная дума! Т.е. опять в дело пошло революционное право, основанное на революционном насилии. Точно так же, как принудили отречься от престола Николая II и отказаться от восприятия верховной власти великого князя Михаила, могли пресечь и попытки великого князя Кирилла занять престол.

Кажется даже, что шансы Родзянко и ВКГД в этот момент еще более возросли. Михаил, не восприняв верховную власть и создав при помощи Временного правительства и Государственной думы непреодолимое тогда препятствие для занятия престола Кириллом, давал возможность Временному комитету Государственной думы взять ее в свои руки. ВКГД донес бы бремя верховной власти до Учредительного собрания. По словам В.Н. Львова, после акта Михаила «вся страна <...> не понимала, кому Верховная власть принадлежит, не то Родзянко, не то Государственной думе, не то Временному правительству, не то Совету рабочих и солдатских депутатов <...> кому же, наконец?»⁹³. Иначе говоря, акт Михаила не снял остроты противоречий в вопросе о власти. Правда, одновременно с этим он создавал условия для различных сил решить его в свою пользу, в частности, для лидеров партии конституционных демократов в плане создания безответственного правительства. Вместе с тем заслуги Государственной думы в лице ее органов в дни Февральской рево-

⁹² [Ручьевский А. С.] Февраль—октябрь 1917 г. Воспоминания Ручьевского, 6/д. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1334. Л. 4. Небезынтересно и то, что днем 2 марта в пользу регентства великого князя Кирилла при малолетнем царе Алексее в Петрограде велась агитация неизвестными лицами (Там же. Л. 5).

⁹³ Львов В. Роковая ошибка // Сибирская речь. 1919. 10 августа (Омск); Прочитируем также телеграмму адмирала А.В. Колчака за № 488/оп, отправленную в 2 часа дня 30 мин. 3 марта начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М.В. Алексееву: «Секретная. Для сохранения спокойствия нахожу необходимым объявить <...> флоту[,] войскам[,] портам и населению[,] что в настоящее время является законной верховной властью в стране» (РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 53).

люции давали возможность разрешить этот вопрос и в продумском направлении.

То, что акт Михаила ничего нового не создал и ничего не разрушил, свидетельствовало и первое заседание Временного правительства. В.И. Старцев считал, что важнейшим шагом, определившим судьбу Государственной думы, стало первое самостоятельное заседание Временного правительства. Журнал этого заседания, ранее обнаруженный и опубликованный В.Н. Сторожевым⁹⁴, привлек внимание В.И. Старцева и был им использован для доказательства диктаторского характера Временного правительства⁹⁵. Судя по датировке «журнала», это заседание Временного правительства проходило 2 марта. В частности, на нем обсуждался вопрос «о взаимоотношениях Временного правительства к Временному комитету Государственной думы». Участники заседания высказались в том смысле, что «вся полнота власти, принадлежащая монарху, должна считаться переданной не Государственной думе, а Временному правительству, что таким образом возникает вопрос о дальнейшем существовании Комитета Государственной думы, а также представляется весьма сомнительной возможность возобновления занятий Государственной думы IV созыва».

Также в «журнале» отмечалось, что «нет оснований полагать, что Временное правительство во время перерывов занятий Государственной думы может издавать меры законодательного характера, применяя порядок, установленный ст. 87 Основных законов, так как после происшедшего государственного переворота основные законы Российского государства должны считаться недействительными и Временному правительству надлежит установить как в области законодательства, так и управления те нормы, которые оно признает соответствующими в данный момент»⁹⁶.

В историографии существует мнение, что Старцев доказал подлинность протокола («журнала») первого заседания Временного правительства⁹⁷. Действительно, Старцев уделил достаточно большое внимание этому документу на страницах своих исследований. Вместе с тем сделаем несколько замечаний источниковедческого ха-

⁹⁴ *Сторожев В.Н.* Февральская революция 1917 г. // Научные известия. Сб. 1. Экономика, история, право. М., 1922. С. 143—144.

⁹⁵ *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства. С. 116.

⁹⁶ Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 161-162.

⁹⁷ *Мальшева С.Ю.* Временное правительство России. Современная отечественная историография / Научн. ред. А.Л. Литвин. Казань, 2000. С. 54.

рактера, которые, возможно, помогут выяснить истинное значение этого документа⁹⁸.

Во-первых, в нем не указаны присутствовавшие на заседании Временного правительства. Согласно тексту «журнала», можно установить участие в работах заседания министра-председателя Г.Е. Львова, министра иностранных дел П.Н. Милюкова, министра финансов М.И. Терещенко, министра юстиции А.Ф. Керенского и морского министра. Воспоминания барона Б.Э. Нольде дополняют список участников заседания. Он писал, что на заседании присутствовали министр земледелия А.И. Шингарев, государственный контролер И.В. Годнев, обер-прокурор Синода В.Н. Львов и министр путей сообщения Н.В. Некрасов⁹⁹. Во-вторых, не указано время работы заседания. В-третьих, не отмечены особые мнения министров при обсуждении способа законодательства. Б.Э. Нольде, например, вспоминал, что в ходе заседания И.В. Годнев и А.И. Шингарев предполагали использовать при законодательной деятельности 87 статью¹⁰⁰. В-четвертых, решения правительства записаны в журнале вне официальной формы.

Особо рассмотрим вопрос о датировке журнала. События, нашедшие отражение в этом документе, не соответствуют указанной дате. В журнале речь идет о событиях 3 марта, а документ датирован 2 марта. Мы выявили три таких несоответствия: 1. Постановление Исполкома Петросовета о судьбе Николая II и членов династии Романовых было принято 3 марта; 2. Товарищ МВД Д.М. Щепкин был назначен 3 марта; 3. Военный и временно морской министр А.И. Гучков мог принимать участие в заседании только после своего возвращения в Петроград, т.е. 3 марта.

Старцев тоже обратил внимание на некоторые несоответствия. Он пришел к следующему выводу: «Заседания правительства носили еще хаотический характер, и, видимо, этот журнал отражает как вопросы, обсужденные 2 марта, так и вопросы, возникшие 3 марта»¹⁰¹. С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти. Но

⁹⁸ См. также статью: *Николаев А.Б.* Первое заседание Временного правительства и вопрос об отмене 87-й статьи Основных государственных законов // Герценовские чтения 2004. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: В.В. Барабанов (отв. ред.), А.Б. Николаев (сост.) и др. СПб., 2004. С. 102—106.

⁹⁹ *Нольде Б.Э.* Далекое и близкое. Исторические очерки. Париж, 1930. С. 142.

¹⁰⁰ Там же. С. 143.

¹⁰¹ *Старцев В.И.* Революция и власть: Петроградский Совет и Временное правительство в марте - апреле 1917 г. М., 1978. С. 18.

датировать этот «журнал» необходимо именно 3 марта¹⁰². То, что это заседание Временного правительства проходило 3 марта, вспоминал Б.Э. Нольде¹⁰³. Можно даже уточнить, что оно проходило уже после того, как великий князь Михаил подписал акт с отказом от восприятия верховной власти.

Протокол составил Я.В. Глинка, который временно исполнял обязанности управляющего делами Совета министров. Составленный журнал вызвал резкую критику преемника Глинки — В.Д. Набокова, который писал в своих воспоминаниях, что «запись <...> была сделана совершенно неудовлетворительно и даже невразумительно»¹⁰⁴. Биограф Глинки — Б.М. Витенберг — прямо не говорит о том, почему высококвалифицированный чиновник не смог составить журнал заседания Временного правительства по форме. Однако он дает понять, что Глинка не завершил работы над журналом в виду своего несогласия с позицией Временного правительства. Витенберг приводит запись Глинки, относящуюся к этому заседанию Временного правительства: «На первом же заседании Совета м[инистр]ов, на котором мне пришлось присутствовать, меня поразило то, что первым [вопросом] был поставлен вопрос об уничтожении Гос[ударственной] думы, то есть сами вырвали у себя из-под ног фундамент, на который могли опираться»¹⁰⁵. Итак, во-первых, как можно понять из трудов Витенберга, работа над журналом не была завершена, и, во-вторых, по утверждению Набокова, журнал заседания Временного правительства был составлен совершенно неудовлетворительно. Остается неясным, почему Набоков не исправил положение дел, почему он не привел журнал в порядок. Может быть, потому, что никаких вполне определенных решений о судьбе

¹⁰² Эта датировка журнала первого заседания Временного правительства установлена автором данной монографии самостоятельно. Но к этому же выводу о дате заседания ранее пришел и С.М. Ляндрес. Свои доводы он впервые изложил в сообщении на ежегодной (25-й) конференции AAASS 17 ноября 1994 г. в Филадельфии (Секция: «Вопрос о власти и ее легитимности в русской революции. Февраль—октябрь 1917 г.»), а затем повторил на 27-й конференции AAASS 12 ноября 1996 г. в Бостоне (круглый стол по проблемам легитимности в русском и советском обществе в XIX—XX вв.).

¹⁰³ Нольде Б.Э. Указ. соч. С. 143.

¹⁰⁴ Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции. В 22 т. / Изд. И.В. Гессеном. М., 1991. Т. 1. С. 24.

¹⁰⁵ Витенберг Б.М. 1) Яков Васильевич Глинка: жизнь в эпоху перемен // Из глубины времен. Альманах. СПб., 1998. № 10. С. 190; 2) Я.В. Глинка и его дневник / Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 31.

Государственной думы принято не было, а все осталось лишь на уровне рассуждений и предположений? Действительно, далее в этой записи содержится ясное указание на то, что «для выяснения всех этих вопросов Временное правительство постановило образовать при Совете министров особую комиссию»¹⁰⁶.

На основе этого незавершенного журнала В.И. Старцев сделал вывод о том, что в ходе первого заседания «речь шла фактически об установлении неограниченной законом и парламентом диктатуры Временного правительства». Он писал далее: «<...> в первом же столкновении с новой властью, вышедшей из ее недр и «по почину» ее возникшею, Дума потерпела поражение и была немедленно отодвинута на задворки политической жизни»¹⁰⁷. С этим утверждением нельзя полностью согласиться, и де-факто, и де-юре положение как Временного правительства, так и Государственной думы было иным.

Можно ли считать, что Временное правительство отменило Основные законы на своем заседании 3 марта или в последующие дни марта 1917 г.? Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся, в первую очередь, к документу, обнаруженному Е.А. Скрипиловым в архивном фонде Министерства юстиции¹⁰⁸ и озаглавленному «Общие положения». Скрипилов датировал его мартом 1917 г. В «Общих положениях» указывается: «1. По возможности сохранить существующие законы и учреждения впредь до создания новых Учредительным собранием. 2. Из существующих учреждений и законов отменить только те, оставление которых при новом строе безусловно невозможно»¹⁰⁹. Итак, если Основные законы Российской империи оставить при новом строе было «безусловно невозможно», то должна была быть проведена процедура их отмены. Это, естественно, должно было найти отражение в декларации Временного правительства или других публично-правовых актах. Но в декларации в пункте 4 говорилось лишь о том, что «форму правления и конституцию страны» установит Учредительное собрание¹¹⁰. Об отмене Конституции Российской империи (Основных государственных законов) декларация умалчивала. В других публичных правительственных актах тоже ничего не упоминалось об уничтожении (отмене) Основных законов.

¹⁰⁶ Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 161.

¹⁰⁷ *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства. С. 116—117.

¹⁰⁸ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1510. Л. 339.

¹⁰⁹ *Скрипилов Е.А.* Всероссийское Учредительное собрание. Историко-правовое исследование. М., 1982. С. 84.

¹¹⁰ От Временного Правительства // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 7 (Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»).

Вместе с тем обратим внимание еще на один документ, обнаруженный Е.А. Скрипиловым. В нем подчеркивается: «Все вообще законодательные акты, легально восприявшие силу, сохраняют свое действие и после установления нового строя государственного управления, буде не признает нужным отменить, дополнить или изменить тот или другой закон»¹¹¹. Этот принцип законодательства Временного правительства, естественно предположить, делил все законодательные акты на легально восприявших силу и легально невосприявших ее. Скрипилов считал, что Основные законы как раз и относились ко вторым, т.е. легально не восприявших силу. При этом он опирался на мнение анонимных «буржуазных идеологов»¹¹², исходивших «из концепции непрерывности права, согласно которой после революции перестали действовать только законы конституционные, т.е. Основные законы в редакции 23 апреля 1906 г.»¹¹³. Правда, и это не снимало вопроса о том, почему Временное правительство в каком-либо публично-правовом акте не указало, что Основные законы легально не восприяли силу в результате Февральской революции.

Если Основные законы считались все-таки недействительными, то вместе с ними автоматически прекращали свое существование и законодательные палаты, так как они лишались юридической основы — главы 10 Основных законов. Эта глава содержит, во-первых, постановления о Государственном совете и Государственной думе, и, во-вторых, важнейшие статьи Учреждения Государственного совета и Государственной думы¹¹⁴. В том случае, если Основные за-

¹¹¹ Скрипилов Е.А. Всероссийское Учредительное собрание. С. 85.

¹¹² Здесь речь, несомненно, идет о кадетских идеологах. В еженедельной газете «Право» читаем: «То, что свершилось, было государственным переворотом <...> На наших глазах развертывался процесс правового творчества, но только вне исторически условных рамок 1-й части I-го тома Свода законов 1906». И далее автор утверждал, что «упразднены, благодаря отсутствию царствующего монарха, основные законы 1906 г.» (Новое право // Право. 1917. № 8. 21 марта. Стб. 425).

¹¹³ Скрипилов Е.А. Указ. соч. С. 85.

¹¹⁴ Исследователь подчеркивает следующее: «Важная кодификационная особенность Основных законов заключается в том, что в их состав не вошли полностью все статьи из Учреждения Гос[ударственной] думы и Гос[ударственного] совета, а лишь самые важные из них. <...> В гл. 10 Основных законов содержатся постановления о продолжительности сессий обеих палат, об их созыве и роспуске, о составе членов обеих палат и их правах законодательной инициативы и запроса (ст. 99—101, 104, 105, 108 и 110—113). Эти статьи основных Законов соответствуют статьям 2—4, 32, 33, 49, 51 Учр[еждения] Гос[ударственной] думы и статьям 2, 9, 10,

коны действительно были отменены, то все рассуждения о возможности возобновления занятий Государственной думы, содержащиеся в журнале заседания Временного правительства от 3 марта, теряли свой смысл и были излишни. Но, как известно, Государственная дума была распущена только 6 октября 1917 г.¹¹⁵

Сохранение Основных законов не дает абсолютной уверенности в том, что 87-я ст. тоже не была отменена. Отмена ее могла произойти отдельно от Основных законов. Б.Э. Нольде, присутствовавший на заседании правительства 3 марта, утверждал, что он разъяснил министрам ситуацию, которая сложилась благодаря акту великого князя Михаила. В акте вся полнота власти передавалась Временному правительству впредь до созыва Учредительного собрания, поэтому Временное правительство «должно было само, вне всякой 87-й статьи, впредь издавать законы». Нольде вспоминал: «Кажется, в первую минуту всем это показалось весьма неожиданным, но спорить было трудно, и законодательные полномочия Временного правительства были признаны. В хаосе, царившем кругом, появилась какая-то точка опоры для построения новой законности»¹¹⁶.

Следуя утверждению Нольде, получалось, что отмена 87-й ст. произошла уже в ходе первого самостоятельного заседания Временного правительства. Вместе с тем нельзя не привести весьма интересные суждения Я.В. Старосельского, которые относятся к 87-й статье и указывают иную дату ее отмены. Он писал: «<...> первые дни само Временное правительство считало, что оно подчинено Гос[ударственной] думе, называется «Советом министров» и обладает лишь исполнительной властью, так что поднимался даже вопрос об издании законов и вообще принятии спешных мер в порядке знаменитой 87 статьи». Старосельский тут же заметил, что «такое положение аннулировалось под шумок в первые же дни, так что, пожалуй, и прошло незаметно». Доказывая факт отмены 87-й ст., он привел правительственное журнальное Постановление от 10 марта 1917 г. о переименовании Совета министров во Временное прави-

30, 43, 44, 47, 51 Учр[еждения] Гос[ударственного] совета» (*Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906—1917 гг. Историко-правовой очерк.* М., 1998. С. 152).

¹¹⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел первый. (Далее — СУ). 1917. 17 октября. № 256. Ст. 1846.

¹¹⁶ *Нольде Б.Э.* Указ. соч. С.143.

¹¹⁷ *Старосельский Я.В.* Идеология либерализма в столкновении с революцией. К вопросу о позиции буржуазии в Февральской революции // *Революция права.* 1927. № 3. С. 131; См. также: *Журналы заседаний Временного правительства.* М., 2001. Т. 1. С. 71, журнал № 14.

тельство¹¹⁷. Вместе с тем В.И. Старцев обращает внимание на то, что «термин *«Временное правительство»* (выделено курсивом В.И. Старцевым — А.Н.), как название для исполнительной власти впервые использован» в Декларации от 3 марта 1917 г.¹¹⁸ Подчеркнем, что отмена 87-й статьи в законодательных актах Временного правительства начала марта 1917 г. прописана не была.

По поводу 87-й статьи Ф.А. Гайда пишет, что «юридически проблема была решена на правительственном заседании 14 марта, причем не в пользу палат»¹¹⁹. О каком же решении пишет Гайда? 14 марта 1917 г. Временное правительство приняло закрытое постановление¹²⁰, согласно которому все «акты верховного управления, состоявшиеся до 27 февраля 1917 г., должны почитаться законно состоявшимися»¹²¹. Естественно, что они подлежали опубликованию. Но опубликовывать их с указанием на последовавшее на них высочайшее утверждение было политически неоправданно. Временное правительство нашло выход, который состоял в том, что высочайшее утверждение заменялось указанием за подписью министра-председателя «на то, что законное утверждение акта последовало такого-то числа, месяца и года». Признавая все акты верховного управления «законно состоявшимися», а значит и проведенные по ст. 87-й, Временное правительство тем самым признавало и возможность их внесения (не внесения) в Государственную думу в течение двух месяцев со дня открытия очередной сессии, т.е. для первой половины марта несостоятельным оказывается суждение Ф.А. Гайды о том, что «фактически отмененным оказалось даже такое право парламента, как утверждение в течение двух месяцев законов, проводимых по 87 статье Основных законов»¹²².

В этом же постановлении был разрешен вопрос с теми актами Верховного управления, последовавшими до 27 февраля, которые были несовместимы «с началами нового государственного строя».

¹¹⁸ Старцев В.И. Декларация Временного правительства от 3 марта 1917 г. С. 213.

¹¹⁹ Гайда Ф.А. // Русский сборник. С. 336.

¹²⁰ Это постановление было разослано во все министерства, главные управления и Государственную канцелярию (См., напр.: РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 848. Л. 14; Ф. 1162. Оп. 2. 1917. Д. 2. Л. 93; Ф. 1289. Оп. 12. Д. 217. Л. 43; Д. 1153. Л. 11; Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1512. Л. 14 и др.)

¹²¹ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 95—96, журнал № 18.

¹²² Гайда Ф.А. Февральская революция и судьба Государственной думы // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 36.

Их было решено не обнародовать¹²³. Но в данном случае прямо не говорилось о том, что они считаются утратившими силу, в виду их неутверждения Временным правительством. Речь шла только о неопубликовании актов, не совместимых с новым строем, т.е. они переводились в разряд законов, не вступивших в силу. Более определенного решения по этому вопросу пока вынесено не было. Тем самым это постановление признавало, в частности, акты верховного управления, которые были проведены в порядке ст. 87. Исходя из этого, можно предположить, что, признавая эти акты законными, Временное правительство признавало и ст. 87. Это позволяет сделать вывод о том, что в первую половину марта 1917 г. эта статья не была уничтожена.

Во второй половине марта 1917 г. Временное правительство вновь обратило свое внимание на ст. 87. На вечернем заседании 16 марта 1917 г. Временное правительство рассмотрело предложение «о преподании указаний относительно внесения в Государственную думу представлений, оправдывающих проведение в порядке статьи 87 Основных государственных законов, узаконения о землевладении и землепользовании австрийских, венгерских и германских выходцев». Правительство постановило передать этот вопрос на заключение Юридического совещания при Временном правительстве¹²⁴.

А.Л. Стародубова пишет по этому вопросу в своей диссертации, посвященной Юридическому совещанию, следующее: «Относительно существования 87 ст. Основных законов было решено, что в связи с изменением государственного строя она “должна считаться отпавшею”»¹²⁵. Стародубова не указывает даты отмены 87 ст. Кроме этого, остается не совсем понятно, какой орган принял решение о том, что эта статья Основных законов «должна считаться отпавшею»? Несомненно, что Юридическое совещание такого решения, носящего обязательный характер, принять было не в праве. Совещание лишь принимало постановление о «представлении на усмотрение» Временного правительства своих заключений, и Стародубовой это известно¹²⁶.

¹²³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1512. Л. 14.

¹²⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 108, журнал № 21.

¹²⁵ *Стародубова А.Л.* Юридическое совещание 1917 г.: основные направления деятельности: Дисс. ... к. ист. н. М., 2000. С. 25.

¹²⁶ Стародубова пишет: «Юридическое совещание давало заключения по мероприятиям Временного правительства, имеющим характер законодательных актов, а также по иным мероприятиям, по которым Временное правительство считало необходимым иметь заключение Юридического совещания» (*Стародубова А.Л.* Юридическое совещание 1917 г.: основные направления деятельности: Автореф. дис. ... к. ист. н. М., 2000. С. 15).

С.В. Редких указывает, что «Совещание (Юридическое совещание — А.Н.) по результатам правовой экспертизы признало ст. 87 Основных законов не подлежащей дальнейшему применению»¹²⁷. Дату принятия этого решения он тоже не указывает. В свою очередь, Ф.А. Гайда уверенно заявляет о том, что статья 87 «была отменена за ненадобностью» Временным правительством¹²⁸. Однако и он, во-первых, не указывает точной даты принятия этого решения, во-вторых, дает ссылку на документ, хранящийся в фонде Юридического совещания¹²⁹.

Излагая содержание этого постановления, Стародубова замечает: «<...> все постановления, утвержденные в порядке ст. 87, если к 27 февраля 1917 г. не прошло двух месяцев, должны были считаться действующими до их отмены Временным правительством»¹³⁰. Гайда тоже приводит эту часть постановления: «Правительство приняло решение, в соответствии с которым все постановления, утвержденные до 27 февраля на основании статьи 87 Основных государственных законов, но не внесенные за истечением двухмесячного срока в законодательные учреждения, считались действующими до их отмены Временным правительством без представления в законодательные учреждения»¹³¹. В более ранней работе Гайда замечает: «<...> но законопроекты, проведенные по ней до переворота, утверждены не были, хотя не отменялись автоматически, а только по решению нового правительства»¹³². Однако это разъяснение только запутывает вопрос. В частности, Гайда не дает хронологической привязки данного разрешения вопроса о ст. 87-й. По крайней мере, такая интерпретация в полной мере не относится к марту 1917 г.

В изложении содержания постановления Стародубова и Гайда разошлись. Первая пишет о тех актах, срок внесения которых (2 месяца) в Государственную думу не истек к 27 февраля; второй же — о тех актах, срок внесения которых уже истек к 27 февраля. Но принимать постановления об отмене актов, срок внесения которых в Думу уже истек, было бессмысленно, так как они автоматически

¹²⁷ Редких С.В. Правовые и политические предпосылки законотворческой деятельности Юридического совещания. С. 44.

¹²⁸ Гайда Ф.А. Февральская революция и судьба Государственной думы. С. 36.

¹²⁹ См.: ГАРФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 12. Л. 43.

¹³⁰ Стародубова А.Л. Юридическое совещание 1917 г.: Дисс. ... к. ист. н. С. 26.

¹³¹ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914-весна 1917 г.). М., 2003. С. 316.

¹³² Гайда Ф.А. Февральская революция и судьба Государственной думы. С. 36.

теряли свою юридическую силу. Временному правительству достаточно было в этих случаях делать соответствующие разъяснения (принимать заключения).

Подчеркнем, что постановление, на которое ссылаются Стародубова и Гайда, не было законодательным актом Временного правительства, а являлось лишь заключением Юридического совещания от 22 марта 1917 г.¹³³ Важно установить судьбу этого заключения. Выяснено, что оно 25 марта было рассмотрено Временным правительством и принято им, но лишь отчасти. Приведем полный текст журнального постановления Временного правительства: «Согласно заключению Юридического совещания, признать сохраняющими силу, *впредь до отмены Временным правительством* (курсив наш — А.Н.), постановления, утвержденные в порядке применения статьи 87 «Основных государственных законов» (Св. Зак., т. I, ч. 1, изд. 1906 г.) до 27 февраля 1917 года, оправдательные представления по коим, — за истечением к указанному числу предусмотренного той же статьей двухмесячного срока, — не были внесены на рассмотрение законодательных учреждений»¹³⁴. Иначе говоря, Временное правительство заявляло о том, что оно может отменять или не отменять постановления, проведенные по 87-й статье до 27 февраля 1917 г. В этом постановлении Временного правительства нет слов о том, что 87 статья «должна считаться отпавшею». Нет слов и о том, что Дума была лишена возможности утверждать акты, проведенные по 87-й статье. Из этого постановления вытекало только то, что Временное правительство рассматривало Государственную думу как находящуюся в состоянии перерыва своей законодательной деятельности. Более того, Временное правительство как бы гарантиро-

¹³³ «Принимая во внимание: 1) что постановления, утвержденные до 27 февраля 1917 г. на основании ст. 87 Основных государственных законов, но не вынесенные за истечением двухмесячного срока в законодательные учреждения, должны почитаться законно-действовавшими ко времени изменения государственного строя, 2) что, за изменением 27 февраля 1917 г. государственного строя, ст. 87 законов Основных должна почитаться отпавшею и 3) что, вследствие этого, отпало установленное в ст. 87 Основных законов условие о внесении в течение 2-х месяцев соответствующих мерам принятых по этой статье законопроектов в законодательные учреждения, Совещание признало, что постановления, утвержденные в порядке ст. 87 зак. Осн. если к 27 февраля 1917 г. не протекло двух месяцев, должны ныне считаться действующими до их отмены Временным правительством без представления в законодательные учреждения» (ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 12. Л. 13).

¹³⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Т. I. С. 165, журнал № 29.

вало (можно трактовать и так!) Государственной думе, что оно сохранит эти акты действующими вплоть до возобновления сессионных заседаний Государственной думы.

В марте 1917 года Временное правительство пользовалось своим правом разрешать судьбу актов, проведенных по 87-й статье. 4 марта 1917 г. Временное правительство поручило «министру земледелия, по соглашению с министром внутренних дел представить проект указа о приостановлении действия проведенных в порядке статьи 87 Основных законов мер о ликвидации немецкого землевладения в части, касающейся коренных жителей из числа русских подданных». А на заседании 11 марта это постановление было принято¹³⁵. 22 марта 1917 г. Временное правительство отменило положение от 31 января 1916 г. «Об установлении в некоторых случаях уголовной ответственности за посягательства на нижних чинов Собственного его императорского величества сводного пехотного полка, как за преступные деяния против часовых»¹³⁶. 23 марта Временное правительство постановило «отменить изданное в порядке статьи 87 Основных государственных законов положение Совета министров от 13 мая 1916 г. о наказуемости лиц, принадлежащих к составу общественных и частных организаций, учрежденных для удовлетворения вызываемых войной потребностей, за совершенные сими лицами при исполнении своих обязанностей деяния, заключающие в себе признаки подлога, мздоимства, лихоимства и особых злоупотреблений по подрядам и поставкам (Собр. Узак. 1916 г. ст. 1017)»¹³⁷.

В связи с дискуссией о 87-й ст. встает вопрос: а для чего необходимо было вообще ее отменять? С.В. Редких, рассуждая о необходимости отмены ст. 87 ОГЗ, заявляет, что без этой меры «все правовые акты», принятые Временным правительством «в период междувластия, могли быть признаны недействующими»¹³⁸. Ф.А. Гайда в рецензии на монографию «Государственная дума в Февральской революции» был вынужден согласиться с тем, что ОГЗ не были отменены Временным правительством и продолжали действовать в последующий период. Но, оставаясь сторонником того, что 87-я статья была отменена Временным правительством, Гайда, характеризуя наши рассуждения, заявляет, что они «отдают юридической казуис-

¹³⁵ Журналы заседаний. Т. 1. С. 28—29, журнал № 4; С. 74, журнал № 15.

¹³⁶ Там же. С. 162, журнал № 28.

¹³⁷ СУ. 1917. 13 апреля. № 79. Ст. 455. Постановление подписали министр-председатель кн. Г.Е. Львов и министр юстиции А.Ф. Керенский.

¹³⁸ *Редких С.В.* Процедура нормоконтроля в деятельности Юридического совещания Временного правительства. С. 112.

тикой», а «вопрос применения 87 статьи после 3 марта 1917 г. мог интересовать лишь таких «любителей» дореволюционного права, как В.А. Маклаков. <...> После объявления о созыве Учредительного собрания серьезно обсуждать вопрос о 87 статье было смешно»¹³⁹. Но, напомним, что этот вопрос обсуждался и в Юридическом совещании, и на заседаниях Временного правительства!!! Хотя увязка объявления о созыве Учредительного собрания с вопросом об отмене 87-й статьи, о которой пишет Гайда, кажется перспективной. Действительно, все временное законодательство подлежало пересмотру/подтверждению (юридическому закреплению) именно Учредительным собранием или в установленном им законодательном порядке. Поэтому факт отмены или сохранения ст. 87 ОГЗ никакой роли в данном случае не играл. Думается, что обсуждение этого вопроса было связано с предстоящей реализацией той схемы власти, о которой договорились Родзянко и часть членов Временного правительства. Предположительно Временное правительство могло опасаться, что при возобновлении нормальной деятельности двух палат Российского парламента при верховной власти думского Комитета, какая-то часть принятых им законов будет палатами отклонена или не получит утверждения со стороны ВКГД. Именно поэтому особенно остро встал вопрос о 87-й статье. В случае же ее отмены Временное правительство не должно было бы вносить принятые им законы в Государственную думу или в Государственный совет, не нуждалось бы в утверждении их со стороны верховной власти в лице ВКГД. И тем самым оно смогло бы сохранить свое законодательство вплоть до Учредительного собрания.

Можно утверждать, что в марте 1917 года ни ст. 87 ОГЗ, ни сами Основные государственные законы отменены Временным правительством не были. Поэтому с юридической точки зрения в этот период полновластия Временного правительства и его независимости от парламента (в смысле отсутствия правовых основ для деятельности законодательного представительства) не было достигнуто.

В марте 1917 г. депутаты IV Государственной думы не обошли своим вниманием вопрос о ее судьбе. Уже 5 марта 1917 г. в ходе частного совещания членов Государственной думы речь шла о функциях ВКГД. По сообщению газет, было принято решение «просить членов Временного комитета дать отчет о своих действиях». Кроме этого, «совещание склонилось к тому, что, если будет признано необходимым, члены Думы не должны настаивать на сохранении Временного комитета»¹⁴⁰. Подробности этого совещания пресса не пуб-

¹³⁹ Гайда Ф.А. // Русский сборник. С. 336.

¹⁴⁰ Совещание членов Гос[ударственной] думы // Новое время. 1917. 7 марта.

ликовала. В связи с этим не известны ни инициаторы принятия этого решения, ни его мотивировка. Можно лишь утверждать, что в случае его реализации комбинация с приданием ВКГД полномочий органа, обладающего верховной властью до созыва Учредительного собрания, была бы неосуществима. Любопытно, что в этот же день, т.е. 5 марта, председатель Совета министров князь Г.Е. Львов в беседе с корреспондентом «Биржевых ведомостей» указал, что «вопрос о созыве палат в настоящее время не возбуждался». Напомнив, что Временное правительство сосредоточило «в себе всю власть в Империи» «волей народа», Львов заявил: «Эту власть оно сохранит до созыва Учредительного собрания, которое и должно будет определить образ правления России». В конце беседы Львов был уже не так категоричен: «Едва ли возможен созыв палат до созыва Учредительного собрания»¹⁴¹. Т.е. шанс, пусть и небольшой, на возобновлении деятельности Государственной думы и Государственного совета он все-таки оставлял. Правда, Г.Е. Львов не сказал, при каких условиях это может произойти.

6 марта в конце частного совещания членов Государственной думы, проходившего в кабинете М.В. Родзянко, появился А.Ф. Керенский, который сделал важное заявление. Обращаясь к думцам, он сказал, что Государственная дума «является единственным законным представителем, и ваши желания я считаю для себя священными». И в следующих фразах вновь повторил эту мысль: «Государственная дума является полноправной и законнейшей представительницей русского народа. Ее воля для меня священна. Я слушаю вашего приказа». Вслед за этим развернулось обсуждение вопроса о возобновлении заседаний Государственной думы. Депутат Л.Г. Люц (земец-октябрист) заявил: «— Она может собраться, <...> если председатель ее созовет». Член думского Комитета В.А. Ржевский (прогрессист) говорил, что «председатель не должен ее созывать». Ржевский считал, что Государственная дума «должна устроить торжественное заседание, чтобы провозгласить новый строй, к которому нас привела только что пережитая неделя». По словам А. Гессена, подавляющее большинство членов Временного комитета стояло на той позиции, что «Гос[ударственная] дума существует и может быть созвана по первому распоряжению ее председателя»¹⁴². Вопрос о возобновлении заседаний Государственной думы более в марте 1917 года на частных совещаниях не поднимался.

¹⁴¹ Беседа с председателем Советом министров кн. Г.Е. Львовым // Биржевые ведомости. 1917. 6 марта (веч. вып.).

¹⁴² Гессен А. Гос[ударственная] дума существует // Биржевые ведомости. 1917. 7 марта (веч. вып.).

М.В. Родзянко в марте 1917 года продолжал поддерживать, в первую очередь в среде военачальников, верховный статус думского Комитета, ограничивая его пока исключительно правами источника власти Временного правительства. В связи с этим интерес представляет телефонный разговор между главкосевом Н.В. Рузским и М.В. Родзянко 18 марта 1917 г. Родзянко в этом разговоре объяснил Рузскому, что «Временный комитет Государственной думы является органом высшего контроля над действиями исполнительной власти и, в случае удаления от власти кого-либо из господ министров — заменяет таковых<...>»¹⁴³.

В первой половине марта 1917 г. появились слабые признаки возможного возобновления Государственной думой своих законодательных функций. 14 марта на вечернем заседании Временного правительства по представлению военного министра А.И. Гучкова было постановлено: «Предоставить военному министру внести представление об изменении порядка передачи наследникам и использования оставшихся после убитых казаков седел на рассмотрение Государственной думы»¹⁴⁴. Это постановление говорило только об одном: Государственная дума в ближайшее время должна была приступить к нормальной работе как законодательное представительное учреждение. Интересно, что в этот же день, т.е. 14 марта, начальник Инвалидного императора Павла I дома генерал-майор А.Н. Рыков подал в Главный Морской штаб рапорт, который содержал расчет «о довольствии призываемых инвалидов и их жен введенного мне Инвалидного дома» «для представления в Государственную думу и внесения в смету на средства Государственного казначейства»¹⁴⁵.

Несколько позднее на утверждение ВКГД поступил устав Александринского театра, выработанный Комитетом драматической труппы¹⁴⁶. Все это, несомненно, говорило о востребованности со стороны учреждений и официальных лиц законодательной деятельности Государственной думы или хотя бы ее Временного комитета.

В апреле 1917 года вопрос об отмене ОГЗ или 87-й статьи на повестке дня уже не стоял. В своих заключениях и постановлениях

¹⁴³ Цит. по: *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.) С. 316—317.

¹⁴⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 90—91, журнал № 18.

¹⁴⁵ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2305. Л. 30.

¹⁴⁶ Государственные театры / Театральный курьер // Петроградский листок. 1917. 16 марта; Эхо / У рампы // Биржевые ведомости. 1917. 16 марта (веч. вып.).

Временное правительство о 87-й статье упоминало крайне редко. Выявлено всего два таких случая. Так, 3 апреля оно приняло заключение государственного контролера И.В. Годнева «по возбужденном академиком Рейном вопросу о порядке ликвидации упраздненного ведомства государственного здравоохранения», в котором, в частности, указывалось, что «за прекращением 15 января 1917 г. действия осуществленной по статье 87 Основных государственных законов меры, касающейся учреждения Главного управления государственного здравоохранения, признать всех служащих в этом Главном управлении уволенными от службы в нем с того же срока»¹⁴⁷. В этот же день Временное правительство постановило: «Действие последовавшего 27 августа 1916 г., в порядке статьи 87 Основных государственных законов, постановления о воспрещении повышать цены на жилые помещения (Собр. узакон. Ст. 1863) распространить на город Новониколаевск, Томской губернии»¹⁴⁸.

В апреле месяце должна была состояться реализация формулы власти, которая включала верховенство власти ВКГД и ответственное Временное правительство при одновременном действии двух законодательных палат, чем дополнительно достигалась преемственность от императорской власти (возобновление сессионных заседаний Государственной думы и Государственного совета согласно указу императора Николая II от 25 февраля 1917 года должно было произойти в апреле того же года). Н.В. Белошапка по этому поводу пишет: «Глава Временного правительства кн. Львов обещал созвать Думу 27 апреля, в день, когда в 1906 г. парламент вошел в политическую структуру России (это соответствовало обещанному царским указом возобновлению сессии не позднее апреля)»¹⁴⁹. Н.А. Коваленко замечает, что в ответ на обещание князя Г.Е. Львова «члены Государственной думы воспряли духом». «Однако, — продолжает Коваленко, — в руководстве правительства все отчетливее стала проявляться тенденция к отторжению представительной власти от реальной». И вскоре министр-председатель Львов уточнил, что «на заседании 27 апреля примут участие депутаты всех четырех Дум, которые окажутся в этот день в столице». Таким способом, «легальная

¹⁴⁷ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 224—225, журнал № 40.

¹⁴⁸ СУ. 1917. 12 мая. № 108. Ст. 593. Постановление подписано министром-председателем кн. Г.Е. Львовым и министром юстиции А.Ф. Керенским.

¹⁴⁹ Белошапка Н.В. К вопросу о Юридическом совещании Временного правительства в 1917 г. // 1917 год и российский парламентаризм (сборник материалов научной конференции) / Ред. кол.: Н.Н. Смирнов (отв. ред.) и др. СПб., 1998. С. 60.

полноценная сессия была подменена юбилейным собранием, не имевшим законодательной силы»¹⁵⁰. Заметим, что ни Белошапка, ни Коваленко не указывают ни источники, откуда они почерпнули приведенные ими сведения, ни дат, когда кн. Львов пообещал возобновить сессионные заседания Государственной думы, ни когда отказался это сделать.

Практически весь апрель 1917 года из думских кругов в прессу не поступало какой-либо информации о том, что депутаты обсуждают вопрос о возобновлении заседаний Государственной думы. Ситуация изменилась в дни апрельского политического кризиса, когда возникли проекты создания совещательного парламента, в том числе и проект В.В. Шульгина с паритетным советско-думским представительством¹⁵¹. По сообщению «Речи», при обсуждении проекта Шульгина «многие депутаты находят неправильным, что Государственная дума молчит и не высказывает точки зрения по поводу событий, имевших место в последнее время». 21 апреля 1917 г. ВКГД принял решение для «правильной формулировки русского общественного мнения» создать «возможность высказаться не только Совету рабочих депутатов, но и Государственной думе, хотя бы в виде частного совещания депутатов»¹⁵². 22 апреля было созвано частное совещание членов Государственной думы, прошедшее под председательством С.И. Шидловского. Участники совещания так и не смогли решить вопрос о судьбе проекта Шульгина, а также высказали сомнение в необходимости возобновления заседаний Государственной думы. По словам «Петроградского листка», который ссылаясь на мнение депутатов, «дело, вернее всего, кончится тем, что в частные совещания Г[осударственной] думы будут допущены представители печати, дабы вопросы, поднимаемые на этих совещаниях, и обмен мнений, происходящий на них, могли бы полнее освещаться

¹⁵⁰ Коваленко Н.А. 1917 год: новые подходы и взгляды. М., 2001. С. 73.

¹⁵¹ См. подр.: Николаев А.Б. «Парламентский» проект В.В. Шульгина // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды / Ред. кол.: И.Л. Афанасьев, А.Ю. Давыдов, В.И. Старцев. СПб., 1994. Вып. 2. С. 36—42; Николаев А.Б., Поливанов О.А. Российский парламентаризм в 1917 г. // Кентавр. Историко-политологический журнал. М., 1995. № 2. С. 84; Николаев А.Б. К вопросу об отношении Государственной думы к Государственному совещанию (1917 г.) // Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 7 декабря 2010 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2011. С. 260—265.

¹⁵² Во Временном комитете Гос[ударственной] думы // Речь. 1917. 23 апреля.

в газетах и страна знала бы, какого мнения по тому или иному вопросу держатся депутаты»¹⁵³. Заметим, что о необходимости допуска представителей печати на частные совещания говорил 22 апреля депутат IV Государственной думы о. А.Л. Трегубов (балашевец). С.И. Шидловский обещал передать это предложение на обсуждение Временного комитета Государственной думы¹⁵⁴. 24 апреля в прессе сообщалось о проведении 27 апреля 1917 года торжественного заседания, на котором предполагалось «чествование членов Гос[ударственной] думы первого созыва»¹⁵⁵.

В этот же день на заседании Временного комитета Думы М.С. Аджемову было поручено «выработать проект воззвания к стране» от имени ВКГД «в связи с событиями 20—21 апреля»¹⁵⁶. Кроме этого, обсуждался и вопрос о праздновании 11-й годовщины открытия I Государственной думы. Думский Комитет принял решение устроить 27 апреля «торжественное собрание с участием депутатов всех четырех созывов». ВКГД поручил И.Н. Ефремову «войти в сношение с представителями всех фракций и выработать порядок дня торжественного заседания»¹⁵⁷. На следующий день И.Н. Ефремов, возглавивший Бюро по устройству торжественного заседания, обратился через прессу к депутатам, желающим принять участие в нем, получить 26 апреля 1917 г. билеты, которые будут выдавать с 11 час. утра в Приставской части¹⁵⁸. Обратим внимание на то, что в прессе созыв торжественного заседания показан как самостоятельное мероприятие думского Комитета, нет никакой информации о том, что Временное правительство принимало участие в решении вопроса о его проведении. В связи с этим можно лишь предположить, что отказ кн. Г.Е. Львова реализовать формулу власти, о которой была достигнута договоренность с М.В. Родзянко в начале марта, произошел после 21 и до 24 апреля 1917 г.

Не излагая хода заседания 27 апреля 1917 года, отметим лишь то, что никто из его участников не поставил вопрос о необходимости возобновления заседаний Государственной думы. Правда, в приветствии от группы граждан (г. Киев) прозвучало пожелание, что-

¹⁵³ Почему молчит Государственная дума? // Петроградский листок. 1917. 24 апреля.

¹⁵⁴ Частное совещание членов Государственной думы // Биржевые ведомости. 1917. 23 апреля (утр. вып.).

¹⁵⁵ Вести и слухи // Петроградский листок. 1917. 24 апреля.

¹⁵⁶ Воззвание Временного комитета Гос[ударственной] думы / Отклики последних дней // Петроградская газета. 1917. 25 апреля.

¹⁵⁷ Петроград // Вестник Временного правительства. 1917. 25 апреля.

¹⁵⁸ Торжественное собрание депутатов четырех созывов // Биржевые ведомости. 1917. 25 апреля (веч. вып.).

бы депутаты Государственной думы всех созывов «образовали совет депутатов для поддержки и контроля Временного правительства»¹⁵⁹. В этот же день в прессе было опубликовано воззвание ВКГД о событиях 20—21 апреля 1917 года, в котором заявлялось, что «в это трудное время Временное правительство должно обладать всею полнотою власти»¹⁶⁰.

Таким образом, основным содержанием вопроса о судьбе Государственной думы в марте-апреле 1917 года стала реализация конструкции власти при верховенстве думского Комитета с ответственным правительством и действующими законодательными палатами — Государственной думой и Государственным советом. Идея эта возникла, предположительно, в недрах формирующегося Временного правительства и была предложена М.В. Родзянко в обмен на его поддержку демонтажа существовавшей тогда царской власти. Отречение императора Николая II и акт великого князя Михаила от восприятия верховной власти создавали благоприятные условия для реализации этой формулы власти. Временное правительство, вроде бы безответственное по своему характеру, не смогло стать полновластным правительством, в том числе и потому, что не посмело сразу же отменить Основные государственные законы (или хотя бы 87-ю ст. ОГЗ), а вместе с ними Государственную думу и Государственный совет.

Думается, что в срыве плана возобновления законодательной деятельности Государственной думы определенную роль сыграл апрельский политический кризис. Созывать Государственную думу (и Государственный совет!) на сессию Временному правительству, находящемуся в условиях выхода из кризиса на путях коалиционного строительства, было невозможно. Кроме этого, Временное правительство уже привыкло к своему «условно» безответственному положению. И реализовать новую конструкцию власти, при которой оно должно было приобрести характер ответственного перед законодательными палатами и подчиненного думскому Комитету, как бы он ни назывался — Верховный совет или Верховный комитет, — Временное правительство не хотело.

Несомненно, что М.В. Родзянко мог и без Временного правительства возобновить думскую сессию, так как в действительности Государственная дума на каникулы не уходила, а находилась в со-

¹⁵⁹ Приветствия Государственной думе в день годовщины введения народного представительства в России // Государственная дума. Известия Временного комитета. 1917. 11 мая. № 4. С. 11.

¹⁶⁰ Временный комитет Гос[ударственной] думы о событиях 20—21 апреля // Современное слово. 1917. 27 апреля.

стоянии технического перерыва. Но смысла в этом не было, так как вторая сторона отказалась выполнять условия договоренности, а, значит, и реализация новой формулы власти была невозможна. Кроме этого, М.В. Родзянко не мог не учитывать того факта, что многие депутаты высказывали сомнения в необходимости возобновления законодательной деятельности IV Государственной думы.

В этих условиях думскому Комитету оставалось лишь заявить о полномочии Временного правительства и провести торжественное заседание депутатов Государственной думы всех четырех созывов.

И.К. КИРЬЯНОВ

Зарубежная историография парламентской истории поздней имперской России

В исторической литературе о политической модернизации Российской империи в начале XX в. можно встретить различные определения ее существа: и «второй шаг на пути превращения самодержавия в буржуазную монархию», и «конституционный эксперимент», и «первый опыт демократического транзита». Но, независимо от методологического кредо того или иного автора, исследования не обходятся без более или менее обстоятельного анализа деятельности Государственной думы, реже — реформированного Государственного совета. Общее количество русскоязычных публикаций, посвященных законодательным палатам, перевалило за шесть тысяч наименований.

В зарубежной русистике изучение эволюции политической системы поздней имперской России началось параллельно с самим этим процессом¹. Иностранные исследователи, среди которых преобладали правоведы, анализировали законодательные акты периода реформы, формально-правовой статус и политические практики взаимоотношений императора, правительства, Государственной думы и Государственного совета, думские избирательные кампании. В частности, П. Шаль, не будучи сторонником парламентского режима для России, полагал, что она вступила на путь конституционного развития, при этом в дореформенном Государственном совете, в отличие от своих российских коллег, он видел «эмбрион парламента». Вместе с тем французский ученый отмечал ограниченность законодательной функции двухпалатного парламента, ущемленность

¹ См., напр.: *Charles P.* Le Parlement Russe. Son organisation — ses rapports avec l'Empereur. P., 1910; *Harper S.* The New Electoral Law for the Russian Duma. Chicago, 1908; *Palme A.* Die Russische Verfassung. B., 1910; *Pares B.* Russia and Reform. L., 1907; *Recouly R.* Le Tsar et la Douma. P., 1906; *Rennet F.* The Campaign against the Duma // *Russian Review*. 1913. Vol. 2. № 3. P. 137—141; *Törngren J.A.* Den Tredje Duman. Stockholm, 1912; *Törngren J.A.* L'Evolution de la Russie pendant les annees 1904—1907. P., 1914. Уже в дореволюционный период взгляды европейских правоведов стали предметом аналитических обзоров, см. напр.: *Неровецкий И.* Русские конституционные проблемы в современной французской литературе // *Право*. 1910. № 21. Стб. 1309—1313; *Тагер А.* Русская конституция в немецком освещении // *Право*. 1910. № 48. Стб. 2915—2918.

его финансовых прав, не имевшую аналогий в других странах с действовавшими парламентами².

Проблеме конституционной модернизации российской монархии посвятил в 1906 г. специальную работу М. Вебер, в ней впервые был сформулирован ряд положений его концепции социологии власти. Анализируя сложившуюся в России систему взаимоотношений в треугольнике «парламент — бюрократия — корона», М. Вебер определил ее как мнимый конституционализм (*Scheinkonstitutionalismus*) в противоположность английской конституционной системе, поклонником которой он был. Мнимый конституционализм, по мнению немецкого социолога, предполагает «исчезновение последних элементов самодержавия в старом смысле и установление власти модернизированной бюрократии» при наличии «призрачного парламента»³.

В первые постреволюционные десятилетия сюжеты из парламентской истории России начала XX в. за пределами СССР чаще всего обсуждались представителями русского зарубежья. Специфика данного историографического процесса заключалась в том, что он во многом являлся продолжением либерального направления в дореволюционной России. В центре внимания оставались примерно те же проблемы, но рассматриваемые теперь уже с учетом горького политического опыта. Для историко-политической публицистики русского зарубежья характерно выяснение «отношений», поиск «виноватых» и размышления о том, что было сделано неверно. С критикой политической линии кадетов, проводимой в период пер-

² *Charles P.* Op. cit. P. 21, 168, 179, 200.

³ *Вебер М.* Переход России к псевдоконституционализму // *Вебер М.* О России: Избранное. М., 2007. С. 66, 68, 69. Представляется, что составитель данного сборника работ М. Вебера А.С. Кустарев не вполне точно переводит «*Scheinkonstitutionalismus*» как «псевдоконституционализм». Более точным является перевод этого немецкого понятия как «мнимый конституционализм». Именно в таком переводе использовал данное понятие П.Н. Милюков, а в настоящее время — А.Н. Медушевский. Кстати, А.С. Кустарев ранее также использовал термин «мнимый конституционализм», см.: *Кустарев А.С.* Обществоведение Вебера и российская фактура // *Россия и современный мир.* 2005. № 4. С. 134 и др. О бытовании понятия мнимый конституционализм в начале XX в. см.: *Милюков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 23. Вероятно, термин «лжеконституционализм», встречающийся в работах В.И. Ленина, является еще одним вариантом перевода «*Scheinkonstitutionalismus*». О знакомстве лидера большевиков с работами М. Вебера, посвященными политическим проблемам России, см.: *Ленин В.И.* Доклад о революции 1905 года // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 324—325.

вого и второго созывов Государственной думы, милюковского тезиса о «неискренних уступках»⁴ старой власти общественным течением выступил В.А. Маклаков. Им был сформулирован «парадокс», согласно которому в период Государственной думы первого созыва «конституцию» защищало правительство, а «пережитки самодержавия» — Дума. Главный грех Думы первого созыва, полагал В.А. Маклаков, заключался в том, что она «подорвала... мистику конституции». Он утверждал, что кадеты были «во многом повинны в неудаче нашего конституционного опыта»⁵.

В работах профессиональных историков из эмигрантской среды получило распространение понятие «думская монархия», введенное С.С. Ольденбургом. Подчеркивая в сравнении с дореформенными порядками широкое осуществление в период думской монархии гражданских свобод, историк отмечал вместе с тем, что «строй думской монархии, со всеми его теоретическими и практическими недостатками, был для России XX-го века тою мерою свободы, которая — по выражению Бисмарка — существует для всякого государства и превышение которой быстро приводит, через анархию, к утрате всякой свободы»⁶.

В своей работе, впервые изданной в 1939 г., С.С. Ольденбург сетовал на то, что «почти нет обстоятельных иностранных исследований, посвященных этому строю»⁷. И действительно, в центре внимания зарубежных русистов той поры была революция 1917 г., а политическая история предреволюционного десятилетия не находила своего исследователя. Первой работой, акцентированной на изучении политического процесса в поздней имперской России, стала монография американского историка А. Левина, в основу которой была положена защищенная им докторская диссертация⁸. Будучи студентом Йельского университета, он приобщился к занятиям русской историей под руководством профессора Г.В. Вернадского и впоследствии стал ведущим американским специалистом по истории предреволюционной России. В своем исследовании, включавшем 14 глав и 10 приложений, А. Левин во многом связывал приход большевиков к власти с неудачей «конституционного эксперимен-

⁴ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 23.

⁵ Маклаков В.А. Вторая Государственная Дума. (Воспоминания современника). Л., 1991. С. 6, 7, 9, 51.

⁶ Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. М., 1992. Т. II. С. 9.

⁷ Там же. С. 5.

⁸ Levin A. The Second Duma: A Study of the Social-Democratic Party and the Russian Constitutional Experiment. New Haven, 1940.

та», центральным звеном которого была деятельность Государственной думы. Эта работа основывалась на ограниченной источниковой базе, состоявшей из опубликованных материалов: законодательных актов, документов думского делопроизводства и эго-документов политиков предреволюционной России, преимущественно либеральных. Узкая по вполне объективным причинам источниковая база в течение длительного времени сдерживала приращение знания в зарубежной историографии Государственной думы Российской империи.

Всплеск исследовательского интереса в зарубежной русистике к парламентской проблематике начала XX в. произошел в 1960-е гг. Во-первых, именно тогда для западной историографии наиболее важной исследовательской проблемой становится уже не сама революция 1917 г., а причины, к ней приведшие. Так, со второй половины 1960-х гг. в Колумбийском университете под руководством Л. Хэймсона функционировал семинар магистров и аспирантов, посвященный проблемам российской «высокой политики» в межреволюционный период. В самом начале работы семинара Л. Хэймсон задал вопрос, на который молодые исследователи должны были ответить в конце своего обучения: «Почему те, кто имели власть в России, ее потеряли?»⁹.

Во-вторых, для западных историков «приоткрылись» российские архивы. В частности, после подписания в 1958 г. советско-американского соглашения о научном обмене заокеанские русисты получили возможность проходить длительные стажировки в академических и вузовских центрах СССР, работать в столичных исторических архивах. Другое дело, что они сталкивались с массой трудностей в реализации своих научных планов. По свидетельству Т. Эммонса, впервые приехавшего на стажировку в МГУ осенью 1962 г., «в 60-е годы и в известной степени в течение всего доперестроечного периода права пользования архивными материалами, особенно в хранилищах Главархива, были для иностранных исследователей весьма ограниченными. Документы, прежде не использованные советскими исследователями, иностранцам не выдавались. Не выдавались также описи и т.д. В большинстве случаев стажеру приходилось очень долго ждать разрешения работать в каком-то определенном архиве; иногда разрешение выдавалось буквально накануне отъезда человека домой»¹⁰. Между тем с этого времени для серьезных ис-

⁹ *Haimson L.H.* Preface // *The Politics of Rural Russia, 1905—1914*. Bloomington, 1979. P. VII.

¹⁰ *Эммонс Т. П.А.* Зайончковский — научный руководитель иностранных стажеров // *П.А. Зайончковский (1904—1983 гг.): статьи, публикации и воспоминания о нем*. М., 1998. С. 119.

следователей отсутствие архивных материалов становится препятствием для публикации монографий с результатами своих научных изысканий. Так, А. Коррос, готовя диссертацию о Государственном совете, в 1969—1970 гг. прошла стажировку в СССР, но так и не получила разрешения на работу с документами Госсовета в ЦГИА (ныне — РГИА). Защитив диссертацию в 1974 г., она отложила написание книги до тех пор, пока не сможет использовать архивные источники. По разным причинам осуществить желаемое А. Коррос удалось лишь в середине 1990-х гг. И только в 2002 г. она опубликовала давно задуманную монографию¹¹.

В-третьих, этот всплеск явился реакцией на аналогичное оживление интереса к рассматриваемой проблематике у советских историков. Учитывая принципиальное различие в методологических подходах, наметившаяся в обоих историографических потоках тенденция к комплексному анализу Государственной думы как политического института не могла не привести к дискуссиям, преимущественно, заочным. На страницах советских научных изданий зарубежные русисты присутствовали, как правило, в качестве «буржуазных фальсификаторов». В свою очередь, зарубежные русисты критиковали интерпретации советских авторов большинства сюжетов из думской истории. Принципиальные расхождения в оценках приводили к тому, что свет могли увидеть монографии с одинаковыми названиями¹². Чаше всего объектом критики становились положения, отстаивавшиеся А.Я. Аврехом. В качестве примера можно сослаться на заочную дискуссию между советским историком и британским русистом Дж. Хоскингом о так называемом «механизме двух большинств», как о *сознательно созданном* инструменте правительственной политики в рамках третьеиюньской монархии. А.Я. Аврех постоянно утверждал, что «два большинства были не случайным, а рассчитанным результатом», напрямую связанным с третьеиюньским избирательным законом¹³. В свою очередь, Дж. Хоскинг утверждал, что не имеется прямых свидетельств, указывающих на то, что создание подобного механизма было в планах правительства. По его мнению, «сложно поверить, что правительство могло придумать нечто более изощрен-

¹¹ См.: *Korros A.S. Reluctant Parliament: Stolypin, Nationalism and the Politics of the Russian Imperial State Council, 1906—1911.* Lanham, 2002. P. IX—X.

¹² Ср.: *Аврех А.Я.* Столыпин и Третья Дума. М., 1968 и *Tokmakoff G. P.A. Stolypin and the Third Duma: An appraisal of the Three Major Issues.* Washington, D.C., 1981.

¹³ *Аврех А.Я.* 1) Царизм и третьеиюньская система. М., 1966. С. 20—21; 2) Столыпин и Третья Дума. С. 7; 3) Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 7.

ное, чем создание умеренно-консервативного большинства, состоявшего преимущественно из землевладельцев»¹⁴. Представляется, что в той давней дискуссии прав был британский русист — не получив в результате выборов устойчивое проправительственное большинство, П.А. Столыпин и лидер октябристов А.И. Гучков попытались сформировать его уже в самой Думе, но в итоге создать удалось только этот пресловутый «механизм двух большинств».

Зарубежных исследователей привлекали сюжеты, связанные с реформой государственного строя Российской империи, социальными основаниями и характером третьеиюньской политической системы, взаимоотношениями императора и правительства с законодательными учреждениями¹⁵; избирательными кампаниями и ролью политических партий в Государственной думе¹⁶; составом и деятельностью Государственной думы и Государственного совета¹⁷.

¹⁴ *Hosking G.* The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma 1907—1914. L., Cambridge, 1973. P. 44.

¹⁵ *Conroy M.S.* Peter Arkadevich Stolypin: Practical Politics in Late Tsarist Russia. Boulder, Col., 1976; *Doctorow G.S.* Fundamental State Laws of 23 April 1906 // *Russian Review*. 1976. Vol. 35. № 1. P. 33—52; *Haimson L.H.* The Russian Landed Nobility and the System of the Third of June // *The Politics of Rural Russia, 1905—1914*. Bloomington, 1979. P. 1—29; *Hamm M.F.* Liberal Politics in Wartime Russia: An Analysis of the Progressive Bloc // *Slavic Review*. 1974. № 3. P. 453—468; *Healy A.E.* The Russian Autocracy in Crisis, 1905—1907. Hamden; Connecticut, 1976; *Hosking G.* The Russian Constitutional Experiment; *Levin A.* 3 June 1907, Action and Reaction // *Essays in Russian History*. Connecticut, 1964. P. 231—274; *Szeftel M.* The Russian Constitution of April 23, 1906: Political Institutions of Duma Monarchy. Bruxelles, 1976; *Tokmakoff G.* P.A. Stolypin and the Second Duma // *The Slavonic and East European Review*. 1972. Vol. 40. P. 49—62; *Tokmakoff G.* P.A. Stolypin and the Third Duma; *Verner A.M.* The Crisis of Russian Autocracy: Nicholas II and the 1905 Revolution. Princeton, 1990.

¹⁶ *Edelman R.* Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution: The Nationalist Party, 1907—1917. New Brunswick; N.-Y., 1980; *Emmons T.* The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge; L., 1983; *Pinchuk B.-C.* The Octobrists in the Third Duma, 1907—1912. Seattle; L., 1974; *Rexheuser R.* Dumawahlen und locale Gesellschaft: Studien zur Sozialgeschichte der russischen Rechten vor 1917. Kūln; Wien, 1980; *Vinogradoff E.D.* The Russian Peasantry and the Elections to the Fourth State Duma // *The Politics of Rural Russia, 1905—1914*. Bloomington, 1979. P. 219—260; *Zimmerman J.E.* The Kadets and the Duma, 1905—1917 // *Essays on Russian Liberalism*. Columbus, 1972. P. 119—138.

¹⁷ *Levin A.* The Second Duma: A Study of the Social-Democratic Party and the Russian Constitutional Experiment. Hamden; Connecticut, 1966;

Широко дискутировался в работах западных русистов 1960-х—1980-х гг. вопрос о характере политической системы Российской империи в межреволюционный период, точнее о возможностях России адаптироваться к либеральной модели в ее западном варианте. Если в работах начала 1960-х гг. доминирующим был «оптимистический» взгляд на эту проблему¹⁸, то в более позднее время в оценках перспектив мирной модернизации России усиливался пессимизм¹⁹. По мнению Т. фон Лауэ, либеральная модель оказалась неприемлемой для России в силу «нерусскости» либерализма как такового²⁰. Некоторые историки употребляли весьма эмоциональные выражения для оценки реформ и попыток придать самодержавию конституционный характер, например, «политический абсурд» или «предсмертные конвульсии»²¹. Впрочем, ряд исследователей полагал, что, в силу особенного исторического опыта России, уникальности ее конституционализма, и вовсе не следует о ней рассуждать в ключе модернизации по западному образцу²².

К «классике жанра» в западной историографии парламентской истории поздней имперской России следует отнести работу Дж. Хоскинга, посвященную анализу политической системы третьеиюньской монархии. Для английского русиста история третьеиюньской системы — это история попыток взаимодействия власти с умеренной частью российского общества. При этом, как полагает исследова-

Levin A. The Third Duma: Election and Profile. Hamden, 1973; *Mosse W.E.* Russian Bureaucracy at the End of Ancien Regime: The Imperial State Council, 1897—1915 // *Slavic Review*. 1980. № 4. P. 616—632; *Wolters M.* Außenpolitische Fragen vor der vierten Duma: ein Beitrag zur Geschichte des russischen Parteiwesens in der konstitutionellen Monarchie, insbesondere der Stellung zur Außenpolitik während des Ersten Weltkrieges. Hamburg, 1969.

¹⁸ *Walkin J.* The Rise of Democracy in Prerevolutionary Russia: Political and Social Institutions under the Last Three Czars. L., 1963.

¹⁹ О дискуссии «оптимистов» и «пессимистов» в американской историографии проблемы итогов модернизации России к началу Первой мировой войны см.: *Wcislo F.B.* Reforming Rural Russia: State, Local Society and National Politics, 1855—1914. Princeton, 1990. P. 306—307. Английский исследователь П. Дьюкс полагал, что на усиление пессимистических оценок у западных историков повлияли работы их советских коллег, см.: *Dukes P.* A History of Russia. L., 1974. P. 5.

²⁰ *Von Laue T.H.* The Prospects of Liberal Democracy in Tsarist Russia // *Essays on Russian Liberalism*. P. 170—176.

²¹ *Wood A.* The Origins of the Russian Revolution, 1861—1917. L.; Methuen, 1987. P. 5; *Verner A.M.* The Crisis of Russian Autocracy. P. 6.

²² *Fitzpatrick S.* The Russian Revolution. Oxford, 1982. P. 33.

тель, период первых двух думских созывов не был «серьезной проверкой конституционной системы, введенной в 1905—1906 гг.» в силу преобладания в Думе «радикалов и революционеров». Только в рамках третьеиюньской системы «конституционный эксперимент» мог показать свою «жизненность»²³. Неудачу данного «эксперимента» Дж. Хоскинг связывает с «двусмысленностью» и наличием «лазеек» в правовом основании конституционной системы — Основных государственных законов 1906 г., с «консервативной» ролью Государственного совета, но в большей степени с тем, что «общественность» и «власть» не смогли прийти к прочному сотрудничеству вследствие отсутствия того, что сегодня принято называть базовым консенсусом²⁴.

Другой «классической» работой, без ссылок на которую в настоящее время не обходится практически ни один автор, исследующий парламентскую историю России начала XX в., стала опубликованная в 1983 г. монография американского русиста Т. Эммонса о первой думской избирательной кампании²⁵. Данная работа принципиально отличалась от изданной в 1962 г. монографии советского историка С.М. Сидельникова «Образование и деятельность первой Государственной думы» и по качеству источниковой базы, и по объему обработанных статистических данных, представленных в 22 таблицах²⁶, и по детальности их анализа, и по обобщениям, касающихся влияния «первых национальных выборов» на развитие стратегий российских политических партий. Между тем Т. Эммонс, как и боль-

²³ Hosking G. Op. cit. P. VII, 28.

²⁴ Ibid. P. 10—13, 243—246. По мнению немецкого историка Д. Гейера, кризис модернизационной модели «парламентской демократии» в России привел к реализации иной модели модернизации — революции 1917 г., см.: Geyer D. The Russian Revolution. Berg, 1987. P. 147.

²⁵ Emmons T. The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia.

²⁶ Объем приведенных в работе статистических и иных данных вполне позволяет оценивать монографию Т. Эммонса как «энциклопедическую по своему охвату книгу», см.: *Большакова О.В.* П.А. Зайончковский и американская русистика 1960—1980-х гг. // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 834. Профессор Г. Хэмбург, бывший студент и аспирант Т. Эммонса в Стэнфордском университете, отметил, что его книга является «непревзойденным комментарием к электоральной политике в России в начале XX в.», см.: *Хэмбург Г.* От социальных исследований — к литературному нарративу: Т. Эммонс и изучение истории Российской империи в период с 1968 по 2004 г. // Отечественная история. 2005. № 5. С. 162.

шинство зарубежных русистов в 1960-х — 1980-х гг., не говоря уже о советских историках, не смог перешагнуть через «третьеиюньский порог», полагая, что «политическая ситуация в Российской империи накануне Первой мировой войны не сулила ничего хорошего для эволюции политической системы, вне зависимости от того, пошла бы она по западноевропейской или по центральноевропейской модели. Реформирование системы, направленное к тому, чтобы сдвинуть центр политической власти от короны и бюрократии к парламенту, бывшее на пике с 1904 по 1907 г., потерпело поражение, а его инструменты — конституционные партии — были обречены на быстрое угасание в последующие годы. В свою очередь, консервативному реформизму Столыпина оказалось не под силу обеспечить себе прочный фундамент для поддержки и признания в новых законодательных институтах, правительстве или при дворе»²⁷.

Истоки современной ситуации в зарубежной историографии парламентской истории России начала XX в., впрочем и в историографии позднеимперской России в целом, связаны с распадом СССР. Американская исследовательница Дж. Бурбэнк, подводя итоги симпозиума «Воссоздание истории имперской России», прошедшего в ноябре 1991 г. в Университете штата Айова, отметила, что «одним позитивным и, с интеллектуальной точки зрения, ободряющим последствием... коллапса Советской власти» стало возросшее внимание к истории Российской империи накануне 1917 г.²⁸ Ее коллега М. Конрой также выделяла рубеж 1980-х — 1990-х гг. как время «вызова и пробуждения» для специалистов по российской истории и, прежде всего, по истории позднеимперской России²⁹. В частности, неудача горбачевской перестройки и трудный опыт становления современной России актуализировали появление серии исследований,

²⁷ *Emmons T.* Op. cit. P. 376—377.

²⁸ *Burbank J.* Revisioning Imperial Russia // *Slavic Review*. 1993. № 3. P. 555.

²⁹ См.: *Emerging Democracy in Late Imperial Russia: Case Studies on Local Self-Government, State Duma Elections, the Tsarist Government, and the State Council before and during World War I* / Ed. by M.S. Conroy. Niwot, 1998. P. 1. В этой связи нельзя не отметить расширение географии исследований, в частности появление работ по рассматриваемой проблематике в японской русистике, см., например: *Кано Т.* 1. Политическая реформа и интеграция народов Российской империи в начале XX в. // *Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей.* М., 2001. С. 137—155; 2) *Думское законодательство начала XX века и его значение для государственного единства Российской империи* // *Acta Slavica Iaponica*. 2005. Vol. 22. P. 73—94.

посвященных попыткам П.А. Столыпина обновить Российскую империю в начале XX в.³⁰

Попытки переосмысления российского «конституционного эксперимента» начала XX в. привели к возобновлению дискуссии между «оптимистами» и «пессимистами». В наиболее явной форме пессимистическая оценка выражена в работе П. Уолдрона, отметившего, что «конституционная структура» была только видимостью, фасадом, а новую политическую систему в целом отличали слабость и полная дисфункциональность, оторванность от населения, вследствие чего в России отсутствовали естественные источники поддержки тех реформ, которые предлагал Столыпин³¹. Далеко не случайно один из рецензентов (А. Коэн) отметил, что своей книгой П. Уолдрон дает ясный ответ «нет» на вопрос о том, имел ли Столыпин реальный шанс «спасти» Россию и предотвратить новую революцию³².

Оптимистическая точка зрения полнее всего представлена в сборнике статей под красноречивым названием «Возникновение демократии в позднеимперской России», изданной в том же 1998 г. под редакцией М. Конрой³³. А в рецензии на книгу П. Уолдрона М. Конрой, по поводу его сетований относительно того, что реформам Столыпина препятствовала, главным образом, неспешность их обсуждения в Думе и Государственном совете, замечает, что «парирование и нанесение ударов» законодательной властью во взаимоотношениях с правительством свидетельствует о «развитии совместной законодательной деятельности и о возникновении демократии в позднеимперской России»³⁴.

Заметным событием в западной историографии проблемы стала публикация книги А. Коррос, явившейся результатом более чем тридцатилетнего изучения истории реформированного Государственного совета. В этой работе, сразу названной рецензентами «новаторской»³⁵, А. Коррос впервые в зарубежной русистике попыталась проанализировать трансформацию Государственного совета в «конституционный период» (данное понятие в работе применяется

³⁰ *Waldron P.* Between Two Revolutions. Stolypin and the Politics of Renewal in Russia. De Kalb, 1998; *Ascher A.* P.A. Stolypin. The Search for Stability in Late Imperial Russia. Stanford, California, 2001; *Korros A.S.* Reluctant Parliament.

³¹ *Waldron P.* Op. cit. P. 183, 175

³² *Canadian Slavonic Papers.* 2000. Vol. 42. № 3. P. 386.

³³ *Emerging Democracy in Late Imperial Russia.*

³⁴ *Slavic Review.* 1999. Vol. 58. № 1. P. 232.

³⁵ *The American Historical Review.* Vol. CIX. 2004. № 1. P. 285.

только закавыченным) в «работающий законодательный институт». Американская исследовательница опровергает традиционные для ее западных коллег суждения о монолитности Государственного совета, безраздельном доминировании в нем группы правых, подчеркивая при этом активную роль группы центра в реализации политики П.А. Столыпина. По ее мнению, именно при Столыпине с осени 1907 г. Государственная дума и Государственный совет функционировали как «истинные законодательные палаты», другое дело, четыре года — это слишком короткий период, чтобы «развить менталитет и ответственность зрелого законодательного учреждения»³⁶. А. Коррос отмечает, что только после парламентского кризиса 1911 г. Государственный совет «становится тем, чем он задумывался быть» (именно так называется заключительная, седьмая, глава монографии: «The State Council Becomes What It Was Supposed to Be») — в «надежный консервативный законодательный орган»³⁷.

Современная историографическая ситуация характеризуется заметным смещением акцентов от изучения деятельности собственно российского парламента к исследованию провинциальных электоральных, шире — политических практик. Так, американский историк Д. Раусон в своем обстоятельном труде о российской правой достаточно подробно анализирует три избирательные кампании правых в Государственную думу в 1906—1907 гг. Основываясь на архивных документах и материалах местной газетной периодики, Д. Раусон указывает на эволюцию отношения правых партий к думской деятельности, подчеркивая, что избирательные кампании превращались в центральный пункт их политической «повестки дня», способствовали росту влияния этих организаций, в том числе и на местном уровне³⁸.

В свою очередь, немецкий русист Д. Дальманн сосредоточил внимание на электоральных практиках кадетов, с одной стороны, во Владимирской, Костромской, Тверской и Ярославской губерниях, там, где кадеты смогли добиться значительных успехов в ходе первых двух избирательных кампаний, с другой стороны, он анализирует аналогичные практики в Саратовской губернии, являвшейся «цитаделью левых партий и провинцией с национальными меньшинствами»³⁹. Ослабление электорального потенциала местных ка-

³⁶ Korros A.S. Reluctant Parliament. P. 6.

³⁷ Ibid. P. 223—229, 7.

³⁸ Rawson D.C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge, 1995. P. 152—224, 228.

³⁹ Dahlmann D. Die Provinz wählt. Rußlands Konstitutionell-Demokratische Partei und die Dumawahlen 1906—1912. Köln, Weimar, Wien, 1996. S. 3, 177—179.

детских организаций в двух последующих кампаниях Д. Дальманн склонен связывать с нарастанием поляризации и дифференциации в обществе, что объективно сужало социальную базу либералов, а также с растущим политическим опытом их политических противников и собственными просчетами, включая технологические, на выборах в 1907 и 1912 г.⁴⁰

Особое место в зарубежной историографии Государственной думы и Государственного совета Российской империи всегда занимали работы польских историков, которых интересовали исключительно сюжеты, связанные с избирательными кампаниями в Царстве Польском, деятельностью Польского кола в российском парламенте, биографиями парламентариев-поляков, сыгравших, кстати, существенную роль в восстановлении польской государственности после Первой мировой войны⁴¹.

В последние годы акцентированным вниманием к данным сюжетам выделяется научное творчество профессора Варминско-Мазурского университета Р. Юрковского, опубликовавшем объемный труд (550 с.), в котором подробно проанализированы выборы в Государственную думу и Государственный совет в губерниях Западного края и, в частности, электоральное поведение польских землевладельцев⁴². Сокращение польского представительства в Государственной думе от указанных территорий (20 депутатов в первом созыве, 12 — во втором, 7 — в третьем, 5 — в четвертом) автор связывает с возраставшим от одной избирательной кампании к другой административным вмешательством и, конечно же, с последствиями принятия избирательного закона 3 июня 1907 г., а «польские

⁴⁰ Ibid. S. 207, 249, 271, 329.

⁴¹ См., напр.: *Grabski W.* Koio Polskie w Drugiej Izbie Pacstwowej Rosyjskiej wobec potrzeb naszego ludu wiejskiego. Warszawa, 1907; *Nowodworski F., Tyszkiewicz W.* Koio polskie w pierwszej izbie pacstwowej rosyjskiej. Warszawa, 1907; *Nowodworski F., Wigura J.* Projekty ustawodawcze pierwszej izby pacstwowej rosyjskiej. Warszawa, 1907; *Wierzchowski M.* Sprawy Polski w 3 i 4 Dumie Pacstwowej. Warszawa, 1966; *Łukawski Z.* Koio Polskie w Rosyjskiej Dumie Pacstowej w latach 1906—1909. Wrocław, 1967; *Chmielewski E.* The Polish Question in the Russian State Duma. Knoxville, 1970; *Brzoza Cz., Stepan K.* Posiowie Polscy w Parlamencie Rosyjskim, 1906—1917: Siownik biograficzny. Warszawa, 2001.

⁴² *Jurkowski R.* Sukcesy i porazki. Ziemiaństwo polskie Ziemi Zabrzanych w wyborach do Dumy Pacstwowej i Rady Pacstwa 1906—1913. Olsztyn, 2009. Англоязычный вариант данного издания см.: *Jurkowski R.* Successes and Failures. Polish Landowners from the Nine Western Provinces in the Elections to the Russian State Duma and State Council in the Years 1906—1913. Olsztyn, 2010.

победы» на выборах в Государственный совет, по его мнению, закончились в связи с введением в 1911 г. земских учреждений в губерниях Западного края. Р. Юрковский к настоящему времени является единственным представителем современной западной историографии, участвовавшим в работе «Таврических чтений» (2011 и 2012 г.)⁴³.

После распада СССР в отдельный сегмент зарубежной историографии выделилось изучение парламентской истории Российской империи в государствах постсоветского пространства. Определенной динамикой этот процесс обладает в Украине, где еще в советские времена формировалась традиция исследования избирательных кампаний в Государственную думу⁴⁴. Относительно регулярно украинскими историками защищаются диссертации, публикуются монографии и статьи. Их внимание фокусируется на анализе думских выборов в украинских губерниях, социального облика депутатов от этих губерний, артикуляции украинского национального вопроса в нижней палате имперского парламента⁴⁵.

⁴³ *Юрковский Р.Я.* 1) Было ли возможным сотрудничество польских и русских помещиков-землевладельцев в 9 западных губерниях во время выборов в I—IV Государственные думы и Государственный совет в 1906, 1909, 1910 и 1913 годах? // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8 декабря 2011 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2012. С. 51—62; 2) Польские депутаты Государственного совета против попыток П.А. Столыпина введения в 1906 году земств в западных губерниях // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 19 октября 2012 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2013.

⁴⁴ *Габ Т.С.* Выборы в IV Государственную думу по рабочей курии на Украине: Автореф. дисс. ... к. ист. н. Киев, 1954; *Михайлова В.И.* К вопросу о факторах формирования политической сознательности крестьянства в период выборов в I Государственную думу (на материалах украинских губерний) // Некоторые вопросы социально-экономической и политической истории Украинской ССР. Вып. 4. Днепропетровск, 1973. С. 96—104; *Попик В.И.* Политическая борьба на Украине вокруг выборов в III Государственную думу. Киев, 1989.

⁴⁵ *Доморослий В.І.* 1) Діяльність Української парламентської громади у I та II Державних думах (1906—1907 рр.): Автореф. дисс. ... к. іст. н. Київ, 1994; 2) Українська громада у Державній думі // Віче. 1998. № 4 (73). С. 130—134; *Киян М.Ш.* 1) Представительство от украинских губерний в Государственной думе Российской империи I и II созывов (1906—1907 гг.). Харьков, 1997; 2) Депутаті від українських губерній та міст у Державній думі Російської імперії першого та другого скликань (1906—

Устойчивым интересом к думским сюжетам отличается исследовательская деятельность А.А. Коники⁴⁶ и А.Л. Глушковецкого⁴⁷. А.А. Коник первым из современных украинских историков защитил диссертацию по данной проблематике, в которой указывалось, что представительство украинского вопроса в Государственной думе третьего и четвертого созывов «ссохлось как шагреновая кожа», что в этих думских созывах «стенограммы выступлений депутатов от украинских губерний мало чем отличались от стенограмм выступлений представителей от великорусских губерний»⁴⁸. А.Л. Глушковецкий, заинтересовавшийся думской тематикой еще на студенческой скамье⁴⁹, опубликовал к настоящему времени около двух десятков работ, включая монографию, посвященную выборам и деятельности депутатов от Подольской губернии во всех созывах Государственной думы. На «Таврических чтениях» в 2012 г. им был представлен доклад, в котором

1907): Автореф. дисс. ... к. ист. н. Харків, 1998; *Білокінь О.І.* Українське питання у Державній думі Російської імперії (1906—1917 рр.): Автореф. дисс. ... к. ист. н. Харків, 2001; *Топка Р.В.* Формування суспільно-політичних ідеалів українського селянства за наказами та ухвалами до I Державної Думи: джерелознавчо-методологічний аспект: Автореф. дисс. ... к. ист. н. Дніпропетровськ, 2002; *Бурда І.О.* Національне питання в Росії 1905—1907 рр. (на матеріалах Державної Думи першого та другого скликань): Автореф. дисс. ... к. ист. н. Київ, 2004; *Милько В.* Депутати від українських губерній та міст у Державних думах Російської імперії: динаміка етносоціального та політичного складу (1906—1917 рр.) // Український історичний збірник. 2010. Вип. 13. С. 162—174.

⁴⁶ *Коник О.О.* Діяльність селянських депутатів з України у I та II Державних Думах: Автореф. дисс. ... к. ист. н. Київ, 1994; *Коник А.А.* Украинские крестьяне на выборах в I Государственную думу // Отечественная история. 2006. № 3. С. 103—114; *Konyk O.* Ukraina w rosyjskiej Dumie Państwowej // Ukraińskie tradycje parlamentarne XIX—XX wiek. Kraków, 2006.

⁴⁷ *Глушковецкий А.Л.* 1) Выборы до Державних Дум і становлення парламентаризму в Російській імперії у 1906—1917 рр. (на матеріалах Подільської губернії): Автореф. дисс. ... к. ист. н. Чернівці, 2008; 2) Демократія в провінції: Выборы та діяльність депутатів Подільської губернії у Державних Думах Російської імперії. Кам'янець-Подільський, 2010.

⁴⁸ *Коник О.О.* Селянські депутати з України в Державних Думах Російської імперії // «Українське питання» в Російській імперії (кінець XIX — початок XX ст.). Киев, 1999. Ч. 2. С. 462.

⁴⁹ *Глушковецкий А.* Особливості організації та проведення виборів до I Державної Думи на Поділлі // Збірник наукових праць студентів історичного факультету Кам'янець-Подільського державного університету. Кам'янець-Подільський, 2004. Вип. 1. С. 97—107.

анализировались региональные особенности организации первых думских выборов в этой губернии⁵⁰.

Аналогичные сюжеты, безусловно, с учетом национальной специфики привлекают казахских и белорусских историков. Ведущим специалистом по данной проблематике в Казахстане является О. Озганбай, учебное пособие которого обобщило результаты его многолетних исследований представительства интересов Степного края в Государственной думе и уже выдержало два издания⁵¹.

Среди белорусских историков устойчивым интересом к думским сюжетам выделяется научное творчество Н.М. Забавского, в котором стереотипы советской историографии сочетаются с идеями, отражающими поиск новой белорусской идентичности⁵². Анализу политических позиций думцев от белорусских губерний посвящена серия работ А.Д. Гронского⁵³. Более широким подходом к думской проблематике, акцентом на общероссийском контексте выделяются работы Д.С. Лавриновича⁵⁴. В то же время при оценке общего со-

⁵⁰ Глушковецкий А.Л. Региональные особенности организации выборов в I Государственную думу Российской империи в Подольской губернии // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 19 октября 2012 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2013.

⁵¹ Озганбай О. Государственная дума России и Казахстан (1905—1917). Алма-Аты, 2006. См. также: Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России 1906—1917 гг. (Социокультурный подход). Алма-Аты, 2006.

⁵² Забаўскі М.М., Пуцік У.С. Прадстаўніцтва ад Беларусі ў Дзяржаўнай думе Расіі (1906—1917 гг.). Мінск, 1998; Забаўскі М.М. 1) Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906—1917 гг.). Мінск, 1999; 2) Грамадска-палітычная барацьба ў Беларусі ў ходзе выбараў I дзейнасці расійскай Дзяржаўнай думы I—IV скліканняў (1906—1917 гг.): Аўтарэф. дыс. ... д. гист. н. Мінск, 2000; 3) Расійская Дзяржаўная дума ў лёсах Беларусі (1906—1917 гг.). Мінск, 2008.

⁵³ Гронский А.Д. 1) Политические позиции белорусских депутатов в Государственных думах императорской России // Парламентаризм в Республике Беларусь: опыт становления и развития. Минск, 2006. Вып. 3. С. 31—44; 2) Национальный вопрос и депутаты белорусских губерний в Первой Государственной Думе: [1906] // Парламентаризм в Республике Беларусь: опыт становления и развития. Минск, 2006. Вып. 4. С. 39—51.

⁵⁴ Лавринович Д.С. 1) Источники по истории Государственной думы России начала XX века в фондах Российского государственного исторического архива // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 2. Мінск, 2005. С. 201—206; 2) Либерально-консервативная

стояния белорусской историографии истории Государственной думы Российской империи А.Д. Гронский вынужден констатировать отсутствие «особого интереса» к данной предметной области, объясняя это тем, что подобный «сюжет не является значимым для обоснования белорусского суверенитета...»⁵⁵. По большому счету приведенное замечание справедливо в отношении развития историографии думской проблематики на всем постсоветском пространстве, впрочем, за исключением ее украинского сегмента. В частности, А.Л. Глушковецкий обращает внимание на то, что изменения, происходившие в Российской империи начала XX в., в определенной мере подобны тем, которые характерны для современной Украины, а первая попытка введения парламента как активного субъекта государственной власти на большей части территории Украины, по его мнению, связана с выборами в имперскую Государственную думу⁵⁶.

Вплоть до современного этапа отечественная историография парламентской истории России развивалась практически вне связи с исследованиями зарубежных русистов. В настоящее время дело обстоит принципиально иным образом: российские историки публикуются в зарубежных изданиях, появляются и совместные работы⁵⁷. «Столетие» отечественного парламентаризма было отмечено не только многочисленными научными мероприятиями в России, но и конференцией, проведенной в сентябре 2006 г. на базе отделения Восточно-

оппозиция в России: формирование и борьба за власть (1912—1917 гг.). Могилев, 2006; 3) Деятельность Конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября» в Беларуси (1905—1918 гг.). Могилев, 2009.

⁵⁵ Гронский А.Д. Государственная дума Российской империи в современной белорусской историографии // Таврические чтения 2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906—1917 гг.). Международная научная конференция. С.-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2010. С. 239. Кстати, А.Д. Гронский стал первым историком из ближнего зарубежья, принявшим участие в работе Таврических чтений с докладом по проблематике парламентской истории России начала XX в.

⁵⁶ Глушковецкий А. Демократія в провінції. С. 4.

⁵⁷ См., напр.: Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М., 2005; Selunskaja N.B., Filippov Ju. M. Wahlen und Wähler zur Zweiten Duma: Lokale Profile // Von Duma Zu Duma: Hundert Jahre Russischer Parlamentarismus / Hg. von D. Dahlmann und P. Trees. Göttingen, 2009. S. 49—80; Циунчук Р. Открытие I Государственной Думы: народы, регионы, власть // Acta Slavica Iaponica. 2005. Vol. 22. P. 310—323.

европейской истории Рейнского университета в Бонне, в которой приняли участие историки из Австрии, Германии, Израиля и России⁵⁸.

Сложившаяся историографическая ситуация позволяет констатировать, что совместными усилиями отечественных и зарубежных исследователей в исторической науке окончательно сформировалось новое направление — парламентская история России. В рамках данного направления подробно изучены событийная канва истории Государственной думы, в меньшей степени — Государственного совета, думские избирательные кампании, механизмы функционирования и партийный ландшафт обеих законодательных палат, представительство этноконфессиональных и региональных интересов в новой политической системе. Необходимо отметить, что в 1960-е — 1980-е гг. определенное лидерство в анализе парламентских сюжетов из российской истории следует признать за зарубежными русистами, по крайней мере, они были корректнее в своих интерпретациях (по мнению Л. Хеймсона, официальная советская историческая методология всегда была «узкой и слепой»⁵⁹). На современном же этапе отечественная историография проблемы характеризуется большей плюралистичностью методологических парадигм, используемых для объяснения направленности политического процесса в тогдашней России, и расширяющимся применением междисциплинарных исследовательских практик. Исследователи, не удовлетворяясь использованием только традиционных методов исторической науки, обращаются к теории и методам политического анализа, математической статистики, современным информационным технологиям, позволяющим создавать информационные системы и компьютеризированные базы данных депутатского корпуса и парламентского поведения⁶⁰. К тому же отечественные исследователи оказались со-

⁵⁸ Опубликованные материалы конференции см.: Von Duma Zu Duma: Hundert Jahre Russischer Parlamentarismus.

⁵⁹ См.: Хеймсон Л. О времени и о себе // Отечественная история. 2005. № 6. С. 196.

⁶⁰ Обстоятельный анализ современных тенденций в отечественной историографии истории Государственной думы см.: Могилевский, К.И., Циунчук, Р.А., Шелохаев, В.В. Государственная дума России как историографическая проблема // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 3—17; Лукоянов И.В. Современная российская историография Государственной думы (наблюдения) // Таврические чтения 2007: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. Научно-практический семинар 11 декабря 2007 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2008. С. 181—194; Николаев А.Б. IV Государственная дума и Февральская революция в новейшей отечественной литературе // Там же. С. 195—210.

временниками процесса становления парламента в сегодняшней России. Собственный политический опыт позволяет иначе взглянуть на прошлое, усиливает скепсис по отношению ко многим стереотипам советской историографии.

Сегодняшнее состояние историографии парламентской истории России начала XX в. таково, что приращение знания в рамках данного направления связано не только и уже не столько с введением в научный оборот новых отдельных фактов. На первый план выходит потребность в современных, базирующихся на междисциплинарном синтезе интерпретациях политического процесса в последнее для Российской империи десятилетие, в том числе и в парадигме новой политической истории, предполагающей смещение акцентов с институциональной составляющей политики на антропологическое объяснение феномена политического.

Таврические чтения 2012

**Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность**

Международная научная конференция

Часть первая

Дизайн обложки и иллюстраций *Метеличенко Г.В.*
Компьютерная верстка *Поповой Н.В.*

Подписано к печати 11.11.13. Формат 70х100 1/16.
Печ. л. 19,5. Усл. печ. л. 25,4. Тираж 200 экз. Заказ 178

Отпечатано методом оперативной полиграфии
в ООО «Издательство «ЭлекСис», СПб, Новочеркасский пр., д. 1